

Б. В. Долгов

ИСЛАМИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

В АЛЖИРЕ И ТУНИСЕ

1970–2017 гг.

URSS

К 200-летию

Института востоковедения РАН

Б. В. Долгов

ИСЛАМИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В АЛЖИРЕ И ТУНИСЕ

1970–2017 гг.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Р. Г. Ланда

URSS

МОСКВА

Долгов Борис Васильевич**Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970–2017 гг. /**

Отв. ред. Р. Г. Ланда. — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 300 с.

Монография посвящена важной и актуальной теме — развитию исламистского движения (или движения политического ислама) в Алжире и Тунисе, одних из наиболее значимых арабских стран, в период 1970–2017 гг. Исламистская доктрина государства и власти, базировавшаяся на концепции развития мусульманского общества по «исламскому пути» на основе сохранения исламской идентичности и исламских ценностей, пользовалась значительной поддержкой у части мусульман. Она должна была стать альтернативой обанкротившимся, согласно риторике исламистов, концепциям: как социалистической ориентации, так и западной либеральной, чуждых, как считали исламистские идеологи, мусульманским ценностным ориентирам и традициям. Исламистские движения значительно усилили свое влияние на волне социальных протестов «Арабской весны», приведших к краху правящих режимов в ряде арабских стран, и прежде всего в Тунисе, в котором начался революционный протест, ставший своеобразной искрой, из которой разгорелось пламя «Арабской весны», распространившейся на арабо-мусульманский мир. В то же время Алжир показал пример устойчивости к «весенним ветрам» арабских революций, что во многом было обусловлено сложившимся в алжирском обществе иммунитетом к джихадистским лозунгам, полученным в период длительного вооруженного противостояния с радикальным исламизмом.

Монография написана на основании широкого круга источников и научной литературы, в том числе изученных автором в алжирских, тунисских и французских научных центрах, и материалов, полученных в ходе участия в научных конференциях, консультациях и дискуссиях с известными исследователями Ж. Кепелем, Ф. Бюрга, Ж.-П. Филью, Ф. Фрегози, Ф. Хосроховаром, Дж. Бовеном. Вместе с тем в работе нашли отражение личные впечатления автора от посещений Алжира и Туниса и материалы, полученные в ходе встреч и бесед с представителями алжирских и тунисских религиозных, государственных, политических, правозащитных и общественных организаций, журналистами и деятелями культуры.

Работа адресуется арабистам — историкам, исламоведам, политологам, а также экспертам по социально-политическому развитию мусульманских сообществ и движений политического ислама.

Рецензенты: заместитель директора Института востоковедения РАН, д-р ист. наук *В. Я. Белокреницкий*; ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, д-р ист. наук *В. В. Орлов*

ООО «ЛЕНАНД». 117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 11А, стр. 11.
Формат 60×90/16. Печ. л. 19. Зак. № 128406

Отпечатано в АО «Т 8 Издательские Технологии».
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5.

ISBN 978-5-9710-5330-9

© ЛЕНАНД, 2018

23270 ID 236665

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru
	Тел./факс (многоканальный): + 7 (499) 724 25 45
	URSS

Содержание

Введение	6
Глава 1. Теоретические основы и идеологическая база исламистского движения	8
1. Дефиниции и понятийный аппарат	8
2. Теоретическое обоснование «исламского пути»	9
3. Идеологическая база	11
4. Исламистские идеологи и их концепции	12
Глава 2. Алжирское общество и исламистское движение в 1970–2017 годах	37
1. Эволюция исламистского движения в Алжире в 1970–1980-х годах	37
2. Формирование и развитие исламистского движения в Алжире в конце 1980-х – начале 1990-х годов	59
3. Вооруженное противостояние радикальной исламистской оппозиции с властями в 1992–2000-х годах	123
4. Социально-политическое развитие Алжира и исламистское движение в 2000–2017 годах	166
Глава 3. Общественно-политическое развитие Туниса и исламистское движение в 1970–2017 годах	186
1. Политика секуляризма и исламистское движение в 1970–1980-х годах	186
2. Тунисское общество и исламистское движение в 1980–2010-х годах	200
3. Социально-политическое развитие тунисского общества в 2010–2017 годах: «арабская весна» и исламистское движение	214
Заключение	253
Библиография	269

Введение

Идеология исламского фундаментализма и исламского возрождения (*ан-нахда аль-исламийя* — араб. яз.), провозглашавшая возврат к «подлинному исламу» времен Пророка Мухаммеда и четырех «праведных халифов» (*аль-хулафаа ар-рашидун*) и исповедовавшие ее исламистские движения в 1970–2017 годах испытали значительный подъем как в арабо-мусульманском мире, так и в мусульманских диаспорах Западной Европы. Исламистские движения в этот период играли существенную роль в общественно-исторической динамике Алжира и Туниса. Исламистская доктрина государства и власти, базировавшаяся на концепции развития мусульманского общества по «исламскому пути» на основе сохранения исламской идентичности и исламских ценностей, пользовалась значительной поддержкой у части мусульман. Она должна была стать альтернативой обанкротившимся, согласно риторике исламистов, концепциям как социалистической ориентации, так и западного либерализма, чуждым, как считали исламистские идеологи, мусульманским ценностным ориентирам и традициям.

Исламистские движения значительно усилили свое влияние в ходе социальных протестов «арабской весны» 2010–2013 годов, приведших к краху правящих режимов в ряде арабских стран и, прежде всего, в Тунисе, в котором начался первый революционный протест, ставший своеобразным факелом, из которого разгорелось пламя «арабской весны», распространившейся на арабо-мусульманский мир. В то же время Алжир показал пример устойчивости к «весенним ветрам» арабских революций, что во многом было обусловлено сложившимся в алжирском обществе иммунитетом к джихадистским лозунгам, полученным в период длительного вооруженного противостояния с радикальным исламом в 1992–2000-е годы. Каждое из мусульманских обществ Алжира и Туниса показало свой вариант развития. Причем каждый вариант имел как свои специфические особенности, так и общие черты, а также элементы, характерные для развития исламистского движения в целом.

В свою очередь в Западной Европе, прежде всего во Франции, имеющей самое многочисленное европейское мусульманское сообщество, большинство которого состоит из выходцев из Магриба, в основном из Алжира и Туниса, обладающих зачастую наряду с французским, также гражданством данных стран, происходило усиление роли ислама в рели-

гиозной и социокультурной сферах. При этом часть европейских мусульман стремилась сохранить свою исламскую идентификацию. На фоне нарастания социально-экономических проблем в странах Западной Европы, затрагивавших в первую очередь мусульманское сообщество, и ряда внешних факторов среди части европейских мусульман получила распространение исламистская идеология, в том числе ее радикальные течения.

Исламистское движение в процессе своего развития стало одним из наиболее важных факторов, влияющих на историческую динамику не только мусульманского мира, но и на социально-политические и социокультурные процессы, происходящие в странах, где представлены мусульманские сообщества. Политический ислам и в будущем, на наш взгляд, продолжит играть значительную роль в общественно-исторической эволюции мусульманских регионов, а также оказывать серьезное влияние на глобальные процессы исторического развития в целом. В этой связи выявление и анализ всей совокупности исторических, религиозных, социально-экономических, политических и цивилизационных факторов, способствовавших возникновению и развитию исламистского движения в арабо-мусульманских странах, представляется весьма актуальным и важным.

Тезисы и материалы исследования были представлены автором в докладах на научных конференциях в российских востоковедных вузах, а также в научных центрах ряда арабских и европейских стран в ходе научных командировок в 2009–2016 гг.

Глава 1

Теоретические основы и идеологическая база исламистского движения

Исламистское движение, выдвигающее концепцию сохранения исламских ценностей и исламской идентичности, как неперемненное условие развития мусульманского общества по «исламскому пути», получило широкое распространение в 1970-х – 2015 гг. в арабо-мусульманском мире и, в достаточной степени, в мусульманских сообществах Западной Европы, в частности, во Франции. Этот процесс, прошедший ряд этапов, продолжает свое развитие.

1. Дефиниции и понятийный аппарат

Для научного рассмотрения и анализа феномена исламистского движения необходимо, прежде всего, определить дефиниции и понятийный аппарат. В тоже время, как справедливо отмечал видный отечественный исследователь В. В. Наумкин, научное освоение существующих в современном исламе течений, доктрин и движений осложнено именно нерешенностью вопроса дефиниций. Тем не менее, представляется возможным изложить основные базовые аспекты понятийного аппарата, которые в достаточной степени разработаны. Так, понятие *исламский фундаментализм* можно рассматривать, как религиозное явление, означающее обращение к истокам ислама и строгое соблюдение правил и норм, изложенных в Коране и Сунне, в повседневной жизни и общественной практике. Вместе с тем в этом же смысле возможно употребление термина *салафизм*, который В. В. Наумкин рассматривал, как «наиболее адекватно объясняющим явление. Главной для *салафизма*, от араб. *салаф* „праведный предок“ (что собственно и делает его „фундаментализмом“), является мысль о том, что на протяжении веков ислам искажался, в него все время привносились новые элементы, в том числе противоречащие исконному исламскому учению. И чтобы „очистить“ мусульманскую религию, необходимо вернуть ее к тому состоянию, в каком она находилась в эпоху Пророка Мухаммеда и четырех „праведных халифов“ (*аль-хулафа ар-рашидун*) — Абу Бакра, Омара, Османа и Али. *Салафизм* должен употребляться, как общий термин для обозначения всех фундаменталистских те-

чений в исламе. Естественно, что в рамках салафизма могут существовать другие, дробные деления, выделяться те или иные оппозиции (джихадистский — неджихадистский, консервативный — обновленческий), — тем не менее, — джихадистская и не джихадистская версии салафизма объединены доктринальной концепцией *такфира* — обвинении в безбожии (*куфре*), анафеме, являющейся оправданием жестких карательных акций против мусульман-отступников, которые, хотя бы и в незначительной степени, отошли от практики, предписанной шариатом»¹.

Исламизм, по своей сути, — политическое явление. Он представляет собой идеологию исламистского движения — массового (в некоторых мусульманских странах) политического движения, стремящегося положить в основу процесса общественного развития нормы и догмы первоначально-го ислама². Термин «исламизм» указывает на приверженность идее введения шариата, как закона, определяющего жизнь современных исламских обществ. Термин *политический ислам*, особо часто применяемый, имеет в виду, что «в обозначаемом им явлении религия не отделима от политики, и это находит свое отражение в концепции исламского государства»³. Политический ислам, то есть использование ислама в политических целях, как подчеркивал видный российский востоковед Р. Г. Ланда, «есть определенная стадия социополитического развития мира ислама, последовавшая вслед за панисламизмом XIX века и национализмом первой половины XX века»⁴. В тоже время термин *исламизм* использовался, как отмечал В. В. Наумкин, в социологической концепции «Теория социального движения» (ТСД) «для обозначения исламских школ и движений, которые ориентированы на решение политических задач, в основе их концепций лежит тесная связь между религией и политикой»⁵.

2. Теоретическое обоснование «исламского пути»

Одним из основных теоретических обоснований исламистских идеологов о необходимости и без альтернативности выработки «исламского пути» для развития мусульманского общества является утверждение о том,

¹ Наумкин В. В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Восток (Oriens). Российская Академия наук. Институт востоковедения. Институт Африки. М.: Наука. 2006. № 1. С. 3–7.

² Коровиков А. В. Исламский экстремизм в арабских странах. М., 1991. С. 9.

³ Наумкин В. В. Указ. соч. С. 6.

⁴ Ланда Р. Г. Международный форум востоковедов и африканистов в СПбГУ // Восток (Oriens). М., 2006. № 4. С. 156.

⁵ Наумкин В. В. Исламизм, этничность и конфликты: о роли символической политики // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. М., 2009. № 1. С. 10.

что западное общество, по их мнению, находится в состоянии морального упадка и духовного кризиса. Согласно исламистским убеждениям, «либеральные концепции способствовали формированию общества, где проповедуется эгоизм и неограниченная свобода. В таких условиях человек может предаться самым низменным страстям, присущим его животной природе и инстинктам. Тем самым общество, в котором он существует, обрекается на деградацию и смуту»⁶. Реальная же свобода, согласно риторике исламистов, существует только в исламском обществе, где мусульманин добровольно ограничивает свою свободу подлинно справедливыми и разумными, по мнению сторонников исламизма, законами шариата, действующими в интересах всей мусульманской *уммы* (сообщества — араб. яз.). На основании этого делается вывод о неизбежности и необходимости выработки «исламской альтернативы», как закономерной ответной реакции мусульман на кризис либерализма и западного общества в целом. «Исламский путь», как заявляют его проповедники, представляет собой такое общественное развитие, в котором идеологической основой будут являться исламские ценности, а форма жизнеустройства станет базироваться на законах Корана и шариата. При этом утверждается, что именно при таком развитии мусульманского общества основными правами его членов, утверждаемыми шариатом, станут «право на жизнь, на веру, на защиту чести и достоинства, на собственность, на выражение своего мнения, на равенство возможностей, на образование, на труд, на проповедь добра и недопущение зла»⁷. Таким образом, согласно риторике исламистских идеологов, в созданном «исламском государстве» будут решены все социально-экономические проблемы и восторжествует «исламская социальная справедливость». В этой связи необходимо отметить, что «ключевыми в исламском вероучении являются идеи справедливости и равенства, создание общественной системы перераспределения доходов через *закят*⁸, *садака*⁹ и другие механизмы»¹⁰. При этом идея справедливого миропорядка отражена в Коране

⁶ Мадани Аббаси. Азмят аль-фикр аль-хадис ва мубаррират аль-халль аль-ислямий (Кризис современной мысли и оправдание исламского решения). Алжир, 1409/1989. С. 20.

⁷ Там же. С. 72.

⁸ Закят — налог в пользу нуждающихся мусульман. Мусульманские правоведы толкуют этот термин как «очищение», т. е. уплата налога «очищает», делает безгрешным пользование богатством, с которого он уплачен. См. Ислам. Указ. соч. С. 74.

⁹ Садака (искреннее даяние — араб. яз.) — милостыня, являющаяся нормой, закрепленной в Коране. Принимать садаку имеет право только тот, кто сам не в состоянии ее давать, иначе это наказывается, как вымогательство. Садака может даваться деньгами, пищей, одеждой, предоставлением услуг и жилья, прощением долга и обязательства. См. Ислам. Указ. соч. С. 202.

¹⁰ Наумкин В. В. Ислам и мусульмане: культура и политика. Российская Академия наук. Институт востоковедения, МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва — Нижний Новгород. Издательский дом «Медина». 2008. С. 690.

[4:(134)135]¹¹ и присуща в определенной мере мусульманской традиции. В свою очередь во Всеобщей исламской декларации прав человека, принятой в 1981 г. Организацией Исламская конференция, провозглашалось, что «любой человек не только имеет право, но и обязан протестовать против несправедливости»¹².

3. Идеологическая база

Идеологической базой исламистского движения является исламский фундаментализм и исламистские концепции его идеологов. В подтверждение своих доктринальных установок исламисты использовали труды известных мусульманских деятелей различных эпох. Наиболее радикальные сторонники «исламского пути», считавшие *джихад*¹³ единственным способом достижения своей цели, достаточно часто цитировали высказывания видного мусульманского деятеля, *салафита*¹⁴ *ханбалитского мазхаба*¹⁵ Таки ад-Дин Ахмада Ибн Таймийи (1263–1328). В одной из своих фетв (религиозных посланий) он подтверждал на основании аята 49 Суры 5 Корана¹⁶

¹¹ Сура 4. Женщины (ан-Ниса — араб. яз), аят (134) 135: О, вы, которые уверовали! Будьте стойки в справедливости, свидетелями перед Аллахом, хотя бы и против самих себя, или родителей, или близких; будь то богатый или бедный. См. Коран. Перевод И. Ю. Крачковского. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 68.

¹² Цит. по: Динамика исламского фактора в социально-политических процессах арабских стран // Ближний Восток и современность. Сборник статей. Вып. 41. Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока. М., 2010. С. 17.

¹³ Джихад (ар.: усилие) — первоначально под джихадом понималась борьба в защиту и за распространение ислама. В разработанных позднее *факихами* (мусульманскими правоведами) концепциях термин *джихада* наполняется новым содержанием: проводятся различия между «джихадом сердца» (борьба с собственными дурными наклонностями), «джихадом языка» (повеление одобряемого и запрещение порицаемого), «джихадом руки» (принятие дисциплинарных мер в отношении преступников и нарушителей норм нравственности) и «джихадом меча» (вооруженная борьба с неверными, падежу в которой уготовано вечное блаженство в раю). Термин «джихад» без дальнейших уточнений обычно означает вооруженную борьбу с неверными во имя торжества ислама. См. Ислам. Энциклопедический словарь. М., Наука. 1991 г. С. 66.

¹⁴ Салафиты (*салаф* — праведный предок, предшественник) — общее название мусульманских религиозных деятелей, которые в различные периоды истории ислама выступали с призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины, «справедливых предков». См. Ислам. Указ. сочинен. С. 204.

¹⁵ Мазхаб (богословско-правовая школа, толк — араб. яз.) — мазхабом называют прежде всего четыре основные богословско-правовые школы — ханафитов, маликитов, шафитов и ханбалитов. Позже к ним добавился пятый «канонический» мазхаб — богословско-правовая школа имамитов-джаафаритов, в настоящее время — государственная правовая система Ирана. См. Ислам. Указ. сочинен. С. 152.

¹⁶ Аят 49 Суры 5 (Аль-Маида — Трапеза (араб. яз.)) гласит: «И предписали Мы им... что душа — за душу, и око — за око... А кто судит не потому, что низвел Аллах, те — несправедливы». Коран. Пер. И. Ю. Крачковского. М., 1990. С. 78.

необходимость создания исламского государства и «объявления джихада правителю тирану, управляющему государством не в соответствии с шариатом»¹⁷. Однако необходимо отметить, что практически во всех сурах Корана, санкционирующих вооруженный джихад (джихад меча), подчеркивается его исключительно защитная цель, как оборона от внешней агрессии, совершенной против мусульман. Так, например в суре Аль-Хадж говорится: «Тем, кто подвергался нападению, кто претерпевал притеснения, дозволено сражаться. Беззаконно изгнаны они из жилищ своих только за исповедание Аллаха единым господом их» (22:39–41)¹⁸.

4. Исламистские идеологи и их концепции

Наиболее известными современными исламистскими идеологами являлись такие, как Хасан аль-Банна (1906–1949), основатель египетской ассоциации «Братья-мусульмане»¹⁹, Сейид Кутб (1906–1966), ее теоретик и идеолог, Абу аль-Аля Аль-Маудуди (1903–1979), основатель исламистской партии «Джамаат и ислями» (Исламская группа)²⁰ в Пакистане, Хасан ат-Тураби (1932–2016), основатель и идеолог суданского исламистского движения «Национальный исламский фронт», Малек Беннаби (1905–1973), известный идеолог алжирского исламизма, Аббаси Мадани (род. 1931), основатель и первый руководитель алжирского «Исламского фронта спасения» (ИФС).

Продолжают действовать такие исламистские деятели, как Али Бенхадж (род. 1956), один из основателей алжирского исламистского движения, бывший вице-президент ИФС, Рашид Ганнуши (род. 1942), идеолог и создатель тунисской исламистской партии «Нахда» (Возрождение), Юсеф аль-Кардауи (род. 1926), видный египетский исламистский идеолог, проживающий в Катаре, Тарик Рамадан (род. 1962), внук Хасана аль-Банна, один из создателей и теоретиков концепции европейского ислама, проживающий в Швейцарии, а также Тарик Убру (род. 1959), имам-ректор мечети в г. Бордо (Франция), видный идеолог французского мусульманского сообщества.

Одним из основополагающих тезисов исламистской концепции является положение о том, что исламские каноны, правила жизни устройства, моральные и этические принципы, изложенные в Коране и Сунне, приемлемы для всех времен и народов. Утверждается, что «ислам универсален по отношению к любому времени и месту, исламские доктрины,

¹⁷ Цит. по: Коровиков А. В. Исламский экстремизм в арабских странах. М., 1990. С. 53.

¹⁸ См. суры Корана 22:39–41 и 2:190, подобранные профессором Тауфиком Ибрагимом в ст. Вперед к кораническому исламу // Восток. М., 2006. № 4. С. 73.

¹⁹ Террористическая организация, запрещена в РФ.

²⁰ Террористическая организация, запрещена в РФ.

законы и этические нормы являются мощным стимулом развития в любую эпоху»²¹. Ключевым пунктом идеологической доктрины исламистского движения является также тезис о развитии мусульманского общества в рамках «исламского государства» (*дауля исламийя* — араб. яз.). Его доктрина берет за основу ранний и «подлинный», по мнению ее основателей, ислам времен Пророка Мухаммеда и четырех «праведных халифов» (первые халифы, правившие после Пророка Мухаммеда — Абу Бакр, Омар, Осман и Али — VII в. н. э.). По мнению исламистских идеологов, созданное на данной основе «исламское государство» разрешит все социально-экономические проблемы и в нем восторжествует «исламская социальная справедливость». Согласно риторике исламистов, государство, основанное на Коране и шариате, «ниспосланных Аллахом», будет самым справедливым в мире. О необходимости создания «исламского государства» заявляли в той или иной форме все современные исламистские идеологи.

Среди основоположников данной доктрины, а также основателей современного исламистского движения, или «политического ислама», можно выделить таких выше упоминавшихся видных мусульманских деятелей, как, Хасан аль-Банна, Сейид Кутб и Абу аль-Аля Аль-Маудуди.

Хасан аль-Банна²², создатель, идеолог и первый глава египетской ассоциации «Братья-мусульмане», одной из наиболее влиятельных и массо-

²¹ Hami Faris A. *Heritage and Ideologies in Contemporary Arab Thought: Contrasting views of Change and development*// Journal of the Economic and Social History of the Orient, Leiden, 1986. T. 21. № 1–2. P. 91.

²² Хасан ибн Ахмад ибн Абд ар-Рахман аль-Банна (1906–1949) родился в г. Махмудия, расположенном в дельте Нила в Египте в религиозной мусульманской семье. Его отец после обучения в старейшем и самом известном мусульманском университете Аль-Азхар, был проповедником и чтецом Корана в местной мечети. В возрасте 16 лет в 1923 году, Хасан аль-Банна закончил педагогическую школу и поступил в институт «Дар-аль-Улум» (Дом наук), основанном в 1873 г. в Каире. На формирование мировоззрения Хасана аль-Банна значительное влияние оказало также суфийское учение, в особенности труды суфийского философа Аль-Газали. Под их влиянием в этот период Хасан аль-Банна вступил в суфийское братство «Хасафийя». В период учебы в Каире Хасан аль-Банна познакомился с трудами видных деятелей исламского реформаторского салафитского движения Мухаммедом Абдо и Рашидом Ридой, которые также оказали значительное влияние на его взгляды. По окончании института «Дар аль-Улум» Хасан аль-Банна с 1927 г. работал в качестве преподавателя в народной школе г. Исмаилия, в которой получали среднее образование рабочие Компании Суэцкого канала. Эту должность он занимал до 1946 г. В 1928 г. вместе с шестью рабочими данной Компании Хасан аль-Банна создал ассоциацию «Братья-мусульмане» для распространения исламских духовных и моральных ценностей и поддержки мусульманских благотворительных акций, а также, как заявляли «Братья», для борьбы против «капиталистической эксплуатации и западного влияния». В 1930-е годы «Братья» пропагандировали салафитскую доктрину возврата к духу первоначального ислама и учреждению исламского порядка. Хасан аль-Банна в 1936 г. с этой целью обращался к египетскому королю

вых исламистских организаций арабо-мусульманского мира, провозглашал конечной целью ее деятельности исламизацию общества и создание исламского государства. Основой идеологической доктрины «Братьев» Хасан аль-Банна провозглашал «салафитский призыв, суннитский путь и суфийскую истину»²³. В то же время «Братья» выступали с лозунгом мусульманского единства, интерпретируя его не только, как сплоченность членов своего движения, но и единения салафитской и *суфийской* мусульманских школ, а также различных мазхабов суннизма во имя единства всей мусульманской уммы и возрождения халифата на основе принципа «братства в Аллахе»²⁴. Идеологи «Братьев» привлекали в свою организацию известных мусульманских богословов различных мазхабов, активно используя право *иджтихада*²⁵. При этом необходимо отметить, что в целом для традиции египетского ислама не характерно господство какого-либо одного мазхаба. Теологи «Братьев» активно разрабатывали идеологическую и правовую доктрину движения. Так, один из видных *факихов* (мусульманских правоведов) Египта Абд аль-Кадир Ауада, выпускник Аль-Азхара, член руководства «Братьев» являлся автором трех известных работ по мусульманскому праву — «Уголовное законодательство в исламе», «Финансы и власть в исламе», «Ислам и наше положение с законодательством»²⁶. В начале 1940-х гг. Хасан аль-Банна обозначил основные этапы программы-максимум «Братьев-

и другим главам арабских государств в своем трактате «Отъезд к свету». Хасан аль-Банна выступал также за вооруженный, наступательный джихад против тех противников ислама, которые сами использовали вооружённую силу. Созданная Хасаном аль-Банной организация быстро росла и распространяла свое влияние в мечетях, профсоюзам и даже в армии. В структуре «Братьев-мусульман» была также создана секретная боевая организация. В 1948 г. в связи с обвинениями в причастности к террористическим актам деятельность организации «Братьев-мусульман» была запрещена. В то же время в декабре 1948 г. жертвой теракта в Каире, в котором обвинили «Братьев-мусульман», пал премьер-министр Египта Махмуд Фахи ан-Накраши. В феврале 1949 г. Хасан аль-Банна был застрелен неизвестным убийцей, который так и не был найден. После его гибели во главе «Братьев-мусульман» встал один из его ближайших соратников Хасан аль-Худейби.

²³ Хасан аль-Банна. Музакират ад-даава ва ад-даийя (Меморандум призыва и проповеди — араб. яз.). Каир, 1986. С. 120, 124.

²⁴ Аль-Хатыб М. Ухувва фи л-ллах (Братство в Аллахе — араб. яз.). Каир, б. г. С. 47.

²⁵ Иджтихад (усердие — араб. яз.) — деятельность мусульманского богослова в изучении и решении вопросов богословско-правового комплекса, система принципов, аргументов, методов и приемов, используемых им при этом исследовании, а также степень авторитетности самого богослова (*муджтахид* — араб. яз.) в знании, интерпретировании и комментировании богословско-правовых источников — См. Ислам. Указ. соч. С. 91.

²⁶ Цит. по: Ражбадинов М. З. Умеренный исламизм в Египте. На примере деятельности организации «Братья-мусульмане». Институт востоковедения РАН. Издательство «Русский язык» 2006. С. 81.

мусульман». Первый был определен, как «мусульманин — мусульманский дом — мусульманская нация». На последующем этапе сформировавшееся мусульманское общество создает исламское правительство и исламское государство. Затем на базе исламской государственности должно быть достигнуто обще исламское единство и заключительный этап предполагал исламский призыв ко всему человечеству²⁷.

В структуре «Братьев» на нелегальной основе действовали также вое-низированные группы. Хасан аль-Банна большое внимание уделял созданию горизонтальной сети организации, включавшей в себя политические структуры, благотворительные организации, мечети, различные объединения по профессиям, возрасту, интересам. Таким образом, Хасан аль-Банна пытался создать некую модель «исламского государства» на уровне, который сейчас принято называть гражданским обществом. В организации сочетались принципы построения суфийских орденов и современной политической партии. Хасан аль-Банна характеризовал движение «Братьев-мусульман», как «основанное на салафизме, суфизме и социальной идее, под лозунгом: Аллах — наш идеал, Пророк — наш вождь, Коран — наша конституция»²⁸. Преимуществом этой идеологической доктрины «Братьев-мусульман» проявилась на современном этапе, когда данный лозунг в период «арабской весны» после краха в Египте режима Мубарака, почти дословно был повторен ставленником «Братьев-мусульман» Мухаммедом Мурси перед президентскими выборами в июне 2012 г. Однако после своей победы на выборах Мурси отказался от членства в организации «Братья-мусульмане» и объявил себя «президентом всех египтян». Тем не менее, исламизация египетской общественно-политической жизни, предпринятая руководством Мурси, вызвала протест большинства общества и отстранение в 2013 г. Мурси от власти армией, которую за исключением «Братьев-мусульман» поддерживали все политические партии, муфтий Египта и коптский патриарх. Таким образом, исламистский проект, который пытались осуществить в Египте «Братья-мусульмане», потерпел крах.

Что касается Сейида Кутба²⁹, то он являлся виднейшим идеологом и теоретиком, как «Братьев-мусульман», так и всего исламистского движе-

²⁷ Цит. по: Баюми З. С. Аль-ихван аль-муслимун ва ль-джамаат аль-исламия фи ль-хаят ас-сиясийя аль-мисрийя 1928–1948. Каир, 1991. С. 178–180, 231.

²⁸ Hasan al-Banna (1906–1949). URL: <http://www.islamtimes.org/en/doc/article/3884> (Дата обращения — 8.04.2016).

²⁹ Сейид Кутб (1906–1966) родился в Верхнем Египте в знатной, но обедневшей семье. В 1920 г. Сейид Кутб переезжает в Каир, где получает педагогическое образование, обучаясь в колледже и в институте Дар аль-улюм. После завершения обучения он несколько лет работает учителем, затем в Министерстве просвещения. В 1930-х гг. началась его общественно-политическая деятельность. Он состоял членом партии «Вафд» (Делегация), затем вышел из нее. Поворот в сторону ислама в воззрениях С. Кутба про-

ния и его идеологической концепции, так называемого, «исламского возрождения» (*нахда ислямийя* — араб. яз.), а также доктрины «исламского государства». Фанатичная убежденность Сейида Кутба в без альтернативности «исламского пути» для мусульманского общества, незаурядный литературный и полемический талант и «мученическая смерть»³⁰ превратили его в одну из наиболее харизматических фигур в среде последователей исламистского движения. Сочинения Сейида Кутба, публикуемые значительными тиражами и переведенные на многие языки мира, составляют один из главных элементов современной исламистской идеологической и пропагандистской базы. Перу Сейида Кутба принадлежит целый ряд книг, в которых развивались различные аспекты идеологии «исламского возрождения» и развития мусульманского общества. Согласно концепции С. Кутба целью мусульман являлось «спасение человечества и его очищение от скверны, в которой оно пребывает в день, когда все человечество узнает пророчество Аллаха»³¹. Наиболее фундаментальным трудом Сейида Кутба, озаглавленным «Под сенью Корана» (*Фи зилаль аль-Куран* — араб. яз.), стало толкование (*тафсир* — араб. яз.) всего текста Корана, развернутое в шести томах. В нем одной из концептуальных идей Сейида Кутба является утверждение, что ислам представляет собой «последнее послание, всеобъемлющее, совершенное и предназначенное для всех жи-

изошел после провозглашения в 1948 г. государства Израиль, что С. Кутб расценил как анти арабские действия. Укреплению фундаменталистских взглядов С. Кутба способствовало его пребывание на стажировке по направлению Министерства просвещения Египта в США в 1948–1950 гг., где американская действительность, как ее воспринимал С. Кутб, не соответствовала его мусульманским ценностным ориентирам. По возвращению в Египет С. Кутб в 1951 г. вступает в ассоциацию «Братья-мусульмане» и вскоре выдвигается в качестве одного из ведущих ее идеологов. С. Кутб являлся членом Руководящего бюро, возглавляя Отдел исламской пропаганды, был редактором газеты, издававшейся «Братьями-мусульманами» и автором большого числа пропагандистских публикаций. Наряду с этим перу С. Кутба принадлежит целый ряд фундаментальных трудов — «Под сенью Корана», «Социальная справедливость в исламе», «Битва ислама и капитализма», «Вехи на пути». После антимонархической революции 1952 г. «Братья-мусульмане» поддержали революционный режим Гамалы Абделя Насера и С. Кутб становится советником по культуре при новом руководстве Египта. Однако вскоре в виду идеологических расхождений «Братья-мусульмане» встают в оппозицию правящему режиму. В 1954 г. власти обвиняют «Братьев» в попытке покушения на Г. А. Насера, запрещают их деятельность и производят аресты членов руководства. В числе арестованных оказался и С. Кутб, который провел в тюрьме практически весь остаток жизни вплоть до своей казни через повешение в 1966 г.

³⁰ Хрестоматия по исламу. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994 г. С. 81.

³¹ Сейид Кутб. Нахва муджтамаа ислямий. Дар аш-шурук. Аль-Кахира. Миср. Атабаа ас-селисата апар. 2008. С. 12 (Сейид Кутб. К исламскому обществу. Издательство Дар аш-шурук. Каир, Египет. Тринадцатое издание. 2008. С. 12).

вущих на земле... им предоставлена последняя возможность выбора между верой и спасением, с одной стороны, и неверием и гибелью — с другой»³². Создавая свой труд С. Кутб опирался на работы таких виднейших мусульманских деятелей, как Аль-Бухари (ум. в 870 г.), Муслим (ум. в 875 г.), Ат-Табари (ум. в 923 г.), Ибн Касир (ум. в 1373 г.). Вместе с тем С. Кутб использовал при написании данной работы самые различные материалы — от стихов Омара Хайяма до научных публикаций Джулиана Хаксли (1887–1975), видного английского биолога и философа, одного из создателей современной синтетической теории эволюции³³. В другой своей, не менее известной книге «Битва ислама с капитализмом»³⁴, Сейид Кутб конкретизировал некоторые положения, касающиеся создания исламского государства. В частности, он выделял такую его структуру, как Консультативный совет (*Меджлис аш-шура* — араб. яз.), который он считал самым важным органом исламского государства, куда должны выбираться лучшие представители мусульманской уммы. По мнению Сайида Кутба, «Меджлис аш-шура должен главенствовать над исполнительной властью и призван контролировать ее деятельность, будучи выразителем волеизъявления всей уммы»³⁵.

В то же время Сейид Кутб проповедовал радикальный, джихадистский путь создания «исламского государства». В своей работе «Вехи на пути»³⁶, которую отечественный исследователь А. В. Коровиков справедливо характеризует, как квинтэссенцию его учения, Сейид Кутб развивал концепцию двух стадий развития, по его мнению, «истинно исламского общества», а также теорию построения исламского государства, как «воплощения высшей власти Аллаха» (*хакимийя* — араб. яз.) и джихада, как пути создания такого государства. Сейид Кутб утверждал, что «джихад — война не оборонительная, а наступательная. Ислам обязан атаковать „джахилийю“³⁷ независимо от того, угрожает она ему или нет»³⁸. Концеп-

³² Сейид Кутб. Под сенью Корана (перевод с арабского). Издательский дом «Умма». Москва, 2003. С. 392.

³³ Хрестоматия по исламу. Пер. с арабского. X91 введ. и примеч. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 82.

³⁴ Сейид Кутб. Мааракат аль-ислам ва-р-раасмалийя. Каир, 1951.

³⁵ Cit. on: Mitchell Richard P. The Society of the Moslem Brothers. London., 1969. P. 246.

³⁶ Сейид Кутб. Маалим фи т-тарик. Дели, 1981.

³⁷ Джахилийя (невежество, язычество — араб. яз.) — эпоха язычества. Обозначение времени до ислама и религиозного состояния жителей Аравийского полуострова до прихода Пророка Мухаммеда. В соответствии с концепцией Сейида Кутба, в состоянии джахилийи пребывает весь мир. Причем, не только страны, где господствовал, по словам С. Кутба, «материалистический коммунизм» или «торгашеский капитализм», но и мусульманские страны, где, по мнению С. Кутба, принципы ислама искажены. На этом тезисе строили свои доводы сторонники наиболее экстремистского направления исла-

цию джахилийи и необходимости джихада против нее исповедовали в различных частях исламского мира экстремистские исламистские группировки, в частности, *кутбисты* (последователи Сейида Кутба) и *такфиристы*³⁹ в Алжире. Симптоматично, что первыми, кто в Алжире провозгласил своей целью создание исламского государства и объявил джихад правящему режиму, были члены, созданной в начале 1980-х гг. алжирским радикальным исламистом Мустафой Буали, исламистской организации «Читатели Сейида Кутба», переименованной затем в «Вооруженное алжирское исламское движение».

Абу аль-Аля Аль-Маудуди (1903–1979)⁴⁰ в своей концепции исламской государственности определял главную цель «исламского государства», как воплощение заповедей Аллаха, а не реализации воли народа. Критикуя, как капиталистическую, так и социалистическую модель общественного развития, он, тем не менее, признавал право частной собственности и необходимость социальной справедливости. Ее осуществление Мау-

мистского движения, считавшие, что «джахилийский характер» части современного мусульманского общества требует отказа от общения с ним, как с неверующими и борьбы против его властей предрешающих. В то же время более умеренные исламисты утверждали, что Сейид Кутб, говоря о мусульманских странах, вкладывал в понятие джахилийи, прежде всего, морально-просветительский смысл.

³⁸ Cit. on: Hami Faris A. «Heritage and Ideologies in Contemporary Arab Thought: Contrasting views of Change and development», Journal of the Economic and Social History of the Orient, Leiden, 1986. Т. 21. № 1–2. Р. 92.

³⁹ *Такфир* (обвинение в неверии — араб. яз.) — анафемизация в исламе. Такфиристы обвиняют в неверии всех, в том числе мусульман, не разделяющих их взгляды.

⁴⁰ Абу аль-Аля Аль-Маудуди (1903–1979) родился в индийском штате Хайдарабад в семье потомков Ховаджы Кутб ад-дин Маудуд аль-Чишти, одного из руководителей мусульманского дервишеского ордена Чиштийя. Маудуди получил домашнее и незаконченное кораническое образование в хайдарабадском институте Дар аль-улум (Дом наук). С 1918 по 1924 г. Маудуди работал в качестве редактора в религиозно-политических изданиях Тадж и Муслим, а с 1924 по 1927 в Аль-Джамийя, органе Джамият-и Улама-и-Хинд, организации созданной известными улемами, сторонниками воссоздания мусульманского халифата. В 1932 г. Маудуди возглавил журнал Тарджуман-уль-Куран, в котором публиковались основные его труды. В последнее десятилетие британского владычества в Индии, характеризовавшегося усилением напряженности между индуистской и мусульманской общинами, Маудуди активно участвовал в политической жизни, создав в 1941 г. мусульманскую партию Джамаат-и-ислами, руководителем которой являлся до 1972 г. После основания в 1947 г. государства Пакистан теоретические труды и политическая деятельность Маудуди сыграли значительную роль в реализации здесь его концепций, в том числе закрепленных в конституции Пакистана. В своих трудах, переведенных на многие иностранные языки, Маудуди касался различных областей: юриспруденции, философии, истории, политики, экономики, социологии, теологии. Наиболее известными являются перевод толкований Корана Тафхим-уль-куран, труды по истории ислама, джихада в исламе и теории исламского государства. Идеи Маудуди оказали значительное влияние на развитие исламистского движения в мусульманском мире.

дуди предлагал достичь посредством таких инструментов мусульманского права, как закят и садака. Маудуди провозглашал в качестве основополагающего принципа своей концепции восприятие ислама, как самого совершенного из вероучений, содержащего, по его мнению, ответы на все кардинальные вопросы жизнеустройства⁴¹. В отношении иерархической структуры «исламского государства» Маудуди рассматривал в качестве его духовного и политического главы пожизненного халифа⁴², обладающего неограниченными полномочиями. При халифе должен действовать Консультативный совет, который Маудуди, как и Сейид Кутб, считал самым важным органом «исламского государства», в который должны были входить наиболее видные и компетентные мусульманские богословы⁴³.

Доктринальную концепцию развития мусульманского общества по «исламскому пути» на основе сохранения исламских ценностей, традиций, морально-этических норм и создания «исламского государства» провозглашали также идеологи и лидеры алжирского исламистского движения, являвшегося самым массовым в арабо-мусульманском мире на рубеже 1980–1990-х годов. К таковым, прежде всего, необходимо отнести Аббаси Мадани⁴⁴, видного деятеля исламистского движения и теоретика

⁴¹ Степанянц М. Т. О некоторых сторонах идеологии и политики «Джамаат и исля-ми» в Пакистане // Краткие сообщения Института народов Азии, выпуск 71. М., 1964.

⁴² Халиф — глава мусульманской общины, замещающий Посланника Аллаха. См. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991 г. С. 268.

⁴³ Абу аль-Аля Аль-Маудуди. Права неверных в исламском государстве. Изд-во Иман. Казань, 1998 г. Перевод с арабского А. Адыгамова.

⁴⁴ Аббаси Мадани родился в 1931 г. в г. Сиди Окба на западе Алжира. Закончил мед-ресе и французский колледж. В конце 1940-х гг. он вступил в партию «Движение за торжество демократических свобод», возглавлявшуюся видным деятелем алжирского национально-освободительного движения Мессали Хаджем. В 1954 г. А. Мадани в составе группы бойцов Фронта национального освобождения (ФНО) участвовал в попытке совершения террористического акта в офисе «Радио Алжира», за что был приговорен французскими колониальными властями к 7 годам тюремного заключения. После завоевания Алжиром независимости в 1962 г. Аббаси Мадани, пройдя курс обучения в Алжирском университете и, получив в последствии степень доктора педагогических и психологических наук, в течении 3 лет стажировался в Великобритании. Аббаси Мадани весьма образован. Круг его чтения включал труды К. Маркса, Гегеля, Декарта, Прудона, Конфуция, А. Смита, идеологов «Братьев-мусульман». Он высоко ценил Ибн Халдуна, Мухаммеда Абдо и Абд аль-Хамида Бен Бадиса. Аббаси Мадани является автором ряда концептуальных работ, которые наряду с трудами Абу Аля Аль-Маудуди и Сейида Кутба, составили основу теоретической и идеологической базы исламистского движения. В числе его трудов — «Кризис современной мысли и оправдание исламского решения», «Гносеологические проблемы познания и религиозного воспитания», «Специфика образования в исламских странах: гносеологические проблемы». В 1982 г. Аббаси Мадани организовал манифестации студентов Алжирского университета под исламистскими лозунгами, за что был приговорен к тюремному заключению (1982–1984 гг.). На протяжении 1980-х годов А. Мадани активно участвует в исламистском

концепций «исламского возрождения», основателя и первого руководителя «Исламского фронта спасения» (ИФС), наиболее влиятельной и многочисленной в вышеуказанный период исламистской партии в Алжире.

Развивая концепцию «исламского возрождения», Аббаси Мадани пытался теоретически обосновать необходимость создания «исламского государства». Для этого он использовал в качестве одного из главных аргументов свой тезис о «моральном превосходстве» исламской цивилизации над западной. При этом Аббаси Мадани объяснял технологическое и экономическое отставание исламской цивилизации от западной, прежде всего, «идеологической и культурной экспансией Запада в мусульманские страны»⁴⁵. В то же время, по его мнению, колонизаторы использовали в своей борьбе с исламом часть мусульман, приверженцев западной идеологии, которые, будучи ее проводниками в мусульманском мире, оказали неоценимую услугу Западу. В числе таких «коллорабационистов» он называл Мишеля Афляка⁴⁶, Таху Хусейна⁴⁷, Тауфика

движении и становится одним из признанных его лидеров. В 1989 г. он инициирует создание ставшей в последствии самой влиятельной исламистской партии «Исламский фронт спасения» (ИФС) и становится ее председателем. В 1990 г. на первых муниципальных выборах на многопартийной основе ИФС завоевывает более 50 % голосов избирателей, и его представители входят в местные органы власти в более половины областей Алжира. Однако власти предпринимают меры по ограничению влияния ИФС, на что его сторонники по призыву А. Мадани отвечают протестными демонстрациями и акциями гражданского неповиновения. В июне 1990 г. А. Мадани был арестован, обвинен в «подстрекательстве к мятежу» и приговорен к 12 годам тюремного заключения. Находясь в заключении, которое затем было заменено домашним арестом, Мадани, тем не менее, участвовал в алжирской политической жизни, направляя письма и призывы, как к руководству Алжира, так и к лидерам различных исламистских радикальных группировок, которые с 1992 по 2000 гг. вели активное вооруженное противостояние с алжирскими властями. В этих посланиях Аббаси Мадани призывал к прекращению вооруженной борьбы и нахождению взаимно приемлемого консенсуса. После отбытия наказания А. Мадани в силу преклонного возраста и состояния здоровья отошел от активной политической деятельности. См. Denaud P. FIS. Sa direction parle. P., 1997. P. 56–60; Kerel G. Jihad. Expansion et declin de l'islamisme. P., 2000. P. 171–173; Ланда П. Г. История Алжира XX век. С. 199, 207, 211, 213; Долгов Б. В. Исламистский вызов и алжирское общество. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. Институт востоковедения РАН. М., 2004. С. 18.

⁴⁵ Мадани Аббаси. «Хаджат ан-низам ат-тарбавий иля ль-ислах» (Потребность в реформе системы воспитания). Журнал «Инсан» (Человек). № 2. С. 36. Париж, 1990.

⁴⁶ Мишель Афляк (1910–1988) — сирийский общественно-политический и государственный деятель, основавший в 1947 г. совместно с Салах ад-Дин аль-Битаром Партию арабского социалистического возрождения.

⁴⁷ Таха Хусейн (1889–1973) — египетский писатель и общественный деятель. Будучи профессором Каирского университета, был направлен для совершенствования образования в Сорбонну, где защитил диссертацию о выдающемся арабском средневековом историке Ибн Халдуна.

аль-Хакима⁴⁸, воспринявших, как он считал, чуждые мусульманам европейские политические и философские концепции. Аббаси Мадани также утверждал, что мусульманская умма само достаточна и не нуждается в импортируемых идеологиях. Он заявлял, что «ислам не ограничивается вопросами веры, но охватывает всю совокупность духовной жизни общества, включая вопросы социальной справедливости, правила и нормы взаимоотношений между людьми, а также морально-этические ценностные ориентиры»⁴⁹. Аббаси Мадани призывал обратиться к подлинно мусульманским, по его мнению, мыслителям, таким как Хасан аль-Банна, Мустафа Садек, Мухаммед Икбал, Бен Бадис и Малик Беннаби. Одним из путей распространения западной идеологии в алжирском обществе Аббаси Мадани считал повсеместное использование в Алжире французского языка. Такую ситуацию он определял, как «комплекс неполноценности, сложившийся у алжирцев перед Западом и ставший отличительной чертой менталитета молодого поколения, родившегося после завоевания Алжиром независимости»⁵⁰, и призывал к более широкому проведению политики арабизации. В области управления экономикой Аббаси Мадани предлагал перейти к «исламскому принципу *шура* (коллегиальность) и созданию *хисбы*⁵¹ в банковской системе, которая контролировала бы операции купли-продажи, что соответствовало бы понятиям исламской социальной справедливости»⁵².

Аббаси Мадани, так же, как многие идеологи ИФС, уделял большое внимание вопросу построения экономики в «исламском государстве». Исламисты пропагандировали преимущества «исламской экономики» и необходимость проведения реформ, основанных на ее принципах. Они заявляли также о бесперспективности «навязывания» мусульманскому обществу, как западного экономического либерализма, так и социалистической плановой экономики. По их мнению, одним из главных доказательств этого тезиса являлось то, что применявшиеся долгое время в странах третьего мира

⁴⁸ Тауфик аль-Хаким (1898–1988) — общественный деятель и один из крупнейших египетских писателей. Он закончил Высшую школу права при Каирском университете, затем продолжил образование во Франции в университете Сорбонны. Тауфик аль-Хаким являлся членом египетской Академии арабского языка и постоянным членом египетского Высшего совета по делам искусства, литературы и общественных наук.

⁴⁹ Аббаси Мадани. «Мушкилат тарбавийа фи ль-билад аль-исламийа» (Проблемы воспитания в арабских странах). Алжир. 1986. С. 53.

⁵⁰ La Tribune d'Octobre. Alger, 15. 31.03.1989.

⁵¹ *Хисба* — мусульманский контрольный орган, призванный следить за соблюдением шариата при торговых и финансовых операциях. Первые упоминания о хисбе относятся ко времени халифа Али ибн Аби Талиба. Первоначально вместо термина *хисба* употреблялась формулировка *амр би-ль-мааруф ва нахй ан аль-мункар* (повеление благого и запрещение предосудительного), которая позже использовалась для пояснения термина *хисба*. См. Ислам. Указ. соч. С. 279.

⁵² Algerie-Actualite. Alger, 4.01–10.01.1990. № 1264.

экономические модели развития, созданные на основе западных теорий, не смогли обеспечить этим странам «элементарной экономической стабильности». Один из алжирских экономистов, сторонник концепции «исламской экономики» Башир Мустафа видел основную причину провала этих экономических моделей в том, что доктрины развития мусульманских стран, на его взгляд, ограничивались только экономической парадигмой и совершенно игнорировали культурологический момент. Он утверждал, что сам термин «развитие» в его современном значении являлся «тенденциозным и научно неточным, так как он не принимал в расчет такие важные для существования человека аспекты, как культура, обычаи и образ жизни, что имело особое значение в мусульманском обществе»⁵³. Практически для всех современных исследований в области экономического развития, в том числе, сделанных в мусульманских странах, но под эгидой, как считал автор, американских институтов и международных финансово-экономических организаций, был характерен принцип монетаризма. При использовании этого метода проблема развития рассматривалась в чисто экономической плоскости, где в качестве основных стимулирующих факторов фигурировали такие понятия, как экономический либерализм, банковский процент, косвенный налог, международное разделение труда, концентрация капитала и свободный рынок. Данные концепции не учитывали, как утверждали исламисты, исторические и культурные традиции мусульманского общества. Таким образом, попытки осуществления монетарного принципа, по их мнению, были обречены на провал, так как наталкивались на его несоответствие шариату, «запрещавшему ростовщичество, то есть, банковский процент»⁵⁴. В качестве альтернативы принципам монетаризма исламистские идеологи выдвинули концепцию исламской экономики, которая, по их мнению, отвечала исламским традициям и шариату.

Наиболее подробно и детально исламистская концепция структурного построения экономики для мусульманского общества была освещена идеологами алжирского «Исламского фронта спасения» (ИФС). Так, в преамбуле экономической части «Проекта политической программы ИФС» заявлялось, что исламская экономика должна основываться на «стимулировании личной инициативы, развитии малого и среднего бизнеса и самого широкого сотрудничества между мусульманскими странами, конечной целью которого должно стать создание арабо-исламского общего рынка и исламской банковской системы»⁵⁵. Наряду с этим в качестве важнейшей отличительной черты исламской экономики упоминался закят, как более справедливый, по сравнению с западными системами, налоговый

⁵³ Аль-Иршад (Наставление — араб. яз.). № 4. Алжир, 1990. С. 9.

⁵⁴ Там же. С. 166.

⁵⁵ *Revolution africaine*. Alger, 1989. № 1331. С. 19

инструмент. Прежде всего, указывалось на то, что «закят упоминался в Коране и являлся не просто фискальным налогом, а священной обязанностью мусульман»⁵⁶, что исключало все попытки уклониться от него или использовать его в корыстных целях. Закят взимался только с тех мусульман, которые были способны его уплатить, то есть, с обладавших достаточным доходом, что также определено Кораном. Справедливое распределение закята среди наиболее нуждавшихся, по утверждению исламистов, должно было предотвратить чрезмерное расслоение мусульманского общества и обеспечить ему социальную стабильность.

Большое внимание идеологи исламской экономики уделяли отношению к собственности, которая представлена в исламском государстве, согласно их концепции, четырьмя видами: частная, государственная, общественная и коллективная. Права частной собственности гарантировались шариатом, в подтверждение чего цитировались суры Корана и высказывания пророка Мухаммеда. Под государственной понималась та собственность, которой «имели право распоряжаться в интересах всей уммы те, кто обладал властью»⁵⁷. В качестве примера такой собственности назывались предприятия добывающих отраслей — шахты, рудники, нефтяные скважины и т. д. Доходы от такой собственности, как считали авторы, должны были использоваться государственными органами на нужды всего общества, то есть, на содержание системы здравоохранения, народного образования и различных инфраструктур, имевших общенациональное назначение. Государственная собственность являлась, согласно данной концепции, составной частью общественной собственности, которая трактовалась в более расширительном смысле, чем государственная. Примерами общественной собственности назывались четыре главные ее элемента: земля, находившиеся в ее недрах природные богатства, естественные водоемы, а также флора и фауна. Государственные органы не имели право продавать, сдавать в аренду или передавать в пользование общественную собственность какому-либо лицу, группе лиц или организации. Тем не менее, глава государства, согласно шариату, мог это сделать, если он считал, что такие его действия соответствовали интересам государства, общественной пользе и социальному равновесию уммы. Коллективная собственность, согласно риторике исламистов, «имела целью удовлетворения потребностей какого-либо конкретного сообщества, являвшегося частью уммы, и в той форме, которая была выгодна всем и не позволяла кому-либо использовать эту собственность для личной выгоды в ущерб другим»⁵⁸. Примером такого вида

⁵⁶ Cit. on: Al-Ahnaf Mustafa, Botiveau Bernard, Fregozi Franck. L'Algerie par ses islamistes. P., 1991. P. 170.

⁵⁷ Аль-Мункыз (Спаситель — араб.). Алжир, 1989. № 28. С. 9.

⁵⁸ Там же. С. 10.

собственности, в частности, назывались водные источники, принадлежавшие какой-либо конкретной общине земледельцев.

Что касается создания «исламского государства», то Аббаси Мадани, в отличие от многих исламистских деятелей, считал возможным его построение эволюционным путем в результате распространения коранических знаний и восприятия обществом исламской культуры, мусульманских моральных и духовных ценностей и исламистской идеологии. Он предлагал даже создавать «исламское государство» на основе демократических выборов, на которых в 1990–1991 гг. в Алжире побеждал ИФС. Его представители предлагали на этих парламентских выборах, впервые проводившихся на многопартийной основе, простой и наиболее понятный большинству алжирцев лозунг «ислам есть решение», за который проголосовало более 50 % избирателей. В то же время Аббаси Мадани заявлял, что «избранный большинством избирателей руководитель выражает мнение народа. Но мы никогда не согласимся с тем, чтобы избранный демократическим путем правитель наносил вред исламу, так как законы шариата соответствуют интересам всей уммы. Избранный народом не может быть противником ислама, так как в этом случае он действует против воли народа»⁵⁹.

Однако большинство идеологов «исламского государства» негативно относились к концепции демократии западного образца. Так, Али Бенхадж⁶⁰, вице-президент «Исламского фронта спасения» (ИФС) заявлял,

⁵⁹ *Algerie-actualite*. Alger. 4.01.1990.

⁶⁰ Али Бенхадж родился в 1956 г. в Тунисе. Его родители были родом из алжирской провинции Адрар (район алжирской Сахары). Отец Али Бенхаджа был активным участником алжирского национально-освободительного движения и погиб в одном из боев с французскими колониальными войсками. Али Бенхадж воспитывался и получил исламское образование в семье своего дяди, который был известным мусульманским деятелем, выпускником тунисского мусульманского университета аз-Зейтуна. Учителями Али Бенхаджа были знаменитые алжирские мусульманские теологи, в том числе, Омар Арбауи, и ветераны «Ассоциации алжирских улама-реформаторов» шейхи Абд аль-Латыф Солтани и Ахмед Сахнун. В то же время на Али Бенхаджа, как он сам об этом говорил, сильное влияние оказали произведения Сейида Кутба, во многом определившие его жизненную позицию и мировоззрение». В начале 1980-х гг. Али Бенхадж стал одним из соратников Мустафы Буали, руководителя исламистской организации «Читатели Сейида Кутба», переименованное позже в «Алжирское вооруженное исламское движение» (ВАИД), совершавшее террористические акции против алжирских властей, которым ВАИД объявил джихад. После разгрома ВАИД властями Али Бенхадж был арестован и отбывал тюремное заключение с 1983 по 1987 гг. Выйдя на свободу Али Бенхадж вновь активно включился в исламистское движение, переживавшее в это время значительный подъем. В 1989 г. он был избран вице-президентом «Исламского фронта спасения» (ИФС) и стал одним из влиятельных его идеологов, возглавляя его радикальное крыло. В 1990 г. после антиправительственных демонстраций и столкновений с полицией сторонников ИФС, Али Бенхадж, как и президент ИФС Аббаси Мадани,

что «идея демократии, как власти народа и приоритета мнения большинства, полностью противоречит многим сурам Корана, которые провозглашают только приоритет власти Аллаха»⁶¹. Он считал, что критерий справедливости и разумности власти не может «определяться мнением, так называемого, народного большинства, то есть количеством статистов, участвующих в комедии демократических выборов или фальсифицированным числом их голосов. При этом само понятие „демократия“ достаточно размыто и противоречиво, так как все западные идеологии XX в., то есть либерализм, коммунизм и даже фашизм, претендовали на воплощение в своих доктринах подлинной демократии»⁶².

Главным аргументом Али Бенхаджа в его тезисе о невозможности и даже опасности построения либеральной демократии западного образца в мусульманском обществе являлось то, что, по его мнению, «демократический либерализм есть продукт европейской цивилизации, который не применим в мусульманском обществе, имеющим совершенно другие исторические корни, традиции и культуру»⁶³. Поэтому заимствование модели западной демократии, провозглашавшей абсолютную свободу, предлагавшую, как полагал Али Бенхадж, материализм, атеизм и распущенность, несло с собой угрозу размывания традиционных исламских норм морали и деградации самого мусульманского общества, что отвечало, как считал Али Бенхадж, «целям сионизма, определенным в „Протоколах сионских мудрецов“»⁶⁴. Достаточно важным пунктом концепции Али Бенхаджа, которая отличалась большим радикализмом по сравнению с идеями Аббаси Мадани, было то, что создание исламского государства в Алжире, согласно заявлениям Бенхаджа, являлось лишь этапом на пути достижения стратегической цели, которую Али Бенхадж определял, как «воссоздание исламского халифата, который должен стать духовной отчизной всех мусульман мира»⁶⁵.

был арестован, обвинен в подготовке мятежа с целью свержения законной власти и приговорен к 12 годам лишения свободы. Таким образом весь период вооруженного противостояния радикальных исламистских группировок с алжирскими властями (1992–2001) Али Бенхадж находился в заключении. После освобождения он пытался войти в политическую жизнь Алжира и воссоздать в новой демократической форме Исламский фронт спасения. Однако этому помешал принятый алжирским парламентом закон запрещавший лицам, так или иначе связанным с террористическими группировками, участвовать в политической деятельности. См. Интервью Али Бенхаджа газете «аль-Ватан аль-арабий» 27.07.1990; Basbous A. L'islamisme. Une revolution avortee? P., 2000. P. 84, 132, 144, 145.

⁶¹ Аль-Мункыз. Алжир, 1990. № 23. С. 13.

⁶² Аль-Мункыз. Алжир, 1990. № 24. С. 10.

⁶³ Там же. С. 10.

⁶⁴ Там же. С. 11.

⁶⁵ Аль-Ватан аль-арабий (Арабская родина — араб. яз.). Лондон, 27.07.1990. С. 7.

В Тунисе Рашид аль-Ганнуши⁶⁶ основатель и руководитель тунисской исламистской партии «ан-Нахда» (Возрождение — араб. яз.), видный теоретик и идеолог «исламского возрождения» и «исламского государства», в своих работах также, как Аббаси Мадани, задавался вопросом, в чем причина отставания современного исламского мира от развитых стран Запада. Тем более, что в предыдущие исторические эпохи, в частности, в раннее средневековье исламская цивилизация показывала свое превосходство над европейской, как в научной, культурной, так и в военной сферах. Так, на-

⁶⁶ Рашид аль-Ганнуши родился в 1942 г. в районе оазиса Эль-Хамма на юге Туниса в многодетной небогатой семье. Закончив школу в г. Эль-Хамма, Рашид аль-Ганнуши изучал философию в Дамасском университете. Затем он уехал на заработки во Францию, где продолжил обучение в университете Сорбонны. Вернувшись в Тунис, он с 1970-х гг. участвовал в исламистском движении, став одним из его идеологов и лидеров. Ганнуши являлся основателем Движения исламской направленности, переименованном позже в партию Нахда (Возрождение). Разделяя концепции Братьев-мусульман, Ганнуши выступал против отделения церкви от государства и поддерживал лозунг создания «исламского государства» с помощью движений политического ислама и даже джихада. Ганнуши, находясь со своими сторонниками в Алжире в 1990 г. в период массовых антиправительственных выступлений алжирского Исламского фронта спасения (ИФС) активно поддерживал его действия и участвовал в совещаниях руководства ИФС. В Тунисе Ганнуши подвергался судебным преследованиям, в том числе по обвинению в попытке государственного переворота, за что отбывал тюремное заключение (1981–1984; 1987–1988). В 1993 г. Ганнуши, находясь в эмиграции в Англии и получив здесь политическое убежище, продолжал пропаганду исламистских идей. Он участвовал в ежегодных форумах «Встречи мусульман», организуемых французскими мусульманскими деятелями во Франции. В 2005 г. Ганнуши был избран представителем Братьев-мусульман в Европе, он также являлся членом Европейского совета по фетвам и исламским исследованиям. В 2011 г. Ганнуши вернулся в Тунис после крушения режима Бен Али. Он воссоздал исламистскую партию ан-Нахда, переименованную затем в «Движение ан-Нахда», которая на первых свободных парламентских выборах завоевала большинство голосов избирателей, став фактически правящей партией в правительственной «Тройке» (премьер-министр, президент и глава парламента). Не занимая официальных постов, но возглавляя, тем не менее, «Движение ан-Нахда», Ганнуши попытался провести исламизацию общественно-политической жизни Туниса и осуществить, таким образом, исламистский проект. Однако такая политика вызвала массовые протесты значительной части тунисского общества, в результате которых представители «Движения ан-Нахда» были вынуждены выйти из правительства, новые члены которого составили беспартийный «технический» кабинет. Одобренная парламентом новая конституция Туниса, подтвердившая светские ценности, создала определенный консенсус в тунисском обществе. В результате президентских выборов в 2014 г. президентом Туниса стал лидер светской партии «Призыв Туниса», которая получила большинство голосов на прошедших ранее парламентских выборах. Тем не менее, исламистское «Движение ан-Нахда», лидером которого продолжает оставаться Рашид Ганнуши, на парламентских выборах в 2014 г. стала второй по количеству поданных за нее голосов. См. Долгов Б. В. Феномен «Арабской весны». 2011–2016. Причины, развитие, перспективы. Российская Академия наук. Институт востоковедения. М.: Ленанд/URSS, 2017; Bernard Godard, Sylvie Taussig. Les musulmans en France. Editions Robert Laffont. P., 2007.

пример, в Европе читали труды арабских астрономов, математиков, медиков, переводы античных авторов. Исламская военная экспансия в Европе, в результате которой Испания вошла в состав Халифата, была остановлена только в центральной части Франции в битве при Пуатье в 732 г.⁶⁷

Рашид Ганнуши приводил два ответа на вопрос о причинах отставания исламской цивилизации. Первый, по мнению Ганнуши, давали представители арабской либеральной и марксистской мысли, которые видели эту причину в самом исламе. Причем, по мнению Ганнуши, если «либералы предлагали приспособить ислам для того, чтобы догнать западный мир и влиться в него, то марксисты, развивая этот тезис, призывали отказаться от ислама в целом и бороться с ним»⁶⁸. Как утверждал Ганнуши, после обретения независимости мусульманские общества, которые пытались развиваться по данным моделям, продемонстрировали явный крах, проявившийся в военных поражениях, экономическом упадке, зависимости от Запада и диктаторских режимах, стоящих у власти. Второй ответ Ганнуши видел в направлении исламской реформации и обновления, выразителями которой стали видные мусульманские мыслители, такие, как Аль-Афгани, Икбал, Бен Бадис, которые утверждали, что причина коренится в самих мусульманах, а не в исламе. Мусульмане, по их мнению, отказались от ислама в его подлинной форме, и исламский мир пришел в упадок. Выход из него предлагали движения обновления ислама, которые, по мнению Ганнуши, очистят ислам от «праха упадка, возвратят его животворящую и направляющую силу для превращения мусульманских обществ не только в развитые, но показывающие самую высокую степень развития»⁶⁹. Отличительным элементом движение обновления, продолжавшегося на протяжении истории ислама, было то, что, по утверждению Ганнуши, оно, внося какое-то изменение, всегда опиралось на фундаментальные основы ислама. Это относилось также к созданию «исламского государства». Деятельность движения обновления Ганнуши определял, как исправление и выпрямление всяческих отклонений, избавление ислама от всего привнесенного, заимствованного и чуждого. С этой точки зрения Ганнуши рассматривал в истории ислама деятельность таких видных мусульманских деятелей, как Ибн Таймийя. Таким образом, осуществлялось обновление ислама, опиравшееся на его основы, а не реформа ислама. То, что наблю-

⁶⁷ История Востока. Т. 2: Восток в средние века. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 122.

⁶⁸ Рашид аль-Ганнуши. Хасан ат-Тураби. Аль-харакаат аль-исламийя ва-т-тахдис. Дар аль-Фикр ли т-тыбаа ва н-нашар. Аль-Хартум. 1984. С. 17 (Рашид аль-Ганнуши. Хасан ат-Тураби. Исламское движение и обновление). Издательство Дар аль фикр. Хартум, 1984. С. 17.

⁶⁹ Там же. С. 16.

далось в исламском мире в XX веке, как считал Ганнуши, являлось именно таким обновлением, посредством которого начался новый цивилизационный период истории ислама. Это направление, как писал Ганнуши, выкристаллизовалось в конкретные формы движений, возглавленных Хасаном аль-Банной, Сейидом Кутбом, Абу аль-Аля аль-Маудуди и имамом Хомейни.

Что касается салафитского течения в исламе, то Ганнуши определял его, как движения сопротивления, опирающиеся на ислам в его основе без какого-либо фанатизма. То, что указано в концепции иджитхада, в фундаментальных основах, определенных в Коране, Сунне и в истории ислама периода «праведных халифов». В этой связи Ганнуши цитировал Хасана аль-Банну, который позиционировал движение Братьев-мусульман, как «салафитский призыв, в котором „Братья“ призывают к возврату к исламу в его первозданном источнике — Послании Аллаха и Сунне его пророка»⁷⁰. В подтверждение своего восприятия салафитского движения Ганнуши приводил высказывания имама Хомейни о том, что «во-первых, салафизм представляет собой стремление к познанию заповедей Аллаха посредством Послания, Сунны, Предопределения возможного. Во-вторых, в салафизме отсутствует фанатизм и призыв к приверженности определенному мазхабу с тем, чтобы мазхаб стал заменителем ислама. Салафизм признает братство в исламе выше братства любого течения или мазхаба. Суть салафизма в том, чтобы объединить мусульман на основе того, что проповедует ислам в заповеди „мы сотрудничаем в том, что нас объединяет, и извиняем друг друга в том, в чем мы противоречим“»⁷¹.

Ганнуши поддерживал тезис, выдвигавшийся имамом Хомейни, о невозможности отделения ислама от политики и неразделимости ислама, политики и государства. Ганнуши в своих работах приводил также высказывания имама Хомейни о том, что «обязанность мусульманского проповедника, доподлинно знающего шариат, заключается в руководстве своей паствой и постоянном джихаде во имя возвышения слова Аллаха и очищения земли Аллаха от его врагов»⁷². В то же время часть суннитских идеологов «исламского возрождения», в том числе выше упоминавшийся Али Бенхадж, полагали, что шиитская доктрина имама Хомейни не может стать подлинной моделью для суннитского исламистского движения. Однако Ганнуши, полемизируя с данным мнением, цитировал имама Хомейни, который на обращенный к нему вопрос, является его порядок власти суннитским или шиитским, отвечал, что «порядок власти осуществляется

⁷⁰ Рашид аль-Ганнуши, Хасан ат-Тураби. Аль-харака аль-исламия ва-т-тахдис (Исламское движение и обновление). Хартум, 1984. С. 17.

⁷¹ Там же. С. 22.

⁷² Там же. С. 19.

в соответствии с исламом, как его проповедовал пророк Мухаммед. Нет противоречия между суннизмом и шиизмом, так как не существовало мазхабов в эпоху посланника Аллаха»⁷³.

Позднее, находясь в вынужденной эмиграции в Лондоне, где в 1993 г. он получил политическое убежище, Ганнуши несколько пересмотрел свои взгляды в отношении демократии, и ее соответствия исламским ценностям, о чем он упоминал в своем труде «Из опыта исламистского движения в Тунисе»⁷⁴. По мнению Монсефа Марзуки, видного тунисского оппозиционного деятеля лево-демократических взглядов, ставшего в 2011 г. после свержения режима Бен Али президентом Туниса, Ганнуши, с которым Монсеф Марзуки имел контакты, также находясь в эмиграции, сблизился с кругом демократически ориентированных тунисских диссидентов, что отразилось на его политических воззрениях. Так, по словам Марзуки, «Рашид Ганнуши и многие его сподвижники по партии ан-Нахда стали цитировать Всеобщую декларацию прав человека и воспринимать идеи демократии»⁷⁵. Сам Ганнуши в период, предшествовавший началу протестных движений в Тунисе, попытался на теоретическом уровне осуществить сближение ислама с демократическими принципами, заявляя, что «ислам не является не совместимым с демократией и не враждебен ей. Коран и ислам не антагонистичны демократии»⁷⁶. Тем не менее, практические действия Ганнуши после его возвращения в Тунис после краха режима Бен Али, показали, что он остался верен доктрине «исламского государства», как пути развития мусульманского общества.

Мусульманское сообщество Франции, наиболее многочисленное в Европе, также сумело выдвинуть из своей среды ряд видных мусульманских идеологов, представляющих различные направления исламской мысли. Так, группа мусульманских интеллектуалов, пытаясь интегрировать ислам в социокультурное пространство Франции и в целом, Европы, создали концепцию «европейского ислама». Одним из наиболее известных ее идеологов является проживающий в Швейцарии профессор Фрибургского университета Тарик Рамадан (род. 1962)⁷⁷. Он полагает, что в Европе и

⁷³ Рашид аль-Ганнуши, Хасан ат-Тураби. Аль-харака аль-исламия ва-т-тахдис (Исламское движение и обновление). Хартум, 1984. С. 22.

⁷⁴ Рашид аль-Ганнуши. Мин таджриба аль-харака аль-исламия фи Тунис. Лондон: аль-марказ аль-магарибий ли-ль-бухус ва т-тарджама 2001 (Рашид аль-Ганнуши. Из опыта исламистского движения в Тунисе). Лондон: Магрибинский центр исследований и перевода 2001.

⁷⁵ Moncef Marzouki. L'invention d'une démocratie. Les leçons de l'expérience tunisienne. Editions La découverte, P., 2013. P. 78.

⁷⁶ Ibid. P. 78.

⁷⁷ Тарик Рамадан — внук Хасана аль-Банны, основателя египетской ассоциации «Братья-мусульмане», является одним из идеологов концепции европейского ислама.

особенно во Франции, сформировался европейский ислам или «европейская исламская культура», приверженцы которой остаются верными фундаментальным мусульманским принципам и, в то же время, адаптировались к европейской культуре. Они являются мусульманами по своей религиозной принадлежности и полноценными европейцами по своей культуре. Тарик Рамадан, говоря о «евроисламе», уточняет, что речь идет не о создании «нового ислама», а о восприятии ислама в его «изначальном подлинном динамизме и созидательности, что позволяет его последователям интегрировать все то положительное, что выработали другие культуры, с которыми они соприкасаются и, наряду с этим, критически подходить к тем аспектам, которые не соответствуют исламским ценностям»⁷⁸.

В этом отношении Тарик Рамадан выделяет три группы мусульман в Европе и, в частности, во Франции. К первой, наиболее многочисленной, относятся, по его мнению, те, кто считает себя верующими мусульманами и, соответственно, выполняют основные предписания ислама (совершают молитвы, не употребляют алкоголь и свинину, соблюдают мусульманский пост-рамадан). Ко второй группе Тарик Рамадан причисляет тех, кто также считает себя мусульманами, однако в значительной степени не соблюдают каноны ислама. Представители этой группы могут, например, нарушать запрет на употребления алкоголя и не проявлять особых религиозных чувств в повседневной жизни. Проявление исламской солидарности у них возможно в период мусульманского поста или, как реакция на исламофобские публикации в СМИ или аналогичные заявления некоторых политических партий. Третья, немногочисленная группа идентифицирует себя как мусульман только в силу культурной традиции и не испытывает

Он автор ряда работ, в том числе по реформированию или, как позиционируют этот процесс его идеологи, «очищению или обновлению» ислама. Тарик Рамадан известен как один из наиболее влиятельных и известных деятелей современной мусульманской мысли и исламистского движения. Он достаточно широко образован, владеет арабским, французским и английским языками, обладает ораторским искусством и харизмой, что привлекает на его лекции и выступления большое число мусульман, особенно молодежи. Тарик Рамадан, наряду с преподаванием во Фрибургском университете, имеет звание профессора и преподает исламоведение в университетах Оксфорда, Роттердама и Киото. Наряду с этим, Тарик Рамадан, совместно со своим братом Хани Рамаданом является членом административного совета Исламского центра Женевы, основанного в 1961 г. Саидом Рамадан их отцом и соответственно сыном Хасана аль-Банни. Президентом административного совета Исламского центра Женевы является Айман Рамадан, старший брат Тарика Рамадана. Членами административного совета работают также два других брата Билаль и Ясир Рамадан, их сестра Арва Рамадан и их мать Вафа Рамадан, вдова Саида Рамадана. Тарик Рамадан и Хани Рамадан являются также официальными хранителями наследия Хасана аль-Банни и Саида Рамадана, в связи с чем Тарик и Хани Рамадан занимаются публикацией и распространением их работ, в частности при помощи издательства Таухид, функционирующего в г. Лионе (Франция).

⁷⁸ Tarik Ramadan. *Face a nos peurs*. Tawhid. Lyon., 2008. P. 67.

никаких религиозных чувств. Эти три группы мусульман составляют по утверждению Т. Рамадана от 75 % до 80 % всех мусульман Франции. Оставшиеся могут быть определены как мусульмане-салафиты. Они считают необходимым возврат к подлинному, с их точки зрения, исламу первых поколений мусульман, т. е. эпохе Пророка Мухаммеда и первых четырех «праведных халифов». Причем Т. Рамадан разделяет приверженцев салафитского движения также на две группы, имеющие противоположные по отношению к западному обществу идеологические концепции. Первые, которых Т. Рамадан называет салафитами-реформаторами, — считают необходимым возвращение к подлинным истокам ислама — Корану и Сунне. В то же время они призывают в соответствии с иджитихадом черпать в них «энергию и смелое творчество», которые, по их мнению, были характерны для первого поколения мусульман, предлагавших новые подходы в новых условиях. Эта группа салафитов предлагает попытаться интегрироваться в западное общество и принять его реалии. Вторые, которых называют также ваххабитами, (что Т. Рамадан считает абсолютно неправильным) заявляют о необходимости скрупулезного и буквального соблюдения первоисточников — священных текстов Корана и Сунны. Это предполагает, по их мнению, неприятие западного общества, как «безбожного и аморального». Т. Рамадан обвиняет приверженцев и идеологов данной концепции в недостаточной, по его мнению, образованности, поверхностных и ошибочных суждениях.

Т. Рамадан утверждал, что если мусульмане хотят жить в Европе и избавиться от комплекса «гонимого меньшинства», то они должны приобрести способность отвечать определенным требованиям, предъявляемым им европейским обществом, а именно, осознавать себя его гражданами, заключив общественный и нравственный договор со страной, в которой они проживают, признавать и уважать существующие в ней законы. Для достижения этого исламу нужны перемены. «Старые определения „дар аль-харб“ (араб.: дом войны, территория, где не действует в качестве главного мусульманский религиозный закон) и „дар аль-ислам“ (дом ислама, территория, где господствует ислам), — утверждает он, — которых нет в Коране и которые не являются частью откровений Пророка, устарели». Вместо них Рамадан предлагает для Европы ввести новое определение — «дар аш-шахада» (дом клятвы/территория исповедания ислама), так как оно может успешно содействовать укоренению мусульман в Европе. Это новое определение включает в себя, как мусульманский символ веры (*шахада* — клятва веры), так и гражданскую обязанность подчинения законам⁷⁹.

⁷⁹ Ramadan Tariq. Jungen Muslime Europas befreien sich aus der Isolation // URL: <http://www.hgdoe.de/pol/ramadan04-00.htm> (Дата обращения — 15.02.2014).

По мнению Рамадана, необходимо четко обрисовать специфическое выражение европейской исламской культуры, адекватное европейской среде и не вступающее в противоречие с основополагающими принципами исламского вероучения. В связи с этим Рамадан поднимает ключевой для мусульман вопрос: что важнее для мусульманина — членство в мусульманской общине (*умме*) или принадлежность к стране пребывания (европейское гражданство). Отвечая на этот вопрос, Рамадан констатирует, что принадлежность к умме для мусульман крайне важна, поэтому они должны объединяться в различные организации и отстаивать свои интересы. При этом мусульманские объединения в Европе и их руководители, считает Рамадан, должны приложить активные усилия к тому, чтобы защитить свою независимость в политическом и финансовом отношении, как от «попыток их контроля со стороны ряда исламских стран, осуществляемое посредством финансирования строительства мечетей и создания исламских фондов, так и со стороны европейских государств, стремящихся оказывать влияние на деятельность мусульман на европейском континенте и, в частности, во Франции»⁸⁰. Рамадан также заявляет, что, проживая в Европе, необходимо придерживаться основополагающих принципов ислама. Все проблемы, возникающие в повседневной деятельности, возможно решить с помощью *фикха*⁸¹ и *фетвы*⁸², которые, как считает Рамадан «способны помочь приспособлять ислам к изменениям внешней среды»⁸³. Таким образом, Рамадан предлагает «законодательную интеграцию» ислама в принимающее общество, то есть, формирование европейского фикха.

Тарик Рамадан, выдвигая свою концепцию «европейского ислама» аргументировал ее цитатами из произведений видного мусульманского теолога и философа Абу Хамида аль-Газали (1058–1111) и *хадисами*⁸⁴, состав-

⁸⁰ Рамадан Т. Европа должна стать нашим домом. Участие в жизни общества вместо обособления: Европейские мусульмане должны учиться жить на Западе, не отрекаясь от своей веры // Intern. Politics. 2005. № 2. С. 155–158 (Ramadan T. Europe Must Become Our House. Participation in the Life of Society Instead of Particularization: The European Muslims Must Learn to Live in the West Without Rejecting Their Faith // International Politics. Moscow. 2005. № 2. P. 155–158).

⁸¹ Фикх (глубокое понимание, знание — араб. яз.) — исламская юриспруденция, исламский комплекс социальных норм (мусульманское право в широком смысле). Ислам: Энциклопедический словарь. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1991. С. 254.

⁸² Фетва (разъяснение — араб. яз.) — богословско-правовое заключение, сделанное для разъяснения и практического применения какого-либо предписания шариата или истолкования какого-либо казуса с позиций шариата. Ислам. Указ. сочин. С. 252.

⁸³ Ramadan T. Western Muslims and the Future of Islam. Oxford University Press, 2004. P. 63, 99.

⁸⁴ Хадис (известие, рассказ — араб. яз.) — предание о словах и действиях Мухаммеда, затрагивающее различные стороны религиозно-правовой жизни мусульманской общины. Ислам. С. 262.

ленными одним из шести наиболее известных составителей сборников хадисов Абу Даудом (ум. 888 г.). Согласно этим источникам, как утверждал Рамадан, каждые 100–150 лет «мусульманская умма с помощью своих самых выдающихся улемов будет возрождать и обновлять мусульманскую религию, что, безусловно, не касается ее основ и главных принципов»⁸⁵.

Существенное влияние на идеологические воззрения Т. Рамадана и его приверженцев оказал один из наиболее видных современных суннитских мусульманских идеологов Юсеф аль-Кардауи⁸⁶. Он, в частности, неоднократно участвовал в мусульманских форумах, проводимых Исламским центром в Женеве, руководимым семейством Тарика Рамадана. Юсеф аль-Кардауи, в свою очередь, во многом является последователем Хасана аль-Банны, цитируя которого, он заявляет: «Мы не можем быть настоящими мусульманами пока ислам не станет нашим образом жизни, Коран — нашей конституцией, а законы ислама не будут определять все наши дела»⁸⁷.

⁸⁵ Tariq Ramadan. *Islam. La reforme radicale*. Presses Chatelet. P., 2008. P. 22.

⁸⁶ Юсеф аль-Кардауи — род. в 1926 г. в Египте. В конце 1940-х гг. после посещения проповедей Хасана аль-Банны, основателя ассоциации Братьев-мусульман, примкнул к этому движению. Получил высшее мусульманское образование в известнейшем мусульманском университете Ислам-Азхар в Каире. В период президентства Гамали Абделя Насера после запрета деятельности Братьев-мусульман Юсеф аль-Кардауи неоднократно отбывал тюремное заключение. Лишенный египетского гражданства, он с 1962 г. эмигрировал в Катар, где написал ряд теологических работ и стал признанным идеологом суннитского направления ислама. Наиболее известным его трудом является «Дозволенное и Недозволенное», признанный одним из современных идеологических столпов суннитского ислама. В 1977 г. он был назначен деканом факультета фикха (мусульманского права) в Катарском университете г. Доха. Юсеф аль-Кардауи является также профессором Академии фикха при Организации исламского сотрудничества (ОИС), Центра исламских исследований Оксфордского университета, президентом Европейского совета по фетвам и исламским исследованиям. Он имеет тесные контакты с Союзом исламских организаций Франции, Союзом молодых мусульман Франции, Союзом учащихся-мусульман Франции, а также с исламистскими структурами Тарика Рамадана во Франции, в частности, в пригороде Парижа — Сен-Дени и в г. Лионе с издательством Таухид. Юсеф аль-Кардауи регулярно выступает с фетвами (религиозными посланиями) и комментариями по различным, в том числе, политическим вопросам на телеканале катарского информационного агентства Аль-Джазира и является куратором одного из самых влиятельных суннитских исламских сайтов — islamonline.com. Выступая с 2011 г. с поддержкой суннитских движений в «арабских революциях», он, в частности, призывал вооружать «ливийских повстанцев» против режима Муаммара Каддафи и выступил в поддержку сирийских исламистских радикальных группировок, стремящихся свергнуть руководство Башара Асада, которого он резко осудил за «использование армии против своего народа». См.: Bernard Godard, Sylvie Taussig. *Les musulmans en France*. Hachettes Literatures. P., 2007. P. 315; Le Monde. Yusef Al-Qaradawi, vitrine cathodique des Freres. P., 20.05–21.05.2012. P. 5.

⁸⁷ Цит. по: Sylvain Besson. *La famille Ramadan dans le milieu islamiste international* // Yves Charles Zarka, 2008. P. 630.

В то же время Тарик Рамадан, развивая свои концепции евроислама, уделял достаточно много внимания социальным вопросам и критике общественно-экономических реалий западного общества. Он призывал европейских мусульман к «деколонизации их сердца и разума с тем, чтобы противостоять несправедливому социально-экономическому порядку, навязанному мировыми финансовыми кругами — новой диктатурой»⁸⁸. В основе этого порядка Т. Рамадан видел «превращение человека — творца своей истории в инструмент и средство для наживы мировой финансовой олигархии, которая действует исключительно исходя из интересов своей выгоды, — Тарик Рамадан призывал мусульман, — восстановить в мире естественный справедливый порядок. Справедливость есть право каждого, а не подарок и не милость власть имущих. Необходимо требовать соблюдения своих прав, проведения социальной политики, которая позволит гражданам-мусульманам совместно с другими гражданами участвовать в реформировании общества, в котором они живут, на основах социальной справедливости»⁸⁹.

Теоретическими вопросами развития различных направлений исламской мысли во Франции занимались также такие известные мусульманские деятели, как Тарик Убру, Александр Кейро, Ахмед Джабалла. Тарик Убру, имам-ректор мечети в г. Бордо, считался наряду с Тариком Рамаданом, одним из наиболее видных идеологов в мусульманских кругах Франции и Европы. Он разрабатывал свою собственную концепцию развития ислама в Европе и развивал достаточно оригинальные и амбициозные идеи по интерпретации коранических текстов. Тарик Убру разделял основные положения идеологии «Братьев-мусульман», которые провозглашали каноны Корана и мусульманские ценности вечными и непреходящими, приемлемыми в любом месте и любое время. Тем не менее, Тарик Убру считал важным освободить ислам от всего, что мешает «мусульманской мысли стать легитимной дочерью Запада»⁹⁰. Он призывал также к такой интерпретации Корана, которая основывается на знании исторического и социального контекста, при котором возникли те или иные суры. Мусульманскую теологию, согласно Т. Убру, необходимо реформировать, не порывая с ее принципиальными основами. В своих работах (книга «Единственность Бога. Божественные имена и атрибуты», 2006 г., и ряд статей) Т. Убру пытался выработать некий «шариат меньшинства». С одной стороны он создавал основы минимальной ортодоксальности, с другой стороны проповедовал сохранение ритуальной и этической практики. Он сохранял нормативную роль шариата и вместе с тем пытался представить

⁸⁸ Tarik Ramadan. *La foi, la voie et la resistance*. Lyon, 2008. P. 73.

⁸⁹ Ibid. P. 73.

⁹⁰ Cit. on: Brigitte Marechal. P., 2009. P. 137.

мусульманское право (фикх) в светском контексте и инкорпорировать дух французского права в рамки шариата. В то же время Т. Убру отмечал близость духовных и моральных ценностей ислама и христианства. В этой связи достаточно симптоматично, что четверо детей Т. Убру обучались в католической школе⁹¹.

В отличие от Т. Убру, другой достаточно известный проповедник европейского ислама Александр Кэйро, разрабатывавший фетвы для Европейского совета по фетвам и исламским исследованиям (*Conseil européen de la fatwa et de la recherche*), предлагал легитимизировать личное право мусульманина выбирать свою мусульманскую идентичность на религиозной или только на культурно-исторической основе, исходя из признания принципа реального плюрализма.

Во Франции на веб-сайтах мусульманских организаций регулярно публиковались статьи, посвященные различным вопросам, связанным, как с повседневной жизнью мусульманской общины, так и с теологическим дискурсом. Так, например, вопросу совместимости ислама с демократией, вызывавшему острые дискуссии в среде мусульманских философов и идеологов, как в Европе, прежде всего во Франции, так и в мусульманском интеллектуальном мире, в 2013 г. была посвящена обширная статья «Совместима ли демократия с исламом». В ней была сделана попытка определения демократии, как социального феномена, приведены мнения таких известных основоположников демократического государственно-политического устройства, как Авраам Линкольн и Алексис Токвиль, рассмотрены суры Корана, соотносимые с основными положениями демократии, такими, как всеобщие выборы главы государства, право народа требовать у него отчета, правовое государство и разделение властей. В итоге был сделан вывод о том, что «принципиальные элементы демократии целиком совместимы с исламом. Эти принципы применимы повсюду, но каждое общество должно найти свою модель демократии, соответствующую его истории и культуре»⁹².

Наряду с мусульманскими деятелями, развивавшими исламскую теоретическую мысль, значительное влияние на этот процесс оказывали также видные исследователи философии и истории ислама, не состоявшие в мусульманских организациях. Одним из наиболее известных из них являлся Мухаммед Аркун (1928–2010), представитель старшего поколения мусульман-иммигрантов во Франции, родившийся в горном районе Большой Кабилии в Алжире. Приехав во Францию и получив здесь высшее образование, он, в последствие стал профессором Сорбонны, известней-

⁹¹ La Croix. P., 16.12.2009. P. 16.

⁹² La démocratie est-elle compatible avec l'islam. URL: <http://www.uoif-online.com> (Дата обращения — 5.09.2013).

шим специалистом по арабской литературе, а также одним из лучших знатоков философии и истории ислама, признанным во Франции и в Европе. В своих работах он предлагал критический взгляд на ислам «изнутри» по отношению к его собственным принципам и ценностям. М. Аркун анализировал феномен исламизма и развенчивал концепцию джихада. Он рассматривал также такие вопросы, как роль ислама в арабской революционной мысли и ее вклад в идеологию «арабского возрождения»⁹³.

В 2010–2015 годах во Франции, так же, как в других странах ЕС, наблюдалось усиление присутствия ислама и его различных течений, как в религиозном, так и в социокультурном плане. В немалой степени это стало результатом неудачи политики мультикультурализма и попыток интеграции мусульман в европейские общества, а также усиления исламистских движений в результате «арабской весны». Значительная часть мусульманского сообщества во Франции и в Европе в целом, продолжало исповедовать ислам, как основу своей идентификации. Причем расло число последователей радикальных его течений, что подтверждало значительное количество мусульман-граждан ЕС, прежде всего из Франции и Бельгии, воевавших в рядах «исламского государства» (ИГ) в Сирии и Ираке, а также серия терактов во Франции, Бельгии и Германии в 2015–2016 гг., исполнителями которых были радикальные исламисты.

Вышеприведенные различные варианты исламистской идеологической доктрины и модели «исламского государства» представляли собой некую облеченную в религиозную форму концептуальную идею построения справедливого мироустройства, где восторжествуют «исламская социальная справедливость» и «исламские ценности». Она стала теоретической основой и идеологической базой современных исламистских движений. Исламистская доктрина государства и власти, не смотря на свою утопичность, способна привлекать часть мусульман. Особенно в условиях кризисных явлений в социально-экономической и иных сферах, имевших место, как в арабо-мусульманском мире, так и в Европе, затрагивавших здесь, в первую очередь мусульманские сообщества.

⁹³ Mohammed Arkoun. *La pensee arabe*. PUF, P., 2012. P. 110.

Глава 2

Алжирское общество и исламистское движение в 1970–2017 годах

1. Эволюция исламистского движения в Алжире в 1970–1980-х годах

После завоевания независимости в 1962 г. и в последующие десятилетия в 1960–1980-е годы в Алжире претворялась в жизнь концепция «социалистической ориентации». В своей основе положения социалистической ориентации были заимствованы из китайского, югославского, кубинского и советского опыта. Популярность идей социализма объяснялась в то время конкретными успехами, достигнутыми в социально-экономическом развитии в странах социалистического блока. В этой связи можно сослаться на высказывания американского исследователя Уильяма Куондта о том, что «Советская Россия, несмотря на имевшиеся негативные стороны своего развития, показала пример решения многих социальных проблем и сумела на протяжении жизни одного поколения провести индустриализацию и превратиться из аграрной страны в мощную сверхдержаву, обладавшую ядерным оружием и успешно осваивавшую космическое пространство»¹.

Сущность идеологии социалистической ориентации состояла в утверждении доминирующей роли государства в развитии общества. Миссия государства, по мнению идеологов этой концепции, состояла в том, чтобы на основах социальной справедливости построить общество, в котором всем его членам будет обеспечен достаточно высокий уровень жизни. Для выполнения этой задачи необходимо было заботиться об улучшении народного образования и здравоохранения, проводить индустриализацию и бороться с бедностью. Сторонники социалистической ориентации внесли существенный вклад в формирование концепции, называвшейся в странах арабского мира «национальный, арабский или исламский социа-

¹ Quandt William. *Algerie: aux portes de la democratie* // *Jeune Afrique*, 1999. № 2002. P. 43.

лизм». Известный российский востоковед Р. Г. Ланда справедливо подчеркивал в связи с этим, что в Алжире «борцы за его независимость, в первую очередь, воспринимали освободительное, обще демократическое содержание социалистических учений»². Главными составляющими «алжирского социализма» являлись национализм, некоторые экономические положения, заимствованные из научного социализма и ислам³. «Арабо-исламские ценности», провозглашавшиеся в период национально-освободительной войны 1954–1962 гг. как основа самоидентификации алжирцев-мусульман органично вписались в доктрину алжирского социализма. Во время борьбы за независимость и в первое десятилетие после ее завоевания ислам существовал в рамках официальной идеологии, являясь ее составной частью, и, таким образом, не был силой, оппозиционной алжирскому национализму. Более того, в первом обращении Фронта национального освобождения (ФНО) к алжирскому народу 31 октября 1954 г., послужившим призывом к началу национально-освободительной войны, заявлялось о необходимости завоевания национальной независимости «посредством восстановления суверенного демократического социального

² Ланда Р. Г. Из истории социалистических идей в Африке. М., 1990. С. 18.

³ Алжир — мусульманская страна, где 99,6 % населения исповедовало ислам, являвшейся согласно Конституции АНДР государственной религией. Большинство алжирских мусульман исповедовало суннизм маликитского мазхаба. В VIII в. в Магрибе, в том числе на территории современного Алжира распространился хариджизм. Часть алжирских мусульман являлись ибадитами, сторонниками наиболее умеренных хариджитов. В Алжире ибадитов чаще называли мозабитами (от названия оазиса Мзаб в центральной части страны). В этническом отношении мозабиты являлись берберами. Число мозабитов не превышало 0,5 % мусульманского населения страны. В Алжире имелись представители суфизма. Суфии объединены в тарикаты — религиозные братства, имевшие свои завии — комплекс сооружений, обычно соединявшими в себе мечеть, медресе и куббу, то есть, мавзолеей марабута-основателя. Культ святых — марабутов и местные народные поверья (так называемый марабутизм, или народный ислам) привлекали значительное число сельского населения, кочевников и часть горожан. Большинство завий суфийских братств расположены в северных районах страны. Наиболее известные тарикаты в Алжире: Рахманийя, Тиджанийя, Кадирийя, Хансамийя, Шадилиия, Таибийя, Исавийя и Сенусийя. Если до завоевания независимости Алжиром численность членов этих тарикатов, называемых *хванами* («братьями») исследователи оценивали в 250–450 тыс., то сейчас об их числе говорить сложно, ибо влияние религиозных братств в условиях независимого Алжира значительно уменьшилось. Приверженцы других религий (христианства и иудаизма) обладали законодательно гарантированной свободой вероисповедания. Христиане Алжира составляли менее 0,4 % населения. Подавляющее большинство их (в основном французы, а также испанцы, итальянцы и др.) принадлежало к римско-католической церкви и проживало в столице и крупных прибрежных городах. Незначительное число приверженцев иудаизма представляли магрибинские евреи — мисра, проживавшие преимущественно в нескольких крупных городах — Алжире, Ороне, Константине. Многие из них в начале 1960-х гг. покинули страну.

алжирского государства в рамках исламских принципов»⁴. Кроме того, многие известные деятели Ассоциации алжирских улама-реформаторов⁵ вошли в руководство ФНО и в состав правительства АНДР и полностью поддерживали официальную идеологическую доктрину. Так, например, Тауфик аль-Мадани, один из ближайших соратников основателя и первого президента Ассоциации Абд аль-Хамида Бен Бадиса, стал министром по религиозным делам. В свою очередь, шейх Ахмед Хаммани, один из наиболее авторитетных мусульманских деятелей Ассоциации, был назначен генеральным инспектором по образованию на арабском языке, а впоследствии президентом Высшего исламского совета Алжира⁶.

Единственной исламистской оппозиционной организацией в тот период стала ассоциация «Исламские ценности» (*аль-Кьям аль-ислямийя*). Она была создана в 1963 г. несколькими улама во главе с членом руководства Алжирского университета Хашеми Тиджани⁷ и группой исламистски настроенной интеллигенции, последователей Сайида Кутба. Ассоциация провозглашала своей целью защиту ислама и борьбу против социалистической ориентации, называя ее «разрушительной импортированной идеологией»⁸. В своем печатном органе — газете «Мусульманский гуманизм» (*Humanisme musulmane*), лидеры ассоциации утверждали, что в мусульманском обществе «любая партия, политический режим или руководитель должны быть признаны незаконными, если они не основывают свою деятельность на исламе»⁹. Тем не менее, на практике ассоциация не призывала к насильственным действиям и ограничивалась проведением собраний, митингов и призывами к руководству страны проводить политику в соответствии с мусульманскими традициями. Несмотря на поддержку отдельных членов руководства ФНО, в том числе Мухаммеда Хидера¹⁰, сторонники «Исламских ценностей» не стали достаточно влия-

⁴ Cit. on: Harbi Mouhammed. Les archives de la revolution algerienne. P., 1981. P. 102.

⁵ Ассоциация алжирских улама-реформаторов была создана в 1931 г. известным алжирским мусульманским общественно-политическим деятелем шейхом Абд аль-Хамидом Бен Бадисом.

⁶ Benkheira M. Un Mufti contemporaine: Ahmed Hammani. Contributions a une sociologie de l'islam Algerien // Arabica, tome 66, Leiden, 1988. P. 1.

⁷ Хашеми Тиджани также был членом Ассоциации алжирских улама-реформаторов.

⁸ Cit. on: Willis Michael. The Islamist Challenge in Algeria. A Political History. N. Y., 1997. P. 42.

⁹ Ibid. P. 42.

¹⁰ Мухаммед Хидер — видный деятель алжирского национально-освободительного движения, занимавший высокие посты в руководящих органах независимого Алжира (член Революционного совета ФНО, генеральный секретарь Политбюро ФНО). В ходе внутренней борьбы в алжирском руководстве и из-за разногласий с президентом Бен Беллой Мухаммед Хидер в 1964 г. вынужден был эмигрировать из Алжира и в 1967 г. погиб при невыясненных обстоятельствах в Мадриде.

тельной силой в обществе, их движение не приобрело массового характера, и в 1965 г. ассоциация была распущена властями.

Ислам на протяжении всего периода 1970–180-х годов являлся составным элементом официальной идеологии, и его значение в ней по мере возникновения и углубления кризисных тенденций в обществе продолжало возрастать. Своеобразный альянс ислама с доктриной национального социализма в то время представлял собой явление закономерное и исторически обусловленное. Ее идеологи считали, что ислам, будучи устоявшейся системой морально-этических норм и интегральной частью национального менталитета, должен был выступать в качестве элемента, объединяющего национализм и социалистическую доктрину. Роль ислама была закреплена и конкретизирована в Национальной хартии АНДР, принятой в 1976 г. В частности, в разделе «Ислам и социалистическая революция» говорилось: «Ислам, будучи неотъемлемой частью нашей самоидентификации, выступает, как одно из могущественных средств борьбы против всех попыток лишить Алжир его самостоятельности»¹¹. Президент Алжира Хуари Бумедьен, подчеркивая соответствие алжирского социализма духу ислама, в своем выступлении на 3-м съезде Национального союза алжирских крестьян в 1974 г. заявлял: «Наша революция и социальные преобразования логически интегрировались в историческую ретроспективу ислама, являющегося по своей сути революционной религией. Ислам вышел на историческую сцену, чтобы принести людям настоящую свободу, и мусульманские народы в их борьбе против империализма опираются на исламские принципы»¹². Необходимо признать, что значительная часть алжирского общества в тот период поддерживала социалистическую ориентацию с ее лозунгами о равенстве и социальной справедливости, как соответствующую исламским канонам. Наряду с этим доктрина алжирского социализма ассоциировалась в общественном сознании со значительными успехами, достигнутыми Алжиром в 1970-е годы в экономической и социальной областях. Национализировав свои нефте-газовые месторождения, Алжир смог увеличить доходы от экспорта энергоносителей за период с 1972 по 1977 г. почти в 10 раз, и они составили примерно 22 млрд амер. долл., что позволило в годы наибольшего подъема индустриализации (1971–1977 гг.) построить 270 промышленных предприятий, 150 дорог, каналов и линий электропередач¹³. Это давало возможность алжирскому руководству одновременно проводить индустриализацию страны и улучшать условия жизни населения, так как ВВП Алжира в 1970–1977 гг. в среднем ежегодно возрастал на 8,5 %¹⁴. Поступавшие в государственный бюджет

¹¹ Национальная Хартия АНДР 1976. М., 1979. С. 31.

¹² Cit. op: Francos A., Sereni G.-P. Un Algerien nomme Boumediene. P., 1976. P. 375.

¹³ Цит. по: Аргентов В. А. Алжир на новом пути. М., 1982. С. 32.

¹⁴ Ланда Р. Г. История Алжира XX век. М., 1999. С. 167.

средства позволили правительству финансировать строительство муниципального жилья и создать систему бесплатного образования и медицинского обслуживания. Наряду с этим Алжир в 1970-е гг. стал одним из признанных лидеров стран «третьего мира» и движения неприсоединения и возглавил борьбу за установление новых, более справедливых, по мнению руководителей этих стран, международных экономических отношений между индустриально развитыми и развивающимися государствами.

Вместе с тем, при декларируемом государством принципе всеобщего равенства и социальной справедливости традиционно доминирующее положение в алжирском обществе занимали представители армейской элиты, как действовавшие, так и перешедшие после отставки в государственно-политические и коммерческие структуры. Именно они, а также ветераны национально-освободительной войны, объединенные в Национальную организацию муджахидов (НОМ), имели в Алжире наибольшие привилегии. В 1980-е годы в Алжире, как отмечал известный алжирский социолог Мухаммед Бухобза, «уровень благосостояния человека во многом зависел от его близости к власти имущим. Такая ситуация начала вызывать у населения чувство недоверия к власти и порождать обвинения ее в протекционизме и коррупции»¹⁵.

С конца 1970-х и, особенно, в 1980-х гг. в алжирской экономике стали ощущаться кризисные явления, связанные с падением мировых цен на углеводородные энергоносители и соответственным уменьшением доходов от их экспорта, а также, все в большей степени проявлявшейся неэффективностью директивной системы экономического планирования. В результате замедлился экономический рост, сокращалось финансирование социальной сферы и начал снижаться жизненный уровень населения. Наряду с этим, падал авторитет власти, и теряла поддержку в общественном сознании официальная идеология социалистической ориентации. Вместе с тем победоносная исламская революция в Иране в 1979 г. и гражданская война, начавшаяся в Афганистане, привлекавшая тысячи мусульман в ряды афганских исламистских боевиков, боровшихся против афганского правительства и поддерживавших его советских войск, способствовали подъему в мусульманском мире, в том числе, в Алжире исламского фундаментализма и идеологии «исламского возрождения» (*нахда ислямий*). К этому же периоду, то есть, к концу 1970-х – началу 1980-х годов относится начало формирования в Алжире оппозиционной власти исламистского движения. Его возникновению способствовало также появление в Алжире на фоне усиления внимания общества к «исламскому возрождению» большого количества исламистской литературы. По свидетельству одного из из-

¹⁵ Cit. on: Jeune Afrique. P., 1999. № 2002. P. 44.

вестных мусульманских деятелей Ахмеда Марани, в Алжире во второй половине 1970-х гг. «появились труды Сейида Кутба, Сейида Сабики, Омара ат-Тильмисани, Хасана аль-Банна, Саида Хауи, Мустафы Машхура. Это были яркие произведения, призывавшие к активному действию»¹⁶. Становлению оппозиционного исламистского движения способствовали также проповеди в свободных мечетях¹⁷ известных алжирских улама (мусульманских деятелей), таких как Абд аль-Латыф Солтани¹⁸, Ахмед Сахнун, Омар Арбауи и др. Все они были сподвижниками Бен Бадиса и в период существования Ассоциации алжирских улама принимали активное участие в ее работе. Тем не менее, в отличие от многих ее членов, поддерживавших официальную доктрину ФНО, эти улама выступили против ее социалистической направленности, не соответствующей, по их мнению, «исламской морали»¹⁹. В последствие такие известные исламистские лидеры, как Мустафа Буали, Аббаси Мадани и Али Бенхадж, называли вышеупомянутых улама своими духовными учителями, проповеди которых в значительной степени повлияли на формирование их мировоззрения.

Алжирское исламистское движение в конце 1970-х – 1980-х гг. условно можно разделить на два течения — радикальное и умеренное. К радикальному, в первую очередь, относилось «Вооруженное алжирское исламское движение» (ВАИД) [*аль-Харака аль-мусалляха аль-ислямийя аль-джазаирийя*], созданное в конце 1970-х гг. Мустафой Буали, бывшим активным участником национально-освободительной войны и членом ФНО. Своей целью Мустафа Буали провозгласил «восстановление законов шариата и создание исламского государства в Алжире»²⁰. Для ее достижения он с 1982 г. избрал путь вооруженной борьбы против режима ФНО, обвинив его в узурпации власти и объявив ему *джихад* (священную войну). Дуди Мухаммед Абд аль-Хади, один из имамов столичной мечети «Аль-Ашур», где проходили первые собрания сторонников Мустафы Буали, характеризовал его, как «мусульманина, известного своей прямоотой, приверженностью исламу и своей родине. Эти качества позволили Мустафе Буали собрать вокруг себя настоящих муджахидов»²¹.

¹⁶ Аль-Ахрам ад-дувалий, Каир. 12.06.1999. С. 8.

¹⁷ Свободные мечети — мечети, в которых имамы не были назначены алжирскими властями. Многие из свободных мечетей были открыты улама из Ассоциации алжирских улама-реформаторов. После роспуска Ассоциации улама продолжали вести проповеди в этих мечетях.

¹⁸ Абд аль-Латыф Солтани в 1960-х гг. входил также в руководство оппозиционной властям исламистской организации «аль-Кьям аль-ислямийя».

¹⁹ Cit. on: Al-Ahnaf Mustafa, Botiveau Bernard, Fregosi Franck. L'Algerie par ses islamistes. P., 1991. P. 61.

²⁰ Cit. on: Gilles Kepel. Jihad. Expansion et declin de l'islamisme. P., 2000. P. 170.

²¹ Cit. on: François Burgat. L'Islamisme au Maghreb. P., 1988. C. 165.

В течении 1982–1987 гг. боевики из «Вооруженного алжирского исламского движения» (ВАИД) совершали террористические акции против органов власти, а также против учреждений, деятельность которых, по мнению ВАИД, «была не совместима с подлинным исламом»²². В их числе были женские общественно-просветительские организации, светские библиотеки, бары и рестораны, где продавались алкогольные напитки. Группы боевиков ВАИД действовали на западе Алжира, в районе г. Оран, а также на востоке вблизи городов Сетиф и Скикда и в окрестностях столицы г. Алжир. Руководство ВАИД планировало покушение на премьер-министра и похищение заместителя генерального секретаря ФНО. Однако эти планы не были реализованы. В феврале 1987 г., в ходе операции алжирских спецслужб Мустафа Буали был убит и большинство его боевиков (более 200) арестовано.

Социальный состав движения Мустафы Буали достаточно наглядно иллюстрируют данные о принадлежности к тем или иным слоям общества арестованных членов ВАИД. Так, из 202 представших перед судом боевиков 49 были рабочими, 29 — батраками, 4 — техниками, 22 — мелкими торговцами, 12 — школьными учителями, 8 — студентами, 5 — государственными служащими, 13 — безработными²³. На основе этих данных можно заключить, что в жесткую оппозицию властям становились наряду с самыми неимущими слоями населения также представители интеллигенции и мелкой буржуазии, которые ранее, в своем большинстве, поддерживали режим.

Тем не менее, надо признать, что ВАИД не приобрело характер массового движения и не пользовалось сколько-нибудь заметным влиянием в алжирском обществе. Это объяснялось, в первую очередь, его радикальным характером, ограничивавшим круг его сторонников экстремистски настроенными исламистами. Наряду с этим руководство ВАИД не смогло выработать сколько-нибудь четкую программу, которую бы поддержала достаточно значительная часть населения. Правящий режим, несмотря на начавшийся социально-экономический кризис, обладал достаточно эффективными силовыми структурами, чтобы на том этапе подавить исламистский экстремизм. В то же время ВАИД оказало достаточно существенное влияние на последующее развитие алжирского исламистского движения. Именно из числа ближайших соратников Мустафы Буали в последствие вышли наиболее непримиримые лидеры вооруженной исламистской оппозиции, такие как Мансури Мелиани, Абд

²² Willis Michael. The Islamist Challenge in Algeria. A Political History. N. Y., 1997. P. 82.

²³ Harbi Mouhammed. Analyse de MAIA//Jeune Afrique-Plus. P., Septembre-Octobre 1990.

аль-Кадер Шеббути, Мухаммед Лаамамра, возглавившие в 1990-е гг. отряды исламистских боевиков.

Наряду с ВАИД в Алжире в конце 1970-х – начале 1980-х гг. действовали еще несколько относительно малочисленных группировок, которых можно отнести к радикальной исламистской оппозиции. К ним, в частности, принадлежали боевики, совершившие в 1976 г. террористические акты на линиях телеграфной связи между городами Блида и Алжир. Тем не менее, можно утверждать, что в 1980-х гг. радикальное течение исламистского движения не приобрело сколько-нибудь значительного масштаба и не имело поддержки в алжирском обществе.

Значительно большим влиянием в этот период в Алжире стали пользоваться исламистские организации, которые также проповедовали возврат к «исламским ценностям», но, при этом не призывали к джихаду. Они проявили себя, в основном, в области просвещения и культуры, требуя от властей расширения сети исламского образования, строительства новых мечетей, повсеместного соблюдения «исламской морали» и удаления из государственных органов тех служащих, которые ее не соблюдали. Наиболее известной среди них стала созданная в конце 1970-х гг. организация «Ахль ад-даава» (Люди призыва — араб. яз.), пользовавшаяся достаточным влиянием как в столице и центральных областях Алжира, так и на востоке страны, в г. Константина²⁴. Необходимо отметить также, что в начале 1980-х гг. исламистская идеология стала довольно широко распространяться среди алжирского студенчества. В этот период исламистски настроенные студенты организовали во многих высших учебных заведениях страны выступления, зачастую переходившие в столкновения с членами левых молодежных организаций.

Среди руководителей этих выступлений выделялся вышеупомянутый Аббаси Мадани, начинавший свою деятельность в исламистском движении еще в рядах ассоциации «Исламские ценности». Активный участник национально-освободительного движения, узник французских тюрем, он вышел из рядов ФНО из-за несогласия с политикой его руководства. Будучи преподавателем психологии Алжирского университета Аббаси Мадани в 1982 г. направил властям петицию с рядом требований после того, как его сторонники организовали забастовку студентов арабоязычных факультетов университета. Бастовавшие выступали против якобы имевшей место практики предпочтительного приема в государственные учреждения выпускников франко-язычных факультетов и ареста полицией нескольких исламистски настроенных студентов, участвовавших в столкновениях с членами левых организаций. Наряду с Аббаси Мадани авторами послания являлись также известные алжирские улама Ахмед Сахнун и

²⁴ Ланда Р. Г. История Алжира XX век. М., 1999. С. 199.

Абд аль-Латыф Солтани. В этой петиции они заявляли, что «алжирская мусульманская молодежь подвергается актам насилия и незаконным репрессиям со стороны проникших в государственную систему агентов международного коммунизма, американского империализма и сионизма»²⁵. В петиции также отмечалось, что «эти силы наносят удар по религии, национальному достоинству, суверенитету страны и единству нации»²⁶. В виду серьезности создавшегося положения составители петиции требовали от властей принятия ряда мер, которые бы включали «изгнание из государственных учреждений и наказание лиц, враждебных исламу и выполняющих волю неокolonизаторов, запрещение совместного обучения юношей и девушек и недопущение преподавания предметов, несовместимых с исламской моралью, — далее предлагалось, — развивать экономику в соответствии с исламскими ценностными ориентирами и, в частности, предоставить всем гражданам равный доступ к природным богатствам страны, а также запретить процентный банковский кредит, осуждаемый Кораном»²⁷.

Анализируя требования, содержащиеся в данном послании, их, скорее всего, можно определить как декларативные и популистские, направленные на то, чтобы завоевать влияние и авторитет в студенческой среде. Тем не менее, необходимо признать, что ее авторы во многом достигли своей цели. Организованные исламистами студенческие волнения и столкновения с полицией и представителями левых партий охватили высшие и средние учебные заведения ряда алжирских городов, в частности, Алжира, Бен Ахнуна и Тизи Узу. Наиболее массовый характер они приобрели в столичном Алжирском университете.

На манифестации студентов власти ответили репрессиями и арестами. В числе арестованных оказались все три автора петиции. Старейший из них, шейх Абд аль-Латыф Солтани скончался, находясь под домашним арестом, в апреле 1984 г., и его похороны, в которых участвовали десятки тысяч человек, вылились в мощную манифестацию исламистов. Аббаси Мадани после освобождения из заключения в 1984 г. продолжал призывать «алжирское общество вернуться к истокам ислама»²⁸. В своих выступлениях, записанных на магнитофонные кассеты и распространявшихся затем в мечетях, а также в статьях, опубликованных в исламистских изданиях, он пытался развивать свою концепцию и теоретически обосновать

²⁵ Эта петиция распространялась в форме листовок, а затем была опубликована в нелегально издававшейся в Алжире исламистской газете «Суаль» (Вопрос). Полный текст петиции см.: Al-Ahnaf. Op. cit. Данный отрывок цитируется по этой книге. С. 45.

²⁶ Cit. on: Al-Ahnaf. Op. cit. P. 47.

²⁷ Op. cit. P. 48.

²⁸ Rouadjia Ahmed. Doctrine et discours du cheikh Abbasi // Peuples mediteranneens, juillet-decembre 1990, no 52–53. P. 36.

необходимость создания исламского государства. Аббаси Мадани обвинял Запад в «идеологической и культурной экспансии в мусульманские страны»²⁹ и считал использование французского языка в Алжире способом навязывания западной идеологии в алжирском обществе. Он призывал к повсеместному использованию арабского языка и активному проведению политики арабизации. В отношении развития экономики Аббаси Мадани предлагал перейти к исламским принципам ее функционирования, в том числе в банковской сфере (выше указанные *шура* и *хисба*), что привело бы, по его мнению, к «осуществлению концепции исламской социальной справедливости»³⁰.

Анализируя исламистскую концепцию Аббаси Мадани с точки зрения возможности ее конкретного применения, необходимо отметить, что она являлась абсолютно утопичной. Это касалось, как призыва отказаться от французского языка, что затормозило бы экономическое и культурное развитие алжирского общества, так и требований соблюдения шариата, в том числе, в финансовой сфере, что также было совершенно нереально. Тем не менее, в середине 1980-х гг., когда происходил общий подъем исламского фундаментализма в мусульманском мире, концепции Аббаси Мадани находили своих сторонников и начали все шире распространяться в Алжире.

Растущей популярности Аббаси Мадани в исламистском движении способствовали также его выступления в ходе развернувшейся в алжирском обществе полемики по поводу нового «Семейного кодекса». Острые дискуссии в СМИ между сторонниками принятия кодекса и их противниками и массовые манифестации как в поддержку, так и против кодекса стали заметным явлением в общественно-политической жизни Алжира в 1984 г. Основная борьба развернулась вокруг предложенных про исламистски настроенными деятелями ФНО наиболее консервативных статей кодекса, ущемлявших права алжирских женщин. Против включения такого рода статей в кодекс выступали демократически настроенные члены ФНО, «Всеобщий союз алжирских трудящихся» (ВСАТ) и женские общественные организации. В свою очередь, исламистские лидеры и, прежде всего, Аббаси Мадани, требовали, чтобы в «Семейном кодексе» абсолютно все положения полностью соответствовали законам шариата. С ним солидаризовался его соратник Али Бенхадж. Он, в частности, предложил «введение наказания в виде ста ударов палками за супружескую измену и содержание публичных домов, и отмену совместного обучения в учебных заведениях всех уровней»³¹.

²⁹ Мадани Аббаси. Хаджат ан-низам ат-тарбавий иля ль-ислах (Система воспитания нуждается в реформировании — араб. яз.) // Аль-Инсан. Париж. 1990. № 2. С. 36.

³⁰ Abbasi Madani parle. *Algerie-Actualite*. Alger, 1990. № 1264.

³¹ Ali Benhadj parle. *L'Horizons*, Alger. 23.02.1989.

Статьи «Семейного кодекса», ставившие в неравноправное положение женщину при разрешении имущественных споров, а также разрешавшие многоженство, вызвали протест женских общественных ассоциаций, организовавших в алжирской столице ряд демонстраций с требованием их отмены. В ответ Махфуз Нахнах, руководитель исламистской общественно-просветительской организации «Наставление и реформа» (*аль-Иршад ва-ль-ислах*), назвал участниц этих манифестаций «обманутыми жертвами неокOLONиализма» и призвал включить в Кодекс обязательное ношение женщинами паранджи. Одобрение «Семейного кодекса» парламентом и его принятие правительством в 1984 г. практически без изменений свидетельствовало об усилении влияния исламистского движения в алжирском обществе и во властных структурах страны.

Необходимо отметить, что в рассматриваемый период политика властей по отношению к исламистскому движению отличалась явной противоречивостью. С одной стороны, исламисты подвергались преследованиям, в том числе уголовным, свободные мечети, где проповедовали их лидеры, закрывались. В 1986 г. был принят закон о прекращении функционирования всех свободных мечетей в Алжире, и президент Шадли Бенджедид заявил: «Мы не можем отдать мечети в распоряжение тех, кто использует их в деструктивных целях»³². Вместе с тем, новым министром по религиозным делам был назначен про исламистски настроенный деятель ФНО Абд ар-Рахман Шибан, призвавший президента «восстановить традиционную мусульманскую систему ценностей, поставив в ней превыше всего ислам»³³. Сам президент Шадли Бенджедид подтверждал, что «мусульманская религия призывает к прогрессу и социальной справедливости, корни которой кроются в самой сущности ислама, а социализм в Алжире строится в рамках ислама и национальных ценностей»³⁴. Вместе с тем, в 1980-е гг., несмотря на заявления алжирских руководителей о неизменности курса социалистической ориентации, на практике ее приверженцы в ФНО и в алжирском руководстве стали все больше отесняться на задний план, уступая место сторонникам широкой арабизации и возвращения к «исламским ценностям».

Именно усилением исламской составляющей в официальной идеологии можно до известной степени объяснить двойственную позицию по отношению к исламистскому движению алжирских властей и самого Шадли Бенджедида. Возрастанию влияния про исламистского крыла в алжирском руководстве способствовала также активизация политики арабизации, происходившая в Алжире во второй половине 1980-х гг. В рамках про-

³² President declare. El-Moudjahid, Alger. 12.11.1986.

³³ Ibid.

³⁴ Revolution Africaine. Alger, 1984. № 1036. P. 18.

граммы арабизации больше внимания стало уделяться исламскому обучению. Широкий размах приобрело строительство мечетей. Так, например, в 1985 г. в г. Константина на востоке Алжира была построена с финансовой помощью ОАЭ самая большая в Магрибе мечеть, а также открыт исламский университет имени эмира Абд аль-Кадера. Число мечетей выросло с 800 в 1970-х гг. до 5 тыс. в середине 1980-х гг., количество студентов в исламских высших учебных заведениях увеличилось примерно за тот же период с 3 тыс. 500 до 40 тыс. 800³⁵. С 1979 г., когда после смерти Хуари Бумедьена президентом Алжира стал Шадли Бенджедид³⁶, занятия во всех алжирских высших учебных заведениях стали начинаться с обязательной молитвы. Сам Шадли Бенджедид дважды совершал хадж в Мекку и всячески старался поддерживать свой имидж добропорядочного мусульманина.

Идеологическая переориентация и постепенный отход алжирского руководства от социалистической доктрины объяснялись также намерением президента и его ближайшего окружения реформировать алжирскую экономику с целью ее перехода на рыночную модель. Это было обусловлено, прежде всего, нарастанием кризисных явлений и невозможностью, с точки зрения алжирского руководства, справиться с ними в рамках прежней директивной плановой системы. В связи с уменьшением доходов от экспорта энергоносителей государство не могло уже предоставлять дотации убыточным государственным предприятиям, оплачивать часть стоимости импортируемого продовольствия и финансировать в прежнем объеме социальную сферу.

Для идеологического и организационного оформления намеченных реформ в 1986 г. в Национальную хартию были внесены одобренные в ходе национального референдума изменения. В них, хотя и сохранялось упоминание о «коллективной собственности на средства производства, — тем не менее, отсутствовала формулировка о строительстве социализма, и основной упор делался на ислам и традиционные национальные ценности»³⁷.

³⁵ Ланда Р. Г. История Алжира XX век. М., 1999. С. 198.

³⁶ После смерти Хуари Бумедьена в декабре 1978 г. на 4-ом съезде ФНО, состоявшемся в январе 1979 г., генеральным секретарем ФНО был избран полковник Шадли Бенджедид, исполнявший обязанности министра обороны в связи с болезнью Бумедьена с октября 1978 г. Кроме него на высший государственный пост претендовали Абд аль-Азиз Бутефлика, министр иностранных дел и ближайший соратник Хуари Бумедьена, Касди Мербах, глава службы безопасности, и Мухаммед Салах Яхьяуи, координатор постоянного секретариата ЦК ФНО. Однако армейское руководство поддержало кандидатуру Шадли Бенджедид как «офицера с наивысшим воинским званием». 7 февраля 1979 г. Шадли Бенджедид был избран президентом Алжира. См. Ланда Р. Г. Указ соч. С 181; Balta Paul. Le grand Maghreb. Des independance a l'an 2000. P., 1990. P. 95.

³⁷ Revolution Africaine. Alger, 1986, numero special. P. 43–47.

Главным проводником реформ стал глава президентской администрации Мулуд Хамруш, известный деятель ФНО, получивший экономическое образование в Великобритании. Под его руководством группа наиболее компетентных специалистов в области права, финансов, управления производством, социологии, СМИ, народного образования, здравоохранения и представителей силовых структур разработала поэтапную программу реформирования экономики. На первом ее этапе, в соответствии с правительственными решениями, одобренными премьер-министром Абд аль-Хамидом Брахими, с 1987 г. начался процесс реструктуризации и децентрализации 60 крупных государственных объединений в 500 более мелких, которые становились акционерными обществами³⁸. Им предоставлялась экономическая самостоятельность с целью повышения их рентабельности и эффективности. Капитал таких акционерных обществ аккумулировался на счетах специально созданных «Фондов участия», которые должны были направлять производственную деятельность предприятий, входивших в данные акционерные общества и контролировать их рентабельность. В области сельского хозяйства планировалось ликвидировать все государственные фермы, многие из которых были убыточными, и распределить принадлежавшие им земли среди феллахов «в коллективное землепользование»³⁹. При этом крестьяне могли объединяться для совместного ведения хозяйства исключительно по их желанию. Необходимо признать, что эти реформы дали определенный положительный результат. В 1989 г. прирост ВВП в постоянных ценах (при отрицательных показателях предшествующих лет) составил 4,9 %⁴⁰, а производство пшеницы выросло с 614 тыс. тонн в 1988 г. до 850 тыс. тонн в 1989 г.⁴¹

Тем не менее, общее социально-экономическое положение Алжира во второй половине 1980-х гг. продолжало ухудшаться, что было связано с целым рядом причин, как объективного, так и субъективного характера. Прежде всего необходимо отметить, что в 1985–1986 гг. произошло наиболее значительное снижение мировых цен на энергоносители, в результате чего доходы Алжира от их экспорта уменьшились больше чем на 5 млрд амер. долл., то есть, почти на 40 % и именно к этому периоду подошел срок основных выплат по внешнему долгу Алжира, и расходы на его обслуживание составляли до 54 % валютных поступлений⁴². В такой

³⁸ Charef A. *Algerie. Le grand derapage*. P., 1994. P. 8.

³⁹ Ibid. P. 10.

⁴⁰ Algeria: *Stabilisation and Transition to the Market*. International Monetary Fund. Washington D. C., 1998. P. 12.

⁴¹ L'Algerie. *Le Monde*. 30.10.1990.

⁴² Willis Michael. *The Islamist Challenge in Algeria. A Political History*. N. Y., 1997. P. 99–100.

ситуации правительство, естественно, не могло должным образом финансировать социальную сферу, в том числе повышать заработную плату работникам государственного сектора и дотировать импортируемое продовольствие⁴³. Таким образом, в связи с уменьшением государственных субсидий произошел существенный подъем цен, в результате чего продукты питания подорожали, например, с января по октябрь 1988 г. на 40 %⁴⁴. Обострился жилищный кризис. В 1987 г. Алжир занимал одно из последних мест в мире по обеспеченности жильем (7,1 человек на единицу жилья) после Марокко (5,9) и Туниса (5,2), не говоря уже о Франции (2,5) и других странах Европейского союза (от 2,1 до 3,3)⁴⁵. В немалой степени обострению кризисных явлений способствовали также ошибки алжирского руководства в экономической политике, которые привели к диспропорции в распределении бюджетных средств, когда предпочтение отдавалось финансированию индустриальных объектов в ущерб социальной сфере, в том числе, жилищному строительству. Наиболее серьезной социальной проблемой стала безработица, особенно среди молодежи. К концу 1980-х гг. в результате демографического роста больше половины населения Алжира составила молодежь в возрасте до 30 лет, 40 % всех алжирцев были моложе 15 лет, прирост населения составлял 3,1 %⁴⁶. Такая ситуация в еще большей степени обострила проблему занятости, и безработица к 1987 г. составляла по официальным данным 18 %⁴⁷, по неофициальным 22 % трудоспособного населения⁴⁸. Причем среди молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет количество безработных возросло до 75 %⁴⁹. Наряду с этим начавшаяся в конце 1980-х гг. реструктуризация предприятий государственного сектора с целью повышения их рентабельности также вела к сокращению рабочих мест. Вместе с тем в государственном аппарате все шире распространялись коррупция, протекционизм и случаи незаконного обогащения. Так, например, Абд аль-Хамид Брахими, занимавший пост премьер-министра в правительстве президента Шадли Бенджедида с 1984 по 1988 г., утверждал, что «коррупцию и обогащение незаконными способами среди должностных лиц разного ранга в этот период можно было оценить в сумму около 26 млн амер. долларов»⁵⁰.

⁴³ В середине 1980-х гг. Алжир мог обеспечивать себя продовольствием только на 40 %, остальное импортировалось. См. *The Middle East Journal*. Washington, 07.1987.

⁴⁴ Willis Michael. Op. cit. P. 110.

⁴⁵ Basbous A. *L'Islamisme. Une revolution avortee?* P., 2000. P. 116.

⁴⁶ Algeria: Stabilisation. Op. cit. P. 4.

⁴⁷ Ibid. P. 4.

⁴⁸ *Le nouvel Observateur*. P., 1988. № 2228. P. 47.

⁴⁹ *Jeune Afrique*. P., 26.11.1986; 3.12.1986.

⁵⁰ Интервью Абд аль-Хамида Брахими, опубликованное в алжирской газете «аль-Васат» 15.03.1999.

В этой связи необходимо признать, что президент Хуари Бумедьен, имевший имидж непоколебимого вождя, которого называли «алжирским Сталиным, железной рукой управлявшим страной, — и, в то же время, — не притязательным и аскетичным в личной жизни»⁵¹, мог в определенной мере обуздывать такие негативные тенденции. Между тем Шадли Бенджедид⁵² не обладал харизмой своего предшественника и сам не был чужд стремлению к обогащению. Став президентом, он официально являлся собственником самого крупного в г. Оран (второго по величине города в Алжире) отеля и ресторана⁵³. В период его президентства высшие государственные чиновники и верхушка ФНО (как те, так и другие, в основном, были представителями военной элиты) имели помимо высоких окладов, постоянные премии (до 70 % оклада), роскошные виллы, дорогие автомашины и целый ряд привилегий. В то же время многие из них, являясь консультантами, акционерами, почетными председателями различных частных фирм, получали от них солидное вознаграждение за свое покровительство и протекцию.

Продолжавшийся в стране экономический кризис и снижение жизненного уровня значительной части населения вели к нарастанию социального протеста, кульминацией которого стали массовые антиправительственные выступления в октябре 1988 г. Началом для них послужил конфликт на автосборочном заводе Руиба (пригород г. Алжир) между рабочими и администрацией по поводу распределения прибыли. Обострившуюся ситуацию не смог разрешить даже прибывший на завод министр труда, который был встречен криками: «Долой капитализм! Да здравствует социализм!»⁵⁴. Вскоре конфликт перерос в столкновения с полицией, вызванной руководством завода. Рабочих поддержали студен-

⁵¹ Jeune Afrique. P., 1999. № 2000–2001. С. 51.

⁵² Шадли Бенджедид родился в 1929 г. в крестьянской семье, проживавшей на востоке Алжира, в районе г. Аннаба. С 1955 г. он примкнул к национально-освободительному движению и прошел путь от рядового солдата до командующего военным округом, члена Революционного совета и исполняющего обязанности министра обороны. Своим возвышением он в немалой степени обязан тому, что во время конфликта в 1962 г. между лидерами Временного правительства алжирской республики (ВПАР) и руководством генерального штаба алжирской Национально-освободительной армии (НОА) во главе с Хуари Бумедьеном он доказал свою верность последнему. Не лишенный способностей политического лидера Шадли Бенджедид, тем не менее, достаточно справедливо характеризуется американским исследователем Уильямом Куондтом как руководитель «достаточно беспцветный и посредственный». См. Quandt W. *Algerie: aux portes de la democratie* // Jeune Afrique, 1999, no 2000–2001. P. 52.

⁵³ Ланда Р. Г. «Политическая весна» и гражданская война в Алжире // Страны Ближнего Востока. М., 1998. С. 86.

⁵⁴ Цит. по: Ланда Р. Г. Октябрьские события 1988 г. в Алжире и их последствия // Ближний Восток и современность. М., 1989. С. 22.

ты и учащиеся расположенных здесь учебных заведений, а также многие жители этого района г. Алжир. Власти ответили массовыми арестами и избиениями протестующих. Акции протеста продолжались с 4 по 10 октября и охватили практически все крупные города Алжира, такие как Оран, Константина, Аннаба, Мостаганем, Сетиф и ряд других. Особенно широкий масштаб они приобрели в столице. Здесь 4 октября к манифестантам, большинство из которых были рабочие и учащиеся, присоединились десятки тысяч человек, в основном, безработная молодежь. Демонстранты выкрикивали лозунги: «Долой ФНО!» и «Шадли — *шмата* (вор, обманщик — араб. яз.)»⁵⁵. Манифестация сопровождалась погромами полицейских участков, государственных учреждений (было разгромлено два министерства), магазинов, где были обнаружены не имевшиеся в официальной продаже, но припрятанные для реализации на черном рынке продовольственные товары.

Необходимо подчеркнуть, что история независимого Алжира еще не знала антиправительственных выступлений такого размаха. Для их подавления власти вынуждены были использовать войска и бронетехнику, в результате чего погибло более 500 человек, и несколько тысяч манифестантов было арестовано⁵⁶. Очевидцы событий подчеркивали необычайную жестокость проявленную войсками, когда солдаты открывали огонь без предупреждения по любой группе молодых людей, попадавшей в поле их зрения. Автору этих строк, находившемуся в этот период в Алжире, самому довелось видеть в алжирской столице обгорелые фасады жилых зданий, разрушенные огнем танковых орудий. В то же время к арестованным участникам беспорядков применялись пытки, что в последствии подтверждали сами представители властей⁵⁷. Такие действия силовых структур вызвали протесты, как левой оппозиции, так и лидеров исламистов, которые в открытом письме президенту осуждали применение пыток и требовали принятия мер для поднятия уровня жизни наименее обеспеченных слоев населения⁵⁸.

Важно отметить, что исламисты сделали попытку возглавить начавшиеся антиправительственные манифестации. С этой целью они через несколько дней после их начала организовали марши протеста своих сто-

⁵⁵ Basbous A. Op. cit. P. 118.

⁵⁶ L'Express, P., 1988. № 1722. С. 52; Algeria and the Maghreb. Background Notes on the Rise of Violence and Causes of instability. The Canadian Security Intelligence Service (CSIS). Middle East Studies Programme. Washington D. C., February 1998. P. 3.

⁵⁷ Один из бывших руководителей алжирской службы безопасности Хишам Абуд утверждал, что по приказу генерала Мухаммеда Бетчина, являвшегося в октябре 1988 г. главой этой службы, к арестованным участникам беспорядков применялись пытки. См. Le Matin, P., 10.1998. С. 5.

⁵⁸ Willis Michael. Op. cit. P. 112.

ронников под исламистскими лозунгами. Во время их проведения в результате столкновений с войсками погибли несколько десятков их участников. Причем, по свидетельству очевидцев, войска открыли огонь по манифестантам только после того, как раздались выстрелы из рядов участников марша. Однако в тот момент исламистам не удалось стать во главе протестного движения и навязать ему свои лозунги. Тем не менее, Шадли Бенджедид 10 октября 1988 г. принял делегацию исламистских лидеров, в которую входили Аббаси Мадани, Ахмед Сахнун, Али Бенхадж и Махфуз Нахнах. Видимо, считая их истинными руководителями оппозиционных выступлений, он обсудил с ними пути выхода из кризиса и скорейшего прекращения беспорядков. В этот же день президент Шадли Бенджедид выступил по алжирскому радио и телевидению с обращением к нации. В нем он осудил «акты вандализма, саботажа и безответственные действия поддавшейся на провокации части молодежи, поставившей страну на грань гражданской войны»⁵⁹. В своем выступлении он упомянул об экономических трудностях и объявил о намеченных мерах по их преодолению, а именно, введение государственного контроля над ценами, улучшение обеспечения населения продовольствием и повышение заработной платы. Тем не менее, самым главным моментом в выступлении президента было объявление о предстоящих политических реформах, в частности, об изменении конституции «с целью дальнейшей демократизации Алжира, а также формирования нового правительства, подотчетного Национальной народной ассамблее (парламенту Алжира)»⁶⁰.

События октября 1988 г. стали важной вехой на пути развития алжирского общества. Именно после них начался этап его демократического преобразования. Социальную базу октябрьских выступлений в основном составляла безработная молодежь, протестовавшая против ухудшавшихся условий жизни. В этой связи можно сослаться на свидетельство алжирского исследователя Хосина Бенхейры, подчеркивавшего, что основными участниками антиправительственных манифестаций были «молодые безработные крупных промышленных центров, таких как Алжир, Оран, Аннаба и др. В небольших населенных пунктах, в свою очередь, проходили акции протеста, но они не носили столь массового и радикального характера»⁶¹. Тем не менее, автору этих строк приходилось видеть в октябре 1988 г. в расположенном на востоке Алжира г. Жижель (его население насчитывало 20 тыс. жителей) перевернутые и сожженные манифестантами автомашины и автобусы, а также военные патрули на перекрестках.

⁵⁹ *Revolution Africaine*. Alger, 1988. № 1285. P. 5.

⁶⁰ *Ibid.*

⁶¹ Benkheira H. *Un Desir d'absolu: Les emeutes d'octobre 1988 en Algerie//Peuples mediteranneens*, juillet-decembre 1990. № 52–53.

Некоторые исследователи пытались выявить реальных инициаторов выступлений протеста. Так, например, французский эксперт по исламистскому движению Антуан Басбу предполагал, что они были организованы про президентскими силами из ФНО с тем, чтобы нейтрализовать противников президента в руководстве ФНО, ускорить проведение реформ и способствовать переизбранию Шадли Бенджедид на третий президентский срок. При этом Антуан Басбу ссылаясь на высказывания, сделанные в последствие тогдашним командующим сухопутными войсками генералом Халидом Наззаром и премьер-министром Абд аль-Хамидом Брахими. Халид Наззар, в частности, заявлял, что события октября 1988 г. были ничем иным, как «открыто проявившимся столкновением противоборствовавших группировок внутри ФНО накануне его предстоящего съезда и в рядах манифестантов находились люди из различных течений ФНО, специально направленные туда для привлечения манифестантов на свою сторону. Однако, в дальнейшем, события вышли из-под контроля их организаторов»⁶². Абд аль-Хамид Брахими, в свою очередь, заявлял, что «манифестации в октябре 1988 г. были спланированы президентом с целью усилить его сторонников в ФНО и дать ему возможность выдвинуть свою кандидатуру на третий президентский срок»⁶³. Некоторые международные обозреватели, в том числе Махфуз Бенун из известного издания «Миддл Ист Репорт», полагали, что выступления могли быть инициированы профсоюзным объединением «Всеобщий союз алжирских трудящихся» (ВСАТ), «Партией социалистического авангарда» (ПСА) и левым блоком в ФНО⁶⁴. Однако мы разделяем точку зрения многих исследователей и, среди них, известного отечественного востоковеда Р. Г. Ланды, французского исследователя Жилия Кепеля и американского, Майкла Уиллиса, которые справедливо считают, что выступления октября 1988 г. никто не готовил. Они во многом носили стихийный характер и представляли собой взрыв социального протеста, давно назревавшего в алжирском обществе. Вполне естественно, что этим стихийным протестом могли воспользоваться самые различные политические силы, в том числе, противоборствовавшие группировки в ФНО. Особо следует отметить попытку исламистов возглавить октябрьские манифестации под исламистскими лозунгами. Однако в тот момент большинство участников выступлений их не поддержало, а властям достаточно быстро удалось подавить протестное движение.

Надо признать, что после октябрьских событий Шадли Бенджедид существенно укрепил свои позиции. После одобрения в начале ноября 1988 г. на общенациональном референдуме поправок к конституции и

⁶² El-Watan, Alger. 15.05.1996. P. 8.

⁶³ Basbous A. Op. cit. P. 119.

⁶⁴ Willis Mickael. Op. cit. P. 108.

формирования нового правительства в него уже не вошли такие противники выдвижения Шадли Бенджедида на третий президентский срок, как бывший министр иностранных дел Ахмед Талеб Ибрагими и бывший глава службы безопасности Медждуб Лакехаль Аят⁶⁵. Затем с поста главы постоянного секретариата ЦК ФНО (фактически вторая должность в его иерархии) был смещен Мухаммед Шериф Месаадия, также выступавший против переизбрания Шадли Бенджедида президентом. В результате такого явного ослабления своих противников Шадли Бенджедид в декабре 1988 г. в третий раз получил президентский мандат (он был единственным кандидатом). Причем в ходе предвыборной кампании сторонники президента всячески подчеркивали, что Шадли Бенджедид являлся единственным политическим лидером, который смог бы вывести Алжир из кризиса и осуществить демократические преобразования.

Незадолго до президентских выборов прошел 6-ой съезд ФНО, провозгласивший программу демократизации и реформирования государственно-политической системы, которую затем закрепила новая конституция. Ее статьи, одобренные на общенациональном референдуме 23 февраля 1989 г. 73,43 % участвовавших в нем алжирцев⁶⁶, предусматривали разделение исполнительной, законодательной и судебной власти и наделяли достаточно большими полномочиями президента. Он был ответственен за внешнюю политику и оборону, назначал премьер-министра, который, в свою очередь, формировал правительство и был под отчетен парламенту.

Новая алжирская конституция 1989 г. (основные положения которой были закреплены в конституции 1996 г.) признавала историческую роль партии ФНО в национально-освободительной борьбе и построении независимого Алжира, однако она уже не определялась как правящая партия. В тексте конституции отсутствовало упоминание о «социалистическом выборе», но подтверждалось, что «ислам является одним из основополагающих элементов самоидентификации алжирской нации»⁶⁷. Одновременно новая конституция гарантировала право алжирских граждан на создание «ассоциаций политического характера»⁶⁸, то есть политических

⁶⁵ Служба безопасности была разделена на два подразделения — Главное следственное управление государственной безопасности и военную контрразведку, во главе которых встал поддерживавший во время октябрьских событий Шадли Бенджедида генерал Мухаммед Бетчин, до этого руководивший армейской разведывательной службой. См. Charef A. *Algerie. Le grand derapage*. P., 1994. P. 10.

⁶⁶ *Revolution Africaine*, Alger. 1989. № 1305. P. 15

⁶⁷ Ад-Дустур. Аль-джумхурия аль-джазаиря ад-димукратя аш-шаабия. Аль-Джазаир 1996 (Конституция Алжирской народной демократической республики. Алжир 1996). С. 8.

⁶⁸ Там же. С. 11.

партий. Таким образом, в важнейшем государственном документе уже формально был закреплён отказ алжирского руководства от доктрины социалистической ориентации, и фактически вводилась многопартийная система. С принятием новой конституции, а затем в июле 1989 г. закона «О политических ассоциациях»⁶⁹, закреплявшего политический плюрализм, в Алжире начался этап демократических преобразований. Необходимо признать, что период конца 1980-х – начала 1990-х гг. характеризовался таким масштабом и уровнем политической свободы, которые не имели аналогов в арабском мире. Правительство Мулуда Хамруша распустило чрезвычайные суды государственной безопасности, разбиравшие дела политического характера, и отменило систему так называемых «синих карточек»⁷⁰ — анкет, заполнявшихся гражданами, баллотировавшимися на выборные должности и затем, визировавшимися службой безопасности.

В апреле 1990 г. был принят новый закон о СМИ, в результате чего к концу 1991 г. в Алжире появилось 169 новых газет и журналов⁷¹. Алжирские журналисты, объединённые с 1967 г. в подконтрольное властям «Национальное издательское и рекламное агентство» (Agence national de l'édition et de la publicité — ANEP), создали свою независимую организацию «Движение алжирских журналистов» (Mouvement des journalistes algériens — MJA). Кроме того, в соответствии с новым законом, те журналисты, которые, выйдя из государственных структур, хотели создать свое собственное издание, имели право три года получать довольно значительное пособие. Таким образом, были созданы популярные независимые газеты «El-Watan» (Родина), «Le soir d'Algerie» (Алжирский вечер), «аль-Хабар» (Новости — на арабском языке). Лево-демократическая, берберская и исламистская оппозиция, ранее находившиеся на полулегальном положении, получили право участвовать в общественно-политической жизни и иметь доступ к СМИ. Пребывавшие в эмиграции оппозиционные лидеры, такие как Хосин Аит Ахмед и Ахмед Бен Белла, смогли вернуться в Алжир и продолжить политическую деятельность.

Наряду с поистине грандиозными демократическими преобразованиями социально-экономическая ситуация в Алжире оставалась сложной. Прогрессировала инфляция и девальвация алжирского динара, стоимость которого по отношению к американскому доллару снизилась почти в два раза с 1988 по 1990 г., внешний долг страны увеличился с 24, 7 млрд амер. долл. в 1988 г. до 26,7 млрд амер. долл. в 1990 г.⁷² Продолжался рост цен, в том числе на продовольствие и на предметы первой необходимости. Цены

⁶⁹ Maghreb-Machrek, P., 1990. № 127. P.200–205.

⁷⁰ Charef A. Op. cit. P. 15.

⁷¹ Basbous A. Op. cit. P. 137.

⁷² Algeria: Stabilisation. Op. cit. P. 13.

на продукты питания выросли в 1989–1991 гг. в 4–5 раз, в то время, как минимальная зарплата была повышена менее, чем в два раза, с 1 тыс. до 1 тыс. 800 алжирских динаров. Одной из самых острых проблем оставалась безработица, которая в 1989 г. охватила почти 20 % трудоспособного населения. Жизненный уровень существенной части населения снижался, что провоцировало нарастание социальной напряженности в обществе. Такой ситуацией умело пользовались исламисты, развернув в условиях начавшихся демократических реформ широкую пропаганду своей доктрины, как в СМИ, так и на митингах, собиравших десятки тысяч людей.

Анализируя период демократических реформ, необходимо признать, что они, так же, как фигура их инициатора, президента Шадли Бенджедид, имели достаточно не однозначный характер. В самом Алжире демократизацию общественно-политической жизни конца 1980-х гг., с одной стороны, сторонники демократических реформ оценивали, как «грандиозный демократический эксперимент, не имевший прецедента в арабском мире»⁷³, с другой, противники президента называли его «началом черного десятилетия» (так в Алжире называли период противостояния властей с радикальными исламистами)⁷⁴. В свою очередь, сам Шадли Бенджедид называл себя «подлинным отцом демократических преобразований»⁷⁵. Между тем его бывший премьер-министр Абд аль-Хамид Брахими заявлял: «Я знаю Шадли очень хорошо, и я могу сказать, что он не имеет ничего общего с демократией»⁷⁶. Вероятно, истина находится где-то посредине. Во всяком случае, надо признать, что Шадли Бенджедид сыграл значительную роль, как инициатор демократических преобразований. В тоже время это не исключает того, что при этом он мог руководствоваться своими субъективными соображениями, в частности, намерением быть переизбранным на третий президентский срок. Вместе с тем важно отметить, что, если экономические реформы со стороны Шадли Бенджедид и его окружения планировались заранее, и их конечной целью являлся переход к рыночной системе хозяйствования, то политические преобразования во многом носили вынужденный характер. Толчком для них послужили массовые антиправительственные выступления в октябре 1988 г., которые показали, что страной уже невозможно было управлять в рамках прежней авторитарной системы. Изменение статуса ФНО, переставшего быть правящей партией и переход к многопартийности, возможно, объяснялся также

⁷³ Charef A. Op. cit. P. 6.

⁷⁴ Cit. on: Jeune Afrique, P., 2001. № 2089. P. 53.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Интервью, данное Абд аль-Хамидом Брахими, британскому исследователю Майклу Уиллису, которое он цитирует в своей книге: Willis Michael. The Islamist Challenge in Algeria. A Political History. N. Y., 1997. P. 120.

политической тактикой президента. Он стремился, с одной стороны, противопоставить набиравших силу исламистов всесилию военных, многие из которых были недовольны тем, что президент заставил армию выполнять полицейские функции в октябре 1988 г. В то же время, вводя многопартийность, Бенджедид хотел ослабить, таким образом, противников своего курса внутри ФНО. Тем более, что в ЦК ФНО в ноябре 1989 г. вновь были приняты давние его оппоненты — вернувшийся из вынужденной ссылки Абд аль-Азиз Бутефлика⁷⁷, Мухаммед Шериф Месаадия и Касди Мербах.

Существенным фактором, влиявшим на процесс демократизации, было отношение к нему армии, традиционно игравшей важную роль в алжирском обществе. Военная элита поддерживала реформаторский курс президента до тех пор, пока он был направлен на позитивные экономические преобразования. Вместе с тем после начала политической демократизации, часть армейской верхушки стала все с большим недоверием относиться к действиям Шадли Бенджедиды. Сам президент в последствии признавал, что «некоторые высшие офицеры были не в восторге от начавшегося демократического эксперимента»⁷⁸. Напряжение и подозрительность в отношениях между президентом и частью военного командования особенно стали нарастать после начала контактов Шадли Бенджедиды с исламистскими лидерами, которые приступили к созданию политических партий.

Тем не менее, период демократических преобразований в конце 1980-х – начале 1990-х гг. можно оценить как один из наиболее важных этапов истории страны после завоевания независимости. Алжирское общество за короткий отрезок времени совершило переход от авторитарной системы к широкой демократизации. Была сделана попытка построения демократического государства на многопартийной основе. В то же время надо признать, что эта попытка во многом не увенчалась успехом. Политические силы в Алжире, которые являлись носителями демократических тенденций, не сумели до конца воспользоваться предоставленными сво-

⁷⁷ В 1979 г. президент Шадли Бенджедид назначил проверку финансовой отчетности министерства иностранных дел, руководимого Абд аль-Азизом Бутефликой. В результате была обнаружена незначительная недостача крупных средств, использование которых якобы не было полностью документально подтверждено. Бутефлика оспаривал результаты проверки, но, тем не менее, возместил часть приписываемой ему недостачи. После начавшейся против него кампании в алжирских СМИ он был вынужден эмигрировать из Алжира. Вместе с тем, как в Алжире, так и за его пределами, многие обозреватели объясняли предпринятую ревизию стремлением Шадли Бенджедиды избавиться от Бутефлики, как потенциального соперника в борьбе за президентскую власть. См. Basbous A. *L'Islamisme. Une revolution avortee?* P., 2000. P. 174.

⁷⁸ *Jeune Afrique*. P., 2001. № 2089. P. 54

бодами и привлечь на свою сторону достаточное число алжирских граждан. Для значительной части населения демократия и плюрализм мнений не без влияния исламистской пропаганды продолжали оставаться явлениями, привнесенными извне и чуждыми мусульманским традициям. Напротив, исламистская доктрина, провозглашавшая необходимость создания «исламского государства на основах Корана», которое, как утверждали его идеологи, сможет разрешить все социально-экономические проблемы, оказалась более понятной и созвучной надеждам многих алжирцев. В результате на волне демократических преобразований в алжирском обществе в широких масштабах стала распространяться фундаменталистская идеология под лозунгами «исламского возрождения» и организационно оформляться исламистское движение.

2. Формирование и развитие исламистского движения в Алжире в конце 1980-х – начале 1990-х годов

Системный кризис, переживавшийся Алжиром на рубеже 1980–1990-х гг., явился одним из главных факторов, способствовавших широкому распространению фундаменталистской идеологии в алжирском общественном сознании и политическим успехам исламистского движения. В результате обострения жизненно-важных для большинства алжирцев проблем возник стихийный протест неимущих слоев населения, который сумели возглавить и использовать в своих политических целях исламистские лидеры. Исламизм и его лозунги стали своего рода идеологией этого протеста для многих алжирских граждан, требовавших улучшения условий жизни. В то же время проблемы, возникшие в ходе реализации доктрины «алжирского социализма», глобальный уход с мировой арены «социалистической идеи» и прекращение существования «социалистического лагеря» также способствовали, с одной стороны, идеологической переориентации алжирских руководителей и, с другой, — распространению в Алжире исламистских концепций, заполнявших собой своеобразный идейно-политический вакуум.

Значительную роль в усилении исламистского движения в Алжире сыграл также общий подъем исламского фундаментализма в мусульманском мире. Под его влиянием в Алжире сформировался слой молодой интеллигенции, исповедовавшей фундаменталистские концепции. Эта часть алжирского общества считала, что «исламское решение» (*халль ислямий* — араб. яз.), то есть создание «исламского государства» и построение «подлинно исламского общества» на основах шариата, в котором будет царить исламская «социальная справедливость», должно было стать альтернати-

вой всем «импортированным идеологиям», под которыми подразумевались как социалистическая ориентация, так и западная либерально-демократическая модель общества. Немалую роль в формировании исламистского мировоззрения у этой части молодого поколения алжирцев сыграли преподаватели арабского языка из Египта, Сирии, Судана и других арабских стран, которых начиная с 1970-х гг. алжирские власти приглашали в страну для проведения в жизнь политики арабизации. Многие из этих преподавателей являлись сторонниками исламистской идеологии и подвергались за это преследованиям в странах, откуда они приехали. Тем не менее, они продолжали проповедовать исламистские идеи своим алжирским учащимся. Только из каирского университета аль-Азхар прибыло 93 преподавателя, в том числе, известные деятели египетской ассоциации «Братья-мусульмане» Мухаммед аль-Газали и Юсеф аль-Кардауи. Немало молодых алжирцев, получивших образование у такого рода преподавателей, примкнули к исламистскому движению в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Представителем исламистски ориентированной части молодой интеллигенции являлся, например, Али Бенхадж (род. 1956 г.), ставший в 1989 г. заместителем руководителя «Исламского фронта спасения» (ИФС), самой влиятельной исламистской партии того периода.

Таким образом, в Алжире в конце 1980-х гг. сложилась социально-политическая ситуация, которая способствовала широкому распространению фундаменталистской идеологии и усилению исламистского влияния в обществе. В немалой степени этому содействовала политика правящих кругов, которые, с одной стороны, пытались противодействовать усилению исламистской оппозиции и, с другой, использовать фундаменталистское движение в своих целях, то есть, сделать его опорой режима. Наряду с запрещением политической (то есть, антиправительственной) пропаганды в мечетях правительство в лице министра по религиозным делам Буалема Баки заявляло об «огромной роли мечети, являвшейся центром, откуда исходил вечный свет священного Корана, и, которая должна была распространять исламскую культуру и формировать настоящего мусульманина на основе исламских ценностей, которые завещал Пророк»⁷⁹. В привлечении внимания алжирского общества к концепциям исламского фундаментализма внес свой вклад 18-й Конгресс исламской мысли, организованный по инициативе правительства АНДР в Алжире в июле 1989 г.

Вместе с тем в руководстве ФНО усиливалось влияние про исламистских сил. Подтверждением такой тенденции являлись публикации в официальном органе ФНО журнале «*Revolution Africaine*». Так, например, в

⁷⁹ Interview du ministre des affaires religieuses. *Révolution Africaine*. Alger, 1989. № 1311. P. 14.

статье «Третий путь», опубликованной 8 сентября 1989 г., исламский вариант общественного переустройства определялся как гипотетический «третий путь» развития Алжира наряду с социализмом и либерализмом. Здесь же заявлялось, что «цивилизационно-культурный кризис, сопряженный с экономическими трудностями, а также явный провал политики социалистической ориентации выдвинули на повестку дня „исламское решение“, как возможную альтернативу»⁸⁰. В то же время демократизация государственно-политической системы, объективно являясь позитивным явлением, тем не менее, в конкретной социально-экономической ситуации Алжира субъективно способствовала усилению влияния фундаменталистского движения и его организационному становлению.

К концу 1991 г. из 49 зарегистрированных в Алжире политических партий⁸¹ девять были исламистскими. В условиях того периода, характеризовавшегося подъемом исламского фундаментализма, почти все партии в той или иной степени использовали обращение к исламу в своей пропагандистской деятельности. Возможно, единственным исключением была «Партия социалистического авангарда» (наследница «Алжирской коммунистической партии»).

В свою очередь, представители правящего режима также взяли на вооружение исламистскую риторику. В частности, выше упоминавшийся министр по религиозным делам Буалем Баки в одном из своих выступлений заявлял, что «ислам принес с собой учение и философию, раскрывавшие смысл существования человека и его миссии на земле, то есть, трактовал понятия, которые должны были применяться в любом месте и в любое время»⁸². Однако алжирским властям не удалось заручиться поддержкой наиболее влиятельных улама и поставить под свой контроль набиравшее силу исламистское движение. Самые известные и уважаемые алжирские мусульманские деятели, такие как шейхи Абд аль-Баки Сахрауи, Абд аль-Латыф Солтани, Омар Арбауи, Ахмед Сахнун, находились в оппозиции властям.

Таким образом, право говорить от имени «подлинного ислама» практически монополизировали лидеры исламистских партий и объединений. Одной из первых 1 марта 1989 г. была создана «Лига исламского призыва». В нее вошли практически все наиболее известные исламистские деятели: Махфуз Нахнах, Аббаси Мадани, Али Бенхадж, Хашеми Сахнуни, Абд аль-Баки Сахрауи, Мухаммед Саид. Президентом «Лиги исламского призыва» (ЛИП) стал шейх Ахмед Сахнун, старейший (в то время ему было 83 года) и один из самых уважаемых ветеранов алжирского ислами-

⁸⁰ Revolution Africaine. Alger, 1989. № 1331. P. 19.

⁸¹ Ланда Р. Г. Указ. соч. С. 214.

⁸² Revolution Africaine. Alger, 1989. № 1311. P. 15.

стского движения, бывший член Ассоциации алжирских улама-реформаторов. ЛИП не ставила своей целью участие в политической борьбе. Она являлась над партийной структурой, призванной координировать деятельность всех направлений исламистского движения. В уставе ЛИП было записано, что ее «целями являлись укрепление позиции ислама на идеологическом и теоретическом уровне, сохранение и упрочение в алжирском обществе моральных норм, соответствующих шариату, и содействие справедливому решению насущных проблем, стоявших перед Алжиром»⁸³.

Идею создания единой исламистской партии, в задачу которой входила бы политическая борьба и конечной целью стало бы создание исламского государства в Алжире, по свидетельству журнала «аль-Мункыз», выдвинули шейхи Абд аль-Баки Сахрауи и Али Бенхадж⁸⁴. Однако, сразу это предложение поддержал лишь Аббаси Мадани. Он вместе с Али Бенхаджем возглавил создание самой крупной исламистской партии страны — «Исламского фронта спасения» (*аль-Джабхат аль-ислямийя ли-ль-инказ* — араб. яз.)⁸⁵, формирование которого завершилось к марту 1989 г.

Другие известные фигуры фундаменталистского движения в силу имевших место тактических разногласий между ними, а также личных амбиций предпочли создать собственные политические партии. Наиболее влиятельными из них стали «Хамас»⁸⁶ (Движение исламского общества) и «Нахда». Во главе партии «Хамас» (переименованной в 1996 г. в «Движение общества за мир» (*Харакат аль-муджтамаа ли-с-сильм* — араб. яз.)) встал шейх Махфуз Нахнах, видный исламистский деятель с многолетним стажем⁸⁷, член международной ассоциации «Братья-мусульмане» и ее

⁸³ Al-Ahnaf. Op. cit. P. 30.

⁸⁴ Аль-Мункыз. Аль-Джазаир (Алжир), 1989. № 19. С. 15.

⁸⁵ В интервью, опубликованном 26 марта 1990 г. в алжирской газете «аль-Масар аль-магрибий» (Магрибский путь), Аббаси Мадани объяснял название партии следующим образом: «Это — фронт, потому, что он борется и представляет все слои алжирского народа, имеющие единые интересы и общую судьбу. Определение «исламский» объясняет нашу цель, для достижения которой мы будем проводить социально-экономические реформы. Слово «спасение» определяет миссию по спасению исламской веры, которая ведет нас по правильному пути и не позволяет совершать ошибок. В более широком смысле эта миссия имеет исторический, экономический, социальный, культурный и цивилизационный аспекты».

⁸⁶ Хамас (воодушевление, энтузиазм — араб.) — название представляло собой, с одной стороны, синоним палестинского национально-освободительного движения исламской направленности, с другой, — аббревиатуру, расшифровывавшуюся как *харакат аль-муджтамаа аль-ислямий* — движение исламского общества.

⁸⁷ Махфуз Нахнах с середины 1970-х гг. примкнул к исламистскому движению. Он был участником подпольной группы, действовавшей в контакте с радикальной исламистской организацией «Вооруженное алжирское исламское движение» (ВАИД), которую

представитель в Алжире. Партия «Хамас» была создана в декабре 1990 г. на основе ассоциации «Наставление и реформа» (*аль-Иршад ва-ль-ислах* — араб. яз.), в руководстве которой основную роль играли Махфуз Нахнах и его сподвижник Бу Слимани. Лидеры партии «Хамас» провозгласили своей целью «распространение в обществе исламских ценностей и поэтапное построение государства на основах ислама, открытого благодаря *иджти-хад*⁸⁸ для новых явлений современного мира, которое базируется на диалоге и отвержении любых форм насилия и политической или религиозной нетерпимости»⁸⁹. Махфуз Нахнах заявлял также об открытости «Хамас» плюрализму мнений и его «готовности к сотрудничеству со всеми партиями, в том числе с теми, которые определяли себя, как светские, но сохраняли ислам в своем сердце»⁹⁰.

В преддверии объявленных на 1991 г. выборов в алжирский парламент Махфуз Нахнах предложил объединить все исламистские организации в союз под названием «Исламский национальный альянс». Идея такого объединения всячески пропагандировалась, в том числе, правительственной прессой. Так, например, основные положения его политической программы были опубликованы национальным алжирским агентством «Алжери пресс-сервис». Эта программа, состоявшая из 14 пунктов предполагала, в частности, «осуществить в соответствии с велением времени „исламскую альтернативу“ развития Алжира, которая защитит фундаментальные свободы и будет способствовать скорейшему завершению экономических реформ в обстановке конструктивного политического диалога всех представителей алжирской уммы»⁹¹.

Однако этот проект не увенчался успехом, так как, несмотря на его поддержку лидером партии «Нахда» Абдаллой Джабаллой и некоторыми другими менее значительными исламистскими организациями, самая влиятельная исламистская партия ИФС выступила против этого объеди-

возглавлял Мустафа Буали. ВАИД совершила ряд диверсионных акций, в том числе, разрушение опор телефонной связи между городами Блида и Алжир, за участие в которых Махфуз Нахнах был осужден на длительный срок тюремного заключения. Отбыв три года в тюрьме, он был помилован президентом Шадли Бенджадидом. Впоследствии он отошел от радикальных методов борьбы и стал выразителем умеренного исламизма.

⁸⁸ *Иджтихад* (вынесение самостоятельного решения — араб. яз.) — способность и право компетентного факиха выносить собственное решение по важным вопросам религиозной и общественной жизни на основе Корана и Сунны. См. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 91.

⁸⁹ Cit. on: Al-Ahnaf. Op. cit. P. 38, 42.

⁹⁰ Интервью Махфуза Нахнаха алжирскому журналу «*Révolution Africaine*» (10.04.1991).

⁹¹ L'Association Al-Irchad wa-l-islam appelle a la constitution d'une alliance islamique national. Algerie Press-Service (APS). Alger, 29.08.1990.

нения. Такая позиция ИФС объяснялась амбициями его руководителей и их стремлением интегрировать все исламистские силы в свою партию. Вероятно, исходя из этих соображений, руководство ИФС заявило, что «ислам ликвидировал все ранее существовавшие в его рамках альянсы и запретил их создание в будущем», и охарактеризовало проект Махфуза Нахнаха как «удар в спину ИФС»⁹². В дальнейшем враждебность ИФС к Махфузу Нахнаху и его партии усилилась. В частности, 7 декабря 1990 г. в мечети «ан-Нур» г. Медеа (на западе Алжира) сторонники ИФС сорвали выступление Махфуза Нахнаха, забросав его обувью, и принудили покинуть мечеть. Враждебная позиция ИФС объяснялась также появившимися в алжирской прессе публикациями, обвинявшими Махфуза Нахнаха в давних связях с алжирскими спецслужбами и, в частности, его косвенную (документально не подтвержденную) ответственность за разгром властями выше упоминавшейся радикальной исламистской организации ВАИД, возглавлявшейся Мустафой Буали⁹³. Личными связями Махфуза Нахнаха с членами руководства страны авторы данных публикаций объясняли существенную помощь партии «Хамас» со стороны властей и лояльную позицию ее лидеров по отношению к правящему режиму⁹⁴. Тем не менее, часть алжирских мусульман продолжали оказывать поддержку партии Махфуза Нахнаха, считая, что обвинения в его адрес не имеют под собой оснований и инспирированы его политическими противниками. Об относительно высоком уровне этой поддержки говорит тот факт, что к 1991 г.

⁹² Cit. on: Al-Ahnaf. Op. cit. P. 40.

⁹³ Ахмед Мерах, бывший соратник Мустафы Буали и член военного руководства его организации «Алжирское вооруженное исламское движение», утверждал в статье, опубликованной в алжирской газете «Ле Нувель Эбдо» (Новый еженедельник), что «Мустафа Буали, приняв решение начать вооруженную борьбу с режимом, намеревался создать в своем движении *Меджлис аш-шуру* (консультативный совет). Для участия в его работе он хотел пригласить наиболее известных улама, в том числе, Махфуза Нахнаха, с которым он был ранее знаком. Махфуз Нахнах принял это предложение и в 1982 г. встречался на конспиративной квартире в окрестностях г. Блида (на востоке Алжира) с Мустафой Буали, где вел с ним переговоры о совместных действиях против властей. Таким образом, Махфуз Нахнах, обладая исчерпывающей информацией об организации Мустафы Буали и его планах, передавал эти сведения спецслужбам, что облегчило им задачу по разгрому организации Мустафы Буали». В подтверждении этой версии Ахмед Мерах приводит тот факт, что все участники переговоров за исключением Махфуза Нахнаха были арестованы. «Самое удивительное, — пишет Ахмед Мерах, — состояло в том, что Махфуза Нахнаха даже не вызывали в суд в качестве свидетеля, хотя арестованные участники организации заявляли, что именно Махфуз Нахнах давал им адреса нелегальных центров (во Франции, в городах Ницца и Лилль), где они должны были проходить военную подготовку под руководством исламистов из организации «Братья-мусульмане» из различных арабских стран». См. Al-Ahnaf. Op. cit. P. 67.

⁹⁴ Махфуз Нахнах неоднократно заявлял, что президент Шадли Бенджедид «действует во имя ислама».

«Хамас» имела сорок отделений в различных вилайях (провинциях) и 916 первичных организаций в балядиях (районах) Алжира.

Третьей по своему влиянию исламистской партией (после ИФС и Хамас) являлась «Нахда» (Возрождение), руководителем которой был шейх Абдалла Джабалла. Он начал свою деятельность в конце 1970-х гг. на востоке Алжира в г. Константина, открыв в местном университете полулегальную «свободную мечеть», где он и его сподвижники проповедовали учение Хасана аль-Банны и других идеологов «Братьев-мусульман». Позднее, в 1980-е гг. Абдалла Джабалла создал «Ассоциацию национального возрождения для социальной и культурной реформы». В ее задачи входили «развитие и пропагандирование исламской культуры и арабо-исламского наследия, распространение и защита исламских морально-этических норм, борьба против иностранной культурной экспансии и интеллектуальной вестернизации и расширение системы социального обеспечения, направленного на помощь неимущим слоям населения»⁹⁵.

Первоначально Ассоциация не носила политического характера и действовала, в основном, в области культуры и исламского образования. Однако в конце 1980-х гг., когда в Алжире развернулись дискуссии по проблемам ислама и «исламскому пути развития», Абдалла Джабалла, будучи одним из наиболее образованных алимов, активно в них включился и начал участвовать в политической деятельности. Выступая за единство всех исламистских сил, он допускал плюрализм мнений в исламистском движении, заявляя, что ислам — един для всех, но методы, предлагаемые его последователями для построения подлинно исламского общества, по его мнению, могут быть различны, однако это различие соответствует самой демократической природе ислама. По многим вопросам, касающимся дальнейшего пути развития Алжира, мнение Абдаллы Джабаллы совпадало с позицией ИФС. Тем не менее, несмотря на предложение руководства ИФС вступить в его ряды, Абдалла Джабалла предпочел создать в сентябре 1990 г. свою политическую партию «Нахда» (ее полное название — *Харакат ан-нахда аль-ислямийя* (Движение исламского Возрождения). В опубликованной в печатном органе партии — газете «ан-Нахда» декларации в качестве основных задач были определены «участие в создании исламского общества и построении свободного и справедливого исламского государства, гарантирующего для всех алжирских граждан соблюдение прав и свобод, определенных рамками шариата, а также укрепление арабского и исламского единства»⁹⁶. В вопросе выбора пути дальнейшего экономического развития Алжира партия «Нахда» отвергала правительственный план премьер-министра Мулуда Хамруша, ориентированный на

⁹⁵ Al-Ahnaf. Op. cit. P. 5.

⁹⁶ Ibid. P. 58.

экономический либерализм и большую открытость алжирского рынка иностранному капиталу. Лидеры «Нахды» заявляли, что такая экономическая политика откроет национальный рынок для алжирских и иностранных «волков» и не даст возможность государству решать социальные проблемы. В свою очередь, «Нахда» утверждала, что выход из экономического кризиса лежит на пути «дальнейшего развития стратегических отраслей, связанных с добычей и переработкой нефти и газа в рамках государственного сектора и, в то же время, стимулирования индивидуальной инициативы в частном секторе в тех пределах, в которых она может служить интересам всей уммы»⁹⁷. В этом вопросе мнение руководителей «Нахды» совпадали с позицией ИФС. Общность взглядов и достаточно тесные связи между двумя партиями привели к тому, что в 1991 г., когда ИФС стал играть ведущую роль в исламистском движении, многие известные деятели из «Нахды», такие как, Рабах Кабир, Али Джедди и Абд аль-Кадер Хашани, перешли в его ряды. В последствие Абд аль-Кадер Хашани стал третьим лицом в руководстве «Исламского фронта спасения» (ИФС).

К началу 1990-х гг. в Алжире кроме ИФС, «Хамас» и «Нахды» возник еще целый ряд менее влиятельных исламистских партий, в числе которых были «Фронт объединения и джихада», «аль-Умма», «Хизбалла» (не получила официальной регистрации и действовала нелегально), «Партия арабо-исламского демократического союза», «Арабо-исламское объединение», «Движение арабо-исламских сил». Кроме того активной силой в алжирском исламистском движении являлись «муджахиды-афганцы», то есть, алжирские граждане, участвовавшие в период гражданской войны в Афганистане (1979–1989 гг.) в боевых действиях против тогдашнего афганского правительства и поддерживавших его советских войск. Их число оценивалось примерно в 3 тыс. 200 человек⁹⁸. «Муджахиды-афганцы» составили ядро наиболее экстремистского салафитского течения в алжирском исламистском движении, структурно оформившегося позднее в 1992 г. в организацию «Вооруженные исламские группы» (*Джамаат ислямийя мусалляха*).

Практически все исламистские партии в Алжире провозглашали обращение к истокам «ясного, изначального, прогрессивного ислама» в качестве необходимого требования осуществления своей концепции «исламской альтернативы» развития алжирского общества. Большой популярностью у лидеров практически всех исламистских партий пользовались труды и высказывания Абд аль-Хамида Бен Бадиса, основателя и первого президента Ассоциации алжирских улама-реформаторов. Махфуз

⁹⁷ Cit. on: Al-Ahnaf. Op. cit. P. 44.

⁹⁸ Basbous A. Op. cit. P. 147.

Нахнах, в частности, заявлял, что название его партии «Движение исламского общества» основывается на утверждении имама Абд аль Хамида Бен Бадиса: о том, что «алжирский народ — мусульманский народ и принадлежит урубе (арабский мир — араб.)»⁹⁹. В свою очередь, Аббаси Мадани провозгласил в качестве лозунга ИФС высказывание Абд аль-Хамида Бен Бадиса: «Ислам — моя религия, Алжир — моя родина, арабский — мой язык»¹⁰⁰.

Концептуальной базой для алжирских исламистов служили также труды таких идеологов исламского фундаментализма, как Абу Аля аль-Маудуди, Малек Беннаби, а также руководителей ассоциации «Братья-мусульмане» Хасана аль-Банни, Абд аль-Кадера Ауды и, особенно, ее известного теоретика Сейида Кутба. Так, заместитель председателя ИФС Али Бенхадж (бывший член выше упоминавшейся организации «Читатели Сейида Кутба») упоминал о «сильном влиянии, оказанном на него произведениями Сейида Кутба, во многом определившими его жизненную позицию и мировоззрение»¹⁰¹. Особо популярными среди алжирских исламистов были выше упоминавшиеся произведения Сейида Кутба, как «Битва ислама с капитализмом» и «Вехи на пути».

Идея создания исламского государства пользовалась среди алжирских исламистов особой популярностью и провозглашалась в качестве конечной цели как радикальными фундаменталистскими организациями, так и исламистскими партиями, которые не считали вооруженную борьбу («джихад меча») единственным способом ее достижения. К последним относился «Исламский фронт спасения» (ИФС), ставший к началу 1990-х гг. самой влиятельной и многочисленной партией в Алжире. Число членов ИФС, по заявлениям его лидеров (не подтвержденных документально), достигало 3 млн чел.¹⁰² Лозунг ИФС о создании исламского государства поддерживали в начале 1990-х гг., по утверждению американского исследователя Уильяма Куондта, до одной трети населения Алжира¹⁰³. Впервые генеральная ассамблея «Исламского фронта спасения» собралась в феврале 1989 г. накануне референдума, который одобрил новую конституцию, предусматривавшую введение многопартийной системы. На заседании ассамблеи присутствовали несколько сотен имамов, представлявших почти все провинции Алжира. Официально, как политическая партия, ИФС был зарегистрирован в министерстве внутренних дел 10 марта 1989 г. В этот же день в столичной мечети Бен Бадиса шейх Абд аль-Баки Сахрауи, один

⁹⁹ Cit. on: Al-Ahnaf. Op. cit. P. 41.

¹⁰⁰ Merad A. Le reformisme musulman en Algerie de 1925 a 1940. P., 1967. P. 32.

¹⁰¹ Interview cheikh Ali Benhadj. Al-Bayane. London. № 23, decembre 1989.

¹⁰² Revolution Africaine. Alger, 1989. № 1331. P. 19.

¹⁰³ Jeune Afrique. P., 1999. № 2023–2024. P. 36.

из старейших деятелей исламистского движения, ветеран Ассоциации алжирских улама-реформаторов, торжественно объявил о создании ИФС. Основателями «Исламского фронта спасения» считались 15 самых известных его лидеров, составивших совет ИФС. Среди них были наиболее уважаемые и образованные улама, в том числе, шейх Беназзуз Зебда, занявший пост руководителя отдела информации ИФС и ставший директором его официального печатного издания — еженедельного журнала «аль-Мункыз» (Спаситель). Позднее ИФС стал издавать еще два еженедельника «аль-Фуркан»¹⁰⁴ и «аль-Балаяг».

Постоянными руководящими органами ИФС стали «Национальное исполнительное бюро» (*Мактаб танфизий ватаний*), состоявшее из 11 членов и «Консультативный совет» (*Меджлис аш-шура*), состоявший из 35 членов. При нем был открыт отдел по работе с женщинами-мусульманками — «Женское исполнительное бюро»¹⁰⁵. Кроме того, была создана молодежная организация ИФС — «Исламская молодежь» (*аль-Фитьян аль-ислямийюн*)¹⁰⁶.

Структура нижестоящих органов состояла из исполнительных бюро в вилайях и балаядийях, а также комитетов кварталов (*лиджан аль-ахьяа* — при мечетях в городах и сельской местности. Практическая работа по конкретным направлениям выполнялась пятью комиссиями — организационной, по проблемам образования, по социальным вопросам, по перспективному планированию и по связям с СМИ¹⁰⁷, составлявшими ядро каждого исполнительного бюро. Базовыми организациями партийной структуры ИФС являлись «комитеты кварталов», создававшихся при мечети своего городского квартала или деревни. Здесь проводились собрания «комитетов кварталов». Имамы мечетей также, как правило, избирались из числа наиболее уважаемых членов «комитетов кварталов». Посредством такой хорошо организованной сети базовых организаций ИФС смогло контролировать к июню 1990 г., то есть к началу выборов в местные органы власти, около 9 тыс. мечетей из общего их числа в 11 тыс.¹⁰⁸ почти на всей территории Алжира.

¹⁰⁴ Фуркан (араб.: разделение, различие) — в Коране: Различение (III, 2, XXI, 49), относится ко всем «священным книгам», ниспосланным Богом людям, т. е. Корану, Торе, Евангелию. Другое значение Фуркан — Спасение. Битва при Бадре в 624 г., когда Пророк Мухаммед победил мекканцев, называется днем спасения (яум аль-фуркан). См. Ислам. Краткий справочник. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. С. 112.

¹⁰⁵ Интервью Улд Абд аль-Крима, ответственного за связь с прессой «Исполнительной инстанцией ИФС за рубежом» [Instance exécutif de FIS à l'étranger]. См. Denaud P. *Algerie. FIS. Sa direction parle*. P., 1997. С. 52.

¹⁰⁶ Samai-Ouramdane Ghania. *Le Front islamique du salut a travers son organe de presse (al-Mounquid)/Peuples mediteranneens*, juillet-decembre 1990. № 52–53. P. 159.

¹⁰⁷ Ibid. P. 158.

¹⁰⁸ Willis Mikhael. *Op. cit.* P. 122.

Президентом ИФС был избран Аббаси Мадани, преподаватель психологии, профессор столичного университета, активный участник национально-освободительного движения, узник французских тюрем и один из самых известных лидеров алжирского исламистского движения. Вице-президентом ИФС и заместителем Аббаси Мадани стал Али Бенхадж, мусульманский проповедник и преподаватель арабского языка. Он примкнул к исламистскому движению в конце 1970-х гг. (в возрасте 22 лет), в 1980-х гг. был активным членом организации «Алжирское вооруженное исламское движение» и затем стал одним из признанных лидеров алжирских исламистов¹⁰⁹.

С начала своих публичных выступлений руководство ИФС заняло жесткую позицию по отношению к властям и заявляло о «насущной необходимости изменений на политической сцене Алжира, так как основы правящего режима и методы, которыми он управлял, остались прежними, и поэтому он не был в состоянии предложить никакого решения проблем, стоящих перед страной»¹¹⁰. В программных статьях, опубликованных в первых номерах журнала «аль-Мункыз», ИФС определял себя как «ориентированную на священную Каабу исламскую партию, высшими духовными предводителями которой являются Аллах и Пророк Мухаммед»¹¹¹. Свою конечную цель лидеры ИФС видели в «построении подлинно исламского общества в соответствии с заветами Пророка»¹¹². Исламистские идеологи заявляли о мессианском и непреходящем характере своего движения. Они утверждали: «Мы не являемся просто одним из многих политических течений, так как они эфемерны, а мы вечны, потому что выполняем священную миссию. Исламское государство, которое мы построим в

¹⁰⁹ Али Бенхадж родился в 1956 г. в Тунисе. Его родители были родом из алжирской провинции Адрар (район алжирской Сахары). Отец Али Бенхаджа был активным участником алжирского национально-освободительного движения и погиб в одном из боев с французскими колониальными войсками. Али Бенхадж воспитывался и получил исламское образование в семье своего дяди, который был известным алимом, выпускником одного из наиболее престижных в исламском мире тунисского мусульманского Университета Зитуна. Учителями Али Бенхаджа были знаменитые алжирские улама, в том числе, Омар Арбауи и ветераны «Ассоциации алжирских улама-реформаторов» шейхи Абд аль-Латыф Солтани и Ахмед Сахнун. В начале 1980-х гг. Али Бенхадж стал одним из соратников Мустафы Буали, руководителя «Алжирского вооруженного исламского движения» (ВАИД). После его разгрома властями Али Бенхадж был арестован и отбывал тюремное заключение с 1983 по 1987 гг. См. Интервью Али Бенхаджа газете «аль-Ватан аль-арабий» 27.07.1990; Basbous A. Op. cit. P. 84, 132, 144, 145.

¹¹⁰ Выступление Аббаси Мадани на пресс-конференции после регистрации ИФС в министерстве внутренних дел, опубликованное в журнале «*Révolution Africaine*». No 1331, 8.09.1989.

¹¹¹ Аль-Мункыз. Алжир, 1989. № 1. С. 3.

¹¹² Там же. С. 3.

Алжире, будет подлинным результатом исторического развития, а не воспроизведением какой-либо импортированной модели общества»¹¹³.

Аббаси Мадани в своих публикациях подробно аргументировал необходимость создания исламского государства. Один из главных его тезисов утверждал, что «марксизм и либерализм — две основные современные западные идеологии, переживают глубокий кризис»¹¹⁴. Из этого делался вывод о неизбежности и необходимости создания «исламской альтернативы» общественного развития, а именно, построения «исламского государства», основанного на законах шариата. Гарантом соблюдения законов шариата, по мнению автора, являлось, исламское государство. При его главе, в качестве консультативного органа, создавался выше упомянутый Меджлис аш-шура, представленный наиболее уважаемыми улама, которые имели право трактовать спорные вопросы, которые могли возникать в ходе применения законов шариата. Непосредственное руководство всей системой государственных органов должны были осуществлять шесть министерств: финансов, экономики, обороны, просвещения, здравоохранения и юстиции.

В подтверждение своих концептуальных построений Аббаси Мадани часто цитировал известных мусульманских мыслителей. Особое место среди них отводилось Ибн Халдуну, Сейиду Кутбу и Абд аль-Хамиду Бен Бадису, идеи которого наиболее высоко оценивал Аббаси Мадани. Свою лепту в концепцию исламского пути общественного развития внес и Али Бенхадж, позиция которого отличалась большим радикализмом по сравнению с идеями Аббаси Мадани.

В ходе начавшихся в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в алжирских СМИ дискуссий по проблемам выбора дальнейшего пути развития алжирского общества лидеры ИФС развернули широкую пропаганду своих концепций «исламского выбора». Большое внимание исламисты уделяли критике понятия «демократия» и возможности применения демократической формы управления государством в Алжире. Вопрос о демократическом устройстве общества после принятия в 1989 г. новой конституции, введшей в Алжире многопартийность, обсуждался всеми политическими силами и носил столь же острый характер, как и дискуссии об «исламском пути развития». Али Бенхадж в своих статьях утверждал, что «идея демократии, как власти народа и приоритета мнения большинства, полностью противоречит многим сурам Корана, которые провозглашают только приоритет власти Аллаха»¹¹⁵. Аббаси Мадани, занимая, как отмечалось выше,

¹¹³ Аль-Мункыз. Алжир, 1989. № 22. С. 6.

¹¹⁴ Мадани Аббаси. Азмат аль-фикр аль-хадис ва мубаррират аль-халль аль-ислами (Кризис современной мысли и оправдание исламского решения). Аджир, 1989. С. 12.

¹¹⁵ Аль-Мункыз. Алжир, 1990. № 23. С. 13.

более сдержанную позицию в отношении демократии, тем не менее, подтверждал верховенство Корана и заявлял, что «законы шариата соответствуют интересам всей уммы»¹¹⁶.

Таким образом, лидеры ИФС определяли всех, кто не разделял их взглядов, как «противников ислама и подлинных интересов и чаяний алжирцев»¹¹⁷. Таковыми, по их мнению, являлись, кроме сторонников либеральной демократии, все светские политические партии, проповедующие, как заявляли исламисты, атеизм, этнический сепаратизм и коммунизм. Исходя из этих позиций ИФС считал своими основными идеологическими противниками и подвергал ожесточенной критике те партии, которые пропагандировали светское общество. В их число входили «Фронт социалистических сил» (*Front des forces socialistes*), «Объединение за культуру и демократию» (*Rassemblement pour la culture et la démocratie*) и «Партию социалистического авангарда» (*Parti de l'avant-garde socialiste*).

Наиболее влиятельная из них — «Фронт социалистических сил» (ФСС) являлась одной из старейших политических партий Алжира. Она была создана в 1963 г., в Кабилии, территории компактного проживания кабиллов — наиболее многочисленной народности алжирских берберов. Однако длительный период ФСС действовала нелегально и официально была зарегистрирована только в 1989 г.

ФСС стоит на социал-демократических позициях, признан во многих странах Европы, в том числе, во Франции и являлся членом международного Социалистического интернационала. Руководство ФСС выступало за лингвистический плюрализм (использование наряду с государственным языком — арабским также языка амазиг /берберского/ и французского), отделение религии от государства, то есть, создание гражданского (светского) общества и в качестве конечной цели построение демократического социализма. Президент ФСС Хосин Аит Ахмед заявлял даже о своем стремлении сделать Алжир опорной базой социализма в Магрибе.

Программа партии «Объединение за культуру и демократию» (ОКД) была во многом схожа с политическими целями ФСС. Ее доктриной также являлся социал-демократизм и рыночная модель экономики. ОКД, в отличие от ФСС, поддержала правительственную экономическую политику большей открытости алжирского рынка для иностранного капитала. ОКД, также как и ФСС, сформировалась в Кабилии в 1989 г. на базе берберского движения в защиту национальной культуры. Именно поэтому в ее программе значительное внимание уделялось собственно берберским проблемам и присутствовало требование сделать язык амазиг вторым госу-

¹¹⁶ Abbasi Madani declare. *Algerie-actualite*. Alger, 4.01.1990.

¹¹⁷ *Algerie-Actualite*, Alger, 4.01.1990.

дарственным. ОКД выступало более решительно по сравнению с ФСС за равноправие женщин, совместное обучение, отделение религии от государства и недопущение использования ислама в политических целях, то есть, за построение светского общества.

Такие требования, естественно, вызывали яростные нападки со стороны исламистов. В частности, Али Бенхадж заявлял, что «те, кто требуют создания светского общества, вольно или невольно, проводят сионистскую политику, так как отделение религии, то есть ислама, от государства в мусульманских странах соответствует давним целям евреев и христиан»¹¹⁸. В публикациях журнала «аль-Мункыз» руководство ИФС характеризовало ОКД, как «партию Франции (*хысб фаранса*), — и заявляло, что, — те, кто выпячивают свою этническую принадлежность и хотят, чтобы граждане Алжира забыли свою родину, историю и исламскую религию, проводят в жизнь старую колониальную политику Франции и исполняют ее волю»¹¹⁹. В свою очередь, Аббаси Мадани также считал всех проповедующих идеи светского общества проводниками чуждой алжирским мусульманам цивилизационной доктрины. Он утверждал: «Только ислам, ранее освободивший нас от колониализма, сегодня способен защитить нас от духовно-интеллектуальной экспансии неоколониализма. Вечные ценности исламской цивилизации остаются для нас единственным щитом в этом цивилизационном противостоянии»¹²⁰.

Непримиримую идеологическую борьбу ИФС вел также с теми политическими силами в Алжире, которые пропагандировали коммунистические идеи марксистско ленинского образца. Таковыми являлись «Партия социалистического авангарда» (ПСА) и вышедшая из нее в результате раскола в рядах алжирских коммунистов партия «ат-Тахадди» (Вызов). В конце 1980-х гг. ПСА потеряла многих своих сторонников в немалой степени в результате общего кризиса социалистической идеи в мире. Тем не менее, она пользовалась определенной поддержкой части алжирцев, которая даже несколько возросла после событий октября 1988 г., когда ПСА резко осудила репрессии властей против демонстрантов. Своей стратегической целью ПСА провозглашала «поэтапное построение социалистического общества»¹²¹. Абд ар-Рахман Шергу, член руководства ПСА, в выступлении 5 апреля 1989 г. на митинге в алжирской столице признал необходимость прохождения буржуазно-демократического этапа, которым он считал период демократизации алжирской государственно-политической системы и призвал к созданию широкого демократического

¹¹⁸ Аль-Мункыз. Алжир, 1990. № 23. С. 12.

¹¹⁹ Аль-Мункыз. Алжир, 1990. № 13. С. 13.

¹²⁰ La Tribune, Alger, 15.03.1989. P. 6

¹²¹ Revolution Africaine. Alger, 1989. № 1311. P. 4.

фронта, включающего в себя все прогрессивные национальные силы, в том числе, патриотические элементы буржуазии. Оценивая феномен «исламского возрождения», лидеры ПСА заявляли, что «ислам является существенным элементом человеческой цивилизации. Он возник в результате классовой борьбы и стал великим историческим движением, целью которого было создание общества, где защищены права неимущих его членов»¹²². Вместе с тем, ПСА противопоставляла ислам «мерседесов и роскошных вилл» исламу «обездоленных алжирцев», провозглашая, что «ничто не мешает коммунисту быть мусульманином»¹²³. В то же время ПСА видела в ИФС своего главного политического и идеологического противника. Такая позиция была обусловлена, в значительной степени, неоднократными случаями нападений исламистов на участников митингов и собраний ПСА. Ее уководство называло ИФС экстремистской партией, представляющей угрозу для демократии в Алжире и требовало запрета ИФС.

В свою очередь, идеологи ИФС объявляли ПСА партией лжецов, которые обещали алжирским рабочим и крестьянам повышение благосостояния и торжество социальной справедливости, в то время как в странах с коммунистическим режимом царили нищета, лишения и террор. Критике в адрес ПСА и пропагандируемой ею коммунистической концепции ИФС посвятил несколько статей в журнале «аль-Мункыз». В одной из них идеологи ИФС провели своеобразный сравнительный анализ коммунистической и исламистской теории и практики. В первую очередь, в публикации заявлялось, что «мусульманское общество живет в соответствии со священным Кораном и Сунной Пророка, что вселяет в человека чувство достоинства и гордости и позволяет верить в свое высокое предназначение и иметь цель в жизни»¹²⁴. В то же время в основе коммунистического общества, по мнению исламистов, лежат, описанные в работах К. Маркса материалистические принципы, согласно которым все исторические явления сводятся к классовой борьбе «бедных с обладателями собственности, в таком обществе полностью отсутствует духовное начало и жизнь его членов ограничена чисто материальными потребностями»¹²⁵. Большое внимание в статье уделялось вопросам брака и семейным отношениям. В частности, в ней утверждалось, что в мусульманском обществе семья является «одним из основных его столпов и создается на основе любви и взаимоуважения в соответствии с морально-этическими нормами, определенными шариатом. Ислам всячески поощряет мусульман к вступлению в

¹²² Revolution Africaine. Alger, 1989. № 1311. P. 4.

¹²³ Ibid.

¹²⁴ Аль-Мункыз. Алжир, 1989. № 5. С. 3.

¹²⁵ Там же. С. 4.

брак и к самым тесным отношениям между членами семьи, что укрепляет мусульманское общество в целом»¹²⁶. В коммунистическом обществе, по мнению авторов статьи, напротив, семья разрушается, так как женщина удалена от семейного очага, разрешены гражданский брак и аборт, что доказывает отсутствие в таком обществе моральных норм.

Особое внимание, уделявшееся идеологами ИФС вопросам семьи и брака, было не случайным. Вопрос о месте и роли женщины в алжирском обществе активно обсуждался всеми политическими партиями. Подчеркнутое внимание к женскому вопросу объяснялось в значительной степени тем, что после начала демократизации в Алжире усилилось женское движение и в течение 1989–1991 гг. сформировалось несколько ассоциаций¹²⁷, объявивших своей целью защиту прав женщин. В свою очередь, исламистские партии и прежде всего ИФС создавали свои женские организации, в которых, в частности, пропагандировалось ношение хиджаба, как символа, «национально-религиозной самоидентификации алжирской женщины».

Между тем, оппоненты ИФС, в частности светские партии, обвиняли исламистов в стремлении увековечить неравноправный статус женщины и ограничить круг ее интересов семейными и домашними обязанностями. В связи с этим в печатных органах ИФС был опубликован ряд статей, целиком посвященных месту и роли женщины в мусульманском обществе. В статье в журнале «аль-Мункыз», озаглавленной «Правда о равенстве между мужчиной и женщиной», ее авторы заявляли, что, «отвращая женщину от семейного очага и благородной миссии по воспитанию детей, светские партии толкают ее на улицу, в объятия первого встречного и разрушают, таким образом, алжирское общество, действуя в интересах мирового сионизма и новых крестоносцев»¹²⁸. В том же журнале было опубликовано открытое письмо группы девушек-учащихся столичного лицея им. Франца Фанона министру просвещения Алжира. В нем содержалось требование предоставить им возможность заниматься на уроках физкультуры в закрытом для посторонних взглядов помещении. Девушки заявляли: «Мы не хотим быть похожими на женщин западного общества, опускающихся до состояния животных в публичном показе своего тела, и

¹²⁶ Аль-Мункыз. Алжир, 1989. № 5. С. 5.

¹²⁷ Таковыми организациями являлись «Независимая Ассоциация за торжество прав женщин» (Association indépendante pour le triomphe des droits des femmes), «Ассоциация за эмансипацию женщины» (Association pour l'émancipation de la femme), «Ассоциация за защиту и соблюдение прав женщин» (Association pour la défense et la promotion des droits des femmes), «Ассоциация за равенство перед законом между мужчинами и женщинами» (Association pour l'égalité devant la loi entre les femmes et les homes). См. Al-Ahnaf. Op. cit. P. 242.

¹²⁸ Аль-Мункыз. Алжир, 1989. № 3. С. 9.

желаем следовать законам шариата и ислама, возвышающих достоинство женщины»¹²⁹. Аббаси Мадани, высказывая точку зрения ИФС по вопросу соблюдения прав женщин, заявил, что «свобода и права, предоставленные женщине в государствах Запада, не только не сделали ее счастливой, но и не защитили ее человеческого достоинства. Только в мусульманском обществе женщина пользуется подлинным уважением, и ее важнейшая роль в семье, как матери и жены, по достоинству признается и оценивается»¹³⁰.

Анализируя выступления исламистских лидеров по женскому вопросу необходимо признать, что они достаточно умело использовали в своей пропаганде негативные с точки зрения исламской морали моменты в положении женщины, как в социалистическом, так и в капиталистическом обществах. Если в первом случае исламисты делали упор на то, что при социализме принижалась роль женщины — хранительницы домашнего очага, то в критике положения женщины в буржуазном обществе акцент делался на существовании разрешенных законом проституции и «порно бизнеса», что, естественно, несовместимо с мусульманским понятием о морали. Выступления идеологов ИФС в защиту исламских ценностных ориентиров, в том числе, традиционных взглядов на роль женщины в обществе находили значительное число сторонников. Это объяснялось, наряду с укоренившимися в общественном сознании на протяжении веков мусульманскими традициями еще и тем, что часть алжирских граждан верила заявлениям исламистов об угрозе утраты Алжиром своих исторических корней и подрыве устоев исламской религии в результате экспансии «импортированных идеологий» и видела в ИФС силу, способную противостоять этой угрозе.

Наряду с женским движением исламисты стремились поставить под свой контроль деятельность профсоюзов, традиционно игравших influentialную роль в алжирском обществе. С этой целью по инициативе ИФС в начале июня 1990 г. в противовес официальному «Всеобщему союзу алжирских трудящихся» (ВСАТ), был создан «Исламский профсоюз труда» (*Никабат аль-аамаль аль-исламийя*). Его руководящим органом стал секретариат, состоявший из 17 членов и возглавляемый генеральным секретарем. Руководители ИФС не скрывали, что хотят видеть в «Исламском профсоюзе труда» (ИПТ) инструмент распространения исламистской идеологии среди алжирских рабочих, а в его членах — своих активных сторонников. На первой пресс-конференции, устроенной руководством ИПТ, член «Меджлис аш-шура» ИФС Хашеми Сахнуни заявил, что «создание исламского профсоюза — это еще один кирпич, заложенный в ос-

¹²⁹ Аль-Мункыз. Алжир, 1989. № 3. С. 9.

¹³⁰ L'Autre Journal, P., no 1. Mai 1990.

нование подлинно исламского общества и государства, девизом которого является: „Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммад Пророк его“»¹³¹. На той же пресс-конференции генеральный секретарь ИПТ Омар Ильми провозгласил, что ИПТ, чей устав полностью соответствует законам шариата, станет не только выразителем интересов рабочих, но будет действовать во имя ислама и совместно с ИФС. Идеологи ИФС заявляли также, что роль профсоюза в мусульманском обществе коренным образом отличалась от его роли в других обществах, где существовали классы и классовая борьба. Общество, построенное на основах ислама, согласно их концепции, являлось единым и в нем не было места классовой борьбе и, соответственно, не имело смысла отстаивать права какого-либо одного класса, в частности, рабочего. По утверждениям исламистов, в отличие от «деградирующих коммунистического и капиталистического обществ, где отношения между людьми характеризовались ненавистью, злобой и конкурентной борьбой, основами мусульманского общества служили любовь, братство и сотрудничество»¹³². На таких же основах, по их мнению, должны были строиться отношения между мусульманином-работодателем и мусульманином-рабочим, которые, согласно шариату, «являлись братьями». Поэтому наряду с защитой собственно прав трудящихся главной задачей «Исламского профсоюза труда», как заявил заместитель его генерального секретаря Сид Ахмед Гитри, являлась «активизация участия рабочих в скорейшей замене импортированной политической системы, существовавшей в Алжире, на ту, которая будет иметь в своей основе священный Коран и заветы Пророка»¹³³. В свою очередь, Аббаси Мадани, характеризуя отношения, сложившиеся на производстве в период проведения политики социалистической ориентации, утверждал, что «уважительное отношение к труду было дискредитировано правящим режимом, а существовавшая уравнилельная система, не отражавшая реальных трудовых затрат, вела к тому, что зарплата оставалась одинаковой у рабочего, который добросовестно трудился, и у того, кто спал на рабочем месте»¹³⁴.

По своей сути заявления исламистских лидеров о новой роли профсоюза в мусульманском обществе и в исламском государстве, которое намеревался создать в Алжире ИФС, являлись чисто демагогическими. Совершенно очевидно, что невозможно построить отношения между наем-

¹³¹ Запись на аудиокассете выступления Хашеми Сахнуни на пресс-конференции посвященной созданию «Исламского профсоюза труда», цитируемая в книге: Al-Ahnaf M.; Botiveau B.; Fregosi F. *L'Algérie par ses islamistes*. P. 196.

¹³² Аль-Мункыз. Алжир, 1990. № 14. С. 8.

¹³³ Запись на аудиокассете выступления Сид Ахмеда Гитри, заместителя генерального секретаря ИПТ, на пресс-конференции, посвященной созданию ИПТ, цитируемая в книге: Al-Ahnaf M.; Botiveau B.; Fregosi F. *L'Algérie par ses islamistes*. P. 200.

¹³⁴ Там же.

ным рабочим и работодателем на основах «любви, братства и сотрудничества», о которых говорили руководители ИФС. Такие заявления являлись типичным примером митинговой пропаганды, имевшей целью привлечь на свою сторону наибольшее число алжирцев. Тем не менее, в условиях нараставшего экономического кризиса и снижения уровня жизни значительного слоя населения достаточное число рабочих вступили в ряды «Исламского профсоюза труда».

Необходимо признать, что лидеры ИФС сумели использовать кризисную ситуацию в алжирской экономике, обусловленную определенной неэффективностью предыдущей административно-командной системы, для пропаганды своей концепции «исламской экономики». Исламистские идеологи считали создание рентабельной экономической системы, «соответствовавшей законам шариата и гарантировавшей интересы всей уммы», одной из ключевых своих задач. Для всестороннего обсуждения проблем, связанных с исламской экономикой, при поддержке ИФС была создана «Национальная ассоциация за исламскую экономику». Ассоциация состояла из трех комиссий: по работе с научными издательствами и библиотеками, по информатике и по научным исследованиям. В них вошли такие известные алжирские экономисты, как профессора Бу Джальяль Махмуд, Мухаммад Сабит и работавший в Исламском банке развития (*аль-Банк аль-ислямий ли-т-татаввур*)¹³⁵ Садык Туати.

Целями ассоциации объявлялись «стимулирование исследований в области исламской экономики и возможности решения на ее основе социальных проблем, как фактора, влияющего на мировой экономический процесс»¹³⁶. В рамках развернувшейся в Алжире дискуссии по проблемам реформирования национальной экономики ассоциацией проводились различные конференции и «круглые столы», публиковались статьи, где пропагандировались «преимущества исламской экономики» и необходимость проведения реформ, основанных на ее принципах. Также заявлялось о бесперспективности «навязывания» алжирскому мусульманскому обществу, как западного экономического либерализма, так и социалистической плановой экономики. Таким образом делался вывод о некоей безальтернативности реализации «исламского пути» развития в Алжире.

В условиях социально-экономического кризиса многие алжирцы видели в «исламском решении», декларировавшем соблюдение «интересов всей уммы» и гарантировавшем «исламскую социальную справедливость», путь решения своих жизненно важных проблем.

¹³⁵ Исламский банк развития (ИБР) создан по решению конференции министров иностранных дел мусульманских государств в феврале 1974 г. и начал действовать с 1975 г. Штаб-квартира ИБР находится в г. Джидда (Саудовская Аравия).

¹³⁶ Аль-Мункыз. Алжир, 1990. № 8. С. 11.

Привлечению на свою сторону различных слоев алжирских граждан способствовала и применявшаяся ИФС умелая тактика общения с различными группами населения. В выступлениях, ориентированных на своих сторонников и аудиторию, восприимчивую к исламистской риторике (в частности в мечетях), превалировали призывы к скорейшему созданию основанного на «подлинно справедливых» законах шариата исламского государства и его противопоставление «фальшивой демократии неверного Запада», критика в адрес алжирских властей и обвинение светских партий в «пособничестве неокOLONиализму». В частности, в журнале «аль-Мункыз» за 1989 г. заявлялось: «Вы, создавшие светские партии, и вы, люди власти, — знайте, что наша умма отвергнет любой неисламский проект. Мы, мусульмане, объединились для того, чтобы занять руководящую роль в мире»¹³⁷.

В то же время, в материалах ИФС, ориентированных на более широкую аудиторию, в том числе франкофонскую, и в официальных документах тон выступлений был достаточно сдержанным и соответствовал алжирским реалиям политической борьбы. Таковым, например, являлся «Проект политической программы», в преамбуле которого заявлялось, что целью ИФС являлась конкретизация «исламского решения» в рамках программы с тем, чтобы положить конец экономической, политической, культурной и цивилизационной зависимости Алжира¹³⁸. Эта программа, обнародованная в мае 1989 г., стала также предвыборной платформой ИФС на намеченных на июнь 1990 г. выборах в местные органы власти — народные советы районов и народные советы провинций.

«Проект политической программы» определял ИФС как «политическую партию, созданную алжирским народом и отражавшую его волеизъявление и самоидентификацию»¹³⁹. Идеологическая доктрина партии основывалась на исторической реальности того, что Алжир представляет собой часть мусульманской нации и на том, что «исламизм в Алжире являлся выбором его народа, — вместе с тем, заявлялось, что — ИФС принимает во внимание политическую культуру алжирского общества в ее комплексе и не ставит своей целью построение теократического государства»¹⁴⁰. В качестве одной из основных задач провозглашалось «создание представленной всеми слоями алжирского общества стабильной политической системы, основанной на принципах плюрализма мнений, многопартийности, выборности и сменяемости властных органов, а также гарантии

¹³⁷ Аль-Мункыз. Алжир, 1989. № 9. С. 5.

¹³⁸ *Revolution Algerienne*. Alger, 1989. № 1331. P. 19.

¹³⁹ Outline of the FIS Programme. FIS Information Bureau, 13.01.1995. URL: <http://www.fisalgeria.org/overview.html> (Дата обращения — 14.05.2009)

¹⁴⁰ Ibid.

соблюдения прав меньшинства»¹⁴¹. В подтверждение этих концептуальных заявлений в программе цитировались высказывания Абд аль-Хамида Бен Бадиса об исключительном праве народа назначать или смещать представителей власти и об уважении мнения тех, кто своими действиями подтвердил, что их позиция отражает выбор общества.

В части программы, посвященной социальному развитию, заявлялось, что ИФС «рассматривает алжирское общество, как ориентированное на семейные ценности, где женщине будет гарантировано подлинное равноправие. Все алжирские граждане будут иметь право на медицинское и пенсионное обслуживание, а также на образование на всех уровнях»¹⁴².

В области культуры делался упор на необходимости сохранения культурных и исторических традиций алжирского общества, определяемых как «ислам, арабизм и амазигизм (берберская культура), которые являются главными элементами его самоидентификации, — подтверждалась необходимость возрождения, — мусульманской культуры и морали посредством пробуждения к жизни шариата и использования арабского языка»¹⁴³. В то же время не отвергалось применение и других языков, которые «облегчают информационный и культурный обмен».

Значительное место в программе ИФС (треть ее текста, состоявшего из 42 страниц) отводилось экономической доктрине, которая предполагала «диверсификацию внутренней экономической структуры и внешней торговли с целью обеспечения постоянного экономического роста и сокращения внешнего долга с привлечением иностранных инвестиций и участия в международных экономических проектах»¹⁴⁴. В программе утверждалось, что «административно-командные методы управления экономикой как в Алжире, так и повсеместно в мире потерпели крах и доказали неизбежность рыночной экономической модели, — заявлялось, — ИФС отдает себе отчет в том, что необходимо поэтапное вступление Алжира в мировую экономическую систему, так как открытость национальной экономики мировому рынку может иметь для нее как положительные, так и отрицательные последствия. Экономическая либерализация должна проводиться государственными институтами с целью создания благоприятных условий для развития наиболее перспективных экспортно-ориентированных секторов экономики и невозможно без демократизации и политической стабильности»¹⁴⁵.

¹⁴¹ Outline of the FIS Programme. FIS Information Bureau, 13.01.1995. URL: <http://www.fisalgeria.org/overview.html> (Дата обращения — 14.05.2009)

¹⁴² Ibid.

¹⁴³ Ibid.

¹⁴⁴ Ibid.

¹⁴⁵ Ibid.

В промышленности планировалось «развивать высокотехнологичные отрасли, необходимые для оптимального использования природных богатств страны, а также создать условия для подготовки грамотных специалистов и обеспечения компетентного руководства предприятиями наряду с воспитанием чувства коллективной ответственности всех работников за результаты труда, которое соответствует шариату и заветам Пророка»¹⁴⁶. Программа подтверждала также необходимость пересмотра существующего законодательства в отношении государственной собственности с целью «исключения возможности ее захвата недобросовестными иностранными или местными магнатами и будут точно определены параметры участия государственного и частного секторов в собственности промышленных предприятий»¹⁴⁷.

В сельском хозяйстве программа предусматривала, в первую очередь, «положить конец противозаконной экспроприации и перераспределению земли и предоставить ее в соответствии с шариатом в распоряжение наиболее достойных из тех, кто ее обрабатывает, развивать малые и средние частные предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции, а также животноводство с тем, чтобы страна избавилась от разорительного импорта мясных и молочных продуктов»¹⁴⁸. В программе подтверждалась необходимость выработки плана агроиндустриального развития для того, чтобы «поднять сельское хозяйство до уровня технологически развитых стран — конкурентов Алжира на мировом рынке сельскохозяйственной продукции»¹⁴⁹.

В финансово-коммерческой сфере программа ИФС предлагала «реформировать коммерческую систему с тем, чтобы, с одной стороны, упразднить все формы „экономического паразитизма“, как то, банковский процент (*рибаа* — араб. яз.), монополия и искусственный дефицит, а с другой, — содействовать созданию акционерных и частных компаний, которые должны придать большую динамичность экономике и обеспечить товарное изобилие»¹⁵⁰. В сфере ценовой политики, а также в операциях купли-продажи и в процедурах заключения коммерческих контрактов предлагалось соблюдать правила, предусмотренные шариатом, а для надзора за их выполнением и недопущением злоупотреблений в этой области создать органы *хисба*. Особо отмечалась необходимость «придать закяту и

¹⁴⁶ Экономическая часть «Проекта политической программы ИФС» касающаяся промышленности, сельского хозяйства и финансово-коммерческих аспектов, полностью приведена в исследовании Denaud P. *Algerie. FIS. Sa direction parle*. P., 1997 и далее цитируется по этому источнику.

¹⁴⁷ Denaud P. *Op. cit.* P. 294.

¹⁴⁸ *Ibid.* P. 295.

¹⁴⁹ *Ibid.* P. 292.

¹⁵⁰ *Ibid.* P. 294.

вакфу¹⁵¹ статуса официальных ресурсов государства»¹⁵². Что касается валютно-финансовых вопросов, то планировалось восстановить «подлинную стоимость национальной валюты путем создания равновесия между импортом и экспортом и стимулированием национального производства, а также создания системы исламских банков и кредитно-сберегательных касс, где будет исключена любая форма *рибаа* и гарантированы интересы каждого вкладчика»¹⁵³. Кроме того, программа предлагала пересмотреть таможенное законодательство с целью «сделать его более открытым для всестороннего и самого тесного сотрудничества со странами Магриба и в перспективе со всем арабо-исламским миром»¹⁵⁴.

Анализируя «Проект политической программы» ИФС, его необходимо рассматривать, прежде всего, как предвыборный манифест, имевшей целью привлечь на предстоящих выборах как можно больше электората, а не как конкретную программу действий. В данном документе ИФС, в первую очередь, обращает на себя внимание его эклектизм, противоречивость и нелогичность. Программа представляет собой смешение социально-ориентированных популистских лозунгов, цитат из Корана, ссылок на шариат, набора обще демократической фразеологии и достаточно объемной экономической части, имеющей в основном декларативный характер.

Прежде всего, противоречивость проекта проявляется в политико-идеологической части, где, с одной стороны, утверждается, что исламизм есть выбор алжирского народа, а ислам является главным элементом его самоидентификации. В ней содержится множество ссылок на шариат и заявлений о необходимости применения его положений на практике с целью возрождения мусульманской культуры. С другой стороны, в ней говорится о желании ИФС создать политическую систему, основанную на демократии, плюрализме мнений и многопартийности, что никак не соответствует положениям шариата, а также предыдущим заявлениям самих лидеров ИФС, в частности, Али Бенхаджа. Подобный эклектизм, тем не менее, вполне объясним с точки зрения предвыборной пропаганды с целью привлечения голосов как алжирских мусульман, стремившихся сохранить традиционные исламские ценности, так и алжирцев франкофонов, ориентированных на европейские культурные традиции.

Экономическая часть программы в основном представляет собой декларативные заявления общего характера, в которых отсутствует внутренняя логика. Так, например, вполне обоснованные тезисы о преимуще-

¹⁵¹ *Вакф* (араб.) — имущество, переданное владельцем на религиозные или благотворительные нужды общине, государству или частному лицу.

¹⁵² Denaud P. Op. cit. P. 298.

¹⁵³ Ibid. P. 301.

¹⁵⁴ Ibid. P. 293.

ственным развитии высокотехнологичных отраслей экономики соседствуют с рассуждениями о воспитании у работников соответствующего заветам Пророка чувства коллективной ответственности за результаты труда. Наряду с признанием объективной потребности в иностранных инвестициях и участии в мировом экономическом процессе заявляется о необходимости создания исламской банковской системы и установления самого тесного сотрудничества с арабо-исламским миром, что, по существу, означает пересмотр исторически сложившегося места Алжира в международном разделении труда и его внешнеэкономических связей. В программе присутствуют экономически обоснованные предложения по агроиндустриальному развитию с тем, чтобы избавить страну от зависимости от импорта продовольствия и, в то же время обнаруживаются явные архаизмы, в частности, требование создания хисбы для контроля за соответствием шариаху операций купли-продажи. С точки зрения практической эффективности программу ИФС можно определить, как не реализуемую и утопичную равным образом в социально-экономическом и в политическом плане. Вместе с тем, в конкретно-исторической ситуации Алжира конца 1980-х – начала 1990-х гг., при повышенном внимании общества к концепции «исламского пути развития» и в обстановке общего подъема идеологии «исламского возрождения» в мусульманском мире этот своеобразный манифест алжирского исламистского движения имел важное значение и во многом способствовал распространению исламистской идеологии в Алжире и усилению позиций ИФС.

Основными авторами «Проекта политической программы» являлись пользовавшийся наибольшим влиянием в исламистских кругах и занимавший достаточно умеренную позицию президент ИФС Аббаси Мадани, а также поддерживавшие его вице-президент ИФС, член Меджлис аш-шура Беназзуз Зебда и член Национального исполнительного совета ИФС Абд аль-Кадер Хапхани. Аббаси Мадани, опытный и прагматичный политик, считал возможным привести ИФС к власти с помощью альтернативных выборов и надеялся на достижение политического компромисса с властями и, в частности, с президентом Шадли Бенджедидом. В этой связи Аббаси Мадани заявлял, что «главное, что отличало ИФС в политике, — это умеренность и центризм»¹⁵⁵. Эту позицию разделял Беназзуз Зебда, также предпочитавший политические формы деятельности и отвергавший вооруженную борьбу и насилие, считая их «преступлениями, против которых всегда выступал ИФС»¹⁵⁶.

¹⁵⁵ Revolution Africaine. Alger, 8.09.1989. P. 19.

¹⁵⁶ Algerie-Actualite. Alger, 23.02.1989. P. 8.

Определяя отношение ИФС к президенту, Аббаси Мадани утверждал, что его партия «являлась союзником Шадли Бенджедида в его борьбе внутри ФНО с противниками реформ, так как ИФС больше, чем кто-либо другой желал их претворения в жизнь»¹⁵⁷. Аббаси Мадани подчеркивал, что ИФС был подлинным преемником идей антиколониальной национально-освободительной революции 1954 г. Он заявлял, что «главные концепции ИФС основывались на положениях ислама и „Декларации 1 ноября 1954 г.“, подтвердившей право алжирского народа создать независимое государство, основанное на исламских принципах»¹⁵⁸. Однако такое государство не было создано, так как, по утверждению Аббаси Мадани, после завоевания независимости «власть в ФНО и в Алжире узурпировали националисты в альянсе с марксистами»¹⁵⁹. Реформы, направленные на демократизацию государственно-политической системы, по мнению Аббаси Мадани, должны были покончить с такой узурпацией власти.

В январе 1990 г. Шадли Бенджедид официально встречался с Аббаси Мадани, как с лидером одной из самых крупных политических партий страны. Президент, стремясь упрочить свою власть, пытался использовать ИФС в борьбе со своими оппонентами внутри ФНО и в качестве своеобразного противовеса армии¹⁶⁰, традиционно обладавшей большим влиянием во властных структурах и в алжирском обществе в целом. В свою очередь, армейская элита настороженно относилась к контактам Шадли Бенджедида с ИФС, в усилении которого она видела реальную угрозу своей власти и привилегиям. Некоторые военные даже были склонны расценивать политические маневры президента, как скрытые симпатии к исламистам. В подтверждение обоснованности таких утверждений ими приводился факт быстрой регистрации ИФС в Министерстве внутренних дел в сентябре 1989 г. в качестве политической партии, несмотря на то, что закон запрещал создание какой-либо партии, организованной исключительно на конфессиональной основе¹⁶¹. На возможность неофициальных

¹⁵⁷ Интервью Аббаси Мадани алжирской газете «Algérie Actualité» (4.01.1990).

¹⁵⁸ Manifeste du Front Islamique du Salut pour la Justice et la Paix en Algerie. Conseil de Coordination du FIS. 11.01.1999. URL: <http://www.fisalgeria.org/newsletters/Manifeste.html> (Дата обращения — 10.05.2003).

¹⁵⁹ Ibid.

¹⁶⁰ Шадли Бенджедид в разговоре с одним из своих наиболее доверенных министров (разговор происходил в ванной комнате президентских апартаментов, при этом Шадли Бенджедид открыл кран с водой, чтобы исключить возможность прослушивания) следующим образом определял свою позицию по отношению к исламистам: «Только исламисты способны противостоять всемогуществу армии и уравновесить его». См. Basbous A. Op. cit. P. 121.

¹⁶¹ Президент Шадли Бенджедид объяснял право ИФС на регистрацию как политической партии тем, что, по его словам, демократия не может быть избирательной. Если разрешено создать партию коммунистам («Партия социалистического авангарда» была

договоренностей Шадли Бенджедида с Аббаси Мадани указывал британский исследователь Майкл Уиллис. Он справедливо считал, что такое соглашение могло быть достигнуто в январе 1990 г. в г. Джидда (Саудовская Аравия), где Шадли Бенджедид и Аббаси Мадани провели неофициальные переговоры¹⁶². Инициатором встречи стал король Саудовской Аравии Фахд, рекомендовавший алжирскому президенту Аббаси Мадани, как умеренного политика в противовес фанатичному и склонному к экстремизму Али Бенхаджу, который, по мнению саудовского руководства, пользовался негласной поддержкой Ирана.

Али Бенхадж, вице-президент ИФС и официальный заместитель Аббаси Мадани, выражал позицию более радикальной части руководства ИФС, в которую входили Саид Мехлуфи, член Меджлис аш-шура ИФС, имам столичной мечети Бен Бадиса, главный редактор журнала «аль-Мункыз» и Мухаммед Арезки Хумен, глава исполнительного бюро ИФС в провинции Бумердес, а также группировавшиеся вокруг них бывшие соратники выше упоминавшегося Мустафы Буали¹⁶³. Они настаивали на более решительных действиях и были не согласны со многими пунктами «Проекта политической программы ИФС». Али Бенхадж, в частности, отвергал использование понятия «демократия», упоминавшегося в программе ИФС, и отождествлял демократию с неверием. Не призывая открыто к вооруженной борьбе с властями, он, тем не менее, приводил, как пример для подражания «Вооруженное алжирское исламское движение» во главе с Мустафой Буали и оценивал его, как «часть алжирской исламской истории наряду с деятельностью Абд аль-Хамида Бен Бадиса»¹⁶⁴. По поводу многопартийной системы, также фигурировавшей в принятой ИФС программе, Али Бенхадж заявлял: «Многопартийность может быть приемлема только если она соответствует основам ислама. Если народ проголосует против законов, основанных на Коране, это будет означать не что иное, как богохульство. Улама приговорят к смерти любого, кто посмеет поменять своей властью тот порядок, который воплощает волю Аллаха»¹⁶⁵.

зарегистрирована в сентябре 1989 г.), то нельзя запрещать этого делать исламистам, тем более, что ислам — государственная религия Алжира. Кроме того отказ в регистрации ИФС не соответствовал бы новому политическому курсу на создание многопартийной системы.

¹⁶² Willis Michael. Op. cit. P. 128.

¹⁶³ Многие из членов возглавляемой Мустафой Буали организации «Алжирское вооруженное исламское движение» после ее разгрома властями в 1987 г. были приговорены к длительным срокам тюремного заключения, но затем в 1989–1990 гг. были помилованы президентом Шадли Бенджедидом.

¹⁶⁴ Интервью Али Бенхаджа, опубликованное в алжирской газете «Algérie Actualité» (23.02.1989).

¹⁶⁵ Интервью Али Бенхаджа алжирской газете «Horizons» (4.01.1990).

Наделенный недюжинным ораторским талантом, Али Бенхадж мог привлекать на свои пятничные проповеди¹⁶⁶ и проводившиеся затем митинги значительное число сторонников ИФС (до 20 тыс.). Большинство их составляла безработная или частично безработная молодежь, так называемые *хиттисты*¹⁶⁷, а также студенты и выпускники вузов, не имевшие возможности в условиях продолжающегося экономического кризиса найти работу. Эта группа населения, составлявшая значительный сегмент социальной базы ИФС, была наиболее восприимчивой к лозунгам исламистов и видела в провозглашавшихся ими радикальных мерах по переустройству общества на основе «справедливых законов шариата» быстрый путь решения своих проблем. Наряду с неимущими слоями социальную базу ИФС составили также те представители мелкой буржуазии и интеллигенции, которые исповедовали идеологию исламского фундаментализма. В исламистах они видели силу, способную противостоять вестернизации, грозившей, по их мнению, утратой Алжиром традиционных мусульманских морально-этических норм и образа жизни. С целью расширения своей социальной базы ИФС пытался завоевать доверие средней буржуазии и даже так называемых «военных предпринимателей», то есть, отставных офицеров, которые стали крупными бизнесменами благодаря своим связям в государственных структурах. В своих пропагандистских выступлениях Аббаси Мадани старался убедить их в том, что поддержка ИФС «станет гарантией процветания их бизнеса в будущем»¹⁶⁸.

Кроме того достаточно благожелательное отношение к ИФС проявляли немало членов партии ФНО, переживавшей с конца 1980-х гг. глубокий кризис, в результате которого в ФНО фактически произошел раскол и образовалось три основных течения. К первому относились сторонники политических и экономических реформ Шадли Бенджедиды, возглавляемые его ближайшим соратником Мулудом Хамрушем. Второе представляли противники либерально-демократических преобразований президента из левого крыла ФНО. Выразителем их взглядов был премьер-министр Касди Мербах, которого в 1989 г. сменил на этом посту Мулуд Хамруш. И, наконец, в третье течение входили члены ФНО¹⁶⁹, симпатизировавшие исламистам.

¹⁶⁶ Али Бенхадж читал проповеди в двух столичных мечетях — «Ас-Сунна» и «мечеть Бен Бадиса».

¹⁶⁷ Термин *хиттист* являвшийся своеобразным слэнгом, происходит от слияния двух слов: *хитт* — стена (алжирский диалект арабск. яз.) и французского суффикса — ист (ist) и означает «человек, стоящий у стены». Хиттистами называли молодых безработных и частично безработных, которые весь день проводили на улице, «подпирая стены», в ожидании какой-либо работы.

¹⁶⁸ Gilles Kepel. Jihad. Expansion et declin de l'islamisme. P., 2000. P. 175.

¹⁶⁹ Членов ФНО, симпатизировавших исламистам, в Алжире называли *барбэфэлэн* (barbe FLN — франц. яз), то есть, «борода ФНО», по аналогии с отличительной особенностью исламистов — обязательным ношением бороды.

Наиболее известным выразителем взглядов этого про исламистского крыла ФНО являлся Ахмед Талёб Ибрагими¹⁷⁰, один из идеологов политики арабизации, занимавший долгое время высокие, в том числе министерские, посты в алжирском правительстве. В своих статьях он не раз повторял тезис о том, что «преимущество с прошлым и верность араб-исламскому наследию являются необходимыми условиями строительства будущего Алжира»¹⁷¹. На чрезвычайном съезде ФНО в ноябре 1989 г. он решительно заявлял о необходимости полного возрождения «араб-исламских ценностей». Его позицию разделяло значительное число членов ФНО — депутатов Национальной народной ассамблеи (не менее 60 из общего числа, насчитывавшего 295 депутатов), включая ее председателя Абд аль-Азиза Белькадема¹⁷². Такая ситуация позволяла руководству ИФС направлять своих сторонников в ряды ФНО¹⁷³ и использовать свое влияние внутри ФНО для обеспечения успеха ИФС на предстоящих выборах.

Намеченные на 12 июня 1990 г. выборы в местные городские и областные органы власти (народные советы) в первый раз после завоевания независимости Алжиром должны были проводиться на многопартийной основе. Политическая обстановка накануне выборов во многом благоприятствовала ИФС. Президент Шадли Бенджедид практически отстранился от организации предвыборной кампании ФНО, хотя формально он оставался его председателем до июня 1991 г.¹⁷⁴ Можно согласиться с исследователями, которые объясняют такую его позицию намерением дать воз-

¹⁷⁰ Ахмед Талёб Ибрагими — сын Башира Ибрагими, ближайшего соратника Абд аль-Хамида Бен Бадиса, основателя и первого президента Ассоциации алжирских улама-реформаторов. Ахмед Талёб Ибрагими — известный деятель ФНО, не раз занимавший министерские посты: министр национального образования с 1965 по 1970 гг., министр информации с 1970 по 1971 гг. В 1977 г. он был назначен министром-советником при президенте Хуари Бумедьене. В период президентства Шадли Бенджедида Ахмед Талёб Ибрагими занимал пост министра иностранных дел с 1982 по 1988 гг. См. Balta Paul et Rulleau Claudine. *La strategie de Boumidienne*. P., 1978. P. 337.

¹⁷¹ Taleb-Ibrahimi A. *De la decolonization a la revolution culturelle*. Alger, 1973. P. 26–27.

¹⁷² *Jeune Afrique*. P., 2000. № 2069. P. 36.

¹⁷³ *Revolution Africaine*. Alger, 1989. № 1331. P. 32.

¹⁷⁴ В ноябре 1988 г. на 6-ом съезде ФНО было принято решение о трансформации партии во «Фронт всех патриотических сил». Президент Шадли Бенджедид стал именоваться его председателем. Генеральным секретарем ФНО был избран Абд аль-Хамид Мехри, интеллигент дореволюционной формации (ему было 62 года), сторонник либерализма и плюрализма. В ноябре 1989 г. на чрезвычайном съезде ФНО в соответствии с принятыми поправками к его уставу ФНО вновь стал называться партией, но в нем был отменен принцип демократического централизма. В состав ЦК ФНО были вновь включены бывшие соратники Хуари Бумедьена, в частности, Абд аль-Азиз Бутефлика, Шериф Месаадия и Касди Мербах. 28 июня 1991 г. Шадли Бенджедид ушел в отставку с поста председателя партии. Из ФНО вышли также почти все члены правительства и представители вооруженных сил.

возможность ИФС получить на выборах достаточное число голосов с тем, чтобы ослабить анти реформаторов, то есть, противников Шадли Бенджедиде внутри ФНО¹⁷⁵.

Никто в Алжире в тот период не прогнозировал какого-либо крупного успеха ИФС на выборах. Сам Шадли Бенджедид заявлял, что максимум, на который может рассчитывать ИФС, — это 20–25 % голосов избирателей. Светские партии, хотя и подвергали критике программу и цели ИФС, тем не менее, основной упор в своей предвыборной пропаганде делали на предании гласности ошибок прошлого периода правления ФНО и считали его своим главным соперником на выборах. В то же время они вели борьбу между собой за влияние на избирателей и не делали попыток объединиться, чтобы противостоять исламистам. Кроме того накануне выборов две наиболее влиятельные светские партии — «Фронт социалистических сил» (ФСС) и «Движение за демократию в Алжире» (ДДА) — объявили о своем бойкоте предстоящих выборов в знак протеста против того, что, согласно утверждениям их руководства, партиям не было предоставлено достаточного времени для подготовки предвыборной кампании. Сложившаяся ситуация сокращала для алжирских избирателей возможности выбора при голосовании, так как из предвыборной борьбы самоустранились два достаточно известных и популярных политических деятеля — ветеран национально-освободительной войны лидер ФСС Хосин Аит Ахмед и первый президент Алжира, руководитель ДДА Ахмед Бен Белла.

Таким образом, борьба на выборах должна была вестись практически между двумя наиболее многочисленными и влиятельными партиями — ФНО и ИФС, так как только эти две партии обладали финансовыми и организационными возможностями, чтобы выставить своих кандидатов во всех избирательных округах. Причем, несмотря на то, что ФНО был дискредитирован ошибками и злоупотреблениями в период его монопольного управления страной, он, тем не менее, считался лидером избирательной кампании, будучи «партией власти». По предварительным прогнозам, делавшимся как официальными представителями правительства, так и независимыми обозревателями, ФНО должен был получить от 40 до 50 % голосов избирателей, а ИФС — от 20 до 30 %.

В то же время идеологи ИФС умело использовали продолжавшийся экономический кризис и рост про исламистских настроений в обществе для пропаганды в средствах массовой информации своей доктрины «ис-

¹⁷⁵ В 1990 г. 50 членов ЦК ФНО заявили о несогласии с курсом политических и экономических реформ Шадли Бенджедиде, проводившихся, по их мнению, только в интересах обеспеченных слоев населения, и организовали оппозиционную фракцию внутри ФНО.

ламского пути», привлекая на свою сторону новых сторонников. Значительный успех такой пропаганды подтверждал результат телефонного опроса телезрителей, проводившегося после выступления на телевидении лидеров различных партий. Аббаси Мадани получил максимальную оценку (10 из 10 возможных баллов) от 104 опрошенных респондентов из их общего числа в 380¹⁷⁶.

В своих выступлениях руководители ИФС всячески подчеркивали, что победа на выборах не является для них самоцелью. По словам Аббаси Мадани, она должна была служить лишь средством для «достижения главной задачи — преодоления политического, экономического, социального, культурного и цивилизационного кризиса, переживаемого Алжиром»¹⁷⁷. ИФС вел активную предвыборную агитацию практически по всей территории страны, как в крупных городах, так и в сельской местности. В этой работе участвовали, прежде всего, районные комитеты ИФС, созданные в большинстве балядий (административный район), и избранные ими имамы в более чем 9 тыс. мечетях по всему Алжиру, а также исполнительные бюро ИФС в столице и в провинциях, в том числе их женские отделы. Кроме того предвыборную программу ИФС пропагандировали «Исламский профсоюз труда» и молодежная организация «Исламская молодежь». В целях формирования соответствующего психологического настроя населения исламисты создавали в наиболее бедных районах Алжира медицинские пункты и различные благотворительные организации для социальной поддержки неимущих граждан. В частности, после землетрясения в районе г. Тлемсен, на западе Алжира активисты ИФС были первыми, кто начал оказывать пострадавшим медицинскую и материальную помощь.

В рамках разворачивавшейся предвыборной кампании ИФС организовывал в крупных городах и, особенно, в столице многочисленные митинги и демонстрации, в которых участвовали десятки тысяч его сторонников. Автору этих строк довелось быть свидетелем подобных многотысячных манифестаций, сопровождавшихся распространением огромного количества листовок с лозунгами ИФС и призывами голосовать за него. Такими же призывами и названием ИФС на арабском и французском языках были расписаны стены домов. Демонстранты несли плакаты и транспаранты с девизом: «Аллах велик» и аятами из Корана. Наиболее часто цитировался 99-й аят из 3-й суры («Семейство Имрана»): *«Ва кунтум аля шафа хуфратин мин ан-нар фа анказакум минха»* («В то время как вы

¹⁷⁶ Jeune Afrique. P., 19.03.1990. P. 18.

¹⁷⁷ Интервью Аббаси Мадани, опубликованное в алжирской газете «Algérie Actualité». Alger, 2.05.1990.

были на краю огненной пропасти, Он /Аллах/ спас вас из нее»¹⁷⁸. Одну из самых многочисленных демонстраций (в ней участвовало до 100 тыс. человек) ИФС организовал в столице в декабре 1989 г. в противовес прошедшей накануне манифестации алжирских женских правозащитных организаций, требовавших отменить действующий с 1984 г. семейный кодекс, который, по их мнению, был принят под давлением исламистов и ущемлял права женщин. Участницы демонстрации ИФС (они шли с закрытыми чадрой лицами и в сопровождении мужчин) требовали соблюдения этого кодекса и «защиты достоинства женщины-мусульманки».

Самым впечатляющим и массовым стал марш сторонников ИФС 20 апреля 1990 г. По различным оценкам, в нем участвовало от 600 до 800 тыс. человек. На этот же день планировалась манифестация в поддержку ФНО, но его руководство не решилось ее провести, опасаясь столкновений с исламистами. Несмотря на огромное количество участвовавших в марше ИФС людей, которые заняли практически всю центральную часть г. Алжир, в ходе его не произошло каких-либо значительных беспорядков или эксцессов с полицией, что свидетельствовало о достаточной дисциплинированности и организованности исламистов.

По завершении марша его участники вручили представителям властей петицию руководства ИФС, озаглавленную «Платформа политических требований ИФС». Она была адресована президенту Алжира и состояла из 15 пунктов. Основной смысл послания, написанного в сдержанно-уважительном тоне, состоял в пожелании руководству страны более последовательно продолжать экономические и политические реформы, включавшие, в том числе, конкретные предложения из «Проекта политической программы ИФС». Петиция содержала также такой пункт, как «призыв к созданию независимого от каких-либо политических партий органа для контроля за администрацией и Конституционным советом с тем, чтобы не допустить фальсификации волеизъявления избирателей на предстоящих муниципальных и парламентских выборах, недопустимости игнорирования властями воли народа и затягивание ими решения экономических проблем. ИФС видит жизненную необходимость в том, чтобы глава государства начал применять законы шариата, так как только с их помощью можно руководить в мусульманском обществе»¹⁷⁹. Как видно из

¹⁷⁸ 99-й аят из 3-й суры Корана был также изображен на логотипе ИФС. Частое цитирование именно этого аята сами исламисты объясняли тем, что, по их утверждению, ИФС являлся не просто одной из политических партий, а «воплощением воли Аллаха», единственной силой, которая была способна вывести Алжир из социально-экономического кризиса, то есть, «отвести страну от края пропасти и спасти». См. Аль-Мункыз. Алжир, 1990. № 22. С. 6.

¹⁷⁹ Аль-Мункыз. Алжир, 1990. № 16. С. 9.

содержания и тона послания, руководство ИФС на тот период фактически солидаризировалось (по крайней мере, на словах) с курсом на реформирование государственно-политической и экономической системы, проводимым президентом Шадли Бенджедидом. Исламисты рассчитывали, добившись победы на выборах, покончить с доминированием ФНО в местных органах власти, парламенте и правительстве. Таким образом, цель ИФС — вытеснение ФНО из властных структур, совпадала с намерением Шадли Бенджедиды ослабить оппозиционные ему анти реформаторские силы внутри ФНО. Исходя из сложившейся политической ситуации, руководство ИФС во главе с Аббаси Мадани надеялось прийти к власти на основе соглашения, а, возможно, и какой-либо формы союза с властями, в частности, с президентом Шадли Бенджедидом.

В результате выборов кандидаты от ИФС получили при голосовании в народные советы балядий и в народные советы вилай (областей) по официальным данным соответственно 54,3 % и 57,4 % всех голосов избирателей¹⁸⁰. Это означало, что 856 из 1 тыс. 541 народного совета балядий и 31 из 48 народных советов вилай должны были возглавить депутаты, избранные от ИФС. Таким образом, более половины всех местных выборных органов власти по всему Алжиру переходило под контроль исламистов. ФНО получил 28,1 % голосов на выборах в балядийях и 27,5 % — в вилайях¹⁸¹, что позволяло ему сформировать соответственно 487 народных советов в балядийях и только 6 — в вилайях. Другие партии, также как и независимые кандидаты получили гораздо меньший процент голосов.

Эта внушительная победа ИФС оказалась во многом неожиданной как для алжирских властей, так и для политиков за рубежом. Некоторые западные исследователи, в частности Робертс Хьюг, пытались объяснить успех ИФС тем, что достаточно большой процент алжирских граждан (до 35 %), имевших права голоса, не участвовали в голосовании из-за того, что выборы бойкотировали партии «Фронт социалистических сил» (ФСС) и «Движение за демократию в Алжире» (ДДА), и эти голоса предназначались им. В случае же участия данных партий в выборном процессе, результат, по его мнению, был бы совершенно иным. Также упоминались довольно многочисленные случаи голосования по доверенности. При этом за членов семьи — женщин голосовали мужчины, мнение которых в мусульманской семье традиционно являлось приоритетным, и в данном случае склонялось в пользу ИФС. Одновременно отмечалось, что в день выборов на избирательных участках, также как и на улицах, почти не было видно представителей властей и, напротив, было очень много активистов

¹⁸⁰ Cit. on: Willis Michael. Op. cit. P. 393.

¹⁸¹ Ibid.

ИФС. Эта ситуация позволяла им всяческими способами оказывать давление на избирателей и тем самым добиваться увеличения числа проголосовавших за ИФС. Ряд французских исследователей считали, что власти самоустранились от выборного процесса с целью дать ИФС еще один шанс повлиять на исход голосования¹⁸². Эти факторы, конечно, сказались на результатах выборов, но только в довольно незначительной степени.

Основной же причиной победы ИФС можно считать умелое использование его лидерами протеста значительного числа алжирских граждан против снижения жизненного уровня, которое в свою очередь стало результатом социально-экономического кризиса, переживаемого Алжиром. Существенную роль в успехе ИФС сыграло недовольство многих алжирцев режимом ФНО, не способным решить их насущные проблемы, а также пропаганда ИФС, обещавшая быстрый выход из кризиса, и умелое манипулирование исламистскими лидерами национально-религиозными чувствами алжирских мусульман путем призывов к «исламскому возрождению» и противодействию «импортированным идеологиям».

Такой вывод подтверждает и анализ процентного соотношения проголосовавших за ИФС в различных регионах Алжира. Основная часть алжирцев, отдавших свои голоса ИФС, являлись жителями крупных городов и населенных пунктов. Именно эта категория алжирских граждан в наибольшей степени страдала от последствий экономического кризиса, то есть, безработицы, роста цен, недостатка жилья и т. д. Так, в крупнейших городах страны — Алжире, Оране и Константине (являвшихся центрами антиправительственных выступлений в октябре 1988 г., в которых в основном участвовала безработная молодежь) за ИФС проголосовало соответственно 64 %, 71 % и 72 % общего числа избирателей¹⁸³. Один из молодых избирателей из г. Алжир, отдавший свой голос за ИФС, объяснял свой выбор следующим образом: «Молодой человек в Алжире сейчас должен выбирать один из четырех вариантов: оставаться безработным и холостым, так как, если нет работы, то невозможно приобрести жилье и обзавестись семьей, работать на черном рынке и рисковать быть арестованным, попытаться эмигрировать во Францию и подметать улицы в Париже или Марселе, или голосовать за программу ИФС, который предлагает какую-то перспективу на будущее»¹⁸⁴.

Такая же тенденция голосования за исламистов отмечалась в населенных пунктах с числом жителей более 20 тыс., где ИФС отдали голоса от 65 % до 90 % избирателей. Напротив, в городах и поселках с населением менее 20 тыс., где не так остро проявились последствия экономического

¹⁸² Maghreb-Machrek. P., 1990. № 129. P. 62.

¹⁸³ Cit. on: Willis Michael. Op. cit. P. 135.

¹⁸⁴ Ibid. P. 137.

кризиса, а также в сельских областях юга Алжира, где ФНО со времен национально-освободительной войны пользовался традиционным влиянием, ИФС набрал менее 40 % голосов. Наименьшую поддержку ИФС получил в Кабилии, где были сильны позиции противников исламистов — партий «Фронт социалистических сил» (ФСС) и «Объединение за культуру и демократию» (ОКД). Также небольшой процент избирателей проголосовал за ИФС в области Мзаб (алжирская Сахара), где проживают берберы-мозабиты, исповедующие ислам ибадитского толка (ветвь хариджизма) и в отдаленных районах Алжира, где до сих пор сохранились завии¹⁸⁵ суфийских тарикатов (братств), пользующихся достаточным влиянием среди местного населения и не воспринявших доктрину ИФС. Такая позиция глав тарикатов, видимо, объяснялась их опасением конкуренции со стороны лидеров исламистов и боязнью потерять свое привилегированное положение в случае прихода к власти ИФС.

Существенным фактором, способствовавшим успеху ИФС на выборах, была также помощь, оказанная ему из-за рубежа, в основном финансовая. Из различных фондов Саудовской Аравии, как государственных, так и частных, на счета ИФС в начале 1990-х гг. было переведено около 1 млн амер. долларов. Большая часть этой суммы поступала через международную исламистскую организацию «Лига исламского мира» (*Рабитат аль-алям аль-ислямий*)¹⁸⁶. В частности, один из влиятельных ее членов, Абу Бакр Джабар аль-Джазара, саудовский бизнесмен алжирского происхождения, передавал денежные средства на финансирование предвыборной кампании ИФС члену Меджлис аш-шуры Баширу Факиху.

Поддержка Саудовской Аравией ИФС и, в первую очередь, его президента Аббаси Мадани, объяснялась неприязненным отношением саудовского руководства к алжирскому режиму, длительное время проводившему политику социалистической ориентации, и желанием закрепить отказ от этой политики с помощью умеренных исламистов. Саудовские власти стремились поддержать именно Аббаси Мадани и его сторонников с целью не допустить лидерства в ИФС более радикального Али Бенхаджа, с которым связывалась возможность усиления иранского влияния в руководстве ИФС. Вместе с тем сам Али Бенхадж отзывался об идеях иранской исламской революции крайне сдержанно, подчеркивая их шиит-

¹⁸⁵ Завия — в странах Магриба комплекс зданий религиозного назначения, включающий в себя мечеть, школу, мавзолей святого, гостиницу. См. Ислам. Указ соч. С. 52.

¹⁸⁶ «Лига исламского мира» (ЛИМ) создана в 1962 г. Ее штаб-квартира находится в г. Мекка (Саудовская Аравия). Практическую деятельность ЛИМ осуществляет через региональные координационные советы (для Азии, Африки, Северной и Южной Америки), основное внимание которых сосредоточено на пропаганде ислама, содействии строительству мечетей, организации хаджа.

ский характер в отличие от доктрины ИФС, которая основана на суннизме. Аббаси Мадани официально отрицал получение ИФС какой-либо иностранной помощи. Тем не менее, как в алжирских, так и в иностранных СМИ появлялась информация о том, что наряду с Саудовской Аравией и Ираном исламистские организации из Египта, Туниса и Судана также оказывали поддержку ИФС. В частности, из Египта присылалась исламистская литература, а суданские и тунисские исламисты, прибывавшие в Алжир, участвовали в манифестациях ИФС.

Еще одним фактором, повлиявшим на успех ИФС, стала поддержка его кандидатов другими исламистскими силами в Алжире, прежде всего, движением «ан-Нахда», возглавляемым Абдаллой Джабаллой и общественным объединением «Лига исламского призыва», которым руководил шейх Ахмед Сахнун. В меньшей степени это касалось организации «аль-Иршад ва-ль-ислах», руководство которой во главе с Махфузом Нахнахом официально не высказывалось в поддержку ИФС, в то время как многие рядовые его члены голосовали на выборах за его кандидатов.

После официального объявления результатов выборов ИФС организовал массовую манифестацию, на которой Аббаси Мадани заявил о своей готовности сформировать правительство при президенте Шадли Бенджедиде. В то же время он потребовал проведения досрочных парламентских выборов, так как, по его мнению, после избрания депутатов ИФС в большинство местных органов власти, парламент, в основном состоявший из представителей ФНО, не соответствовал нынешнему соотношению политических сил. Стремясь заручиться поддержкой сил внутри ФНО, разделявших идеологию ИФС, Аббаси Мадани официально предложил войти в свое будущее правительство бывшему премьер-министру Абд аль-Хамиду Брахими, который наряду с Ахмедом Талемом Ибрагими считался наиболее известной фигурой в происламистском крыле ФНО.

Шадли Бенджедид не дал никакого официального ответа по поводу возможности формирования правительства во главе с Аббаси Мадани. Тем не менее, в вопросе о сроках парламентских выборов президент уступил требованиям ИФС и объявил, что их первый тур пройдет в первом квартале 1991 г. Шадли Бенджедид, несмотря на свой просчет в определении степени народной поддержки ИФС на местных выборах, был уверен, что сможет удержать власть, продолжая прежний курс. Он рассчитывал использовать исламистов как в борьбе против своих оппонентов внутри ФНО, остававшейся одной из самых значительных политических партий страны, так и для уравнивания влияния армейской верхушки на государственную политику. В то же время Шадли Бенджедид, не без оснований считавший себя инициатором демократических преобразований, намеревался выступать в роли арбитра в противостоянии различных политиче-

ских сил. Отвечая на высказанные иностранными дипломатами опасения по поводу возможной победы ИФС на предстоящих парламентских выборах, Шадли Бенджедид утверждал, что этого не произойдет. Он аргументировал свою уверенность тем доводом, что ИФС не решит социально-экономические проблемы в тех районах, которыми руководят его депутаты и тем самым, не выполнив свои предвыборные обещания, дискредитирует себя и потеряет поддержку избирателей на парламентских выборах.

Между тем избранные от ИФС местные руководители попытались предпринять меры для улучшения экономической ситуации и условий жизни в своих регионах. Так, например, большой популярностью у населения пользовались так называемые исламские рынки (*асвак ислямийя*), открытые местными властями, избранными от ИФС. На таких рынках неимущие алжирские граждане могли купить самые необходимые товары по сниженным ценам. В то же время в районах, контролируемых ИФС, стали приниматься решения, направленные на применение норм шариата в повседневной жизни. Так, городские народные советы в городах Алжир и Константина проголосовали за отмену совместного обучения юношей и девушек; в курортном городе Типаза было запрещено появляться на улицах в купальных костюмах и шортах, в г. Оран было отменено проведение фестиваля современной музыки. Избранные от ИФС власти закрывали в контролируемых ими районах магазины, торгующие спиртными напитками и бары.

Необходимо отметить, что введение норм шариата местной администрацией, представленной депутатами от ИФС, стало использоваться про правительственными алжирскими и некоторыми зарубежными, в основном, французскими СМИ для дискредитации ИФС. Следует отметить, что в их публикациях, связанных с применением шариата, в определенной степени искажались реальные факты. Так, подлинной причиной отмены музыкального фестиваля в г. Оран являлась не борьба с современной музыкой, а необходимость направить средства, ранее предназначенные на его проведение, на ремонт изношенной городской водопроводной сети. В этой связи Али Бенхадж заявлял: «В Оране не хватает жилья и нет питьевой воды, а мы слышим упреки по поводу отмены музыкального фестиваля. Вода и жилища важнее современных танцев»¹⁸⁷. Что касается запрета появления на улицах в купальных костюмах и шортах, то такое решение народный совет г. Типаза принял еще в то время, когда им руководили представители ФНО, а пришедшие им на смену депутаты ИФС только его подтвердили. Аббаси Мадани заявлял в связи с этим: «Для ИФС вопрос ношения шорт не являлся главной проблемой. Это выдумка журналистов. Основная задача для нас — это уменьшить безработицу и разрешить жилищный кризис»¹⁸⁸.

¹⁸⁷ Интервью Али Бенхаджа алжирской газете «Horizons». Alger, 29.09.1990.

¹⁸⁸ Интервью Аббаси Мадани французской газете «Le Figaro». P., 31.07.1990.

Во многих публикациях анти исламистского характера типичным стало избранных от ИФС обвинение местных руководителей в некомпетентности. В определенной степени, это имело место, так как многие из них не обладали опытом административной работы. Вместе с тем некоторые правительственные чиновники откровенно саботировали местную власть, представленную депутатами ИФС, не рассматривая или отклоняя их требования по решению конкретных проблем. Жалобы на такую практику, в частности, были высказаны в петиции, направленной 15 ноября 1990 г. президенту от имени 4 тыс. народных советов, возглавляемых депутатами от ИФС, которые обвиняли центральные власти в игнорировании их просьб и открытой враждебности.

С течением времени действия избранной от ИФС администрации в ряде районов Алжира и участвовавшие выступления руководителей ИФС с требованием строгого соблюдения исламских норм стали вызывать тревогу у части алжирских граждан. К этой категории алжирцев относились студенты франкофоны, часть мелкой и средней буржуазии, имевшей деловые связи с европейскими странами, и все те, кто разделял негативное отношение ИФС к режиму ФНО, но не являлся сторонником использования шариата в повседневной жизни. Такие опасения касались предпочтительного приема на работу в контролируемые ИФС муниципальные органы специалистов, окончивших арабо-язычные учебные заведения, в ущерб франко язычным. Помимо этого имели место случаи принятия правил, по которым служащие-женщины должны были приходить на работу в чадре. В некоторых исламистских балядийях женщинам, заподозренным в нарушении исламской морали (например, матерям-одиночкам), отказывали в социальных пособиях и в праве на получения муниципального жилья. Особую обеспокоенность у воспринявшей европейскую культуру и образ жизни франкофонской интеллигенции вызывали призывы радикальных исламистских лидеров, в частности, Али Бенхаджа, «бороться с офранцузенностью и с интеллектуальным и идеологическим влиянием Франции, а также с ее алжирскими сторонниками»¹⁸⁹.

Наряду с этим, возглавляемое начальником генерального штаба Халедом Наззаром армейское руководство стало также проявлять все большие опасения, связанные с усилением ИФС. Халед Наззар, как и большинство военной элиты, принадлежал к «офранцузенной»¹⁹⁰ части

¹⁸⁹ Интервью Али Бенхаджа французскому журналу «Politique internationale». Р., Automne 1990. Р. 156.

¹⁹⁰ Халед Наззар до завоевания Алжиром независимости служил во французской армии и там же получил офицерское звание. Он, как и многие его сослуживцы-алжирцы, перешел на сторону ФНО только в 1958 г., спустя 4 года после начала антиколониальной национально-освободительной войны. См. Haled Nazzar parle // Jeune Afrique. Р., 2000. № 2040. Р. 53.

алжирского общества, чья приверженность европейским традициям осуждалась радикальными исламистами. Неприязнь и взаимное недоверие между ИФС и военными объяснялись еще и тем, что в ИФС, в том числе, в его руководстве было немало бывших членов «Вооруженного алжирского исламского движения» (ВАИД) и участников антиправительственных выступлений в октябре 1988 г., в подавлении которых главную роль играла армия. Несмотря на то, что в программе ИФС утверждалось, что «алжирская армия — это армия народа, всегда готовая защитить целостность страны и ее религию»¹⁹¹, исламисты тем не менее не исключали возможности вмешательства военных в ход муниципальных выборов 12 июня 1990 г. Поэтому перед их началом руководство ИФС обратилось с предупреждением, в котором заявлялось: «Если армия выйдет из казарм, чтобы помешать свободному голосованию, мы все, мужчины и женщины, станем единой исламской армией, борющейся за воплощение заветов Пророка»¹⁹². В свою очередь, генеральный секретарь министерства обороны генерал Шеллуфи от имени военного руководства подтвердил, что армия остается гарантом конституции и демократических свобод и никому не позволит «использовать демократию для установления диктаторской власти». Это заявление определенно можно рассматривать как недвусмысленное предостережение исламистам, о том, что армия не допустит прихода к власти ИФС.

Напряженность между ИФС и армейским руководством стала возрастать после ряда акций, предпринятых исламистами в период военных действий между Ираком и коалицией западных держав. После начала бомбардировок Ирака авиацией США ИФС, используя про иракские настроения многих алжирцев¹⁹³, организовал 31 января 1991 г. многотысячную манифестацию под лозунгами поддержки иракского народа и осуждения иностранной агрессии на мусульманскую землю. Марш манифестантов закончился митингом у здания министерства обороны, где Али Бенхадж, одетый в военную форму, предложил немедленно начать формирование отрядов добровольцев¹⁹⁴ для помощи иракской армии. Он обвинил воен-

¹⁹¹ Аль-Мункыз. Алжир, 1990. № 10. С. 9.

¹⁹² Выступление Аббаси Мадани на митинге в г. Алжир 11 июня 1990 г., цитируемое в книге: Al-Ahnaf M. L'Algérie par ses islamistes. P. 119.

¹⁹³ Большинство алжирцев сочувственно относились к Ираку, считая его жертвой агрессии западных держав. Автору этих строк, работавшему в г. Алжире 11 июня 1990 г., приходилось слышать высказывания алжирцев, сравнивавших борьбу Ирака с алжирской антиколониальной национально-освободительной войной 1954–1962 гг. и видевших в Саддаме Хусейне арабо-мусульманского лидера, противостоявшего западной экспансии.

¹⁹⁴ ИФС отправил несколько сотен алжирских добровольцев в Иорданию, где были созданы тренировочные лагеря для их военной подготовки и последующей отправки на

ное руководство в том, что алжирская армия потеряла способность защищать страну, поскольку выполняла полицейские функции, и заявил: «ИФС хочет видеть армию на службе Аллаха и шариата, а не на службе у Шадли Бенджедида»¹⁹⁵.

В свою очередь в среде военных росло недоверие к президенту Шадли Бенджедиду¹⁹⁶, особенно, после его встречи с Аббаси Мадани вскоре после победы ИФС на выборах. По неофициальным данным, в ходе этих переговоров президент не только подтвердил, что предстоящие парламентские выборы пройдут в такой же демократической обстановке, как и состоявшиеся муниципальные, но и говорил о возможности сотрудничества президентской администрации с ИФС¹⁹⁷.

Сразу после успеха исламистов на выборах в июне 1990 г. военные предприняли усилия по расширению своего влияния на государственную политику. Их результатом стала отставка соратника Шадли Бенджедида премьер-министра Мулуда Хамруша. Она состоялась под нажимом военных, в частности, Халеда Наззара, подвергавшего критике политический курс Мулуда Хамруша. В мае 1991 г. новое правительство возглавил Сид Ахмед Гозали, разделявший анти исламистскую позицию армейского руководства.

В преддверии парламентских выборов правительство приняло закон о реформировании избирательных округов. Целью его было максимально ослабить влияние ИФС в тех районах, где он получил наибольшее количество голосов. В результате такого «перекраивания» территорий избирательных округов увеличилось их количество в районах юга Алжира, где традиционно сильным было влияние ФНО, и где ИФС получил наименьшую поддержку избирателей. Закон предусматривал создание изби-

помощь иракской армии. Однако к этому времени военные действия в Ираке закончились, и после возвращения в Алжир эти добровольцы составили отряды военизированной милиции ИФС, сформированной под руководством члена Меджлис аш-шуры Саида Мехлуфи. Они использовались в качестве телохранителей лидеров ИФС и охраны при проведении митингов и демонстраций. После начала противостояния с властями многие из этих добровольцев вступили в различные исламистские вооруженные формирования.

¹⁹⁵ Аль-Мункыз. Алжир, 1991. № 12.

¹⁹⁶ Недоверие руководства армии к Шадли Бенджедиду усугублялось личной неприязнью начальника генерального штаба генерала Халеда Наззара к президенту. По мнению Халеда Наззара, недальновидная политика первого лица государства привела к социально-экономическому кризису в октябре 1988 г. и вынужденному вооруженному вмешательству армии, что стало причиной многочисленных жертв среди гражданского населения.

¹⁹⁷ По утверждению Халеда Наззара, президент Шадли Бенджедид и его администрация были готовы сотрудничать с ИФС в случае его возможной победы на парламентских выборах. См. *Jeune Afrique*. 2000. № 2040. Р. 55.

рательных округов по территориальному признаку. Такое положение предоставляло возможность, например, для 7 тыс. алжирцев, проживавших на территории одного избирательного округа на юге Алжира избирать такое же число депутатов, какое избирали 75 тыс. жителей, проживавших в равном по территории избирательном округе в г. Алжир, где ИФС имел наибольшую поддержку. В соответствии с этим законом число депутатов в Национальной народной ассамблее увеличивалось с 295 до 542. Формально не предоставляя привилегий какой-либо партии, новый закон, тем не менее, предусматривал увеличение депутатских мест для юга Алжира, единственного региона, где во время предыдущих выборов лидировал ФНО и, напротив, ИФС набрал наименьшее число голосов.

Такие предвыборные манипуляции, направленные на уменьшение шансов ИФС на успех в предстоящей выборной кампании, вызвали протест со стороны исламистских лидеров. Аббаси Мадани оценил их, как нарушение алжирским руководством и, в частности, президентом данных ранее гарантий того, что парламентские выборы пройдут в обстановке «демократичности, открытости и честности». На созванной ИФС пресс-конференции Аббаси Мадани потребовал отмены нового закона, большего контроля со стороны оппозиционных партий за выборным процессом и проведения президентских выборов спустя три месяца после парламентских.

Лидеры других исламистских организаций также выразили свой протест по поводу нового закона, нарушающего, по их мнению, демократические условия предвыборной кампании, и высказались за объединение исламистского движения в связи с усиливающимся давлением властей. В частности, президент «Лиги исламского призыва» Ахмед Сахнун предлагал на предстоящих парламентских выборах выставить единый список кандидатов, включающий представителей всех исламистских партий и организаций. Объединение предполагалось осуществить либо путем создания «исламского альянса», куда могли бы войти все политические партии, исповедующие исламизм, либо их вступлением в ИФС, как наиболее влиятельную партию. Тем не менее, несмотря на декларацию Меджлис аш-шуры ИФС о «настоятельной потребности сплочения исламских рядов» и заявления лидеров двух наиболее крупных после ИФС исламистских партий Хамас руководимой Махфузом Нахнахом, и ан-Нахды, возглавлявшейся Абдаллой Джабаллой, о необходимости единства действий, объединения исламистских сил не произошло.

Главная причина провала попытки объединения заключалась в том, что исламистские руководители не смогли выработать приемлемых для всех условий для совместных действий. Существенную роль сыграли личные амбиции, прежде всего, Аббаси Мадани, который не без основа-

ний считал себя признанным лидером ИФС¹⁹⁸ и не хотел разделять власть и влияние в своей партии с кем бы то ни было. Очевидно, что в случае объединения это неминуемо должно было произойти, так как в предполагавшееся объединенное руководство вошли бы пользовавшиеся достаточной популярностью на протяжении многих лет шейхи Абдалла Джабалла и Махфуз Нахнах, получившие, в отличие от Аббаси Мадани, религиозное образование. Объединению помешало также недоверие и даже враждебность в личных отношениях некоторых из лидеров, в частности, Аббаси Мадани и Махфуза Нахнаха, которого руководитель ИФС называл «человеком Шадли Бенджедиды».

Что касается властей, то они никак не прореагировали на требования ИФС отменить новый закон о выборах. Как правительство, так и президентская администрация проявляли явное нежелание соблюдать ранее достигнутые с ИФС договоренности и старались любыми способами не допустить успешных для ИФС результатов парламентских выборов. Сложившаяся ситуация означала неудачу политики Аббаси Мадани, рассчитанной на возможность прихода ИФС к власти на основе компромисса с режимом и в результате демократических выборов. Сам Аббаси Мадани в этой связи признал, что «система альтернативных выборов вряд ли смогла бы привести к созданию исламского государства»¹⁹⁹.

Для того, чтобы принудить правительство пересмотреть новый избирательный закон, а также в целях укрепления своего пошатнувшегося авторитета Аббаси Мадани перешел к более решительным действиям. На митинге ИФС в г. Оран он заявил: «ИФС готов идти на выборы, но при условии отмены репрессивных в отношении нас избирательных правил. Если наши аргументы и законные требования не являются достаточными для президента страны, Аллах дал нам право прибегнуть к другим средствам. Это будет всеобщая политическая забастовка»²⁰⁰.

По предложению Аббаси Мадани Меджлис аш-шура ИФС принял решение о проведении трехдневной всеобщей политической стачки, начиная с 25 мая 1991 г. Тем не менее, во время голосования из 37 членов Меджлис аш-шуры 17 высказались против предложения Аббаси Мадани, считая, что всеобщая забастовка может привести к прямой конфронтации с властями и к запрету ими ИФС. Такую же позицию занял находившийся

¹⁹⁸ Выборочный опрос общественного мнения, проведенный алжирскими СМИ в начале мая 1991 г., показал, что наибольшей популярностью пользовался президент ИФС Аббаси Мадани, которому отдали свои голоса 60 % респондентов, 12 % голосов набрал руководитель ФСС Хосин Аит Ахмед и 11 % — лидер ФНО Абд аль-Хамид Мехри. См. *Algerie-Actualite*. Alger, 9.05.1991.

¹⁹⁹ Cit. on: Willis Michael. Op. cit. P. 173.

²⁰⁰ El-Moudjahid. Alger, 3.04.1991.

в это время в Алжире и сотрудничавший с руководством ИФС Рашид Ганнуши, видный деятель исламистского движения, лидер тунисской партии «Нахда». В личной беседе он пытался убедить Аббаси Мадани в том, что ИФС, контролируя большинство местных советов, при любых политических условиях останется самой влиятельной партией. В то же время, по мнению Рашида Ганнуши, прямое столкновение с властями, во что рисковала вылиться политическая стачка, могло бы закончиться разгромом ИФС и арестом его лидеров.

Однако, в тот период в руководстве ИФС все большее влияние стали завоевывать сторонники решительных действий, поддержавшие предложение Аббаси Мадани. По их инициативе ИФС, наряду с объявлением всеобщей политической забастовки, заявил о начале кампании гражданского неповиновения. Призыв к нему составил один из наиболее радикальных членов Меджлис аш-шуры Саид Мехлуфи²⁰¹. В нем он характеризовал правящий режим как «неисламский по его идеологии и его законам». Саид Мехлуфи обвинял власти в том, что они под видом либерализации экономики отдали все богатства страны в «руки противников ислама — евреев и христиан». Конечную цель кампании гражданского неповиновения Саид Мехлуфи определял, как «провозглашение в Алжире исламской республики, — для ее достижения он призывал алжирских мусульман, — объединить силы и энергию и использовать все методы гражданского неповиновения, как то, манифестации, отказ платить налоги и сотрудничать с властями, сидячие забастовки, ультимативные требования к властям и общенациональная забастовка»²⁰².

Всеобщая политическая забастовка не принесла ИФС ожидаемых результатов, так как в ней участвовало, по официальным данным, всего 5 % трудовых коллективов алжирских предприятий²⁰³. Даже с учетом того, что это число было занижено властями (как об этом заявлял ИФС), такой показатель свидетельствовал, что ИФС и действовавший под его эгидой ИПТ («Исламский профсоюз труда») не пользовались достаточным влиянием и поддержкой среди рабочих, особенно на крупных алжирских предприятиях.

²⁰¹ Саид Мехлуфи — бывший офицер алжирской армии, ветеран гражданской войны в Афганистане, член Меджлис аш-шуры и руководитель службы безопасности ИФС. Будучи сторонником радикальных методов борьбы с режимом, он наладил тесные контакты с лидером алжирской экстремистской фундаменталистской организации «ат-Такфир ва-ль-хиджра» Камелем ас-Самиром.

²⁰² Полный текст призыва Саида Мехлуфи, озаглавленного «Основные принципы и цели гражданского неповиновения» (*Fondements et buts de la désobéissance civile*), приводится в книге: Denaud Patrick. Algérie. FIS. Sa direction parle. P., 1997. P. 288–290.

²⁰³ El-Moudjahid. Alger, 18.07.1991.

Большого успеха ИФС достиг в проведении кампании гражданского неповиновения, в ходе которой в г. Алжир проходили массовые манифестации и марши протеста. В них участвовала в основном безработная молодежь, поддерживавшая лозунги ИФС, а также прибывшие в Алжир члены исламистских организаций из Туниса и Марокко. Демонстрации в столице продолжались почти две недели. Если в первые дни руководству ИФС удавалось в ходе их проведения поддерживать среди манифестантов относительную дисциплину, то по мере усиления накала страстей все чаще стали происходить нарушения правопорядка и конфронтация с полицией.

Кульминацией кампании гражданского неповиновения стала продолжавшаяся почти неделю сидячая забастовка на одной из центральных площадей г. Алжир, в которой приняли участие несколько десятков тысяч сторонников ИФС, скандировавших лозунги о немедленной отставке правительства и президента и провозглашении исламской республики.

В ответ на такой прямой вызов власти в ночь на 5 июня 1991 г. объявили о введении чрезвычайного положения сроком на четыре месяца и ввели в столицу войска и бронетехнику, которые приступили к разгону манифестантов. В ходе происшедших столкновений было убито и ранено около 400 человек. В целях прекращения беспорядков и достижения компромисса премьер-министр Сид Ахмед Гозали 7 июня 1991 г. провел переговоры с Аббаси Мадани и Али Бенхаджем. В результате достигнутого соглашения были внесены некоторые поправки в закон о выборах, в частности, число депутатов ННА было определено в 430, а не 542, как было зафиксировано ранее в правительственном законе. Парламентские выборы, которые власти гарантировали провести в обстановке «демократии и свободы волеизъявления граждан», были перенесены на декабрь 1991 г. После них предполагалось приступить к досрочным президентским выборам. В свою очередь, Аббаси Мадани призвал своих сторонников прекратить акции гражданского неповиновения и всеобщую политическую забастовку.

Несмотря на достигнутый компромисс, армейские подразделения продолжали патрулировать столичные улицы, не допуская каких-либо массовых мероприятий исламистов. Наряду с этим военные совместно с полицией приступили к арестам активистов ИФС, участвовавших в столкновениях с силами правопорядка. В общей сложности, по данным ИФС, на 1 июля 1991 г. было арестовано около 3 тыс. его членов²⁰⁴. Кроме того, согласно распоряжению правительства, в балядиях, возглавляемых администрацией избранной от ИФС, предписывалось снять с помещений местных советов названия «исламская балядия» и восстановить символы

²⁰⁴ Manifeste du Front Islamique du Salut pour la Justice et la Paix en Algerie. Conseil de Coordination du FIS. 11.01.1999. P. 21. URL: <http://www.fisalgeria.org/newsletters/Manifeste.html> (Дата обращения — 10.05.2003).

алжирской республики, одним из которых продолжал считаться лозунг ФНО, гласящий: «С народом и для народа». Эти действия властей привели к новым столкновениям исламистов с полицией и армией и аресту многих членов местных советов — депутатов от ИФС, которые пытались помешать выполнению этого правительственного распоряжения.

Главную роль в проведении политики силового давления на ИФС играли военные, которые старались максимально ослабить исламистов и видели в них «опасность для нации и государства, которая, по их мнению, должна была быть устранена посредством разрушения партийной структуры ИФС, средств его материальной поддержки и изоляции его руководителей»²⁰⁵. Позицию военных в основном разделял премьер-министр Сид Ахмед Гозали. Что касается президента Шадли Бенджедида, то его отношения с лидерами ИФС заметно охладели после их требований проведения досрочных президентских выборов. Вместе с тем реальная роль Шадли Бенджедида в принятии государственных решений значительно ослабла, так как он вынужден был уступать давлению армейского руководства во главе с министром обороны Халедом Наззаром, которого поддерживало большинство офицерского корпуса, контролировавшего, в свою очередь, рядовой состав армии. В такой ситуации Шадли Бенджедид мог рассчитывать на поддержку только достаточно узкого круга высших офицеров, по каким-либо причинам преданных ему лично или обязанных ему своим продвижением по службе.

Лидеры ИФС, со своей стороны, видевшие в военной элите основных противников, выступили с прямыми угрозами перейти к силовым методам борьбы, если армия не прекратит репрессивные действия. Аббаси Мадани заявил, что «если армия не вернется в казармы, ИФС призовет народ к джихаду, как это было в ноябре 1954 г.»²⁰⁶. Али Бенхадж, намекая на наличие в государственных силовых структурах сторонников ИФС, предупредил армейское руководство, что «в армии, полиции и жандармерии есть мусульмане, которые чтут законы Аллаха, и они готовы вспомнить об этом в любой момент»²⁰⁷.

Ответом со стороны правительства на такие заявления стал арест 30 июня 1991 г. Аббаси Мадани, Али Бенхаджа и еще шестерых членов Меджлис аш-шуры ИФС, а также закрытие двух газет ИФС «аль-Мункыз» и «аль-Фуркан». Оба лидера ИФС обвинялись по нескольким пунктам, включая подготовку свержения законно избранной власти, создание незаконных вооруженных формирований, попытку дестабилизировать эконо-

²⁰⁵ Basbous A. Op. cit. P. 143.

²⁰⁶ Cit. on: Le Quotidien de Paris. P., 30.06.1991.

²⁰⁷ BURGAT F. and DOWELL W. The Islamist Movement in North Africa. Austin, Center for the Middle Eastern Studies, University of Texas, 1993. P. 292.

мику страны и подстрекательство граждан к вооруженному мятежу. Последний пункт обвинения был предъявлен Али Бенхаджу за его призывы «запасаться автоматами Калашникова и взрывчаткой»²⁰⁸, якобы сделанный им во время его проповеди 21 июня 1991 г. в столичной мечети «ас-Сунна». Тем не менее, премьер-министр Сид Ахмед Гозали официально заявил, что «введение чрезвычайного положения направлено на сохранение стабильности в стране и защиту безопасности ее граждан и никоим образом не означает подавление исламского выбора»²⁰⁹. Он утверждал, что Аббаси Мадани, Али Бенхадж и многие исламисты арестованные в ходе демонстраций и столкновений с полицией, предстанут перед судом за конкретные правонарушения, а не за их принадлежность к ИФС.

Эти заявления властей объяснялись их стремлением предотвратить нарастание акций протеста со стороны исламистов, которые хотя и прошли в городах Константина и Мостаганем (на востоке и западе Алжира), однако в тот момент не приобрели массового и общенационального характера. Вместе с тем власти не могли игнорировать позицию значительной части алжирских граждан, голосовавших на муниципальных выборах за ИФС и его программу.

Следует подчеркнуть, что после успеха ИФС на выборах в июне 1990 г. и прихода депутатов-исламистов в руководство во многих балядиях в Алжире летом 1991 г. сложилось двоевластие в лице исламистской администрации ИФС в более чем половине балядий и центральной власти в лице президента, правительства, парламента и все еще обладавшего достаточным влиянием ФНО. Причем как в парламенте, так и в ФНО также были сторонники ИФС.

В такой обстановке армия, с настороженностью относившаяся к контактам президента с лидерами ИФС, выступила инициатором силовых акций против исламистов с целью восстановления контроля над политической ситуацией в стране и сохранения своего привилегированного положения в обществе. Действия армейского руководства, поддержанные премьер-министром Сид Ахмедом Гозали, не являлись еще открытым конфликтом с президентом. Тем не менее, после подавления манифестаций ИФС и ареста его руководителей армейская элита во главе с генералом Халедом Наззаром значительно усилила свои позиции, и с этого момента принятие политических решений еще в большей степени стало зависеть от мнения военных.

Провал всеобщей политической забастовки и кампании гражданского неповиновения, приведший к аресту многих членов ИФС, в том числе, его

²⁰⁸ Cit. on: La presse de Tunisie, Tunis, 21.06.1991.

²⁰⁹ L'Horizons, Alger, 21.07.1991.

лидеров и в существенной мере дезорганизовавший партию, вызвал в ее руководстве острую полемику. Так, Ахмед Марани²¹⁰ заявлял, что решение о продолжении всеобщей политической стачки являлось ошибочным и было принято единолично Аббаси Мадани без консультаций с ним и с другими членами Меджлис аш-шуры. Ранее, во время происходивших столкновений исламистов с силами правопорядка Башир Факих²¹¹, Ахмед Марани и Хашеми Сахнуни в своем выступлении по алжирскому телевидению обвиняли Аббаси Мадани в игнорировании мнения членов Меджлис аш-шуры²¹² и авторитаризме и выступали «за прекращение конфронтации с властями с тем, чтобы предотвратить дальнейшие жертвы среди мусульман»²¹³. Эти члены руководства ИФС, позицию которых разделял и его вице-президент Беназзуз Зabda, считали, что ИФС должен основной упор сделать на собственно религиозной деятельности, а не на политической, то есть, уделять больше внимания морально-этическим проблемам и распространению в обществе исламских традиций и норм шариата. Тем не менее, в результате развернувшихся дебатов, происходивших на всеобщей партийной конференции ИФС в конце июля 1991 г. в г. Батна (на востоке Алжира), победили сторонники Аббаси Мадани во главе с Абд аль-Кадером Хашани, провозглашавшие главной целью ИФС завоевание политической власти. Их позицию также поддержал влиятельный член Меджлис аш-шуры Мухаммед Саид, лидер *джазаиристского*²¹⁴ течения в ИФС.

Итогом конференции стало избрание нового состава национального исполнительного совета ИФС, который возглавил Абд аль-Кадер Хашани. Он же был провозглашен временным (на период пребывания в заключении Аббаси Мадани) президентом ИФС. Новыми вице-президентами бы-

²¹⁰ Ахмед Марани — член Меджлис аш-шуры и председатель партийной комиссии ИФС по социальным вопросам.

²¹¹ Башир Факих — член Меджлис аш-шуры и руководитель отделения ИФС в г. Оран, втором по величине городе в Алжире.

²¹² Сторонники Аббаси Мадани, в свою очередь, объясняли его нежелание доводить свои решения до сведения всех членов Меджлис аш-шуры подозрениями руководства ИФС в том, что Ахмед Марани, Башир Факих и некоторые другие члены Меджлис аш-шуры без ведома Аббаси Мадани встречались с главой алжирской военной контрразведки генералом Тауфиком с целью заключения с ним неофициальных договоренностей.

²¹³ La presse de Tunisie, Tunis, 27.06.1991.

²¹⁴ Название джазаиристского течения в ИФС происходит от арабского произношения слова Алжир — *джазаир*. Джазаиристы, подерживая стратегическую цель ИФС — создание исламского государства, считали, тем не менее, что в силу специфики исторического развития (длительное французское влияние) в Алжире оно должно иметь свои национальные особенности. Большинство джазаиристов были уроженцами западных областей Алжира, в частности, г. Оран. Многие из них имели высшее, в том числе техническое образование, полученное в Европе или США, за что их называли также «технократическим течением» алжирского исламизма.

ли назначены Осман Айсани и Абд аль-Крим Гэмати, а руководителем политического отдела ИФС стал Рабах Кабир. Все они являлись ближайшими соратниками Абд аль-Кадера Хашани. Было также увеличено число членов Меджлис аш-шуры с 37 до 70, а его состав радикально обновлен. Из него были исключены ратовавшие за примирение с властями и отказ от продолжения политической борьбы Беназзуз Зебда, Ахмед Марани, Башпир Факих, Мухаммед Керрар и Хашеми Сахнуни. Абд аль-Кадеру Хашани удалось добиться исключения из состава Меджлис аш-шуры своих радикальных оппонентов, требовавших более решительных действий против режима. К их числу принадлежали Саид Мехлуфи и Камар ад-Дин Кербан²¹⁵, являвшиеся выразителями наиболее экстремистского, салафитского, течения в ИФС.

Таким образом, новое руководство ИФС во главе с Абд аль-Кадером Хашани сумело в достаточной степени консолидировать свои ряды, освободившись как от «соглашателей», видевших в ИФС не политическую партию, а религиозную организацию, так и от радикалов, призывавших к жесткой конфронтации с властями. Такая консолидация позволила ИФС к осени 1991 г. укрепить свою партийную структуру и восстановить в существенной мере влияние в обществе, поколебленное в результате силовых действий властей, введения чрезвычайного положения и ареста части руководства ИФС. Свидетельством восстановления позиций ИФС, как основной политической партии, стала грандиозная 300 тысячная демонстрация исламистов 1 ноября 1991 г. в день празднования 37-ой годовщины начала антиколониальной национально-освободительной революции.

Острые дебаты в руководстве ИФС вызвал вопрос выработки дальнейшего курса, особенно в отношении предстоящих парламентских выборов. Часть членов Меджлис аш-шуры, не надеясь на успех, предлагала бойкотировать выборы или участвовать в них при условии выполнения властями ряда их требований, в частности, освобождения арестованных лидеров ИФС и восстановления на работе уволенных участников всеобщей политической забастовки. Однако Абд аль-Кадер Хашани считал необходимым участвовать в выборах, утверждая, что их бойкот приведет ИФС к новому столкновению с властями, а неучастие ИФС в выборной кампании в случае невыполнения властями его условий исключит партию из политической борьбы и, тем самым, лишит ее возможности завоевать

²¹⁵ Камар ад-Дин Кербан в период гражданской войны в Афганистане являлся руководителем организации «Арабские муджахиды» (*аль-Муджахидун аль-араб*), созданной в Пешаваре (Пакистан) для вербовки наемников из арабских стран в ряды афганских муджахидов, боровшихся против афганского режима и поддерживавших его советских войск. Камар ад-Дин Кербан, будучи членом Меджлис аш-шуры ИФС, поддерживал контакты с различными радикальными исламистскими организациями как в Алжире, так и за его пределами.

власть легальным путем. Абд аль-Кадер Хашани заявлял в связи с этим, что «ИФС может прийти к власти только в результате свободных и справедливых выборов»²¹⁶. Стараясь выглядеть более умеренным, чем его предшественники, он отказался даже поддержать ранее высказываемое ИФС требование о проведении после парламентских досрочных президентских выборов. В свою очередь, после отмены чрезвычайного положения в октябре 1991 г. премьер-министр Сид Ахмед Гозали высказал пожелание, чтобы все политические партии, в том числе ИФС, приняли участие в парламентских выборах. Наряду с этим власти сняли запрет с печатных органов ИФС «аль-Мункыз» и «аль-Фуркан», и с 18 ноября 1991 г. они вновь стали выходить в печать. Такой жест «доброй воли» со стороны властей по отношению к ИФС был обусловлен тем, что довольно значительная часть граждан, возможно, не разделяя полностью концепции ИФС, тем не менее, продолжала симпатизировать «исламскому выбору». К числу симпатизировавших ИФС относились и такие влиятельные политические фигуры, как бывший премьер-министр, член ФНО Абд аль-Хамид Брахими, которому Аббаси Мадани предлагал пост главы своего правительства в случае прихода ИФС к власти, бывший министр иностранных дел, известный деятель ФНО Ахмед Талек Ибрахими и председатель Национальной народной ассамблеи (парламента) Абд аль-Азиз Белькадем.

В достаточной степени столь лояльное отношение властей к ИФС объяснялось также желанием алжирских руководителей, прежде всего Шадли Бенджедида, сохранить имидж демократов как внутри Алжира, так и в глазах мирового общественного мнения. Наряду с этим алжирское руководство надеялось на то, что ослабленный и в достаточной степени дезорганизованный после ареста многих его членов ИФС не сможет добиться серьезного успеха на парламентских выборах. Однако многие руководители ИФС не доверяли правительственным заявлениям, считая, что, в действительности власти постараются не допустить участия ИФС в выборах, либо добившись его запрета, либо спровоцировав его на бойкот выборной кампании. Тем не менее большинство руководства ИФС поддержало позицию Абд аль-Кадера Хашани. В частности, глава политического отдела ИФС Рабах Кабир утверждал, что даже в случае провокаций со стороны властей участие в выборной кампании крайне необходимо, и заявлял, что бойкот выборов будет означать крах ИФС.

Достаточно трудно утверждать наверняка за неимением документальных подтверждений, совершались ли властями провокационные действия в отношении ИФС. Британский исследователь Хьюг Робертс, на-

²¹⁶ Algeria-Actualite, 1.08.1991.

пример, рассматривал как провокацию нападения группы неизвестных, названных в про правительственных СМИ исламистами, на митинг партии «Движение за демократию в Алжире» и на штаб-квартиру партии ФНО. Этот инцидент, как обоснованно предполагал Хьюг Робертс²¹⁷, мог быть спровоцирован алжирскими спецслужбами, чтобы дать повод правительству для запрета ИФС. В связи с этим уместно подчеркнуть, что после подавления властями объявленной ИФС всеобщей политической забастовки и кампании гражданского неповиновения начался процесс радикализации части сторонников ИФС. Это касалось, прежде всего, маргинализированной молодежи и ветеранов афганской войны, разочаровавшихся в политических формах борьбы, предлагаемых ИФС. Такие радикально настроенные исламисты составили основу начавших формироваться в это время подпольных экстремистских фундаменталистских группировок. Их лидеры провозглашали радикальные методы борьбы, призывая к бойкоту парламентских выборов и даже к джихаду против существующего режима. Алжирские спецслужбы могли использовать эти группировки в провокационных целях, внедряя в их ряды своих агентов²¹⁸.

В ноябре 1991 г. боевики одной из таких группировок обстреляли полицейский наряд после того, как им был обнаружен склад оружия в населенном пункте Бэб аль-Уэд, расположенном недалеко от тунисской границы. В том же районе 29 ноября 1991 г. 16 боевиков совершили нападение на пограничный пост Гэммар, в результате которого погибли трое военнослужащих. Расследование этих террористических актов показало, что их планированием и подготовкой руководил активный член «Исламского профсоюза труда» Айса Мессауди²¹⁹, имевший также тесные связи с алжирской фундаменталистской организацией «ат-Такфир ва-ль-хиджра» (Обвинение в неверии и хиджра)²²⁰, членами которой стали многие алжир-

²¹⁷ Hugh Roberts. Op. cit. P. 473.

²¹⁸ Британский исследователь Майкл Уиллис считает, что алжирская военная контрразведка (Securité militaire) не только внедряла своих агентов в ряды экстремистских исламистских группировок, но даже создавала с помощью таких агентов целые исламистские организации, полностью ею контролируемые. В частности, по мнению Майкла Уиллиса, «Партия арабо-исламского объединения» была создана агентами военной контрразведки и использовалась ею в своих целях. См. Willis Michael. Op. cit. P. 123.

²¹⁹ Айса Мессауди, имевший псевдоним Тайеб аль-Афгани, участвовал в рядах муджахидов в гражданской войне в Афганистане.

²²⁰ Фундаменталистская организация «ат-Такфир ва-ль-хиджра» (Обвинение в неверии и хиджра) была создана в Алжире в середине 70-х гг. последователями идеологов египетской исламистской организации «Братья-мусульмане» и в начале своей деятельности, возможно, была связана с экстремистской египетской группировкой того же названия. Алжирская «ат-Такфир ва-ль-хиджра» была немногочисленна и не пользовалась значительным влиянием в исламистском движении. В начале 1990-х гг. ее руководство проповедовало экстремистские методы борьбы с властями.

ские ветераны афганской войны. Кроме того несколько арестованных боевиков, участников нападения на пограничный пост на суде показали, что они являлись членами ИФС. Сразу же после этих инцидентов министр обороны Халед Наззар в своем выступлении по алжирскому телевидению обвинил ИФС в причастности к «попыткам развязать кампанию террора против государственных институтов»²²¹. Абд аль-Кадер Хашани стремился отвести эти обвинения, заявив в нескольких своих выступлениях, что ИФС всегда отвергал насилие и «неоднократно заявлял во всех своих официальных документах, что будет действовать строго в рамках закона»²²².

В то время, как отношения между ИФС и военными оставались враждебными, президент Шадли Бенджедид после отказа Абд аль-Кадера Хашани от требования досрочных президентских выборов возобновил неофициальные контакты с ИФС. Тем самым Шадли Бенджедид пытался использовать свою старую тактику, суть которой состояла в противопоставлении исламистов значительно усилившемуся влиянию военных. Такая позиция президента в отношении ИФС, вероятно, сыграла свою роль в том, что в алжирских про правительственных СМИ прекратились обвинения ИФС в его причастности к террористической деятельности. В то же время руководство ИФС официально объявило о своем согласии участвовать в парламентских выборах. Во время предвыборной кампании активисты ИФС отпечатали и распространили около 500 тыс. агитационных листовок и плакатов. Так же как и перед предыдущими муниципальными выборами ИФС сумел в ходе подготовки к парламентским выборам выдвинуть своих кандидатов во все избирательные округа. Причем их тщательный подбор вывел ИФС, по заключению алжирской и иностранной прессы, на первое место по количеству кандидатов, имевших высшее образование, по сравнению со всеми другими партиями, участвовавшими в выборах.

В результате первого тура парламентских выборов, состоявшегося 26 декабря 1991 г., ИФС завоевал 47,3 % голосов всех избирателей, ФНО — 23,4 %, «Фронт социалистических сил» (ФСС) — 7,4 %, «Хамас» — 5,3 %, «Объединение за культуру и демократию» (ОКД) — 2,9 %, «Нахда» — 2,2 %, «Движение за демократию в Алжире» (ДДА) — 2 %²²³. Согласно закону о выборах, кандидаты в первом туре парламентских выборов боролись за 231 депутатское место в парламенте — Национальной народной ассамблеи (ННА). Во втором туре, назначенном на 16 января 1992 г., должны были быть избраны остальные 199 депутатов (всего в Национальную народную ассамблею избиралось 430 депутатов). По итогам голосо-

²²¹ Interview Haled Nazzar. Jeune Afrique, P., 11.12.1991.

²²² Cit. on: Charef A. Le grand derapage. P., 1994. P. 221.

²²³ Algeria-Actualite. Alger, 2.01.1992; Keith Sutton and Ahmed Aghrou. Multiparty elections in Algeria: problems and prospects//Bulletin of Francophone Africa, no. 2, Autumn 1992.

вания первого тура ИФС получил 188 депутатских мест из 231, ФНО — 15, ФСС — 25 и независимые депутаты — 3²²⁴. Остальные партии (всего в парламентских выборах участвовало 49 партий), набравшие менее 1 % голосов, в том числе, такая известная, как «Партия социалистического авангарда» (ПСА), не получили ни одного места. Таким образом, ИФС достаточно было получить во втором туре всего 28 депутатских мест, чтобы завоевать абсолютное большинство в ННА (216 депутатов из общего числа в 430). Это позволило бы ИФС в соответствии с законодательством поставить вопрос о пересмотре конституции что, в свою очередь, давало возможность воплотить в жизнь программу ИФС, то есть, превратить Алжир в исламскую республику.

Успех ИФС в первом туре парламентских выборов объяснялся в основном теми же причинами, что и победа в муниципальных выборах в июне 1990 г. Многие алжирцы возлагали ответственность за ухудшавшуюся социально-экономическую ситуацию в стране²²⁵ на бывшую правящую партию ФНО и центральное правительство и продолжали видеть выход из кризиса в программе, предлагаемой ИФС.

Как и в период муниципальных выборов наибольшую поддержку в ходе парламентских выборов ИФС получил в крупных городах и населенных пунктах, в наибольшей степени страдавших от нерешенности социально-экономических проблем. Так, например, в трех самых больших городах страны — Алжире, Оране и Константине ИФС получил соответственно 58 %, 62 % и 65 % голосов избирателей²²⁶. Существенным фактором, способствовавшим эффективному ведению ИФС нынешней предвыборной кампании, стал завоеванный в ходе прошлых муниципальных выборов контроль над местными советами в большинстве районов страны. Определенную роль в успехе ИФС сыграл также больший акцент, делавшийся его новым руководством на алжирские национальные и исторические традиции. Так, по настоянию Абд аль-Кадера Хашани ИФС принял участие в праздновании годовщины начала антиколониальной революции (которое игнорировал Аббаси Мадани). Абд аль-Кадер Хашани признал роль берберского наследия в алжирской национальной культуре. Было принято также решение об использовании берберского языка (*амазиг*) в пропагандистских материалах ИФС, адресованных берберскому населению. Это объяснялось, прежде всего, приходом в руководство ИФС джазаиристов,

²²⁴ *Algerie-Actualite*. Alger, 2.01.1992; Keith Sutton and Ahmed Aghrou. Multiparty elections in Algeria: problems and prospects//Bulletin of Francophone Africa, no. 2, Autumn 1992.

²²⁵ За период с 1989 по 1991 г. количество безработных в Алжире выросло с 2,5 млн до 4 млн чел., а цены на продукты питания поднялись в 4–5 раз. См. Ланда Р. Г. История Алжира XX век. М., 1999. С. 213.

²²⁶ Willis Michael. Op. cit. P. 230.

многие из которых, включая их лидера, известного исламистского деятеля Мухаммеда Саида, были по этническому происхождению берберами.

В достаточной степени успеху ИФС способствовала финансовая поддержка из-за рубежа, в частности, со стороны Саудовской Аравии, хотя она и осуществлялась в меньшем объеме, чем перед муниципальными выборами в июне 1990 г. Это было вызвано некоторым охлаждением отношений между саудовским руководством и лидерами ИФС после того, как последние заняли про иракскую позицию во время войны между Ираком и коалицией западных держав в начале 1991 г. ИФС поддерживал также связи с иранским режимом, но они не были достаточно прочными, и материальная поддержка оказывалась в основном не ИФС, а небольшим шиитским группировкам²²⁷, действовавшим в Алжире. Тем не менее, во время столкновений исламистов с полицией в июне 1991 г. иранский посол в Алжире вынужден был давать объяснения в алжирском министерстве иностранных дел, которое обвиняло Иран в оказании помощи радикальным исламистам и, тем самым, во вмешательстве во внутренние дела Алжира. Сам Аббаси Мадани и в последствии Абд аль-Кадер Хашани отрицали какую-либо финансовую помощь со стороны Саудовской Аравии, государств Персидского залива или Ирана, заявляя, что «ИФС не получил ни цента из названных стран»²²⁸. При этом лидеры ИФС указывали на наличие идеологических расхождений между их программой и моделями государственно-политического устройства в Саудовской Аравии и Иране и заявляли, что «они не могли служить образцом для ИФС, который стремится построить свое государство в соответствии с заветами Пророка»²²⁹.

Важно отметить, что президент Шадли Бенджедид не выразил какого-либо беспокойства по поводу убедительного успеха ИФС в первом туре парламентских выборах. Еще за два дня до их начала президент официально заявил, что в случае завоевания ИФС большинства в парламенте и формировании им нового правительства он готов с ним сотрудничать²³⁰. Шадли Бенджедид утверждал, что он будет уважать выбор народа и при условии

²²⁷ Одной из таких шиитских группировок, поддерживаемых Ираном, была экстремистская организация «ас-Сунна ва-ш-шариа» (Сунна и шариат). Ее боевики осуществили 16 января 1990 г. вооруженное нападение на здание суда в г. Блида (на востоке Алжира), в результате которого погибли 4 человека.

²²⁸ El-Moudjahid. Alger, 3.04.1991.

²²⁹ Jeune Afrique. Alger, 25.07.1991.

²³⁰ Некоторые исследователи считают, что договоренность о возможном сотрудничестве ИФС с Шадли Бенджедидом в случае победы исламистов на парламентских выборах была достигнута во время негласной встречи Шадли Бенджедид в конце ноября 1991 г. с лидерами ИФС в курортном местечке недалеко от г. Блида. См. Lamchichi A. L'Islamisme en Algerie. P., 1992. P. 174–175.

соблюдения сформированным ИФС новым правительством конституции между ним и этим правительством «не будет никаких проблем»²³¹.

Отношение светских партий к победе ИФС на парламентских выборах и возможности появления исламистского большинства в Национальной народной ассамблеи (ННА) было различным. Лидеры партий, которые не смогли получить в ней ни одного депутатского места, такие как ОКД²³², ПСА²³³ и АДСР²³⁴, резко высказывались против проведения второго тура парламентских выборов. Лидер ОКД Саид Саади заявлял, что «необходимо использовать все возможное, чтобы помешать проведению второго тура, который погрузит Алжир в хаос и похоронит алжирскую демократию»²³⁵. Такую же позицию занимали руководители ПСА, утверждая, что самой неотложной национальной задачей являлась мобилизация всех патриотических и демократических сил с тем, чтобы потребовать аннулирования результатов голосования и недопущения второго тура выборов. Эти партии совместно с «Всеобщим союзом алжирских трудящихся» (ВСАТ), «Алжирской лигой прав человека», «Комитетом поддержки Алжирской республики» и рядом женских ассоциаций создали «Национальный совет по спасению Алжира» (НССА)²³⁶, который возглавил генеральный секретарь ВСАТ Абд аль-Хакк Бен Хамуда. В своем первом коммюнике НССА призвал к принятию неотложных мер по спасению демократии в Алжире, заявляя, что в случае прихода к власти ИФС демократические институты будут уничтожены, так как «те, кто отвергают демократию, не будут соблюдать ее законы»²³⁷.

В то же время такие светские партии, как ФСС и ФНО, набравшие достаточное количество голосов избирателей, чтобы быть представленными в парламенте, высказались за продолжение выборного процесса. Получив в результате выборов 25 парламентских мест, лидер ФСС Хосин Аит Ахмед заявил, что «любой кризис в демократическом государстве должен разрешаться только демократическим путем»²³⁸. Одновременно он призвал к объединению всех демократических сил для завоевания ими наибольшего числа парламентских мест во втором туре выборов. По его инициативе

²³¹ Cit. on: Charef A. Op. cit. P. 236.

²³² ОКД — «Объединение за культуру и демократию».

²³³ ПСА — «Партия социалистического авангарда».

²³⁴ АДСР — «Алжирское движение за справедливость и развитие».

²³⁵ Интервью лидера ОКД Саида Саади (*Financial Times*. 2.01.1992).

²³⁶ В «Национальный совет по спасению Алжира» вошли также организации, объединявшие работников государственного сектора, такие, как «Национальный союз руководителей государственных предприятий» и «Национальная ассоциация работников государственных предприятий».

²³⁷ *Algerie-Actualite*. Alger, 30.12.1991.

²³⁸ Lamchichi A. *L'Islamisme en Algerie*. P., 1992. P. 84.

ФСС, «Алжирская лига защиты прав человека» и ряд женских правозащитных ассоциаций провели в алжирской столице 2 января 1992 г. массовый марш в защиту демократии, в котором участвовали до 300 тыс. человек. Со своей стороны, Абд аль-Хамид Мехри, руководитель ФНО, который получил 15 депутатских мест, признал, что ИФС играл значительную роль в алжирской политической жизни и заявил, что «ФНО надеется в целях сохранения стабильности в стране сформировать совместно с ИФС правительство национального единства»²³⁹. Исламистские партии «Хамас» и «Нахда», не получившие ни одного депутатского места, но за которые, тем не менее, проголосовали соответственно 5,3 % и 2,2 % избирателей, также высказались за продолжение демократического выборного процесса.

Что касается военных, то возможность получения ИФС большинства в парламенте и его прихода в правительство вызвали у них самую серьезную обеспокоенность, которую усиливали продолжавшиеся неофициальные контакты президента Шадли Бенджедиды с руководством ИФС. В ходе переговоров, состоявшихся 3 января 1992 г., как в последствие утверждалось в публикациях ряда СМИ²⁴⁰, было достигнуто секретное соглашение о сотрудничестве будущего сформированного ИФС правительства с президентом и даже согласии Шадли Бенджедиды на смещение со своих постов некоторых высших армейских офицеров. Тем не менее, как Шадли Бенджедид, так и Абд аль-Кадер Хашани отрицали наличие каких-либо секретных договоренностей между президентской администрацией и руководством ИФС.

Между тем высказывания лидеров ИФС относительно его дальнейших действий в случае завоевания большинства в ННА и прихода в правительство были достаточно противоречивы. На пресс-конференции, состоявшейся после объявления результатов первого тура парламентских выборов, Абд аль-Кадер Хашани, определяя отношение ИФС к армии, заявил: «Не существует никакого конфликта между нашей партией и Вооруженными силами, потому что для него нет оснований. Аллах ведет нас к власти через волеизъявление народа и армия должна уважать и защищать этот выбор народа»²⁴¹.

Абд аль-Кадер Хашани в своих многочисленных публичных выступлениях подтверждал, что ИФС «готов сотрудничать как в ННА, так и в

²³⁹ Cit. on: Monde diplomatique. P., 12.1991.

²⁴⁰ Личный представитель Шадли Бенджедиды, глава его президентской администрации Абд аль-Азиз Келлеф 3 января 1992 г. в течении 4 часов вел переговоры с руководителем ИФС Абд аль-Кадером Хашани, в результате которых, по утверждению авторов публикации, не подтвержденного, тем не менее документально, было заключено секретное соглашение о сотрудничестве между президентской администрацией и ИФС. См. Jeune Afrique. P., 1999. No 2029. P. 27.

²⁴¹ Independent. London, 30.12.1991.

коалиционном правительстве с президентской администрацией и с другими партиями, в том числе с ФНО и ФСС»²⁴². Обращаясь к иностранным журналистам, Абд аль-Кадер Хашани заверял их, что «в случае прихода к власти ИФС не собирается изолировать Алжир от мира и сделать из него новый Иран»²⁴³. Руководители ИФС наладили также постоянные негласные контакты с дипломатами ряда западных стран, прежде всего США и Франции. Во время таких встреч подтверждалось, что «ИФС не выступает против демократических ценностей, и сформированное им будущее правительство будет соблюдать все международные договоры и обязательства Алжира, в том числе, по внешнему долгу»²⁴⁴.

Наряду с такого рода заявлениями, вполне сочетавшимися с общепринятыми в странах Запада традициями перехода власти, звучали и другие, иногда совершенно противоречившие им высказывания. Один из заместителей Абд аль-Кадера Хашани шейх Абд аль-Кадер Могни²⁴⁵ в своей проповеди в мечети «ас-Сунна» назвал «следование правилам демократии богохульством»²⁴⁶. Сам Абд аль-Кадер Хашани 3 января 1992 г. в столичной мечети «Баб аль-Уэд» заявил своим сторонникам: «Наша борьба — это противостояние исламской чистоты и демократической нечестивости»²⁴⁷. Наиболее угрожающими выглядели приводимые алжирской газетой «аль-Ватан» (Родина) высказывания одного из кандидатов в депутаты от ИФС о том, что, когда в Алжире будет создано исламское государство, для всех тех, «кто поддерживал демократию, останется одно место — на виселице»²⁴⁸. Существенную тревогу, как у военных, так и у всех, кто не разделял исламистскую идеологию, вызывали распространившиеся в Алжире слухи (официально опровергавшиеся руководством ИФС) о создании после прихода ИФС к власти «народных трибуналов для суда над теми, кто совершал преступления против народа»²⁴⁹. Прямым вызовом со стороны исламистов расценило армейское командование заявление руководства ИФС о намерении в случае завоевания большинства в ННА до-

²⁴² El-Moudjahid. Alger, 30.12.1991.

²⁴³ Ibid.

²⁴⁴ Ibid.

²⁴⁵ Абд аль-Кадер Могни, один из основателей ИФС, член его Меджлис аш-шуры, заменил находившегося в заключении Али Бенхаджа, став главным проповедником столичной мечети «ас-Сунна».

²⁴⁶ Jeune Afrique. P., 20.11.1991.

²⁴⁷ Algerie-Actualite. Alger, 9.01.1992.

²⁴⁸ El-Watan. Alger, 3.08.1991.

²⁴⁹ Слухи о возможном создании «народных трибуналов» стали распространяться в г. Алжир сразу после успеха ИФС в первом туре парламентских выборов. Тем не менее, Абд аль-Кадер Хашани назвал такие утверждения провокацией и официально заявил, что «не будет ни народных трибуналов, ни какого-бы то ни было сведения счетов». См. Jeune Afrique. P., 9.01.1992.

биться освобождения всех членов своей партии, осужденных военными судами в период введения чрезвычайного положения в июне 1991 г. во время столкновений исламистов с армией и полицией.

Достаточно трудно судить, в какой степени эти противоречивые заявления руководителей ИФС отражали их действительные намерения и планы. На наш взгляд, с одной стороны, они являлись своеобразной тактической риторикой, изменявшейся в зависимости от состава аудитории, на которую они были направлены. С другой, они отражали позиции различных группировок в самом ИФС. Они варьировались от более радикальных, выразителем взглядов которых был Абд аль-Кадер Могни, заменивший арестованного Али Бенхаджа, до достаточно умеренных, куда входили сторонники политической борьбы в рамках демократической системы (по крайней мере, по их официальным высказываниям), возглавлявшихся Абд аль-Кадером Хашани. Наряду с этим нельзя не учитывать таких факторов, как наличие среди рядовых членов и в руководстве ИФС тех, кто пострадал от репрессивных действий армии и полиции и был достаточно враждебно настроен по отношению к правящему режиму. К их числу относились бывшие члены организации ВАИД и участники антиправительственных выступлений в октябре 1988 г., ко многим из которых во время допросов в полиции применялись пытки. Значительную часть сторонников ИФС составляла также настроенная достаточно радикально безработная молодежь, принимавшая активное участие в столкновениях с войсками и полицией в июне 1991 г.

В этой связи представляется во многом проблематичной способность Абд аль-Кадера Хашани и его сторонников в случае прихода ИФС к власти полностью контролировать ситуацию в стране и удержать наиболее экстремистские элементы ИФС от попыток свести счеты с режимом и с политическими оппонентами в демократическом лагере²⁵⁰. Принимая во внимание все эти факторы, необходимо признать, что обеспокоенность, проявленная военными по поводу возможного прихода ИФС к власти, выглядела достаточно обоснованной.

Существовал еще один немаловажный момент, связанный с тем, что в случае успеха ИФС во втором туре выборов законно избранная Национальная народная ассамблея с исламистским большинством депутатских мест становилась легитимным законодательным органом. При этом любые приказы военного командования об использовании армии против него формально могли расцениваться как антиконституционные и не выполняться теми военнослужащими, которые разделяли доктрину ИФС.

²⁵⁰ Подтверждением возможности таких попыток явилось нападение нескольких сотен радикальных исламистов на участников марша в защиту демократии, организованного 2 января 1992 г. светскими партиями и женскими правозащитными организациями в г. Алжир.

Такая ситуация грозила расколом в вооруженных силах, особенно учитывая позицию склонявшегося к сотрудничеству с ИФС президента Шадли Бенджедида и колебания в сторону поддержки исламистов, отмеченные в настроениях рядового и младшего командного состава некоторых воинских частей. Сложившаяся обстановка подталкивала самых непримиримых противников ИФС к быстрым и решительным действиям. Их инициаторами большинство исследователей считают министра обороны Халеда Наззара и премьер-министра Сид Ахмеда Гозали.

Сразу после объявления результатов первого тура выборов состоялась встреча президента Шадли Бенджедида с армейским командованием. В ее ходе Халед Наззар и его заместитель генерал Абд аль-Хамид Джуади заявили, что «офицеры очень обеспокоены сложившейся ситуацией, так как исламисты представляют серьезную опасность для страны»²⁵¹. Шадли Бенджедид, как свидетельствует в своих мемуарах Халед Наззар, реагировал таким образом, «как будто ничего серьезного в стране не происходило, в следствии чего присутствовавшие офицеры потеряли всякое доверие к президенту»²⁵². Халед Наззар утверждал, что к военному командованию обращались «многие граждане и представители политических партий, выражавшие свою глубокую обеспокоенность возможным приходом к власти исламистов и возникавшей в связи с этим угрозой республиканскому строю и демократическим свободам»²⁵³.

В конце декабря 1991 г. под руководством министра обороны Халеда Наззара состоялось совещание высшего командного состава алжирской армии, в котором участвовали также командующий силами жандармерии Бен Аббас и руководитель службы военной контрразведки Мухаммед Медьен. Участники совещания подтвердили, что «Алжир находится в опасной политической ситуации, которая требует, как никогда раньше, нерушимой сплоченности армии, являющейся гарантом территориальной целостности страны и конституционного порядка»²⁵⁴. Результатом совещания стало решение о необходимости принятия безотлагательных мер для недопущения прихода к власти исламистов и создания в министерстве обороны рабочей группы из высших офицеров для выработки плана конкретных действий. Было принято решение убедить президента Шадли Бенджедида уйти в отставку и передать власть Высшему совету безопасности (ВСБ)²⁵⁵, который возглавляли министр обороны Халед Наззар, на-

²⁵¹ Cit. on: Jeune Afrique. P., 2000. № 2040. P. 55.

²⁵² Ibid.

²⁵³ Ibid.

²⁵⁴ Cit. On: Jeune Afrique. P., 2000. № 2040. P. 56.

²⁵⁵ Высший совет безопасности (ВСБ) — действующий конституционный орган. Согласно алжирской конституции он являлся лишь консультативным органом при прези-

чальник генерального штаба Абд аль-Малек Геназия и министр внутренних дел Ларби Бельхейр.

6 января 1992 г. Халед Наззар передал Шадли Бенджедиду петицию с требованием уйти в отставку, подписанную 181 высшим офицером. Шадли Бен Джадид, потеряв поддержку армии, вынужден был уступить. Предварительно распустив своим указом ННА, Шадли Бенджедид официально объявил о своей отставке по алжирскому национальному телевидению 11 января 1992 г. Он заявил: «Учитывая серьезность сложившейся ситуации, я считаю свою отставку необходимым шагом для сохранения единства народа и безопасности страны»²⁵⁶. 12 января 1992 г. Высший совет безопасности (ВСБ) официально объявил «о невозможности продолжения выборного процесса до тех пор, пока не будут созданы необходимые условия для нормального функционирования государственных институтов»²⁵⁷. Для недопущения возможных беспорядков в столицу были введены войска и бронетехника, которые взяли под охрану все стратегические объекты в городе. В этот же день 12 января 1992 г. на заседании ВСБ был создан коллегияльный орган — Высший государственный совет (ВГС), который взял на себя функции президентской власти. Конституционный суд подтвердил срок полномочий Высшего государственного совета до декабря 1993 г.

ВГС состоял из пяти членов: министра обороны Халеда Наззара, председателя «Национальной ассоциации муджахидов» (ветеранов антиколониальной национально-освободительной войны 1954–1962 гг.) Али Кяфи, имама парижской мечети Тиджани Хаддама и министра по правам человека Али Харуна. Председателем ВГС был избран известный деятель алжирского национально-освободительного движения Мухаммед Будиаф²⁵⁸, с 1963 г. находившийся в эмиграции в Марокко и прибывший в Алжир в начале января 1992 г. по приглашению Халеда Наззара²⁵⁹.

денте, и в его функции входила выработка рекомендации по вопросам национальной безопасности. Никакими властными полномочиями он не обладал. См. Ад-Дустур. Аль-Джумхурий аль-джазаирийя ад-димукратий аш-шаабийя (Конституция. Алжирская народная демократическая республика). Алжир. 1996. Ст.173.

²⁵⁶ Cit. on: Middle East International. London, 24.01.1992.

²⁵⁷ Guardian. London, 13.01.1992.

²⁵⁸ Мухаммед Будиаф (род. в 1920 г.) — ветеран антиколониального движения 1940–1960-х гг., один из основателей ФНО, координатор действий его вооруженных отрядов в 1954–1962 гг. и узник французских тюрем в 1956–1962 гг. Он — практически единственный из руководителей алжирской революции, который порвал с ФНО еще в 1962 г. Отсидев полгода в тюрьмах уже независимого Алжира, Будиаф покинул родину и продолжал свою деятельность во Франции и Марокко. Исповедуя демократические убеждения, он, тем не менее, откликнулся на призыв алжирских военных возглавить ВГС, разделяя их неприятие исламистской идеологии. См. Ланда Р. Г. «Политическая весна» и гражданская война в Алжире // Страны Ближнего Востока. М., 1992. С. 92.

²⁵⁹ Мухаммед Будиаф перед тем, как дать согласие возглавить ВГС, совершил неофициальный визит в Алжир, во время которого встречался как с военными — членами

Таким образом, в результате вмешательства армии демократический выборный процесс был прерван. При этом формально были нарушены такие конституционные нормы, как передача функций президента в случае его досрочной отставки председателю Национальной народной ассамблеи (ННА)²⁶⁰, так как ННА была распущена указом президента накануне его отставки. Данное одновременное отсутствие в структуре власти и президента и ННА не предусмотрено алжирской конституцией. Наряду с этим Высший совет безопасности, избравший высший государственный орган — ВГС, не имел на это законных полномочий, так как, согласно конституции, ВСБ являлся только совещательным органом и не имел права формировать высшие органы исполнительной власти.

Сам Халед Наззар признавал, что решение о прерывании выборного процесса представляло собой «в формальном плане нарушение норм, установленных законодательством, и стало для него, как и для всех, кто его принимал, серьезным и непростым моральным испытанием. Тем не менее, с точки зрения сохранения демократических институтов страны, общественного порядка и национально-государственной целостности такое решение было абсолютно необходимым»²⁶¹. Большинство правительств стран, с которыми Алжир поддерживал наиболее тесные отношения, были извещены о предстоящих политических изменениях. Исключение составил президент Франции Франсуа Миттеран, которого Халед Наззар решил не информировать заранее, так как, по его мнению, Ф. Миттеран верил официальным заявлениям ИФС и был склонен воспринять его возможный приход к власти как результат демократических выборов.

В действительности французское руководство знало о предстоящих событиях и, вероятно, оказало на их развитие определенное влияние, если иметь в виду состоявшиеся за несколько дней до отставки Шадли Бенджедида неофициальные визиты в Алжир руководителя французских разведывательных служб, а также советника министра обороны Франции по вопросам разведки генерала Филиппа Рондо²⁶². Французские представители,

ВГС, так и с руководством «Национального совета по спасению Алжира», которые поддерживали его намерение стать председателем ВГС.

²⁶⁰ Председателем ННА являлся Абд аль-Азиз Белькадем, который открыто симпатизировал ИФС, неоднократно встречался с его лидерами и возглавлял вместе с Ахмедом Талемом Ибрагими про исламистское крыло ФНО. В связи с этим кандидатура Абд аль-Азиза Белькадема в качестве исполняющего обязанности президента на период до новых президентских выборов не устраивала военных.

²⁶¹ Cit. on: Jeune Afrique. P., 2000. № 2040. P.56.

²⁶² Генерал Рондо, захвативший в Хартуме знаменитого международного террориста Карлоса и доставивший его для суда во Францию, считался наиболее известной фигурой во французских спецслужбах. О цели неофициального визита генерала Рондо и других высокопоставленных руководителей французских спецслужб в Алжир за не-

видимо, имели контакты как с алжирскими военными, так и с лидерами ИФС, которые рассматривались ими как легитимные претенденты на власть. Тем не менее, французское руководство, скорее всего, предпочитало увидеть в Алжире формальное соблюдение всех этапов демократического выборного процесса, рассчитывая, что в случае успеха ИФС на выборах интересы Франции будут соблюдены. Такая позиция Франции была отражена в официальном заявлении в связи с переходом власти в Алжире в руки военных, в котором выражалось «сожаление по поводу прерывания демократического процесса»²⁶³.

Реакция США на отмену второго тура парламентских выборов в Алжире и приход к власти ВГС также была достаточно сдержанной. Оценивая позицию США по этому поводу, американский исследователь Джеймс Филиппс считает, что «администрация президента Клинтона дистанцировалась от алжирского военного режима и установила контакты с ИФС, полагая, что такая позиция будет способствовать политическому решению алжирского кризиса»²⁶⁴.

Наиболее резко высказался против прерывания парламентских выборов в Алжире президент Ирана Хашеми Рафсанджани, назвав его «политическим скандалом», что заставило алжирские власти отозвать своего посла из Ирана. Свою озабоченность событиями в Алжире высказали также такие арабские страны, как Египет, Ливия и Судан. Россия склонялась к поддержке действий ВГС, заявив, что в Алжире «удалось не допустить установления режима, предполагавшего устранение демократии»²⁶⁵.

Что касается реакции алжирских политических партий на прерывание выборного процесса, то, наиболее непримиримые противники исламистов — партии ПСА и ОКД (которые не получили ни одного депутатского места в первом туре выборов) открыто его поддержали. В то же время партия ФСС (получившая 25 депутатских мест), несмотря на свое неприятие исламистской идеологии, тем не менее, оценила отмену второго тура выборов, как нарушение демократии и выступила против нее. Аналогичную

сколько дней до отставки Шадли Бенджедиде не имелось достоверной информации. Согласно одной из версий, французские эмиссары должны были получить гарантии от лидеров ИФС о соблюдении ими французских интересов в случае их победы на парламентских выборах. Существует и противоположная версия о том, что представители французских спецслужб должны были подтолкнуть через профранцузски настроенного премьер-министра Сиды Ахмеда Гозали алжирских военных к решительным действиям против исламистов. См. Basbous A. Op. cit. P. 146.

²⁶³ Бабкин С. Э., Миронова Е. И. Алжир: три года на грани гражданской войны. М., 1995. С. 36.

²⁶⁴ James Phillips. The Rising Threat of Revolutionary Islam in Algeria. Washington, 1995. P. 15.

²⁶⁵ Известия. М., 25.01.1992.

позицию заняли партии «Движение за демократию в Алжире» Ахмеда Бен Беллы и «Партия трудящихся» Луизы Ханун. В свою очередь, лидер партии ФНО Абд аль-Хамид Мехри также осудил прерывание выборов, назвав действия ВГС антиконституционными.

Первая реакция ИФС на прерывание выборов и переход власти к военным была достаточно сдержанной. В его официальном коммюнике отставка Шадли Бенджедида и передача президентских функций ВГС оценивались как «незаконные» и назывались «спектаклем». В коммюнике подтверждалось, что «ИФС будет добиваться своих целей в рамках закона, отвергая любое насилие, — призывая своих сторонников, — не отвечать на провокации властей и не давать им повода использовать силовые методы»²⁶⁶. Наряду с этим на пресс-конференции, проводившейся ИФС 15 января 1992 г., его лидеры предложили властям свой вариант выхода из политического кризиса, состоявший из трех пунктов: первый — выборный процесс должен быть продолжен в соответствии с конституцией; второй — президентские полномочия временно до избрания депутатов и председателя ННА должны исполняться председателем Конституционного совета; третий — все политические заключенные в том числе, арестованные лидеры ИФС, должны быть освобождены. Для того, чтобы добиться продолжения выборного процесса, 15–16 января 1992 г. руководители ИФС провели ряд встреч с лидерами ФСС — ФНО. В результате этих переговоров было достигнуто соглашение о формировании параллельного парламента, который должен был состоять из 231 депутата, избранного в первом туре выборов.

Такая договоренность являлась первым примером взаимодействия исламистов со светскими партиями с целью восстановления нарушенного демократического процесса. Для ИФС такое соглашение, возможно, являлось тактическим маневром с целью добиться возобновления выборов, успех на которых ему был практически гарантирован. ФСС и ФНО в случае продолжения выборного процесса также получали возможность иметь своих депутатов в ННА и, таким образом, влиять на государственную политику. Для руководителя ФСС, члена международного Социалистического интернационала Хосина Аита Ахмеда отстаивание конституционного и демократического по своей форме процесса парламентских выборов являлось возможностью еще раз подтвердить свои демократические позиции перед общественным мнением Запада. В первую очередь, это относилось к Франции, чей премьер-министр Лионель Жоспэн являлся председателем Социалистического интернационала. Вместе с тем нельзя не отметить, что сам факт отстаивания демократических норм в политической

²⁶⁶ Lamchichi A. L'Islamisme en Algerie. P., 1992. P. 238.

жизни, в защиту которых выступили наряду с ФСС и ФНО также ДДА и ПТ, не получившие ни одного депутатского места в ходе первого тура выборов, свидетельствовал об определенном росте демократических тенденций в алжирском общественном сознании.

Однако усилия ИФС и партий, разделявших его стремление возобновить выборный процесс, были прерваны инцидентом, произошедшим 18 января 1992 г. В этот день группа неизвестных совершила нападение на армейскую казарму в г. Сиди Муса (на юге Алжира), в результате чего погиб один военнослужащий. Представители официальных властей объявили, что нападавшие являлись исламистскими боевиками. Сразу после инцидента правоохранные органы приступили к арестам членов руководства ИФС. 22 января 1992 г. был арестован Абд аль-Кадер Хашани после того, как газета «аль-Хабар» (один из печатных органов ИФС) опубликовала его обращение к военнослужащим, в котором он заявлял, что «солдаты не должны подчиняться тиранам»²⁶⁷. Были также арестованы издатель газеты «аль-Хабар» и большинство ее работников. Затем были взяты под стражу заместители Абд аль-Кадера Хашани — Осман Айсани и Рабах Кабир, а также некоторые депутаты ННА, избранные от ИФС в первом туре выборов.

22 января 1992 г. премьер-министр Сид Ахмед Гозали объявил о запрете «любого использования мечетей в политических целях»²⁶⁸. Вслед за этим армия приступила к взятию под свой контроль тех мечетей (около 8 тыс.), имамы которых являлись сторонниками ИФС. В ходе выполнения этих мер с 7 по 9 февраля 1992 г. во многих районах Алжира произошли массовые столкновения исламистов с военнослужащими, приведшие к многочисленным жертвам (свыше 40 убитых и около 300 раненых). В связи с не прекращавшимися столкновениями между силами правопорядка и исламистами²⁶⁹ ВГС 9 февраля 1992 г. ввел в стране чрезвычайное положение. В этот же день Мухаммед Будиаф подтвердил, что он не намерен распускать «ни одной партии, которая соблюдает демократические нормы, — заявив вместе с тем, что, — ИФС желал воспользоваться демократией, чтобы разрушить ее»²⁷⁰. Министр внутренних дел Ларби Бельхейр, в свою очередь, обвинил ИФС в попытке организовать мятеж против государственной власти и объявил о начале судебной процедуры по его рос-

²⁶⁷ Lamchichi A. L'Islamisme en Algerie. P., 1992. P. 239.

²⁶⁸ Jeune Afrique. P., 16.01.1992.

²⁶⁹ Министр внутренних дел Алжира Ларби Бельхейр на пресс-конференции 13 марта 1992 г. заявил, что в ходе вооруженных столкновений между исламистами и силами правопорядка в январе-феврале 1992 г. погибли 103 чел., из них 31 полицейский, и получили ранения свыше 400 чел.

²⁷⁰ Cit. on: The Middle East Journal. Washington, 21.02.1992.

пуску. Вслед за этим последовали массовые аресты активистов ИФС (по официальным данным было взято под стражу 7 тыс., по данным ИФС до 30 тыс. человек), которые депортировались в 5 созданных в районе Сахары лагерей безопасности. 4 марта 1992 г. постановлением суда г. Алжир ИФС был официально распущен и его деятельность запрещена.

Прерывание демократического выборного процесса, который, тем не менее, по своим возможным последствиям мог привести к ликвидации самого демократического устройства государства, завершило этап развития алжирского общества, который видный отечественный востоковед Р. Г. Ланда образно определил, как «политическая весна». За период с 1989 по 1992 г. произошла масштабная демократизация общественно-политической жизни и государственного устройства Алжира — было упразднено всевластие правящей партии ФНО и создана многопартийная система. Согласно новой конституции, принятой в 1989 г., произошло разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, алжирские граждане получили право избирать все выборные органы власти на альтернативной многопартийной основе. В стране сформировалась достаточно независимая и свободная пресса²⁷¹. Вместе с тем эта демократизация во многом была вынужденной и являлась со стороны властей попыткой ослабить нараставший социальный протест значительной части населения, вызванный снижением жизненного уровня, ставшего результатом социально-экономического кризиса, переживавшегося Алжиром с середины 1980-х гг.

В то же время в конце 1980-х – начале 1990-х гг. на волне демократизации и политического плюрализма организационно оформилось массовое исламистское движение, которое в этот период стало играть главную роль в общественно-политической жизни Алжира. Во многом оно представляло собой форму выражения социального протеста неимущих слоев общества, возлагавших ответственность за снижение уровня жизни и нерешенность социально-экономических проблем на руководивший Алжиром почти 30 лет Фронт национального освобождения (ФНО) и военную элиту. Лидерам исламистского движения, прежде всего ИФС, удалось возглавить этот стихийный протест, используя исламистские лозунги, провозглашавшие построение исламского государства как альтернативу ранее реализовавшейся ФНО концепции социалистической ориентации. Значительную роль в широком распространении исламистского движения сыграли призывы руководителей ИФС к противодействию импортированным идеологиям и к «исламскому возрождению», которое, по их утверждению,

²⁷¹ Тираж ежедневных национальных изданий вырос с 800 тыс. экземпляров в 1987 г. до 1 млн 200 тыс. — в 1991 г. Количество печатных изданий выросло с 306 в 1986 г. до 600 — в 1990 г. См. Charef A. Op. cit. P. 6.

должно было сохранить национальные исторические корни и традиционные ценности мусульманской цивилизации. Алжирское исламистское движение в лице ИФС сделало уникальный на тот период новейшей истории мусульманских стран политический эксперимент, суть которого состояла в попытке прийти к власти в результате демократических выборов на многопартийной основе и затем создать государство, базирующееся на Коране и шариате. Иными словами, это была попытка использовать демократические методы политической борьбы для создания государственной системы, которая имманентно, согласно ее доктринальным установкам, отрицала принципы демократии (несмотря на демократическую риторику части лидеров ИФС). Сама идея возвращения алжирского общества к законам шариата и создания на этой основе исламского государства, где должна была восторжествовать исламская социальная справедливость и морально-этические нормы, присущие мусульманской общине времен пророка Мухаммеда и первых «праведных халифов», безусловно, являлась социальной утопией. Тем не менее, на первых в истории независимого Алжира демократических выборах в 1990 г. такой намеченный ИФС курс избрали для себя 57,4 % всех имевших право голоса алжирских граждан. Здесь нельзя не учитывать то обстоятельство, что многие алжирцы голосовали не за собственно исламистскую программу ИФС, а против режима ФНО, надеясь вместе с тем, что исламисты смогут решить их конкретные социально-экономические проблемы.

Успешный для ИФС ход политической борьбы прервало вмешательство армии, которая с момента завоевания независимости продолжала играть важную роль в государственной политике и обладать реальной властью в Алжире. В противостоянии с исламистами военные стали решающей силой во многом благодаря тому, что высшее командование сумело удержать под своим контролем рядовой и младший командный состав вооруженных сил. Традиционно враждебные отношения между армией и исламистами не позволили ИФС вовремя начать и успешно вести пропаганду в армейской среде.

Наряду с достаточно эффективными силовыми действиями военных поражение ИФС объяснялось еще целым рядом факторов. Во-первых, армия в своих действиях смогла опереться на государственно-бюрократический аппарат, практически полностью вставший на сторону военных. Предпринятые ВГС меры поддержала в немалой степени связанная с армейскими кланами часть крупной и средней буржуазии, имевшая, как правило, деловые контакты с Западом, а также многие представители ориентированной на европейские культурные традиции франкофонной интеллигенции, не разделявших доктрину ИФС. В то же время в поддержку запрета ИФС выступили крупнейший алжирский профсоюз «Всеобщий

союз алжирских трудящихся» (ВСАТ) и ряд политических партий, не приемлевших исламистскую идеологию, в том числе, «Партия социалистического авангарда» (ПСА), в достаточной степени отражавшая настроения рабочих, особенно крупных государственных предприятий, которые не поддерживали исламистские концепции. Наконец, существенную роль в противостоянии с исламистами играло берберское движение, выразителем которого являлась партия «Объединение за культуру и демократию» (ОКД). Она стала одним из главных политических оппонентов ИФС и также поддержала действия Высшего государственного совета (ВГС).

Таким образом, можно констатировать, что алжирское исламистское движение на рубеже 1980–1990-х гг., несмотря на его значительное влияние в обществе, все же не отражало позицию большинства алжирцев. В этом плане ситуация в Алжире отличалась от периода «исламской революции» в Иране в 1979 г., где иранские исламисты сумели стать выразителями воли большей части общества и организовать его на борьбу с правящим режимом. В Алжире этого не произошло, и противники исламистов, прежде всего армейская элита, опираясь на разделявшие ее позицию общественные силы, сумели не допустить прихода ИФС к власти.

3. Вооруженное противостояние радикальной исламистской оппозиции с властями в 1992–2000-х годах

В результате запрета ИФС, разгрома его партийной структуры, ареста руководителей и большого числа активистов²⁷² исламистское движение, в котором ИФС был наиболее массовой и влиятельной организацией, в значительной степени утратило свою роль основной легальной политической оппозиции правящему режиму. Другие исламистские партии, прежде всего «Нахда» и «Хамас», которые не были запрещены и продолжали свою деятельность, были не столь многочисленны и не обладали таким влиянием в обществе, каким пользовался ИФС. Вместе с тем после запрета ИФС начался процесс радикализации исламистского движения и перехода в нем инициативы к лидерам, провозглашавшим вооруженный джихад в качестве единственного способа создания исламского государства.

²⁷² За апрель 1992 г. были арестованы 109 депутатов Национальной народной ассамблеи, избранных от ИФС в декабре 1991 г., а также 28 избранных от ИФС в июне 1990 г. в ходе муниципальных выборов председателей народных советов вилай, 200 председателей народных советов балядий и 528 членов народных советов вилай. См. *Les arrêtes en Algérie. Jeune Afrique*. P., 2.04.1992.

Радикализация алжирского исламизма в существенной мере была обусловлена поражением «Исламского фронта спасения» и разочарованием в политических методах борьбы многих его сторонников, которые стали переходить в исповедовавшие джихад фундаменталистские группировки. Они начали нелегально создаваться с середины 1991 г. и к 1992 г. представляли собой конгломерат достаточно малочисленных и разрозненных организаций боевиков. Наиболее крупной из алжирских радикальных исламистских группировок являлось «Вооруженное исламское движение» (ВИД), созданное в мае–июне 1991 г. Абд аль-Кадером Шебути и Мансуром Мелиани, в прошлом соратниками Мустафы Буали, бывшими членами Меджлис аш-шуры ИФС, исключенными из него в июле 1991 г. Эти экстремистские группировки, насчитывавшие в общей сложности около 2 тыс. боевиков²⁷³, нападали на представителей власти, сотрудников правоохранительных органов, а также совершали взрывы в государственных учреждениях. Наиболее известными террористическими акциями стали обстрел в июне 1992 г. здания адмиралтейства и полицейских участков в г. Алжир, а также взрывы в алжирском аэропорту в июле 1992 г. и в университете г. Константина в мае 1992 г. Армейские подразделения, в свою очередь, регулярно проводили операции по уничтожению боевиков. В результате начавшегося вооруженного противостояния к концу 1992 г. с обеих сторон погибло в целом около 1 тыс. 500 человек.

Радикальная исламистская оппозиция в данный период переживала этап организационного становления. Ее группировки были еще в достаточной степени разобщены, действия не согласованы и быстро пресекались органами правопорядка, а проповедуемый лидерами боевиков вооруженный джихад не находил широкой поддержки у населения. Этому, в том числе, способствовала умелая политика, проводившаяся председателем ВГС Мухаммедом Будиафом. Он являлся одним из лидеров национально-освободительной войны 1954–1962 гг., поборником демократии в Алжире и пользовался значительным авторитетом в алжирском обществе. Многие алжирцы надеялись, что под его руководством страна сможет преодолеть кризис. Между тем армейская верхушка, предложившая ему этот пост, рассчитывала, что он, находясь в довольно преклонном возрасте (72 года), станет лишь формальным главой государства, а реальная власть будет принадлежать военным. Однако Мухаммед Будиаф благодаря своей энергии, организаторским способностям и высокому авторитету стал подлинным руководителем Алжира.

После запрета ИФС и устранения тем самым опасности прихода к власти исламистов Мухаммед Будиаф определил три главные задачи, ре-

²⁷³ El-Moudjahid. Alger, 23.11.1993.

шение которых, по его мнению, должно было способствовать выходу из кризиса, переживавшегося алжирским обществом. Это — восстановление гражданского правопорядка и недопущение насильственных акций со стороны исламистов, улучшение экономической ситуации, а также укрепление легитимности ВГС и расширение его социальной базы. Наиболее острой проблемой, требующей незамедлительного решения, Будиаф считал продолжающийся экономический кризис²⁷⁴ с присущим ему снижением жизненного уровня и ростом безработицы, особенно среди молодежи. Именно нерешенность этих насущных вопросов, как признавал Будиаф, стали основной причиной роста влияния исламистов. Экономическим проблемам было посвящено созданное 21 января 1992 г. чрезвычайное заседание правительства, на котором премьер-министр Сид Ахмед Гозали призвал ВГС предпринять срочные и конкретные шаги для улучшения экономической ситуации. В марте 1992 г. ВГС под руководством Мухаммеда Будиафа разработал «План восстановления», в котором были намечены мероприятия по выводу страны из экономического кризиса, упорядочению административной структуры, улучшению положения молодежи и борьбе с безработицей, а также «созданию более справедливых условий жизни для всех алжирских граждан и восстановлению морального авторитета государства»²⁷⁵.

Возглавивший в январе 1992 г. вновь сформированное правительство Белаид Абд ас-Салим, подтверждая приоритет рыночных преобразований, в то же время выдвинул свою экономическую программу, которая наряду с рыночными методами хозяйствования сохранила элементы государственного регулирования в экономике. Она предусматривала ограниченную приватизацию и стимулирование деятельности малых и средних предприятий национального частного сектора. В то же время с целью сохранения рабочих мест предполагалось приостановить закрытие убыточных государственных предприятий и сократить импорт товаров, которые могли составить конкуренцию национальной промышленности. Также был намечен ряд мер по улучшению социальной сферы, предусматривавших развитие жилищного строительства и стабилизацию снабжения населения продуктами питания.

На наш взгляд, такая модель экономического развития являлась наиболее оптимальной для алжирского общества. Она позволяла преодолеть экономическую неэффективность существовавшей ранее административ-

²⁷⁴ Дефицит государственного бюджета в 1992 г. составлял 74 млрд динаров, число безработных достигло 23,2 % трудоспособного населения, внешний долг равнялся 52 % от ВВП, объем которого на душу населения в 1992 г. составил 1 тыс. 822 амер. долл., в то время как в 1989 г. он составлял 2 тыс. 869 амер. долл. См. *Algeria: Stabilisation and Transition*. Op. cit. P. 4, 12.

²⁷⁵ Charef A. Op. cit. P. 338.

но-командной системы и в то же время давала возможность избежать ряда негативных последствий перехода к рыночной экономике. К ним, в первую очередь, относились рост безработицы, неизбежный в ходе повышения рентабельности приватизируемых предприятий за счет модернизации производства и сокращения рабочих мест, а также резкое расслоение общества, что могло бы вызвать социальное напряжение, которым не преминули бы воспользоваться исламисты для усиления своего влияния.

Вместе с тем в конкретных условиях Алжира, где существовало всевластие армейской верхушки и связанных с ней кланов «военных предпринимателей», широкая приватизация могла привести к сосредоточению приватизируемой государственной собственности в руках военной элиты, а также к обострению борьбы между различными ее группировками за наиболее прибыльные предприятия. Такая ситуация способствовала бы разрастанию коррупции, злоупотреблений и противозаконных действий как со стороны чиновников, так и предпринимателей. Мухаммед Будиаф, видимо, понимал возможность проявления таких негативных последствий и, желая их предотвратить, предпочел путь частичной и поэтапной приватизации. Одновременно он начал непримиримую борьбу с коррупцией.

По отношению к исламистскому движению Мухаммед Будиаф проводил достаточно жесткую линию, направленную на его вытеснение из алжирской политической жизни и подавление его радикальных течений путем применения самых суровых мер²⁷⁶. Так, в одном из своих выступлений по алжирскому телевидению он заявил, что если для спасения Алжира нужно будет заключить в сахарские лагеря 10 тыс. террористов, это будет сделано без всякого колебания. Мухаммед Будиаф также исключал возможность снятия запрета с деятельности ИФС, аргументируя это тем, что «ИФС была создана на религиозной основе, что противоречит алжирской конституции»²⁷⁷. С целью ограничения влияния исламистов практически все контролировавшиеся ИФС местные выборные органы власти — муниципальные советы и советы вилай были распущены. Согласно официальному объяснению, эти меры были предприняты в связи с «недееспособностью» администрации, представленной депутатами от ИФС, которая была заменена «исполнительными делегациями», члены которых назначались центральной властью. При этом надо отдать должное принципиальной позиции Мухаммеда Будиафа, который требовал таких же мер в отношении контролировавшихся другими партиями муниципальных советов, если они также продемонстрировали свою недееспособность.

²⁷⁶ В апреле 1992 г. было вынесены смертные приговоры 13 исламистским боевикам, участвовавшим в ноябре 1991 г. в нападении на пограничный пост Геммар, в результате которого погибли 6 военнослужащих.

²⁷⁷ El-Moudjahid. Alger, 17.05.1992.

Вместе с тем, понимая невозможность игнорировать позицию значительного числа алжирцев, поддерживавших на муниципальных и парламентских выборах программу исламистов, Будиаф пытался достичь хотя бы относительного согласия в обществе. С этой целью в состав нового правительства были включены умеренные исламисты — член партии «Хамас» Сасси Ламури и один из основателей ИФС и бывший член его Меджлис аш-шуры Саид Гэши. Из-под стражи были освобождены исполнявший обязанности председателя ИФС Абд аль-Кадер Хашани и его заместитель Рабах Кабир после того, как суд снял с них ранее предъявленные им обвинения в призыве к мятежу. В последствие также было освобождено большинство содержащихся в лагерях безопасности в Сахаре исламистских активистов, участвовавших в столкновениях с полицией, но не причастных к террористическим акциям. Среди них было достаточно много молодых людей и даже подростков, которых председатель ВГС не считал убежденными сторонниками исламистов и называл «сорванцами, бросавшими камни в полицию»²⁷⁸.

Мухаммед Будиаф заявлял, что он протягивает руку всем политическим силам, не исключая руководителей ИФС. Тем не менее, его попытка наладить диалог с ИФС не имела успеха во многом из-за непримиримой позиции лидеров исламистов, требовавших снятия запрета с ИФС и утверждавших, что именно они являются законными представителями народа. Мухаммед Будиаф пытался найти компромисс с непризнававшей легитимность ВГС демократической оппозицией, прежде всего, с «Фронтом социалистических сил» (ФСС). С этой целью министром транспорта и телекоммуникаций был назначен бывший генеральный секретарь ФСС Хашим Наит Джуди, а председателю ФСС Хосину Аиту Ахмеду было предложено возглавить Национальный консультативный совет (временный законодательный орган, созданный в апреле 1992 г. вместо распущенного парламента — Национальной народной ассамблеи). Однако Хосин Аит Ахмед отказался как от этого поста, так и от предложения о присоединении его партии к формировавшемуся Мухаммедом Будиафом «Национально-патриотическому объединению» (НПО).

Объявив в мае 1992 г. о создании НПО, Мухаммед Будиаф рассчитывал превратить его в массовую политическую организацию подобно «Фронту национального освобождения» начала 1960-х гг., которая расширила бы социальную базу поддержки ВГС и придала бы ему необходимую легитимность. Однако самые влиятельные политические партии страны, такие как «Фронт социалистических сил», «Объединение за культуру и демократию» и «Движение за демократию в Алжире», не поддержали этой инициативы председателя ВГС, а их лидеры — Хосин Аит Ахмед, Саид

²⁷⁸ Cit. on: Jeune Afrique. P., 2.04.1992.

Саади и Ахмед Бен Белла продолжали подвергать сомнению законность создания ВГС и критиковать его действия. Тем не менее, к июню 1992 г. в рамках НПО было объединено 12 небольших партий право-центристского толка²⁷⁹, и началось формирование отделений НПО в различных вилайях Алжира. Сам Мухаммед Будиаф во время своих многочисленных поездок по Алжиру выступал с речами, в которых разъяснял программу НПО, включавшую в себя большинство пунктов разработанного под его руководством «Плана восстановления». По его мнению, эта программа должна была стать основой возрождения гражданского согласия в алжирском обществе. Во время одной из таких поездок 29 июня 1992 г. в г. Аннаба на Мухаммеда Будиафа было совершено покушение, в результате которого он был убит.

Относительно краткий период руководства Алжиром Мухаммеда Будиафа (январь 1992 — июнь 1992 г.) являлся, тем не менее, значительным этапом в новейшей истории развития алжирского общества. Сам Мухаммед Будиаф, несмотря на преклонный возраст, не утратил талант и неординарные способности политика. Будучи сторонником построения демократического государства в Алжире, он даже в условиях чрезвычайного положения пытался сохранить результаты демократических преобразований. В период его пребывания у власти в стране продолжали функционировать 60 политических партий, действовала независимая пресса и было объявлено о том, что выборы нового президента и парламента состоятся в течении ближайших двух лет. Мухаммед Будиаф уважал свободу слова и терпимо относился к резким критическим выступлениям, в частности, лидера ДДА Ахмеда Бен Беллы, направленным, в том числе, против него лично. Такая терпимость со стороны Мухаммеда Будиафа тем более заслуживает уважения, поскольку Ахмед Бен Белла, будучи президентом Алжира, в 1963 г. вынудил Мухаммеда Будиафа, несогласного с его политикой, покинуть Алжир и уехать в Марокко, где он пребывал в вынужденной ссылке более 20 лет. Мухаммед Будиаф начал борьбу с коррупцией и нарушениями законности, совершенными государственными чиновниками высокого ранга, включая высших армейских офицеров²⁸⁰. По инициативе

²⁷⁹ Наиболее крупной партией, вошедшей в НПО, была придерживавшаяся центристских позиций «Национальная партия за солидарность и развитие» (*Parti national pour solidarité et développement /PNSD/*), набравшая на парламентских выборах в декабре 1991 г. 0,7 % голосов избирателей. См. *Algerie-Actualite*. Alger, 2.01.1992.

²⁸⁰ В апреле 1992 г. был арестован по обвинению в незаконном присвоении крупных сумм генерал Мустафа Бенлусиф, бывший в 1982–1986 гг. начальником генерального штаба алжирской армии. Мухаммед Будиаф намеревался начать уголовные дела против целого ряда высокопоставленных чиновников, в том числе, против представителей армейского командования на основании компрометирующих материалов, переданных ему Касди Мербахом, долгие годы возглавлявшим службу безопасности. С целью проверки заграничных банковских счетов подозреваемых лиц Касди Мербах по поручению

Будиафа были возвращены государству помещения, автотранспорт и другое имущество, незаконно захваченное ИФС у ФНО в период победы ИФС на муниципальных выборах. Мухаммед Будиаф требовал тщательно проверять законность приобретения аналогичного имущества в период демократических реформ другими политическими партиями. Все эти меры, а также политика Мухаммеда Будиафа, направленная на улучшение экономического положения и консолидацию алжирского общества, способствовали росту его популярности и восприятию его многими алжирцами как общенационального харизматического лидера. Значительную роль при этом играло то обстоятельство, что Мухаммед Будиаф, будучи одним из руководителей национально-освободительной войны 1954–1962 гг. и одним из создателей ФНО, в то же время не ассоциировался алжирцами с ошибками и просчетами правящего режима, совершенными в период с 1963 по 1991 гг. Р. Г. Ланда совершенно справедливо характеризовал Мухаммеда Будиафа как лидера «неподкупного, непримиримого и неустрашимого, своего рода, Робеспьера алжирской революции»²⁸¹. По нашему мнению, все вышеприведенные факторы могли сделать Мухаммеда Будиафа общенациональным лидером, способным в тот период консолидировать алжирское общество, в том числе, умеренных исламистов, и вывести его из состояния системного кризиса. Гибель Мухаммеда Будиафа прервала процесс наметившейся в обществе консолидации.

Председателем Высшего государственного совета (ВГС), заменившим Мухаммеда Будиафа, стал Али Кяфи, полковник алжирской армии, руководитель «Национальной организации муджахидов» (НОМ). Возглавляемый им ВГС предпринимал жесткие меры против вооруженной исламистской оппозиции. Официальные результаты расследования убийства Мухаммеда Будиафа подтвердили, что его убийца исповедовал фундамента-

Мухаммеда Будиафа направил в Париж несколько офицеров контрразведки. Однако французские официальные лица, ссылаясь на законодательство Франции, отказались предоставить этим офицерам необходимую информацию. По возвращении в Алжир все офицеры, участвовавшие в этой командировке, погибли, по официальному заключению, в результате нападения исламистских террористов. Тем не менее, некоторые исследователи, среди них Антуан Басбу, предполагают, что вина за их гибель лежит на «политико-финансовой мафии», то есть, на коррумпированных чиновниках, которые опасались расследования, предпринятого Мухаммедом Будиафом. Того же мнения придерживаются и члены диссидентской алжирской организации «Алжирское движение свободных офицеров» (*Mouvement algérien des officiers libres /MAOL/*), действующей нелегально. В ее публикациях утверждалось, что за неделю до убийства Мухаммеда Будиафа все материалы, компрометировавшие высших должностных лиц, были похищены из помещения президентской администрации (см. публикации «Алжирского движения свободных офицеров», цитируемые в книге: Basbous Antoine. *L'Islamisme, une révolution avortée?* P., 2000. P. 184.

²⁸¹ Ланда Р. Г. «Политическая весна» и гражданская война в Алжире//Страны Ближнего Востока. М., 1998. С. 93.

листскую идеологию, хотя его связь с какой-либо исламистской организацией не была доказана. Исламисты в своих пропагандистских материалах обвиняли в убийстве Мухаммеда Будиафа «военное руководство, опасавшееся расследований дел о коррупции, которые обещал провести Мухаммед Будиаф»²⁸². В то же время находившиеся в эмиграции лидеры ИФС характеризовали убийство председателя ВГС как «событие, которое должно было приблизить создание исламского государства в Алжире»²⁸³. Алжирская диссидентская организация «Алжирское движение свободных офицеров» (*Mouvement algérien des officiers libres /MAOL/*), штаб-квартира которой находится в Испании, открыто обвиняла в убийстве Мухаммеда Будиафа «коррумпированных алжирских генералов, спланировавших покушение во время своего секретного совещания в г. Сиди Фредж (в окрестностях алжирской столицы)»²⁸⁴. Косвенным подтверждением того, что к убийству Мухаммеда Будиафа могли быть причастны коррумпированные представители военной элиты, являлся тот факт, что убийцей Мухаммеда Будиафа был офицер его личной охраны²⁸⁵, подбор которой осуществляло руководство службы безопасности. Свидетельством существования влиятельных сил, не заинтересованных в предании гласности материалов расследования покушения, явилась также задержка суда над убийцей Мухаммеда Будиафа²⁸⁶ на три года.

В то же время для алжирских властей убийство председателя ВГС послужило толчком к применению новых более жестких мер по отношению к исламистским радикалам, предусматривавших увеличение срока нахождения в предварительном заключении, понижение минимального возраста привлечения к уголовной ответственности с 18 до 16 лет и введение уско-

²⁸² Manifeste du Front Islamique du Salut. Op. cit. P. 23.

²⁸³ Le Monde. P., 2.07.1992.

²⁸⁴ Basbous A. Op. cit. P. 185.

²⁸⁵ Убийца Мухаммеда Будиафа — 26-летний младший лейтенант службы безопасности Бумаараф выстрелил в Мухаммеда Будиафа во время его выступления во Дворце культуры г. Аннаба 29 июня 1992 г. В ходе официального следствия Бумаараф заявил, что действовал один и совершил убийство в «соответствии со своими религиозными убеждениями». См. Jeune Afrique. P., 1999. № 2000–2001. С. 53.

²⁸⁶ В публикациях «Алжирского движения свободных офицеров» утверждалось, что накануне покушения глава Группы специального назначения (*Groupe de l'intervention special /GIS/* — одна из структур службы безопасности), непосредственный начальник Бумаарафа (убийцы Будиафа) майор Хаму не назначил его в состав охраны, сопровождавшей Мухаммеда Будиафа в г. Аннаба, мотивируя это тем, что у него появились сомнения по поводу лояльности этого офицера. Тем не менее, один из высших руководителей службы безопасности приказал ему включить Бумаарафа в группу охраны Мухаммеда Будиафа. В последствии майор Хаму был отправлен в длительную командировку в республику Чад, где он руководил службой охраны президента. См. Basbous A. Op. cit. P. 186.

ренного разбирательства дел задержанных на месте преступления исламистских боевиков специальными трибуналами с анонимными судьями. В течении октября и ноября 1992 г. было арестовано и привлечено к уголовной ответственности свыше 1 тыс. 200 активистов исламистского движения, обвиненных в причастности к террористической деятельности. В конце 1992 г. правительство приняло ряд постановлений, которые давали властям полномочия закрывать частные компании, общественные, культурно-просветительские и благотворительные организации, если они оказывали какую-либо поддержку нелегальным исламистским группировкам и запрещенному ИФС.

В то же время власти проявили готовность пойти на диалог с теми течениями исламистского движения, которые изначально отвергали вооруженный джихад. Своеобразным жестом доброй воли со стороны властей стал относительно мягкий приговор, вынесенный военным судом в июле 1992 г. руководителям ИФС, арестованным 30 июня 1991 г. Председатель ИФС Аббаси Мадани и его заместитель Али Бенхадж были приговорены к 12 годам лишения свободы²⁸⁷, остальным пяти обвиняемым — членам Меджлис аш-шуры ИФС предстояло провести в заключении от 4 до 6 лет.

Снисходительность суда к лидерам ИФС объяснялась стремлением властей привлечь на свою сторону умеренных исламистов и изолировать радикалов. Таким образом, власти пытались ослабить конфронтацию с исламистским движением, чью идеологию в той или иной степени разделяла значительная часть алжирцев, и которое невозможно было подавить только репрессивными мерами. Возможностью начать диалог с властями сразу воспользовался лидер умеренной исламистской партии «Нахда» Абдалла Джабалла, приветствовавший судебное решение, предусматривавшее отказ от жестких мер в отношении руководителей ИФС. В свою очередь, руководитель партии «Хамас» Махфуз Нахнах призвал ВГС решить вопрос национального примирения путем расширения состава самого ВГС и Национального консультативного совета (НКС), а также скорейшего проведения парламентских и президентских выборов. Однако ВГС ограничился проведением консультаций с лидерами наиболее влиятельных политических партий, таких, как ФСС, ФНО, ДДА и «Хамас». В результате этих консультаций была достигнута договоренность о начале демократического диалога между всеми национальными силами, кроме ИФС. Тем не менее, эта договоренность не привела к конкретным результатам из-за расхождения позиций ее участников, а также продолжавшегося размежевания алжирского общества и усиливающегося террора экстремистских исламистских группировок.

²⁸⁷ За преступления, в которых обвинялись Аббаси Мадани и Али Бенхадж (попытка свержения конституционного строя, создание незаконных вооруженных формирований и т. д.), алжирский уголовный кодекс в виде максимального наказания предусматривал смертную казнь.

Что касается ИФС, то в нем, также как и во всем исламистском движении, происходил процесс радикализации. В руководстве ИФС сторонников политической борьбы, группировавшихся вокруг Абд аль-Кадера Хашани²⁸⁸, заменили джазаиристы и последователи Мустафы Буали, бывшие члены ВАИД, приверженцы более жесткой конфронтации с властями. В июле 1992 г. на секретном совещании руководителей ИФС вместо «Временного национального исполнительного бюро», созданного после ареста многих лидеров ИФС, была сформирована так называемая «кризисная ячейка». Этот новый руководящий орган ИФС должен был функционировать в условиях подполья. Ее председателем стал Абд ар-Раззак Раджам, сторонник лидера джазаиристов Мухаммеда Саида. На этом совещании была выработана новая стратегия, учитывавшая нелегальное положение партии. В соответствии с ней действия ИФС должны были быть сосредоточены на трех направлениях: политических акциях, как в Алжире, так и за его пределами, вооруженных выступлениях внутри страны и создании организаций, представляющих ИФС за рубежом.

В рамках реализации этой стратегии в 1993 г. в Германии была создана «Исполнительная инстанция ИФС за рубежом» (ИИИР)²⁸⁹, которую возглавил бывший заместитель Абд аль-Кадера Хашани в «Национальном исполнительном бюро» ИФС Рабах Кабир. В США ИФС представляла «Парламентская делегация ИФС за рубежом»²⁹⁰ во главе с бывшим членом Меджлис аш-шуры Анваром Халдамом. Позже, в 1997 г. в Париже был сформирован «Координационный совет ИФС за рубежом»²⁹¹, руководителем которого стал один из радикальных членов Меджлис аш-шуры ИФС Ахмед Зауи. Многие лидеры ИФС, несмотря на подтверждение ими необходимости проведения вооруженных акций, не считали их единственно возможным способом борьбы с режимом ВГС и не объявляли ему джихад. Более того, Абд аль-Кадер Хашани и даже занимавший достаточно жесткую позицию по отношению к властям лидер джазаиристов Мухаммед Саид предостерегали об опасности усиления экстремистских тенденций в

²⁸⁸ Абд аль-Кадер Хашани, Рабах Кабир и многие их сторонники находились под арестом с января по апрель 1992 г.

²⁸⁹ Интервью ответственного за связи с прессой «Исполнительной инстанции ИФС за рубежом» Удд Адда Абд аль-Крима французскому исследователю Патрику Дено, полностью цитируемое в его книге: Denaud Patrick. *Algérie. FIS. Sa direction parle*. P., 1997. P. 57.

²⁹⁰ Islamic Front For Salvation Stand on the Military Regime Perpetuation of the Algerian Crisis. FIS Parliamentary Delegation Abroad. 20.05.1997. URL: <http://www.fisalgeria.org/communiques/20may97.html> (Дата обращения — 12.07.2003).

²⁹¹ Sur la Reconciliation nationale//Communique 12. Conceil de coordination de FIS, 4.07.1999. URL: <http://www.fisalgeria.org/communiques/ccfis12.html> (Дата обращения — 12.06.2003).

ИФС, заявляя, что в этом случае его руководство «уподобляется человеку, держащему в руке гранату с выдернутой чекой»²⁹².

Процесс радикализации ИФС представлял собой вполне закономерное явление, так как по существу являлся следствием провала проводившейся прежним руководством ИФС стратегии, предполагавшей приход к власти и построение исламского государства путем политической борьбы. Поражение ИФС привело к потере им влияния и поддержки достаточного числа его сторонников, со многими из которых руководство ИФС, кроме того, утратило связь в силу сложностей нелегального положения партии. Такая ситуация способствовала усилению более радикальных исламистских группировок, окончательно сформировавшихся в основном к концу 1992 г. на базе ранее существовавших организаций боевиков-муджахидов. С конца 1992 – начала 1993 г. действия этих группировок стали более целенаправленными и скоординированными. Ими стали создаваться базы снабжения и формироваться каналы, по которым к боевикам поступало оружие и осуществлялась их финансовая поддержка. Одновременно, лидеры муджахидов приступили к налаживанию контактов со своими сторонниками за рубежом.

Основу радикальной исламистской оппозиции составляли бывшие участники «Вооруженного алжирского исламского движения» (ВАИД) Мустафы Буали и алжирские «муджахиды-афганцы» (алжирские ветераны гражданской войны в Афганистане), число которых составляло примерно 3 тыс. человек²⁹³. Они сформировали ядро салафитского движения, структурировавшегося в середине 1992 г. в две вооруженные группировки. Первая — «Движение за исламское государство», возглавлявшееся бывшими руководителями ВАИД, а затем ВИД — Абд аль-Кадером Шебути и Аз ад-Дином Баа и бывшим членом Меджлис аш-шуры ИФС Саидом Мехлуфи, и вторая — «Муджахиды-афганцы»²⁹⁴, которую создали также сподвижники Мустафы Буали и бывшие члены ВАИД Мансури Мелиани и Мухаммед Левейей. Руководители этих группировок решили объединиться под общим командованием Абд аль-Кадера Шебути. Однако по причине болезни Абд аль-Кадера Шебути от его кандидатуры отказались, и пост «национального эмира» (командующего) предполагалось отдать Мухаммеду Левейей.

С целью координации действий и создания единого командования лидеры боевиков дважды проводили секретные совещания. Первое состоялось весной 1992 г. в районе горного массива Збарбар (примерно в 100 км

²⁹² Cit. on: Charef A. Op. cit. P. 384.

²⁹³ Basbous A. Op. cit. P. 147.

²⁹⁴ Группировку «Муджахиды-афганцы» называли также «Муджахиды-салафиты» (*Муджахидун асляф*) за приверженность салафитской доктрине.

к востоку от г. Алжир) и второе — 1 сентября 1992 г. там же, недалеко от г. Тамесгид. О втором совещании стало известно алжирским силовым структурам, которые в результате проведенной ими операции уничтожили часть боевиков и их руководителей, в том числе Мухаммеда Левейей. Его преемнику Абд аль-Хакку Лайаде удалось объединить большинство боевиков в единую организацию. Она получила название «Вооруженные исламские группы» (ВИГ) и стала наиболее экстремистской группировкой в составе алжирской радикальной исламистской оппозиции.

Именно ВИГ осуществляли наиболее варварские террористические акции, направленные против мирного населения. В ВИГ наряду с салафитами, входили приверженцы других фундаменталистских течений, таких как *кутбисты* (последователи Сейида Кутба) и *такфиристы* (*такфир* (араб. яз.) — обвинение в неверии). Такфиристы обвиняли в отступничестве от подлинного ислама всех алжирцев за исключением своих сторонников.

Доминирующее положение в ВИГ занимали салафиты, и первым эмиром ВИГ стал лидер «Муджахидов-салафитов» Абд аль-Хакк Лайада. Основные пункты своей идеологической программы он изложил в интервью, опубликованном в марте 1993 г. в издававшемся в Стокгольме журнале «аш-Шахада» (Свидетельство веры). Абд аль-Хакк Лайада заявлял, что ВИГ являются «преемниками движения Мустафы Буали и афганского джихада»²⁹⁵. В том же интервью он констатировал, что «западное общество находится в состоянии полной духовной деградации, и эра его доминирования в мире завершилась»²⁹⁶. В качестве подтверждения такой доктринальной установки Абд аль-Хакк Лайада цитировал произведения Б. Рассэла и книгу О. Шпенглера «Закат Европы». Один из идеологов ВИГ, бывший член Меджлис аш-шуры ИФС и глава «Исламского профсоюза труда» Омар аль-Ильми, в свою очередь, заявлял, что «исламское государство можно построить только путем вооруженной борьбы»²⁹⁷.

Еще одним течением в ВИГ были джазаиристы. С июля 1991 г. эта группировка входила в ИФС и состояла в нем вплоть до его запрета в марте 1992 г. Джазаиристов возглавлял бывший член Меджлис аш-шуры и заместитель председателя ИФС Мухаммед Саид. Джазаиристы считали, что наряду с вооруженной борьбой для достижения конечной цели — создания исламского государства в Алжире — можно использовать демократические институты — свободную прессу, всеобщие выборы и многопартийную систему. Эмиры ВИГ неприязненно относились к стратегическим и тактическим установкам джазаиристов, определяя их как «кошунствен-

²⁹⁵ Cit. on: Gilles Kepel. Jihad. Expansion et declin de l'islamisme. P., 2000. P. 261.

²⁹⁶ Ibid.

²⁹⁷ El-Watan. Alger, 28.02.1994.

ные». В последствии эти разногласия вылились в открытую вражду, выход джазаирстов из ВИГ, вооруженные столкновения между ними и убийство боевиками ВИГ лидера джазаирстов Мухаммда Саида, обвиненного эмиром ВИГ Джамилем Зегуни в попытке организации заговора против него.

Теоретическое обоснование вооруженного джихада, осуществляемого ВИГ, а также пропаганду за рубежом идеологии исламского фундаментализма проводил еженедельник *«Аль-Ансар»* (Последователи Пророка), издававшийся в Лондоне с июля 1993 г. международным движением *«Муджахидов-салафитов»*. Его изданием, в частности, занимались ветераны афганской войны — сириец Абу Мусаб и палестинец Абу Катада, которые также финансировали публикации ВИГ в других печатных органах. Абу Катада также был связан с террористической исламистской организацией Усамы Бен Ладена *«Аль-Каида»*²⁹⁸ и являлся одним из ее муфтиев²⁹⁹.

В свою очередь лидеры ИФС, стремясь восстановить свое во многом утраченное влияние в исламистском движении, также решили организовать свои вооруженные группы. Не желая делать этого совместно с ВИГ, *«Исполнительная инстанция ИФС за рубежом»* (ИИИР) объявила в 1994 г. о создании *«Исламской армии спасения»* (ИАС), как вооруженного крыла ИФС. ИАС находилась под командованием двух национальных эмиров — Мадани Мезрага, чьи отряды базировались на востоке страны, и Ахмеда Бен Айши, который контролировал западные области Алжира³⁰⁰. ИАС начала вести вооруженную борьбу с властями в противовес ВИГ. Тем не менее, командование ИАС, так же как и лидеры запрещенного ИФС, осуждали наиболее жестокие террористические акции ВИГ, в частности, убийства мирных жителей и иностранцев. Эмиры ВИГ в свою очередь резко критиковали руководителей ИФС за то, что те, «отказавшись сразу взять в руки оружие и объявить джихад неверной власти, сами стали неверными»³⁰¹. В последствие взаимная неприязнь между ИАС и ВИГ перешла в открытые вооруженные столкновения между ними.

Следует отметить, что хотя ИАС вело вооруженную борьбу с режимом, но, тем не менее, ее лидеры, в частности, «национальный эмир» Мадани Мезраг, проявляли готовность пойти на компромисс с властями. Его позицию разделял и Аббаси Мадани (несмотря на его пребывание в заключении, его признавали в качестве председателя ИФС как «Кризисная ячейка», являвшаяся подпольным руководящим органом ИФС в Алжире, так и лидеры ИФС, находившиеся в эмиграции). Именно после призыва Аббаси Мадани к «прекращению кровопролития и подготовке серьезного

²⁹⁸ Террористическая организация, запрещена в РФ.

²⁹⁹ Jeune Afrique. P., 2002. № 2145. P. 35

³⁰⁰ Denaud P. Algerie. FIS. Sa direction parle. P., 1997. P. 51.

³⁰¹ Gilles Kepel. Op. cit. P. 271.

диалога»³⁰² начались переговоры между руководителями ИФС и алжирским военным командованием.

В отличие от ИФС лидеры ВИГ не шли ни на какие компромиссы, продолжая вооруженную борьбу и усиливая террористическую деятельность как в Алжире, так и за его пределами. Различным также был подход ИФС и ВИГ к джихаду, как методу борьбы с режимом. ИФС изначально создавался, как массовая политическая партия, и ее целью (по крайней мере, согласно ее официальным заявлениям) был приход к власти в результате политической борьбы. В то же время ВИГ формировался как вооруженная исламистская организация, объявившая джихад единственной формой борьбы с режимом.

Существенно отличался между собой руководящий состав ИФС и ВИГ. Если лидеры ИФС, такие как Аббаси Мадани, Абд аль-Кадер Хашани, Рабах Кабир наряду с глубокими кораническими знаниями имели высшее гуманитарное или техническое образование, большинство эмиров ВИГ, в том числе Абд аль-Хакк Лайяда, Джафар Афгани, Джамиль Зетуни и Антар Зуабри, имели только начальное или в лучшем случае среднее образование и не отличались фундаментальными знаниями Корана. Исключение составлял Шериф Гузми, имевший солидную теологическую подготовку.

Ни в коей мере не снимая вины с ИФС, тем не менее, можно утверждать, что именно на ВИГ лежит основная часть ответственности за вооруженный террор и акты насилия, особенно против мирного населения. Подтверждением этого служат официальные заявления руководителей ВИГ. Так, эмир ВИГ Антар Зуабри провозглашал: «ВИГ объявили войну не только тиранам, но и всем их пособникам в городах и деревнях. Они будут уничтожены, их дома преданы огню, а их имущество конфисковано»³⁰³.

В то же время, когда речь идет о непосредственных исполнителях террористических актов, зачастую достаточно трудно определить их принадлежность к той или иной организации. Так, например, известное нападение исламистских боевиков на пограничный пост Гэммар 29 ноября 1991 г. приписывается ИФС, хотя само руководство ИФС не признавало данное обвинение. Действительно руководитель боевиков, совершивших это нападение, Айса Мессауди имел самые тесные контакты с фундаменталистской террористической организацией «ат-Такфир ва-ль-хиджра», которая не входила в состав ИФС. Вместе с тем тот же Айса Мессауди был членом «Исламского профсоюза труда», созданного и контролировавшего ИФС. Исходя из этого можно предположить, что Айса Мессауди действовал не с санкции руководства ИФС, а по приказу «ат-Такфир ва-ль-

³⁰² Willis Michael. Op. cit. P. 334.

³⁰³ Коммюнике ВИГ № 51 от 27.09.1997, полный текст которого цитируется в книге: Basbous Antoine. L'Islamisme, une révolution avortée? P., 2000. P. 164.

хиджра», в последствии примкнувшей к ВИГ, которые на протяжении периода 1992–1999 гг. являлись основной вооруженной силой радикальной исламистской оппозиции. Кроме того необходимо подчеркнуть, что в условиях партизанской войны руководители как ИФС, так и ВИГ зачастую не могли контролировать действия всех своих нелегальных группировок и рядовых членов.

ВИГ в середине 1990-х гг. проводили террористические акции против всех, кто так или иначе был связан с режимом. В числе жертв ВИГ были преподаватели высших учебных заведений, писатели, профсоюзные и общественные деятели, журналисты, в основном, франкофоны, а также алжирцы, заподозренные в сотрудничестве с властями, и члены семей военнослужащих силовых структур и бойцов Комитетов самообороны³⁰⁴.

В мае 1993 г. вместо арестованного Абд аль-Хакка Лайяды эмиром ВИГ стал Джафар аль-Афгани. Он также как и Абд аль-Хакк Лайяда воевал в течении 2 лет в Афганистане. Джафар аль-Афгани имел только начальное образование и до того, как стать муджахидом, занимался контрабандой. При нем ВИГ распространили террористические акты на иностранцев и на своих оппонентов из других исламистских организаций. До конца 1993 г. на территории Алжира было убито 26 иностранцев (в основном, французов), а в ноябре 1993 г. боевиками ВИГ был убит известный проповедник и видный деятель умеренной исламистской партии «Хамас» шейх Бу Слимани. Причиной убийства послужил его отказ издать фетву, легитимизирующую деятельность ВИГ. В феврале 1994 г. Джафар аль-Афгани был ликвидирован алжирскими спецслужбами.

После его гибели ВИГ возглавил Шериф Гузми, имам и бывший представитель ИФС в г. Бир Кадем (на востоке Алжира). В ВИГ он занимал пост председателя исламской комиссии. В качестве представителя ВИГ он посещал Пакистан и Афганистан, где встречался с руководителем «Аль-Каиды» Усамой Бен Ладеном. Шериф Гузми имел солидное религиозное образование и политический опыт, что отличало его от предшествовавших и последующих эмиров ВИГ. Шериф Гузми стремился объединить под своей эгидой все вооруженные исламистские организации, в том числе и те, которые поддерживали ИФС. В частности, в мае 1994 г. он за-

³⁰⁴ Комитеты самообороны (*лиджан ад-дифаа*) — вооруженные отряды, сформированные властями из жителей районов, подвергавшихся нападению исламистских боевиков. С марта 1993 г. исламистским боевикам противостояли, кроме Комитетов самообороны, две милиции самообороны — «Организация свободной алжирской молодежи» (ОСАМ) и «Организация защиты Алжирской республики» (ОЗАР). См. Report of the Panel Appointed by the Secretary-General of the United Nations to Gather Information of the Situation in Algeria in Order to Provide the International Community With Greater Clarity on that Situation. N. Y., 1998. P. 7.

ключил с главой «кризисной ячейки» ИФС Абд ар-Раззаком Раджамом и с одним из основателей экстремистской организации «Движение за исламское государство» Саидом Мехлуфи соглашение об их вступлении в ВИГ и формировании объединенного руководства. Претворению в жизнь этого соглашения помешала ликвидация Шерифа Гузми алжирской военной контрразведкой в сентябре 1994 г.

Четвертым эмиром ВИГ стал Джамиль Зетуни, сын владельца птицеводческой фермы, имевший среднее франко-язычное образование. В период его руководства ВИГ перенесли террористическую деятельность на территорию Франции, начало которой было положено захватом в декабре 1994 г. в аэропорту г. Марселя самолета со 170 пассажирами. Террористические акты во Франции продолжались около года. Наиболее кровавыми из них были взрывы в парижском метро, в результате которых погибли семь и было ранено около ста человек³⁰⁵.

Джамиль Зетуни, пытаясь оправдать и даже теоретически обосновать террор, проводившийся под его руководством, опубликовал послание, озаглавленное «Путь, указанный Аллахом». В нем он излагал воспринятую им такфиристскую доктрину и утверждал, что «вся умма должна присоединиться к истинным муджахидам ВИГ, а участники других исламистских движений, равно как и алжирские мусульмане, не разделяющие идеологию и цели ВИГ, либо обязаны повиниться, принять салафизм и вступить в ВИГ, либо они будут рассматриваться как неверные и отступники»³⁰⁶. Это послание было использовано в качестве оправдания целой серии убийств исламистских деятелей, не согласных с концепциями ВИГ и резко критиковавших Джамिला Зетуни. Боевики ВИГ убили Мухаммеда Саида, лидера джазаирстов, Азз ад-Дина Баа, одного из руководителей «Движения за исламское государство» и Абд ар-Раззака Раджама, руководителя «кризисной ячейки» ИФС и являвшегося одним из старейших исламистских деятелей со времен Мустафы Буяли. ВИГ опубликовал в журнале «аль-Ансар» за подписью Джамिला Зетуни коммюнике под заголовком «Обрушим наше возмездие на джазаиристских ренегатов». В нем казненные ВИГ исламисты были названы «заговорщиками, которые проповедовали свои кощунственные по отношению к священной исламской религии идеи (демократия и всеобщие выборы) и вступили в ВИГ, чтобы разрушить его»³⁰⁷.

Такие действия Джамिला Зетуни вызвали осуждение со стороны многих лидеров исламистского движения и изоляцию ВИГ как в Алжире, так

³⁰⁵ Basbous A. Op. cit. P. 158.

³⁰⁶ Cit. on: Gilles Kepel. Op. cit. P. 405.

³⁰⁷ Полный текст коммюнике приведен в книге: Denaud, Patrick. Algérie. FIS. Sa direction parle. P. 55.

и за рубежом. В журнале «ар-Рибат», издававшемся «Исполнительной инстанцией ИФС за рубежом», заявлялось, что итогом деятельности Джамили Зетуни стала гибель почти 1 тыс. членов ИФС в результате войны, связанной ВИГ против ИФС. О прекращении поддержки Джамили Зетуни заявили издатели еженедельника «Аль-Ансар» Абу Мусаб и Абу Катада, ранее разделявшие концепции ВИГ, глава египетской исламистской организации «Исламские группы» Айман аз-Завахири и руководители ливийских радикальных исламистов — «Вооруженной ливийской группы». В последствии Джамиль Зетуни, обвиненный соперничавшими с ним исламистскими лидерами в том, что он стал марионеткой в руках алжирских спецслужб, внедривших в ВИГ своих агентов, был убит боевиками-джазаиристами.

После гибели Джамили Зетуни ВИГ возглавил один из его заместителей Антар Зуабри, который вступил в исламистское движение в конце 1980-х гг. в качестве боевика исламской милиции (структуры, созданной ИФС для охраны своих лидеров и проводимых исламистами массовых мероприятий). Антар Зуабри «прославился» своей патологической жестокостью. В начале 1990-х гг., будучи в составе отряда исламской милиции, посланного следить за соблюдением исламской морали в район университетских общежитий г. Алжир, он обливал серной кислотой ноги студентов, носивших мини-юбки. Под руководством Антара Зуабри ВИГ продолжал тактику эскалации террористических акций.

Следует подчеркнуть, что некоторые члены руководства ВИГ, в частности, Хасан Хаттаб, были не согласны с доктриной такфиризма и проводившимся на ее основе Джамилем Зетуни и Антаром Зуабри тотальным террором. Сторонник отказа от такфиризма Хасан Хаттаб призывал вернуться к «подлинному салафизму»³⁰⁸. Он вышел из ВИГ и создал свою собственную вооруженную группировку — «Салафитскую группу проповеди и борьбы». Претендуя на лидерство в салафитском движении, он начал борьбу с Антаром Зуабри.

Хасан Хаттаб окончил медресе и, в отличие от Антара Зуабри, обладал довольно обширными познаниями в области религиозных дисциплин. Он не скрывал своей неприязни к Антару Зуабри и презрительно называл его «джахиль» (неграмотный — араб. яз.). По некоторым источникам, Хасан Хаттаб пользовался поддержкой Абу Катады и Бен Ладена, которые не разделяли экстремистскую такфиристскую доктрину Антара Зуабри. Абу Катада и Бен Ладен осуждали радикализм Антара Зуабри и считали, что развернутый им тотальный террор лишал ВИГ какой-либо поддержки даже тех слоев алжирского общества, которые продолжали исповедовать фундаменталистскую идеологию, а также ее сторонников за пределами Алжира.

³⁰⁸ Jeune Afrique. P., 21.09.1999. P. 69.

Хасан Хаттаб утверждал, что его боевики никогда не участвовали в уничтожении мирных жителей, и целями их атак являлись только военные и сотрудники службы безопасности, охранявшие «отступивший от ислама коррумпированный режим»³⁰⁹. Такие заявления, на наш взгляд, следует считать пропагандистскими и в значительной мере не соответствующими действительности, что подтверждают данные алжирских властей, согласно которым боевики Хасана Хаттаба, хотя и в меньшей степени, чем ВИГ, тем не менее были причастны к террористическим акциям против мирного населения.

Достаточно трудно определить точное количество боевиков в исламистских группировках, так как некоторые из них, в частности Исламская армия спасения (ИАС), вооруженное подразделение ИФС, кроме бойцов, постоянно находившихся в составе вооруженных отрядов, располагала еще полувоенными формированиями, которые привлекались к вооруженным акциям по мере надобности. Существовали также группы из местных жителей, которые осуществляли снабжение боевиков продовольствием и всем необходимым. Согласно официальным алжирским данным, к началу 1998 г. в рядах вооруженных исламистских группировок насчитывалось около 8 тыс. боевиков, объединенных в небольшие группы по 7–14 человек и отряды численностью от 20 до 80 бойцов. В то же время французские службы безопасности оценивали число боевиков в 40 тыс.³¹⁰ Вероятно, истинное их количество находилось где-то посередине. Им противостояло 17 бригад и несколько сотен отдельных батальонов 120-тысячной алжирской армии. С исламистами также боролись отряды Комитетов и Милиций самообороны, насчитывавшие в общей сложности более 180 тыс. человек³¹¹. Тем не менее, несмотря на многократное превосходство в численности и вооружении и достаточную результативность армейских операций³¹², можно констатировать, что алжирский режим в середине 1990-х гг. не смог подавить вооруженную исламистскую оппозицию.

Невозможность покончить с вооруженным противостоянием только силовыми методами вынудила алжирское руководство искать политические способы выхода из кризиса. По предложению Лиамина Зеруаля³¹³ в

³⁰⁹ Ibid, 2002. № 2152. P. 22.

³¹⁰ Algeria in crisis. The Royal Institut of International Affairs. Middle East Programme. Briefing Papers. London, June 1998. № 48.

³¹¹ Le Figaro. P., 31.08.1997.

³¹² Так, например, в марте 1995 г. 160 полевых командиров ВИГ, собравшихся на секретное совещание в горном районе на западе Алжира, были уничтожены алжирскими спецслужбами. Свыше 200 боевиков ВИГ были ликвидированы в результате успешной операции алжирской армии в мае 1996 г. вблизи г. Тлемсен. Из 7 эмиров ВИГ — 5 были уничтожены алжирской службой безопасности.

³¹³ Ламин Зеруаль родился в 1941 г. в г. Батна (на востоке Алжира) в семье ремесленника. В 16 лет он вступил в ряды алжирской НОА и принимал активное участие в на-

июле 1993 г. заменившего Али Кафи на посту председателя ВГС, в Алжире в январе 1994 г. состоялась Первая конференция национального согласия. В ходе ее работы планировалось определить пути достижения гражданского согласия в алжирском обществе и обсудить дальнейшее развитие структуры государственных институтов Алжира после истечения в феврале 1994 г. срока полномочий ВГС.

В конференции приняли участие большинство политических партий Алжира, в том числе умеренные исламисты — партии «Хамас» и «Нахда». Были приглашены также представители ИФС. Однако, по причине невыполнения властями предварительных условий, главным из которых было освобождение находящихся в заключении лидеров ИФС, его представители отказались участвовать в конференции. Ее работу бойкотировали также ведущие партии демократической оппозиции — «Фронт социалистических сил» (ФСС), «Фронт национального освобождения» (ФНО) и «Объединение за культуру и демократию» (ОКД). Лидеры ОКД, отражавшего интересы берберского движения, требовали признания самобытности берберов, их языка и культуры. Наряду с этим они настаивали на прекращении контактов властей с ИФС после серии убийств исламистскими боевиками представителей кабилской интеллигенции, в том числе секретаря ОКД. Руководство ФСС, также как и ФНО, напротив, требовало предоставить ИФС возможность участвовать в конференции. Они аргументировали свое требование тем, что, по их мнению, «власти пытались втиснуть национальный диалог в рамки авторитарного режима с плюралистическим фасадом, так как без участия ИФС, основной оппозиционной партии страны, конференция обречена на провал»³¹⁴. Решения, принятые на конференции, несмотря на ее бойкот основными оппозиционными партиями, способствовали, тем не менее, относительной стабилизации режима и приданию ему большей легитимности. В частности, был распущен ВГС, временным президентом Алжира назначен Лямин Зеруаль и сформирован Национальный переходный совет (НПС) в составе 200 человек³¹⁵. Была также принята

ционально-освободительной войне 1954–1962 гг. Он завершил военное образование, обучаясь в СССР, Франции и Иордании. С 1982 по 1987 г. Лямин Зеруаль командовал военными округами в различных районах Алжира. Затем до 1989 г. он занимал пост командующего сухопутными войсками и заместителя начальника генерального штаба алжирской армии. В 1989 г. он вступил в конфликт с президентом Шадли Бенджедидом по вопросу реформирования армии и был назначен послом в Румынии, а затем в 1991 г. уволен в отставку. После отставки в 1992 г. президента Шадли Бенджедид и создания ВГС Ламин Зеруаль 10 июля 1993 г. был назначен министром обороны, сменив на этом посту генерала Халида Наззара, а затем возглавил ВГС. См. *Jeune Afrique*. 1999. № 2000–2001. Р. 55.

³¹⁴ *Algerie-Actualite*. Alger, 28.01.1994.

³¹⁵ Национальный переходный совет представлял собой временный законодательный орган, исполнявший функции распущенной ВГС Национальной народной ассамблеи.

«Платформа национального согласия», ставшая, по существу, временной конституцией Алжира. В ее преамбуле всем политическим силам страны предлагалось «неукоснительно соблюдать принципы демократии и отказаться от насилия в любых его формах и при любых условиях, отказаться от использования в политической борьбе трех основополагающих составляющих национального единства — ислама, арабизма и амазигизма (берберизма), которые являются общим достоянием алжирцев»³¹⁶. В последствие предполагалось пересмотреть ряд основных законов, в том числе законы о выборах, об общественных объединениях политического характера, а также планировалось сформировать новый парламент на двухпалатной основе. Все эти изменения должны были произойти в рамках пересмотра конституции и ее последующего принятия с соответствующими поправками на общенациональном референдуме до истечения 1996 г.

Однако конференция не решила главной задачи — не было сделано практических шагов для достижения гражданского согласия и начала политического урегулирования кризиса. Вооруженное противостояние продолжалось и к середине 1990-х гг. достигло своего апогея. В результате непрекращающихся террористических акций и ответных действий властей с 1992 по 1997 гг. погибло свыше 65 тыс. алжирцев³¹⁷. Многие алжирские граждане, в основном, представители франкофонной интеллигенции, покинули Алжир, спасаясь от эскалации насилия. В 1993 г. исламистскими боевиками было совершено покушение (неудавшееся) на министра обороны Халида Наззара и на бывшего премьер-министра Касди Мербаха, в результате которого он был убит³¹⁸. Продолжались убийства иностранцев, включая работников посольств и священнослужителей.

Он состоял из 30 представителей от государственных структур и 170 — от партий, профсоюзов и общественных организаций.

³¹⁶ Национальный диалог. Меморандум. Алжир, 1996. С. 9–14 (Материалы, представленные посольством АНДР в Москве).

³¹⁷ Algeria and the Maghreb. Op. cit. P. 8.

³¹⁸ В убийстве Касди Мербаха, долгое время возглавлявшего военную контрразведку и занимавшего пост премьер-министра при президенте Шадли Бенджадиде, находившиеся в Европе лидеры ИФС обвиняли внедренных в ВИГ агентов алжирских спецслужб, действовавших по приказу должностных лиц, замешанных, как утверждали в свою очередь диссиденты из организации «Свободные офицеры», в коррупции. Согласно их версии, Касди Мербах, один из наиболее близких соратников Мухаммеда Будиафа, готовился обнародовать материалы, доказывающие причастность некоторых руководителей армии и службы безопасности к организации убийства Мухаммеда Будиафа. Эти лица опасались, что начало расследования случаев незаконного обогащения среди высшего армейского командования, может привести к открытию уголовных дел и предания их суду. «Свободные офицеры» также обвиняли алжирские спецслужбы в убийстве некоторых журналистов и генерального секретаря BCAT. См. Joffe G. Algeria: the Failure of Dialogue // The Middle East and North Africa. London, 1995. P. 48.

Жертвами террора стали многочисленные представители алжирской интеллигенции. С 1992 по 1997 гг. были убиты 78 журналистов, включая главных редакторов ведущих газет «аль-Муджахид» и «Матэн» — Мухаммеда Абд ар-Рахмани и Саида Мекбея, а также бывшего директора алжирского телевидения Мустафу Абада. От рук исламистских боевиков погибли известные писатели Тахар Джаута и Лаади Флиси, социолог Мухаммед Бухобза, профессора медицины Джиляль Бельхеншир и Махфуд Бусебси, а также генеральный секретарь «Всеобщего союза алжирских трудящихся» (ВСАТ) Абд аль-Хакк бен Хамуда. Все они выступали против исламистского террора, чем вызывали ненависть со стороны лидеров ВИГ. Наиболее варварскими актами были массовые убийства деревенских жителей, заподозренных боевиками в сотрудничестве с властями. Так, например, с июля по октябрь 1996 г. в населенных пунктах Мсила, Ларбаа, Лагуат, Блида и Айн Дефля на востоке и западе Алжира было убито более 260 мирных жителей³¹⁹. Среди этих жертв были как мужчины, так и женщины и дети, в том числе малолетние.

Террор исламистских боевиков вызывал ответные действия со стороны отрядов Комитетов самообороны. Таким образом, выстраивался замкнутый круг — исламистский террор порождал террор против сторонников исламистов, который, в свою очередь, провоцировал новый виток террористических акций. Посетивший Алжир в 1997 г. вице-президент «Международной федерации по правам человека» Хайтам Манах приводил примеры, когда бойцы Комитетов самообороны, мстя за убийство боевиками ВИГ своих близких, уничтожали членов семей исламистов. Здесь уместно отметить, что высказывания Хайтама Манаха в определенной степени противоречат отчету комиссии ООН, направленной в 1998 г. в Алжир, в котором заявлялось, что Комитеты самообороны «действовали в рамках закона и под контролем командования армейских частей или подразделений жандармерии»³²⁰. Такое противоречие, на наш взгляд, объясняется тем, что комиссия ООН пользовалась в основном данными, предоставленными алжирскими властями, которые не были заинтересованы в предании гласности фактов незаконных действий Комитетов самообороны.

Одной из причин продолжения вооруженного противостояния и, в то же время, неспособности властей положить ему конец, являлось продолжение социально-экономического кризиса, от которого в первую очередь страдала молодежь, становившаяся мишенью исламистской пропаганды. Премьер-министр Абд ас-Салам пытался найти выход из кризиса в режиме жесткой экономии и не соглашался на настойчивые рекомендации

³¹⁹ Halte aux massacres en Algérie. FIS Information Bureau, octobre 1997. URL: <http://www.fisalgeria.org/pressreview.html> (Дата обращения — 7.07.2003).

³²⁰ Report of the Panel. Op. cit. P. 8.

МВФ об отсрочке выплаты внешнего долга, так как такая отсрочка вела бы к бесконечному его увеличению. Одновременно Абд ас-Салям пошел на резкое сокращение импорта с 11 млрд амер. долл. до 8 млрд амер. долл. Однако эти меры не привели к значительному улучшению экономической ситуации и вызвали недовольство части предпринимателей в Алжире и руководства МВФ. После того, как президентом Алжира стал Лямин Зеруаль, Абд ас-Салам на посту премьер-министра сначала сменил Реда Малек, а затем Мокдад Сифи и, наконец, Ахмед Уяхья, которые уступили требованиям МВФ и стали следовать его рекомендациям. В обмен на кредит МВФ в 1 млрд амер. долл. и сокращение на 5 млрд амер. долл. суммы внешнего долга Алжир девальвировал динар на 40 % и объявил о широкой приватизации государственного сектора, либерализации цен и полной открытости внешнего рынка страны. В результате, согласно данным МВФ, по ряду макроэкономических показателей к 1997 г. в алжирской экономике наблюдалась некоторая стабилизация, в частности, преодоление дефицита платежного баланса. Вместе с тем усилилась инфляция и соответственно рост цен. В связи с резким сокращением финансирования социальных программ обострился жилищный кризис, приходила в негодность из-за отсутствия необходимого технического обслуживания коммунальная инфраструктура, прежде всего сети снабжения населения питьевой водой. По данным ИФС, около 8 млн алжирцев испытывали недостаток в питьевой воде. Это привело в ряде районов к возникновению эпидемий желудочно-кишечных заболеваний, в том числе брюшного тифа. Кризис коснулся и системы образования — примерно 400 тыс. из 8 млн общего числа школьников ежегодно покидали школу, не окончив ее. В середине 1990-х гг. около 2 млн детей школьного возраста не посещали школу и оставались практически неграмотными. Аналогичная ситуация сохранялась и в области высшего образования — только 5 % от общего числа студентов первого курса заканчивали высшие учебные заведения и получали дипломы. Это объяснялось, прежде всего, тем, что многие выпускники в связи с ростом безработицы не могли найти работу по специальности, а также сокращением числа преподавателей, значительная часть которых эмигрировала из страны. В то же время некоторые преподаватели поддерживали исламистскую доктрину. Так, например, из почти 7 тыс. арестованных членов ИФС — 1,2 тыс. были работниками сферы образования и из них 315 преподавателей (как вузовских так и школьных) позднее были квалифицированы, как активные участники исламистских вооруженных формирований.

Одной из основных проблем продолжала оставаться безработица. В соответствии с программой приватизации с 1994 по 1997 г. были закрыты как убыточные 827 из 1 тыс. 300 предприятий государственного

сектора³²¹. Хотя, в рамках этой программы Всемирный банк планировал субсидировать создание 200 малых предприятий и реструктуризацию 10 государственных компаний, в общей сложности это никак не компенсировало ликвидацию более 200 тыс. рабочих мест, в результате чего безработица выросла с 23,2 % в 1992 г. до 28 % в 1995 г.³²² В наибольшей степени от безработицы страдала молодежь. Именно молодые безработные пополняли ряды боевиков. Многие из них были неграмотные или полуграмотные, поверившие исламистской пропаганде или просто не имевшие средств к существованию и винившие во всех бедах правящий режим. Они стали тем перманентным людским резервом, который позволил радикальной исламистской оппозиции вести столь длительную и упорную вооруженную борьбу с властями.

Одним из факторов, способствовавших длительному вооруженному противостоянию с режимом алжирских радикальных исламистских группировок явилась определенная их поддержка из-за рубежа. Как уже отмечалось выше, Иран поддерживал различные вооруженные группировки, в том числе ВИГ³²³. На территории Судана прошли военную подготовку не менее 600 алжирских боевиков. Негласную поддержку алжирским экстремистам из ВИГ оказывали марокканские власти, пытаясь использовать их для достижения своих целей в Западной Сахаре³²⁴. Наряду с этим алжирской непримиримой исламистской оппозиции оказывали помощь различные международные организации, исповедовавшие идеи джихада.

Такого рода организации начали создаваться в начале 1980-х гг. в период продолжавшейся холодной войны. Они представляли собой различные фонды и ассоциации, формировавшиеся в основном на финансовые

³²¹ Algeria: Stabilisation and Transition. Op. cit. P. 9.

³²² Ibid. P. 4.

³²³ Эмир ВИГ Шериф Гузми нелегально посещал Иран во время своего пребывания в Афганистане в 1994 г. и вел переговоры с представителями иранских спецслужб. Кроме того по серийным номерам автоматов «Узи», использовавшихся боевиками ВИГ и в последствии захваченных алжирскими спецслужбами, было установлено, что это оружие в середине 1980-х гг. было передано США Ирану по так называемому соглашению «Оружие в обмен на заложников» (имелись в виду американские дипломаты, захваченные в качестве заложников в Иране). См. Willis Michael. Op. cit. P. 378; Gilles Kepel. Op. cit. P. 404.

³²⁴ Глава ВГС генерал Халид Наззар обвинял марокканские власти в том, что они специально задерживали в течении нескольких месяцев экстрадицию эмира ВИГ Абд аль-Хакка Лайаду, арестованного в Марокко по настоянию Алжира, и не принимали мер по пресечению деятельности алжирского ВИГ на территории Марокко. Во французской прессе появлялись материалы, утверждавшие, что Саид Мехлуфи, известный радикальный исламистский деятель и один из основателей «Движения за исламское государство», получивший политическое убежище в Марокко, являлся агентом марокканских спецслужб. См. Jeune Afrique. P., 2000. № 2040. P. 25; Le Matin. P., 25.09.1994.

средства Саудовской Аравии и США. Эти организации оказывали помощь боевикам, воевавшим в Афганистане против пытавшегося реализовать социалистическую доктрину афганского правительства и поддерживавших его советских войск. В ряды «муджахидов», действия которых щедро оплачивались, вступали, как правило, граждане мусульманских стран, в том числе Алжира.

Среди таких боевиков, входивших в окружение создавшего Аль-Каиду Усамы Бен Ладена³²⁵, фигурировали три будущих эмира ВИГ — Абд аль-Хакк Лайада, Шериф Гузми и Джамиль Зетуни. Наряду с действиями в Алжире в период руководства ВИГ Джамилем Зетуни было совершено большинство террористических актов против французских граждан, как во Франции, так и на территории Алжира. Сама Франция из-за ее поддержки, оказываемой алжирским властям в их борьбе против исламистского террора, была объявлена Джамилем Зетуни «главным врагом ислама на Западе»³²⁶.

Наряду с этим многие зарубежные центры исламистских организаций, в том числе, запрещенный алжирскими властями ИФС, имели веб-страницы в Интернете, которые активно использовались для пропаганды исламистской идеологии. Так, например, на интернетовском сайте ИФС появился «Манифест Исламского фронта спасения за справедливость и мир в Алжире», где на 42 страницах проводился анализ экономической и социально-политической ситуации в Алжире и предлагался свой вариант выхода страны из кризиса. В манифесте также излагалась точка зрения ИФС в отношении прерывания выборного процесса в Алжире в январе 1992 г., которое определялось, как «государственный переворот, совершенный военно-политической олигархией, озабоченной, прежде всего, сохранением своих собственных привилегий, и поправшей все демократические нормы и игнорировавшей волеизъявление алжирского народа»³²⁷. В публикуемых ВИГ материалах алжирские власти обвинялись в массовых нарушениях прав человека, в том числе в якобы имевших место нападениях подразделений алжирской службы безопасности на деревни, жители которых поддерживали на парламентских выборах в 1991 г. кандидатов от ИФС, а также в незаконных арестах и пытках заключенных³²⁸. В последствии такого рода материалы передавались в международные право-

³²⁵ В начале 1990-х гг. Усама Бен Ладен после провозглашения им джихада против евреев и американцев был лишен саудовского гражданства, а его семья отказалась поддерживать с ним какие бы то ни было отношения.

³²⁶ Gilles Kepel. Op. cit. P. 267.

³²⁷ Manifeste du Front Islamique du Salut. Op. cit. P. 22.

³²⁸ Islamic Front for Salvation (FIS). Introduction FIS Parliamentary Delegation. 5.06.1997. URL: <http://www.fisalgeria.org/intro.html> (Дата обращения — 10.07.2003).

защитные организации, что создавало информационное и идеологическое прикрытие для сторонников продолжения вооруженного «джихада».

В результате продолжавшегося вооруженного противостояния с властями радикальных исламистских группировок к середине 1990-х гг. в Алжире сложилась тупиковая ситуация. Она характеризовалась неспособностью властей подавить силовыми методами радикальную исламистскую оппозицию и покончить с террором. В то же время, исламисты не смогли заставить правящий режим признать их легитимной политической силой и, тем более, они были не способны прийти к власти вооруженным путем из-за подавляющего военного превосходства правительственных силовых структур. Бесперспективность продолжения вооруженного противостояния становилась очевидной для большей части политических сил алжирского общества, в том числе и для наиболее здравомыслящих исламистских лидеров.

С инициативой политического выхода из кризиса выступили наиболее влиятельные оппозиционные партии, включая ИФС, организовавшие ряд встреч в г. Сант-Эжидио (предместье г. Рима) в ноябре 1994 г. – январе 1995 г. под эгидой местной католической общины. Однако официальные алжирские власти отказались от участия во встречах, мотивируя это невозможностью для них вести переговоры с действующим нелегально ИФС (ИФС был запрещен в 1992 г.). ВИГ также бойкотировали совещание, поскольку продолжали занимать непримиримую позицию противоборства с режимом.

Тем не менее, в результате переговоров в Сант-Эжидио их участниками была выработана «Платформа по мирному и политическому урегулированию алжирского кризиса», получившая название «Римской платформы». Этот документ подписали все участники переговоров — руководитель «Фронта социалистических сил» Хосин Аит Ахмед, лидер «Движения за демократию в Алжире» Ахмед Бен Белла, председатель «Фронта национального освобождения» Абд аль-Хамид Мехри, руководитель «Алжирской лиги по защите прав человека» Абд ан-Нур Али Яхья, генеральный секретарь «Партии трудящихся» Луиза Ханун, лидер партии «Нахда» Абдалла Джабалла, руководитель движения «Современная мусульманская молодежь» Ахмед бен Мухаммед и представлявшие ИФС председатель базировавшейся в США «Парламентской делегации ИФС за рубежом» Анвар Хаддам и руководитель действовавшей в Германии «Исполнительной инстанции ИФС за рубежом» Рабах Кабир.

Несмотря на положительный резонанс, вызванный в алжирском обществе совещанием в Сант-Эжидио, и его поддержку со стороны США, оно не привело к каким-либо конкретным результатам. Прежде всего, его неуспех был обусловлен негативным отношением к переговорам в Сант-

Эжидио как непримиримой исламистской оппозиции в лице ВИГ, так и алжирских властей. Премьер-министр Мокдад Сифи заявил, что «оппозиционные партии встали на позицию ИФС и в Римской платформе терроризм не осужден, а те, кто ее подписал, сами несут ответственность за террористические акты»³²⁹. Алжирские власти не намеревались признавать часть ответственности за продолжение кризиса, которое возлагали на него оппозиционные партии, а также не считали возможным отменить решение о запрете ИФС. Наряду с этим алжирские военные, не без основания рассматривая ВИГ, как основную вооруженную силу радикальных исламистов, полагали, что подписание каких-либо соглашений без участия ВИГ не приведет к прекращению вооруженного противостояния.

В тоже время ВИГ продолжали и даже усилили свою террористическую деятельность. 30 января 1995 г. в результате взрыва начиненной взрывчаткой автомашины у здания штаб-квартиры полиции в г. Алжир погибли 42 и были ранены 280 человек. 11 февраля боевиками ВИГ были убиты 6 алжирских пограничников, а 13 февраля — директор Национального театра Алжира Азз Ад-Дин Меджуби. В свою очередь, силы безопасности в феврале 1995 г. уничтожили 96 (по сведениям ИФС — более 230) боевиков ВИГ, отбывавших наказание в тюрьме Секарджи (в окрестностях г. Алжира). По официальной версии они были убиты при подавлении бунта заключенных. Однако в ряде алжирских СМИ делались предположения, что уничтожение содержащихся под стражей боевиков стало ответом на совершенные ВИГ террористические акты. В числе убитых были два основателя и наиболее известных руководителя ВИГ Ахмед аль-Вад и Ик-леф Шеррати. В марте 1995 г. армейские части и силы безопасности провели ряд успешных операций против ВИГ в районе Айн Дефля, на юго-западе Алжира, в результате которых было уничтожено несколько сотен боевиков.

Алжирское руководство продолжало надеяться разрешить кризис силовыми методами. Для выполнения этой задачи, а также с целью укрепления органов государственной власти и полного восстановления их легитимности и авторитета как внутри Алжира, так и за рубежом решено было провести президентские, парламентские и муниципальные выборы. Проведение президентских выборов было назначено на 16 ноября 1995 г. В них участвовали кроме действующего президента Лямина Зеруаля еще три кандидата: Саид Саади — лидер партии «Объединение за культуру и демократию», выступавший за большую автономию берберов, и являвшийся непримиримым противником исламистской доктрины; Махфуз Нахнах — председатель партии умеренных исламистов «Хамас» и Нур ад-

³²⁹ Mokdad Sifi declare. Le Monde. P., 15.01.1995.

Дин Букрух — глава «Партии алжирского обновления», провозглашавшей построение «исламского общества, где этические нормы Корана должны гармонично сочетаться с использованием современных достижений науки и техники»³³⁰. Нур ад-Дин Букрух длительное время занимал высокий пост в министерстве финансов и имел широкие связи в правительственных кругах. Вероятно, поэтому оппозиционная пресса называла Нур ад-Дина Букруха и его партию «сателлитом правящего режима».

Вместе с тем наиболее влиятельные оппозиционные партии, подписавшие «Римскую платформу», выступили против проведения выборов в обстановке продолжающегося исламистского террора. В своем совместном коммюнике они заявили, что «выборный процесс невозможен без предварительного достижения национального консенсуса и политического разрешения существующего кризиса»³³¹. ИФС, в свою очередь, призвала к бойкоту выборов. Руководитель «Исполнительной инстанции ИФС за рубежом» Рабах Кабир аргументировал это тем, что «в обстановке отсутствия безопасности, когда в стране ежедневно происходят террористические акты и запрещена реальная политическая оппозиция режиму, проведение выборов не имеет смысла»³³².

Такую же позицию занял председатель «Парламентской делегации ИФС за рубежом» Анвар Хаддам, заявив, что «разгул терроризма делает невозможными свободные и демократические выборы»³³³. В коммюнике, посвященном предстоящим выборам, Анвар Хаддам предложил в качестве первого шага к политическому решению кризиса создать переходное правительство национального согласия. В нем, по мнению А. Хаддама, должны были быть представлены политические партии, включая ИФС, «не дискредитировавшие себя поддержкой антиконституционных действий военной хунты, а также представители муджахидов (ВИГ) и армии. Это правительство должно было подготовить проведение подлинно свободных и демократических выборов всех уровней власти»³³⁴. В свою очередь, радикальные исламисты из ВИГ, отвергавшие любой компромисс с властями, в том числе, участие в выборах, угрожали превратить кабины голосования «в гробы для тех, кто придет на выборы».

Тем не менее, президентские выборы состоялись. Для их проведения власти предприняли беспрецедентные меры безопасности. Армейскими частями были блокированы районы, где предположительно дислоцирова-

³³⁰ Al-Ahnaf. Op. cit. P. 294.

³³¹ Cit. on: Willis Michael. Op. cit. P. 356.

³³² Интервью Рабаха Кабира, данное Майклу Уиллису. Опубликовано в его книге: Willis, Michael. The Islamist Challenge in Algeria. P. 356.

³³³ Anwar Haddam declared. The Times. London, 19.08.1995.

³³⁴ Islamic Front For Salvation. Op. cit. P. 2.

лись отряды боевиков. Для охраны избирательных участков было задействовано более 300 тыс. военнослужащих, примерно по 10 на каждую кабину голосования. Жители столичного квартала Касба (район старого города с узкими улочками и большим числом старых построек, где традиционно укрывались исламистские боевики) должны были голосовать в других районах г. Алжир.

В результате всех предпринятых властями мер в день президентских выборов 16 ноября 1995 г. не было отмечено каких либо террористических акций. Итогом голосования стало избрание президентом Алжира Лямина Зеруаля, за которого отдали голоса 61 % избирателей³³⁵. Второе место занял Махфуз Нахнах, лидер партии «Хамас», собравший 25,6 %, третий претендент, глава партии «Объединение за культуру и демократию» (ОКД) Саид Саади получил 9,6 % и четвертый — председатель «Партии алжирского обновления» Нур эд-Дин Букрух соответственно 3,8 % голосов избирателей³³⁶. Более 90 международных наблюдателей, представлявших Лигу арабских стран, Организацию африканского единства и ООН, несмотря на обстановку чрезвычайных мер безопасности, в которой проходило голосование, заявили, что они «были удовлетворены выборным процессом в Алжире»³³⁷. Проправительственная алжирская печать назвала избрание Лямина Зеруаля «победой надежды». Лидеры ИФС Рабах Кабир и Анвар Хаддам, в свою очередь, заявили, что «по сути дела ничего не изменилось — власть осталась такой же, как и была. Генерал Зеруаль сохранил за собой пост президента с помощью 400 тыс. полицейских и солдат»³³⁸.

Необходимо подчеркнуть, что накануне выборов в самом алжирском руководстве не было единства по поводу кандидатуры на пост президента. Так, например, начальник генерального штаба ННА Мухаммед Ламари высказывался за избрание президентом гражданского лица. Тем не менее, 12 сентября 1995 г. на совещании высшего командного состава армии было принято решение о поддержке кандидатуры Лямина Зеруаля. Избрание президентом в результате всеобщих и альтернативных выборов представляло Лямину Зеруалю необходимое легитимное право продолжить реформы, направленные на укрепление властных структур. После консультаций с членами правительства и с лидерами ряда политических партий Лямин Зеруаль объявил о созыве 14–15 сентября 1996 г. Второй конференции национального согласия. В ней, как и в работе Первой конференции (в 1994 г.) приняли участие большинство политических партий, в том

³³⁵ Journal Officiel de la Republique Algerienne, Democratique et Populaire. Alger, 26.11.1995. P. 4.

³³⁶ Ibid.

³³⁷ Commentaries on the Situation in Algeria 1991–1996. CSIS. Ottawa 1997. P. 22.

³³⁸ Interview Rabah Kabir et Anwar Haddam. Le Monde. P., 19.11.1995.

числе, «Хамас» и «Нахда». Тем не менее, такие влиятельные партии, как «Фронт социалистических сил» и «Объединение за культуру и демократию», бойкотировали вторую конференцию (так же как и первую в 1994 г.), заявляя, что военные хотят создать лишь демократический фасад для своего правления. На основании решений второй конференции Лямин Зеруаль предложил провести референдум в связи с предложенными в 1994 г. (на первой конференции) изменениями в конституцию 1989 г., действие которой было приостановлено в январе 1992 г. Пересмотр конституции объяснялся алжирским руководством «необходимостью избавления ее от несогласованности в отношении взаимодействия властей, а также укрепления демократических институтов и созданию общества на базе демократического плюрализма, обладающего всеми необходимыми и дополняющими друг друга структурами»³³⁹. Было предусмотрено 8 пакетов поправок, затрагивавших наиболее важные статьи конституции, в том числе, о выборах, о полномочиях президента Республики, об организации исполнительной, законодательной и судебной власти и об организации структуры местных органов власти³⁴⁰. 28 ноября 1996 г. изменения, внесенные в конституцию 1989 г., были одобрены 84,6 % алжирских граждан, участвовавших в референдуме.

Новая алжирская конституция наделяла президента широкими правами и закрепляла, так называемую, супер президентскую форму республики. Согласно ст. 77–78 президент назначает главу правительства и прекращает его полномочия, назначает на должность всех членов Совета министров, генерального секретаря правительства, председателя Государственного совета, управляющего Банка Алжира, судей, руководителей службы безопасности, вали (глав администраций вилай-областей). Президент является верховным главнокомандующим и ответственным за национальную оборону³⁴¹.

В соответствии с новой конституцией был реформирован парламент. Старый парламент, созданный на основе конституции 1989 г., состоял из одной палаты — Национального народного собрания (*аль-Меджлис аш-шаабий аль-ватаний*), все депутаты которого избирались всеобщим, прямым и тайным голосованием. В новом парламенте, наряду с Национальным народным собранием, ставшим нижней палатой, была создана верхняя палата — Национальный совет (*Меджлис аль-умма*). В соответствии со ст. 101 новой конституции две трети депутатов Национального совета избирались членами народных советов балядий (районов) и народных советов вилай (областей) непрямым тайным голосованием также среди чле-

³³⁹ Национальный диалог. Указ. соч. С. 7.

³⁴⁰ Там же. С. 8–10.

³⁴¹ Ад-Дустур. Аль-Джумхурийя аль-джазаирийя ад-димукратийя аш-шаабийя (Конституция. Алжирская Народная Демократическая Республика). Алжир, 1996. С. 77–78.

нов народных советов балядий и народных советов вилай. Одна треть депутатов Национального совета назначалась президентом «из числа известных национальных деятелей в научной, культурной, профессиональной, экономической и социальной областях»³⁴². Поскольку принятие любого законопроекта требует одобрения нижней палаты, а также одобрение тремя четвертями депутатов верхней палаты, то президент через назначаемых им депутатов мог фактически заблокировать принятие любого нежелательного для него закона. Президент также имел право роспуска нижней палаты и имел возможность заниматься законотворческой деятельностью с помощью издаваемых им указов.

Таким образом, новая конституция ставила в центр всей системы государственной власти президента, обладавшего очень широкими полномочиями. Премьер-министр Ахмед Уяхья, в свою очередь, обосновывая внесение изменений в конституцию, заявлял в своем выступлении на митинге в г. Константина, что они «вызваны необходимостью восстановить стабильность государства, обеспечить эффективное представительство народа в законодательных органах, предотвратить любую возможность возникновения тоталитарного режима, в том числе, исламистского и заложить основы для развития демократического, современного и единого Алжира»³⁴³. Тем не менее в обнародованном 9 ноября 1996 г. «Воззвании к миру», которое подписали свыше ста видных политических и общественных деятелей страны, говорилось, что референдум проводился с «целью сосредоточения власти в руках президента и администрации, а также нейтрализации законодательной и подчинения судебной власти»³⁴⁴. ИФС также оценил принятие новой конституции, как «стремление выхолостить роль представительных институтов и сделать президента настоящим республиканским императором, который подотчетен только военной номенклатуре»³⁴⁵. Французский дипломат Люсиль Провост, долгое время работавшая в Алжире, в своей статье в журнале «Эспри» (Сознание) определила принятие новой алжирской конституции, как «сосредоточение всей полноты власти в руках генерала Зеруала, возглавляющего режим, по сути своей являющийся диктаторским»³⁴⁶.

Анализ новой алжирской конституции позволяет сделать вывод о том, что ее принятие явилось шагом, направленным на закрепление авторитар-

³⁴² Ад-Дустур. Аль-Джумхурийя аль-джазаирийя ад-димукратийя аш-шаабийя (Конституция. Алжирская Народная Демократическая Республика). Статья 101.

³⁴³ Цит. по: Сапронова М. А. Политика и конституционный процесс в Алжире. М., 1999. С. 91.

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Manifeste du Front Islamique du Salut. Op. cit. P. 29.

³⁴⁶ La constitution algerinne nouvelle. L'Esprit. P., novembre 1996.

ных тенденций в государственной власти и, прежде всего, расширение президентских полномочий. Вместе с тем, не отрицая того, что новая конституция до известной степени ограничивала роль представительных институтов власти, ее необходимо оценивать не только с точки зрения классических канонов демократии, но и с учетом конкретных алжирских реалий. Прежде всего, это касалось непрекращавшегося вооруженного противостояния радикальной исламистской оппозиции с властями. Создатели конституции учли опыт (в том числе, негативный) первых демократических преобразований в Алжире периода 1989–1991 гг. Тогда на волне демократизации и в результате нечетко определенных в законодательстве правил создания политических партий возник «Исламский фронт спасения». Одержав убедительную победу на муниципальных и парламентских выборах, ИФС в полном соответствии с конституцией 1989 г. мог провозгласить Алжир исламским государством. Такой поворот событий, без сомнения, повлек бы за собой самые негативные последствия, возможно, даже более разрушительные, чем те, которые произошли в Алжире после прерывания выборного процесса в 1992 г. В отличие от старой новая конституция совершенно четко определяла порядок образования политических партий, которые не могут создаваться «на религиозной»³⁴⁷, лингвистической, расовой, корпоративной или региональной основе»³⁴⁸. Наряду с этим при оценке конституции и, в более широком плане, всей государственно-политической структуры страны необходимо исходить из предыдущего исторического опыта независимого Алжира. С момента завоевания независимости у руля государственной власти в стране стояла военная элита. Из пяти руководителей Алжира, включая Лямина Зеруаля, трое были профессиональными военными. Однако даже при гражданских лидерах — Ахмеде Бен Белле и Мухаммеде Будиафе военные играли определяющую роль в государственной политике. Особое положение армии в стране и особое отношение к ее представителям в алжирском обществе связано с героизацией национально-освободительной войны 1954–1962 гг., что также отражено в алжирской конституции. Эти факторы наложили отпечаток на алжирское общественное сознание. В нем в 1990-х гг. в достаточной степени была сильна историческая память борьбы за независимость, в которой Алжирская национально-освободительная армия (АНО) играла главную роль. Автору этих строк во время пребывания в Алжире не раз приходилось слушать рассказы алжирцев, родители многих из которых были участниками Национально-освободительной войны, о героической борьбе алжирских патриотов за завоевание независимости. Поэтому определяющее влияние военных на государственную власть в Алжире и связанные с этим авторитарные тен-

³⁴⁷ В конституции 1989 г. было написано: «исключительно на религиозной основе».

³⁴⁸ Ад-Дустур. Указ. соч. Статья 42.

денции являются объективным явлением, усиленным к тому же многолетним вооруженным противостоянием с исламистской оппозицией.

Вслед за президентскими в июне 1997 г. прошли выборы в нижнюю палату парламента — Национальную народную ассамблею (ННА) и в октябре 1997 г. в местные законодательные органы — народные советы районов и народные советы областей. Как на тех, так и на других выборах наибольшее число голосов завоевала про президентская партия «Национальное демократическое объединение» (НДО), созданная в феврале 1997 г., всего за четыре месяца до выборов. Значительная часть ее членов состояла из работников госаппарата и администрации президента. НДО возглавил Абд аль-Кадер Бенсалах, бывший президент Национального переходного совета (временного законодательного органа, существовавшего с 1994 по 1997 г.) и доверенное лицо президента Зеруаля. В результате выборов в ННА наибольшее число депутатских мест (155) из их общего числа 380 получило НДО, второе место (69 депутатских мест) заняла партия Махфуза Нахнаха «Движение общества за мир» (ДОМ)³⁴⁹ и третье (64 места) завоевал «Фронт национального освобождения» (ФНО). Партия «Нахда» получила 34 места, «Фронт социалистических сил» (ФСС) — 19, «Объединение за культуру и демократию» (ОКД) — 19³⁵⁰. На выборах в местные законодательные органы НДО получила 7 тыс. 442 места из общего числа 13 тыс. 123 в национальных собраниях районов и 886 из 1 тыс. 880 в национальных собраниях областей. Второе место по количеству депутатских мест на муниципальных выборах завоевал ФНО, получив соответственно 2 тыс. 864 и 373 места. Умеренные исламисты из «Движения общества за мир» (ДОМ) получили 890 и 260 мест.

Оценивая состоявшиеся выборы, президент Лямин Зеруаль в своем выступлении 1 ноября 1997 г. заявил, что они позволили Алжиру выйти из конституционного кризиса и знаменовали собой новую победу демократии. В то же время лидер одной из влиятельных оппозиционных партий ОКД Саид Саади назвал прошедшие выборы подтасовкой и обманом, которые стали характерными чертами режима. В свою очередь, ИФС в своих заявлениях утверждал, что, несмотря на проведение альтернативных президентских и муниципальных выборов, «основа режима не изменилась: армия продолжает железной рукой править в стране, в то время как победившая на выборах партия НДО выполняет роль сменной салфетки, прикрывающей реальную власть военных»³⁵¹. В то

³⁴⁹ Партия должна была изменить свое прежнее название «Хамас» (*Харакат аль-муджтамаа аль-ислямий*, «Движение исламского общества») в соответствии с новым законом, запрещающим создание политических партий на религиозной основе.

³⁵⁰ Journal Officiel. Op. cit. 11.06.1997.

³⁵¹ Protest Against an Illegitimate Military Junta. FIS. Parliamentary Delegation Abroad. 6.07.1997. URL: <http://www.fisalgeria.org/communiqués/protest.html> (Дата обращения — 2.06.2003).

же время достаточно известная алжирская зарубежная общественная организация «Всемирная алжирская коалиция действия» (World Algeria Action Coalition /WAAC/), базирующаяся в США, заявила, что «альтернативные парламентские выборы в 1997 г. в Алжире были шагом в правильном направлении»³⁵². В итоге, несмотря на направленные в центральный избирательный комитет 1 тысячу 200 жалоб на нарушения, имевшие место, по мнению оппозиционных партий, во время выборного процесса, алжирские официальные власти, так же как и более 200 международных наблюдателей, приглашенных в Алжир по линии ООН, ОАЕ и ЛАГ, признали законность результатов выборов³⁵³.

Результаты как президентских, так и парламентских выборов показали, что политический курс Лямина Зеруаля, направленный на противодействие радикальным исламистам и укрепление государственных институтов, пользовался достаточной поддержкой населения. Однако необходимо иметь в виду, что выборы в Алжире проходили в обстановке вооруженного противостояния с исламистскими экстремистскими группировками, когда для обеспечения безопасности процесса голосования было задействовано более 300 тыс. военнослужащих. В такой ситуации правящий режим мог использовать для получения предпочтительных для него результатов выборов методы административного давления и манипулирования итогами голосования. Такого рода влияние властей на выборный процесс проявлялось в гораздо меньшей степени в период первых альтернативных выборов в 1990–1991 гг.

Другой важный момент, который выявили итоги голосования, — это то, что значительная часть алжирского общества продолжала исповедовать идеологию исламизма и поддерживать исламистскую доктрину. Так, на президентских выборах второе место по количеству поданных за него голосов (25,6 %) завоевал Махфуз Нахнах, лидер умеренной исламистской партии «Движение общества за мир» (ДОМ). Во время парламентских выборов две исламистские партии ДОМ и «Нахда» в совокупности получили 103 депутатских места из 380, и за них проголосовало 23,6 % избирателей.

Исламистская доктрина, провозглашаемая партиями ДОМ и «Нахда», не носила столь радикального характера, который был присущ ИФС. Тем не менее, конечной своей целью как ДОМ, так и «Нахда» считали поэтап-

³⁵² Algeria and the Maghreb. Op. cit. P. 3.

³⁵³ В своем отчете международные наблюдатели подтвердили, что «из 1 тыс. 258 избирательных участков, которые они посетили (всего в Алжире было открыто 35 тыс. избирательных участков), выборный процесс соответствовал международным нормам на 1 тыс. 169, на 95 избирательных участках это соответствие вызывало сомнение и на 11 выборный процесс не соответствовал международным правовым нормам. См. Algeria and the Maghreb. Op. cit. P. 11.

ное создание в Алжире исламского государства, где должны были прева-лизовать мусульманские ценности и мусульманские морально-этические нормы. Алжирское руководство должно было учитывать такую позицию части населения, предпочитавшую исламскую перспективу для будущего развития страны. Лямин Зеруаль стараясь привлечь умеренных ислами-стов к более активной поддержке своего курса, заявлял, что они смогли бы стать эффективной альтернативой ИФС.

После президентских выборов было сформировано новое правитель-ство Алжира, где из 39 министерских портфелей большинство (25) полу-чили депутаты от про президентской партии НДО и 14 — депутаты от партий, набравших наибольшее число голосов, в том числе, умеренные исламисты из ДОМ. Премьер-министром стал Ахмед Уяхья, бывший глава президентской администрации, руководивший во время президентской кампании предвыборным штабом Лямина Зеруаля. Ахмед Уяхья считался одним из самых доверенных лиц президента. Некоторые журналисты на-зывали его «серым кардиналом дворца Мурадия (резиденции алжирского президента) и великим манипулятором»³⁵⁴ из-за обвинений (документаль-но не подтвержденных) в его адрес со стороны оппозиции в подтасовках и манипуляциях во время подведения итогов президентских и парламент-ских выборов.

Ахмед Уяхья продолжал проводить структурные реформы алжирской экономики в соответствии с рекомендациями МВФ, директор-распоря-дитель которого М. Камдессю в 1996 г. посетил Алжир. Реформы, прежде всего, были направлены на дальнейшую приватизацию убыточных госу-дарственных предприятий, уменьшение инфляции, стабилизацию курса алжирского динара и в перспективе на создание рентабельной рыночной экономики, способной вывести Алжир из длительного социально-эконо-мического кризиса.

В результате реформ несколько улучшились макроэкономические по-казатели алжирской экономики. В частности, инфляция, составлявшая 39 % в 1994 г., сократилась до 6 % в 1997 г., валютные резервы выросли с 1, 5 млрд амер. долл. в 1993 г. до 8 млрд амер. долл. в 1997 г.³⁵⁵ В то же время, внешний долг страны достигал в 1997 г. 68,7 % от ВВП³⁵⁶. Продол-жалась девальвация алжирского динара. Так, в 1997 г. 1 амер. долл. стоил 58 алжирских динаров, в то время как в 1990 г. цена 1 амер. долл. равня-лась 12,2 алжирских динара³⁵⁷. Не прекращался рост безработицы, которая составляла в 1997 г., по официальным данным, 28 % от числа трудоспо-

³⁵⁴ Jeune Afrique. P., 2000. № 2052. P. 36

³⁵⁵ Algeria: Stabilisation and Transition. Op. cit. P. 14.

³⁵⁶ Ibid. P. 12.

³⁵⁷ Ibid. P. 13.

собных алжирцев, из которых 70 % были молодыми людьми, не достигшими 30 лет³⁵⁸. Правительство не смогло разрешить острые социально-экономические проблемы. Осталось невыполненным предвыборное обещание Лямина Зеруаля улучшить жилищные условия алжирцев³⁵⁹, продолжался рост цен, в том числе, на продовольственные товары. В 1996 г. правительство вынуждено было принять закон о так называемой «рабочей солидарности». Согласно этому закону у государственных служащих принудительно изымалась часть заработной платы в пользу работников приватизируемых предприятий, которые в силу объективных и субъективных трудностей процесса приватизации не получали зарплату или получали ее с большим опозданием (до 6 месяцев).

Требую от властей проведения социально-ориентированной экономической политики и решения насущных проблем, «Всеобщий союз алжирских трудящихся» (ВСАТ) в апреле 1996 г. провел 4-х дневную всеобщую забастовку, в которой участвовали десятки тысяч работников предприятий государственного сектора. Согласно опросу общественного мнения, 18,9 % алжирцев были «не удовлетворены политикой Зеруаля, а 42,8 % — мало удовлетворены»³⁶⁰. В стране, несмотря на определенное укрепление законодательной и исполнительной вертикали власти и придание ей необходимой легитимности, нарастала социальная напряженность.

В то же время продолжалась и даже усилилась террористическая деятельность вооруженной исламистской оппозиции и, прежде всего, ВИГ. Хотя, согласно официальным заявлениям премьер-министра Ахмеда Уяхья, количество террористических акций против представителей власти и государственных учреждений сократилось с 1 тыс.100 в 1995 г. до 276 в 1997 г.³⁶¹, число жертв исламистского террора среди мирного населения постоянно увеличивалось. Такое противоречие между официальными данными и реальной ситуацией объяснялась тем, что боевики ВИГ действительно в меньшей степени стали совершать нападения на хорошо охраняемые государственные учреждения и военные объекты. В то же время значительно возросло число террористических акций, направленных против гражданского населения (в основном, в сельской местности), жертвами которых стали тысячи мирных жителей. Согласно данным независимых источников, только за период января–февраля 1997 г. на территории Алжира от рук террористов погибло более 400 человек. С апреля по август 1997 г. в населенных пунктах Хауш Буглеф, аль-Умария и Ларбаа, распо-

³⁵⁸ Algeria and the Maghreb. Op. cit. P. 8.

³⁵⁹ Так, например, в г. Алжир жилищный фонд которого был рассчитан на 800 тыс. жителей, в 1997 г. проживало свыше 3 млн, многие из которых жили в старых, не имевших современных удобств жилищах. См. L'Express. P., 8.06.2000. P. 57.

³⁶⁰ Le Figaro. 22.05.1996.

³⁶¹ Algeria and the Maghreb. Op. cit. P. 8.

ложенных в радиусе 30–40 км. от г. Алжир, террористами было убито 313 человек, 28 августа 1997 г. в селении Хас Раис было убито около ста его жителей, в Бени Мессус 5 сентября 1997 г. террористы уничтожили 60 человек, 22 сентября в Бенталха — около 200, в декабре — более 300 жителей области Релизан, на западе Алжира³⁶². 25–26 июля 1998 г. в населенном пункте Айн Халиль, недалеко от марокканской границы от рук террористов погибло 12 человек³⁶³. С 1993 по 1997 г. жертвами исламистского террора стали также 59 алжирских журналистов и 120 иностранных специалистов, работавших в Алжире.

Исполнителями большинства этих преступлений были боевики ВИГ и «Салафитской группы проповеди и борьбы» (СГПБ). Наряду с ними вооруженную борьбу против властей вело также вооруженное крыло ИФС — «Исламская армия спасения» (ИАС). Несмотря на попытки некоторых лидеров этих группировок (в первую очередь, ВИГ) объединиться и создать общее командование, между ними продолжалась перманентная вражда, переходившая в вооруженные столкновения.

В условиях отсутствия безопасности и продолжавшегося исламистского террора в Алжире возникло такие явления, как насильственный захват земельной собственности и убийства ее владельцев под видом террористических актов исламистов. Согласно материалам французских журналистов, такие убийства, в частности крестьян — членов кооперативов, происходили в сельских районах, в которых они владели земельной собственностью. К этим преступлениям, по утверждениям французских СМИ, были причастны местные полу криминальные дельцы и даже отдельные отряды Комитетов самообороны³⁶⁴.

Наряду с этим некоторые коррумпированные чиновники в высших эшелонах власти и связанные с ними представители бизнеса, пользуясь обстановкой нестабильности, проводили сомнительные коммерческие операции и незаконные сделки. Такого рода «магнатов» алжирская пресса называла «политико-финансовой мафией, воспользовавшейся сложной экономической и политической ситуацией для своего собственного обогащения незаконным путем»³⁶⁵. Эти кланы зачастую прибегали к мафиозным методам устранения своих конкурентов в предпринимательской деятельности под видом террористических актов, вина за которые затем возлагалась на исламистских боевиков³⁶⁶.

³⁶² Algeria and the Maghreb. Op. cit. P. 15–16.

³⁶³ Report of the Panel. Op. cit. P. 13.

³⁶⁴ Halte aux massacres. Op. cit. P. 7.

³⁶⁵ Nouvel Afrique-Asie. P., 2000. № 133. P. 24.

³⁶⁶ По данным французского специалиста по современному Магрибу Антуана Басбу, дельцы, занимавшиеся импортом медикаментов, с целью устранения национального конкурента устраивали взрывы на фармацевтических предприятиях алжирской компа-

Надо признать, что в этот период алжирское руководство во главе с президентом Зеруалем не смогло вывести Алжир из кризисной ситуации. Сам президент не пользовался полной поддержкой со стороны военной элиты. В алжирской верховной власти шла борьба между двумя группировками. Первую возглавляли президент Лямин Зеруаль и его министр-советник генерал Мухаммед Бетчин. Им противостояли руководитель службы безопасности генерал Мухаммед Медьен³⁶⁷, его заместитель генерал Смаин Ламари, а также поддерживающий их начальник генерального штаба Мухаммед Ламари. Они были не довольны тем, что Лямин Зеруаль начал назначать своих ставленников на ключевые посты в армии, жандармерии, а также в руководстве СМИ (в частности, на телевидении) и в стратегически важных отраслях экономики. Эти военные обвиняли министра-советника Мухаммеда Бетчина, в том, что он, используя свои полномочия в президентской администрации, создал свою собственную «финансовую империю». Руководители армии и служб безопасности заявляли, что в то время, как они ведут тяжелую борьбу с террористами, люди в окружении президента, получив командные посты в сфере экономики, заняты личным обогащением, наживая миллионы долларов. Наряду с этим военные руководители опасались, что Лямин Зеруаль, проводивший негласные переговоры с исламистской оппозицией, попытается заключить с ней политическое соглашение и возложить на них всю ответственность за многолетнее вооруженное противостояние и связанные с ним злоупотребления и нарушения прав человека в отношении мирного населения. Одновременно между этими двумя группировками шла борьба за преобладающее влияние в экономике, а также существовали разногласия по поводу внешнеполитической ориентации Алжира и дальнейшей политики в отношении исламистской оппозиции. Военные, поддерживавшие Медьена — Ламари, непосредственно руководившие борьбой с исламистским террором, были непримиримо настроены к исламистской оппозиции и выступали за устранение исламизма из политической жизни алжирского общества. Во внешней политике эта группировка ориентировалась на Францию. Сторонники Зеруаля — Бетчина, напротив, считали, что умеренные исламистские пар-

нии «Сайдал», производившей до 80 % медикаментов, необходимых Алжиру. Они же были причастны к покушению на генерального директора «Сайдал». См. Basbous A. Op. cit. P. 125.

³⁶⁷ Генералу Мухаммеду Медьену подчинялись также спецподразделения службы безопасности, которые проводили секретные операции достаточно автономно, подчиняясь только своему руководству. По утверждениям алжирских диссидентов из «Алжирского движения свободных офицеров», базирующегося во Франции, на счету этих спецподразделений были не только ликвидация главарей ВИГ, но и убийства неугодных журналистов и государственных деятелей, совершавшиеся их агентами, внедренными в радикальные исламистские группировки. См. Algeria in crisis. Op. cit. P. 11.

тии имели право на существование при условии, что они не будут угрожать экономическим интересам правящей элиты, и во внешней политике предпочитали сотрудничество с США. По определению алжирского журналиста — диссидента Мезьяни, у обеих «соперничавших группировок правящего режима руки были запачканы в крови и в грязных деньгах. Только у Зеруаля — Бетчина больше в деньгах, чем в крови»³⁶⁸.

Генерал Бетчин по поручению президента Зеруаля с начала 1997 г. вел негласные переговоры с национальным эмиром ИАС Мадани Мезрагом с целью склонить его прекратить вооруженную борьбу. Мадани Мезраг, в свою очередь, еще в 1995 г. направил открытое письмо президенту Зеруалю с предложением прийти к политическому решению, «которое могло бы положить конец гражданской войне»³⁶⁹. Тем не менее, переговоры не привели к конкретным результатам, в том числе из-за того, что военное руководство не хотело, чтобы плоды политического урегулирования кризиса достались группировке Зеруаля—Бетчина. Смаин Ламари решил перехватить инициативу у Бетчина и сам начал переговоры с ИАС. Предварительно он заручился поддержкой генерала Мухаммеда Бугаба, командующего военным округом, на территории которого, в основном, действовали отряды ИАС. О проведении переговоров были информированы также начальник генштаба Мухаммед Ламари и командующий сухопутными войсками генерал Фодиль Шериф. Для обеспечения безопасности и конфиденциальности переговоров район, где они проходили, был блокирован армейскими частями генерала Бугаба, а также было закрыто для полетов авиации воздушное пространство над ним.

В результате переговоров национальный эмир Исламской армии спасения (ИАС) Мадани Мезраг подписал соглашение о перемирии между ИАС и алжирской армией, которое вступало в силу 1 октября 1997 г. Решение Мадани Мезрага поддержал лидер ИФС Аббаси Мадани (в 1997 г. он был переведен из тюрьмы под домашний арест). В своем письме генеральному секретарю ООН, выразившему озабоченность в связи с непрекращающимися актами террора в Алжире, Аббаси Мадани подтвердил свою готовность «немедленно призвать всех алжирцев, участвовавших в вооруженной борьбе, прекратить кровопролитие и начать серьезный диалог с тем, чтобы вывести страну из кризиса»³⁷⁰.

Армейское командование, заключив перемирие с ИАС, решило, таким образом стратегическую задачу — не допустить объединения вооруженной исламистской оппозиции. В соответствии с условиями перемирия,

³⁶⁸ Halte aux massacres. Op. cit. P. 7.

³⁶⁹ Denaud P. Op. cit. P. 168.

³⁷⁰ Илья-амин аль-ам-ли-муназзамат аль-умам аль-муттахида (Генеральному секретарю ООН). Алжир. 30.08.1998. С. 1.

ИАС, являвшаяся самой крупной исламистской группировкой (насчитывавшей от 5 до 6 тыс. боевиков)³⁷¹, прекращала вооруженное противостояние с властями и начинала совместно с алжирской армией борьбу против ВИГ. Тем не менее, президент Зеруаль, крайне недовольный тем, что перемирие между ИАС и армейским командованием было подписано фактически без его ведома, отказался его утвердить. 1 июня 1998 г. эмир ИАС Мадани Мезраг снова обратился к Лямину Зеруалью с посланием, в котором просил его придать легитимность соглашению о перемирии и подтверждал свою «готовность к сотрудничеству в противостоянии террористическим группам с тем, чтобы положить конец кровопролитию»³⁷². Однако президент не дал ответа на этот призыв.

Вместе с тем в конце лета 1998 г. в алжирской прессе стали появляться публикации, обвиняющие генерала Бетчина в коррупции и финансовых махинациях. С аналогичными обвинениями в его адрес выступали и некоторые члены алжирского парламента³⁷³. В создавшейся ситуации Лямин Зеруаль, не имея поддержки со стороны военного руководства и будучи не в состоянии стабилизировать сложную социально-экономическую обстановку в стране, предпочел досрочно прервать свои президентские полномочия. 11 сентября 1998 г. в телевизионном «Обращении к нации» он объявил о проведении в марте–апреле 1999 г. досрочных президентских выборов. Лямин Зеруаль подтвердил также, что не намерен больше выставлять свою кандидатуру на пост президента Алжира.

³⁷¹ Jeune Afrique. P., 2000. № 2040. P. 33.

³⁷² Lettre de Madani Mezrag, Emir national de l'Armee islamique de salut (AIS) au President de la Republique. 4.06.1999. URL: <http://www.fis.algeria.org/communiques/1Mezrag.html> (Дата обращения — 12.06.2009).

³⁷³ Депутаты Национальной народной ассамблеи открыто обвиняли генерала Бетчина, стоявшего во главе компании «Жерик» (Geric), занимавшейся импортом бетонных конструкций, в преднамеренной дестабилизации и фактической ликвидации национальной компании «Сидер» (Sider). Эта кампания, производившая на национальных предприятиях аналогичные бетонные конструкции для гражданского строительства и покрывавшая 80 % потребности в них в Алжире, являлась конкурентом кампании «Жерик». По утверждению депутатов, генерал Бетчин организовал сфальсифицированное обвинение против генерального директора «Сидер», на основании которого он был осужден (реабилитирован в декабре 1999 г). Выпуск бетонных конструкций на предприятиях «Сидер» сократился до 7 % от потребностей в них в Алжире и, соответственно, увеличился их импорт и доходы генерала Бетчина. Кроме того, согласно обвинениям алжирской прессы, руководство компании «Жерик» во главе с Бетчином занималось аферами с фальсификацией сертификатов на бетонные конструкции, для чего были созданы две подставные фирмы в Италии и Австрии. Эти фирмы закупали дешевые бетонные конструкции, в том числе, на Украине, в районе, прилегающем к Чернобылю, и поставляли их в Алжир, выдавая их за продукцию, произведенную в Италии и Австрии. См. Le Matin. P., 16.07–17.07; 5.12.1999.

Президентские выборы состоялись 15 апреля 1999 г. В предвыборной кампании участвовали семь кандидатов на президентский пост. Среди них: Хосин Аит Ахмед, лидер партии «Фронт социалистических сил» (ФСС), Юсеф Катиб, бывший командующий войсками ННА в 4-ой вилайе и бывший политический советник Лямина Зеруаля, Мокдад Сифи, бывший премьер-министр (в 1994 г.) и представитель реформаторского крыла партии «Национальное демократическое объединение» (НДО), Мулуд Хамруш, глава администрации президента Шадли Бенджедида и бывший премьер-министр (1989–1991 гг.), Абдалла Джабалла, бывший лидер партии «Нахда», затем возглавивший партию «Движение за национальную реформу», Ахмед Талеб Ибрахими³⁷⁴, известный деятель ФНО, бывший министр иностранных дел (1982–1988 гг.) и Абд аль-Азиз Бутефлика, активный участник национально-освободительной войны 1954–1962 гг., бывший министр иностранных дел (1963–1979 гг.) и ближайший соратник президента Хуари Бумедьена. Бутефлика не был представителем какой-либо партии и считался независимым кандидатом. Однако о поддержке его кандидатуры заявили входившие в правительственную коалицию партии НДО, ФНО, умеренные исламисты — ДОМ и «Нахда», а также крупнейшее профсоюзное объединение ВСАТ. Большинство специалистов по странам Магриба, в их числе директор французского Центра по изучению арабских стран Антуан Басбу, полагали, что именно Бутефлика пользовался наибольшей поддержкой военной элиты и силовых структур.

С этим мнением, безусловно, можно согласиться. Особенно, если учесть, что предвыборным штабом Бутефлики руководил генерал Ларби Бельхейр, которого алжирская пресса называла одним из самых влиятельных высших офицеров в алжирской армии. В то же время в ближайшее окружение Бутефлики входили также видные военные и бывшие руководители службы безопасности, с которыми его связывали давние служебные и личные отношения. Среди них следует выделить такие фигуры, как генерал Салим Бен Абдалла, бывший руководитель алжирской контрразведки, полковник Рашид Айсат, бывший военный атташе в Сирии³⁷⁵ и Язид Зеруни, бывший заместитель главы службы безопасности.

³⁷⁴ Ахмед Талеб Ибрахими являлся значительной политической фигурой в Алжире. Он создал свою политическую партию «Вафа» (Верность), учредительный съезд которой прошел в декабре 1999 г. (однако алжирские власти в тот момент не дали разрешения на ее официальную регистрацию). Его поддерживали большинство лидеров ИФС, предпочитавших политические формы борьбы. Абд аль-Кадер Хашани, третье лицо в иерархии ИФС, был руководителем его предвыборного штаба во время президентских выборов в апреле 1999 г.

³⁷⁵ Рашид Айсат, будучи алжирским военным атташе в Сирии, входил в круг лиц, близких к министру обороны Сирии Рифату Асаду, поддерживавшему дружеские отношения с Абд аль-Азизом Бутефликой. К этому же кругу принадлежал алжирский мил-

За день до президентских выборов шесть претендентов отказались от участия в них якобы из-за имевших место нарушений в ходе предвыборной кампании, оставив Бутефлику единственным кандидатом на президентский пост³⁷⁶. Тем не менее, выборы состоялись в намеченный срок, и Абд аль-Азиз Бутефлика был избран президентом Алжира, набрав 73,79 % голосов избирателей³⁷⁷. Одними из первых шагов нового президента стало официальное признание заключенного между руководством алжирской армии и ИАС перемирия, обнародование проекта закона «О восстановлении гражданского согласия», который включал положение об амнистии всех участников исламистского движения, «чьи руки не запятнаны кровью»³⁷⁸. Данный закон явился одним из главных элементов президентской программы, направленной на прекращение длительного вооруженного противостояния. Согласно закону, лицам, выразившим «чистосердечное раскаяние и желание прекратить преступную террористическую деятельность, гарантировалась возможность ре-адаптироваться в гражданское общество»³⁷⁹. Закон также определял применявшиеся к амнистируемым юридические нормы. Они включали в себя в зависимости от степени вовлеченности амнистируемого в террористическую деятельность «полное освобождение от уголовного преследования, освобождение от наказания с прохождением испытательного срока или смягчение наказания»³⁸⁰.

Принятие этого закона, одобренного алжирским парламентом, и предпринятые на его основе меры привели к существенному ослаблению

лиардер Абд аль-Кадер Куджети, один из бывших руководителей Министерства вооружений и внешних связей (Ministère des armements et des liaisons générales /MALG/), преобразованного затем в службу алжирской военной контрразведки (Sécurité militaire /SM/). Куджети, по утверждениям ряда журналистов, был одним из тех, кто осуществлял финансовую поддержку предвыборной кампании Абд аль-Азиза Бутефлики. См. Jeune Afrique. P., 2000. № 2066–2067. P. 64.

³⁷⁶ Накануне выборов 14 апреля 1999 г. все шесть кандидатов по причине якобы имевших место фальсификаций и нарушений на участках, где проходило досрочное голосование, а также на передвижных избирательных участках, созданных в удаленных районах Сахары, официально объявили о своем отказе от участия в выборах. Они также выразили просьбу о немедленной встрече с Лямином Зеруалем. Однако Президент отказался вести с ними переговоры и заявил, что конфликт должен разрешить Конституционный совет в соответствии с действующим законодательством. Конституционный совет, в свою очередь, предложил аннулировать спорные бюллетени и разобрать все жалобы после проведения выборов. Несмотря на то, что все шесть кандидатов отклонили данное предложение, президент Лямин Зеруаль объявил, что выборы пройдут в намеченный срок, что и было осуществлено. См. Jeune Afrique. P., 1999. № 1997. С. 31.

³⁷⁷ Journal Officiel. Op. cit. 16.04.1999.

³⁷⁸ Projet de loi sur le rétablissement de la concorde civil. Alger, 1999. P. 1 (Материалы, предоставленные посольством Алжира в Москве).

³⁷⁹ Ibid. Chapitre 1.

³⁸⁰ Ibid. Chapitre 2–4.

вооруженного противостояния исламистской оппозиции с властями. ИАС в соответствии с условиями перемирия прекратила боевые действия, и ее отряды начали проводить совместные с алжирской армией операции против ВИГ. Довольно значительное число боевиков из ВИГ и «Салафитской группы проповеди и борьбы» (СГПБ), воспользовавшись законом об амнистии, начали сдаваться властям (к 13 января 2000 г. сдалось около 1 тыс. 800 боевиков из общего числа, оцениваемого примерно в 3 тыс.)³⁸¹. В то же время обострилась борьба за лидерство между эмирами ВИГ и СГПБ. Все эти факторы способствовали дезорганизации радикальной исламистской оппозиции, уменьшению числа боевиков в ее рядах и сокращению количества совершаемых ею террористических акций.

Таким образом, можно констатировать, что начавшийся в 1992 г. период активного вооруженного противостояния исламистского экстремизма с алжирскими властями завершился к 2000 г. Это противостояние стоило жизни более 150 тыс. алжирских граждан, около 400 тыс. алжирцев (в основном, представители франкофонской интеллигенции) вынуждены были покинуть Алжир, спасаясь от исламистского террора. Страна была поставлена на грань гражданской войны.

Феномен столь длительного и ожесточенного противостояния радикальной исламистской оппозиции с алжирским режимом имеет в своей основе причины как внутреннего, так и внешнего порядка. Внутренние факторы обусловлены, прежде всего, системным кризисом, переживавшимся алжирским обществом. Начало ему положил экономический кризис второй половины 1980-х гг., который привел к существенному снижению уровня жизни значительной части населения, что в свою очередь повлекло за собой антиправительственные выступления в октябре 1988 г., охватившие многие крупные города Алжира. Власть, будучи не в состоянии одними репрессивными мерами справиться со стихийным социальным протестом, вынуждена была пойти на демократические преобразования. Позитивные по своей сути, они, тем не менее, в условиях отказа правящей верхушки от политики социалистической ориентации и образовавшегося в связи с этим некоего идеологического вакуума, привели к распространению исламистской идеологии и формированию массового исламистского движения во главе с «Исламским фронтом спасения» (ИФС), ставшим самой влиятельной политической партией в стране. Неспособность властей успешно провести реформирование экономики и решить жизненно важные социальные проблемы привели к поддержке многими алжирцами лозунга ИФС о создании исламского государства в Алжире. Претворение этого лозунга в жизнь, ставшее вполне реальным после убедительной победы ИФС на муниципальных и парламентских выборах,

³⁸¹ Jeune Afrique. P., 18.01.2000. P. 10.

могло привести к самым катастрофическим последствиям, в том числе к полномасштабной гражданской войне и распаду страны. Поэтому прерывание армией выборного процесса в январе 1992 г., формально противоречившее конституционным и демократическим нормам, но с учетом реального положения в алжирском обществе можно признать вынужденным и необходимым. Вместе с тем силовое прерывание демократических выборов и запрет ИФС привели к переходу инициативы в противостоянии с режимом к наиболее радикальным и экстремистским силам в исламистском движении. Эти вооруженные группировки, прежде всего ВИГ, куда также перешли многие сторонники ИФС, проповедовали вооруженный джихад, как единственный способ создания исламского государства. Именно на ВИГ лежит основная ответственность за массовый террор и акты насилия, продолжавшиеся в Алжире на протяжении 1990-х гг. Углубление социально-экономического кризиса и продолжавшееся снижение уровня жизни способствовали нарастанию недовольства и постоянному пополнению рядов боевиков. Часто ими становились поверившие исламистской пропаганде молодые алжирцы, не имевшие возможность найти работу и обвинявшие во всех бедах правящий режим. В определенной степени к затягиванию разрешения кризиса были причастны силы, которые Абд аль-Азиз Бутефлика определил, как «политико-финансовую мафию». К ним принадлежали часть коррумпированных высших государственных чиновников и связанных с ними дельцов, которые, пользуясь обстановкой нестабильности и чрезвычайного положения, применяли незаконные и мафиозные способы для личного обогащения.

Среди внешних факторов, способствовавших продолжению вооруженного противостояния, прежде всего, необходимо выделить поддержку алжирских радикальных исламистов со стороны международных экстремистских организаций, исповедовавших джихад. В первую очередь, к ним относились «Исламский фонд спасения» и «Аль-Каида», через афганские тренировочные лагеря которых прошли три эмира ВИГ и сотни боевиков, воевавших в последствие в их рядах. Именно на их совести лежат наиболее варварские террористические акции против мирных жителей. Среди участвовавших в гражданской войне в Афганистане боевиков были как граждане Алжира, так и других арабских и мусульманских стран. Данные боевики-«афганцы» представляли собой, по сути дела, профессиональных наемников, для которых война и связанные с ней преступления стали профессией. Вступив в ряды ВИГ, они принесли с собой на алжирскую землю свой кровавый «опыт» и традиции многолетней войны в Афганистане. Именно этим «опытом» можно в достаточной степени объяснить беспрецедентные по своему варварству и жестокости террористические акты в отношении мирного населения (убийства беременных женщин, грудных младенцев, отрезание голов и сжигание живь-

ем). Эти акты жестокости, в свою очередь, провоцировали ответные действия со стороны Комитетов самообороны в отношении той части населения, которая подозревалась ими в оказании поддержки исламистам. Такая ситуация также способствовала продолжению вооруженного противостояния.

Определенную негласную поддержку исламистских группировок в плане военной подготовки боевиков, снабжения их вооружением и финансирования осуществляли некоторые арабские и мусульманские страны. Еще одним существенным внешним фактором, влиявшим на продолжение кризиса, являлась деятельность эмигрантских центров алжирских исламистских организаций и их печатных органов на территории европейских государств и США³⁸², а также возможность использования ими своих веб-страниц в Интернете. Эти эмигрантские центры осуществляли пропагандистское прикрытие действий исламистских группировок, в первую очередь ИФС, и до середины 1990-х гг. ВИГ перед мировым общественным мнением. В распространяемых ими материалах вся ответственность за вооруженное противостояние возлагалась на алжирские власти, которые обвинялись в якобы имевших место массовых арестах, пытках заключенных и прочих нарушениях законности и прав человека. Исламистские лидеры, напротив, изображались «борцами за восстановление демократических норм» в Алжире. Вместе с тем нельзя отрицать, что эти публикации способствовали привлечению внимания международного сообщества к ситуации в Алжире и ознакомлению его с материалами, которые по тем или иным причинам не могли появиться в официальной прессе.

4. Социально-политическое развитие Алжира и исламистское движение в 2000–2017 годах

В 2000-е годы руководство Алжира во главе с президентом Абд аль-Азизом Бутефликой, избранным в 1999 г., и трижды переизбранным на

³⁸² После известных террористических актов 11 сентября 2001 г. в США, в результате военной операции в Афганистане была в основном разрушена инфраструктура «Аль-Каиды», а также предприняты меры, препятствующие ее финансированию. Ряд европейских стран, в том числе Великобритания и Франция, внесли изменения в свои законодательства для пресечения деятельности на их территории радикальных исламистов и привлечения их к судебной ответственности. В частности, был арестован Абу Катада, один из сподвижников Бен Ладена, издававший в Лондоне журнал «аль-Ансар». Ранее был арестован в США руководитель базировавшейся там «Парламентской делегации ИФС за рубежом» Анвар Хаддам и позднее арестованы в Голландии несколько членов «Салафитской группы проповеди и борьбы», продолжавших поддерживать связи с Бен Ладеном. См. La Liberté. Alger, 25.04.2002. № 2904.

президентский пост (в 2004 г., в 2009 г.³⁸³ и в 2014 г.), сумело, с одной стороны, в основном подавить радикальный исламизм, и, с другой стороны, инициировать процесс восстановления гражданского согласия. Был принят закон об амнистии исламистам, добровольно прекратившим вооруженную борьбу. В 2005 г. была одобрена на общенациональном референдуме «Хартия за мир и национальное примирение», имевшая целью дать возможность вернуться к мирной жизни тем, кто был вовлечен в экстремистские группировки. Данные меры, а также достаточно эффективная политика в отношении исламистов, предполагавшая подавление продолжавших действовать радикальных группировок, наряду с предоставлением возможности участвовать в общественно-политическом процессе умеренным исламистским партиям, дали положительный результат. Ситуация в Алжире во многом стабилизировалась. Если в середине 1990-х гг. целые области страны контролировались исламистскими боевиками, то со второй половины 2000-х гг., значительно ослабленные исламистские группировки ВИГ и СГПБ, зачастую враждовавшие между собой, могли действовать только в отдаленных горных районах Алжира. Дальнейшая политика алжирского руководства, направленная на закрепление демократических преобразований, вывела Алжир из относительной международной изоляции, в которой он находился в период правления возглавлявшегося военными ВГС. Алжирская экономика показывала в 2000-е гг. достаточно стабильный рост ВВП в пределах 4–6 % в год³⁸⁴. Эти темпы несколько замедлились в 2008–2010 гг. в связи с мировым финансово-экономическим кризисом. В то же время по поводу влияния кризиса на алжирскую экономику министр финансов Алжира заявлял, что кризис напрямую не затронул Алжир. Влияние кризиса, по его мнению, сказалось только в снижении экономической активности в мире, депрессии спроса и снижении цен на сырую нефть, что влекло за собой снижение поступлений в госбюджет. Тем не менее, как подтвердил министр, благодаря созданным стабилизационным механизмам, а именно, специальному Фонду регулирования доходов от экспорта нефти и газа в размере около 48 млрд евро на конец 2010 г. и Резервному валютному фонду, располагавшему 121 млрд евро Алжир не испытывал каких-либо серьезных трудностей при финансировании плана социально-экономического развития на 2009–2014 гг. Данный план предусматривал, в частности, создание более 400 тысяч новых рабочих мест.

³⁸³ В соответствии с принятыми в ноябре 2008 г. поправками к конституции Алжира действующий президент А. Бутефлика получил право баллотироваться на третий мандат в 2009 г. и одержал убедительную победу, завоевав 90,24 % голосов избирателей.

³⁸⁴ L'economie de l'Algerie. URL: <http://www.algerianembassy.ru> (Дата обращения — 19.03.2008).

В то же время в Алжире существовали социально-экономические проблемы, аналогичные тем, которые стали одной из причин протестных выступлений «арабской весны» в 2010–2011 гг. в Тунисе и Египте. А именно, коррупция властей, высокий процент безработных, особенно среди молодежи, и, как следствие, невозможность для значительной ее части занять достойное место в обществе и создать семью. Наряду с продолжавшимся расслоением общества нерешенность этих проблем стала причиной демонстраций с требованиями улучшения условий жизни, в которых в основном участвовала молодежь, в наибольшей степени страдавшая от кризисных явлений. Манифестации имели место в 2008–2010 гг. в таких крупных городах, как Алжир, Оран, Беджая. Социально-экономические вопросы оставались наиболее острой проблемой для Алжира. Безработица, не смотря на ее существенное снижение по сравнению с 1999 г. (тогда она составляла около 29 %), тем не менее, достигала 12,8 % в 2008 г. (эта цифра в среднем по Алжиру, в ряде регионов она была выше, как и среди молодых людей до 25 лет, где число безработных достигало 50 %). Проблема безработицы определялась руководством Алжира, как одно из наиболее тяжелых последствий социально-экономического кризиса и структурной перестройки, через которые прошел Алжир за последнее десятилетие. Борьба с ней рассматривалась, как стратегическая задача правительства. Наряду с этим во многих городах жилищно-коммунальное хозяйство находилось в кризисном состоянии. По ВВП на душу населения Алжир занимал 126 место в мире. Ниже уровня бедности (доход менее 2 долл. США в день) по официальным данным жило 15 % населения (по другим данным это число составляет 23 %). Продолжался рост цен (инфляция по официальным данным составляла 3,5 %), за которыми явно не успевало повышение зарплаты, гарантированный минимум которой в 2007 г. был равен примерно 120 евро в месяц. За последние годы наблюдался определенный рост преступности. Причем в некоторых районах Алжира криминальные банды смыкались с радикальными исламистскими группировками.

Нерешенность социально-экономических проблем наряду с воздействием начавшейся «арабской весны» и, прежде всего, свержением режима Бен Али в соседнем Тунисе, стали катализаторами протестных выступлений в Алжире в январе 2011 г. Манифестации начались в квартале Баб аль-Уэд алжирской столицы, населенном в основном представителями неимущих слоев, и были направлены против прогрессирующей дороговизны жизни, безработицы, нехватки жилья. Вскоре они приобрели массовый характер и распространились на другие регионы страны. В результате волнениями, сопровождавшимися актами вандализма и столкновениями с полицией, были охвачены 20 из 48 вилай (областей) Алжира. Так, в 2010–2011 гг. Главным управлением национальной безопасности Алжира было зарегистрировано

более 1 тысячи «уличных манифестаций протеста, многие из которых принимали форму столкновений с силами право порядка»³⁸⁵.

Часть оппозиции, прежде всего, партия Объединение за культуру и демократию (ОКД), отражавшая, в основном, интересы берберского населения, и некоторые профсоюзные и студенческие организации пытались возглавить протесты и придать им политический характер. Они выдвигали лозунги демократизации и смены правящего режима. Однако эти требования не получили массовой поддержки и накал протестных выступлений стал ослабевать. По поводу попыток реализации сценариев «арабской весны» в Алжире известный алжирский журналист Мохаммед Бу Хамиди заявил, что «радикальные изменения в Алжире запрограммированы в умах некоторых политиков, журналистов и университетских профессоров, но никак не в умонастроениях алжирского народа, — таких политиков он называл, — алжирскими Абдельджалилями (по имени председателя ливийского Национального переходного совета), которых убеждали из-за рубежа „не упустить ‘весну’ и приступить к действиям“, за что они будут вознаграждены приобщением к капиталистической глобализации»³⁸⁶. Парламентские оппозиционные партии лево-демократической направленности, так же, как и партии умеренных исламистов, не поддерживали лозунгов ОКД. Отражением настроения значительной части общества прозвучало также заявление Милуда Брахими, бывшего председателя Алжирской лиги в защиту прав человека о том, что «если изменения в Алжире назрели, то они должны проходить в рамках закона и без прибегания к насилию»³⁸⁷.

Алжирские власти достаточно оперативно отреагировали на «обеспокоенность общества и желание реформ», как описывала произошедшие протестные выступления алжирская официальная пресса. С 1 января 2012 г. минимальная гарантированная заработная плата увеличивалась до 18 тыс. алжирских динаров в месяц (примерно 175 евро). За период с 2008 по 2012 гг. зарплата госслужащих также была увеличена в два раза. В свою очередь, президент Бутефлика в апреле 2011 г. отменил режим чрезвычайного положения, действовавший в Алжире почти 20 лет с момента начала вооруженного противостояния радикальных исламистов с властями, и провозгласил план реализации «глубоких политических реформ, имеющих целью ускорить движение по демократическому пути»³⁸⁸. Правительству по-

³⁸⁵ Securite national. URL: <http://www.liberte-algerie.com> (Дата обращения — 17.12.2011).

³⁸⁶ Mohamed Buhamidi parle. URL: <http://www.jeuneafrique.com> (Дата обращения — 8.11.2011)

³⁸⁷ Miloud Brahimi repond. URL: <http://www.elmoudjahid-dz.com> (Дата обращения — 15.11.2011)

³⁸⁸ Le Plan des reformes. URL: <http://www.jeuneafrique.com> (Дата обращения — 15.11.2011)

ручалось выработать новые редакции законов о выборах, о статусе политических партий, о месте женщины в выборных органах власти, которые затем передавались на рассмотрение парламента. Наряду с этим были подготовлены законы об ассоциациях с целью расширить представительную демократию, о статусе вилайи для расширения прав органов местного самоуправления и о СМИ. В частности данный закон отменял некоторые статьи Уголовного кодекса, предполагавшие уголовное преследование СМИ, а также открывал аудиовизуальное пространство для частного сектора. В дальнейшем предполагалось также изменение Конституции Алжира. В то же время предложенные проекты законодательных актов имели некоторые достаточно важные ограничения. Они не должны изменять республиканский характер государства, отраженный в триаде, которая составляет национальную идентификацию Алжира. А именно, принадлежность к исламской религии, к арабской *умме* (арабскому миру) и уважение амазигской (берберской) культуры. Незыблемыми основами Алжира остаются также многопартийность, права человека и территориальная целостность страны. Что касается поднимавшегося некоторыми светскими партиями вопроса о светскости государства, то он был снят с повестки дня подтверждением статьи 2 действующей конституции, провозглашавшей ислам государственной религией. По самым важным аспектам намеченных реформ, а именно, законов относительно изменения действующей конституции, основных составляющих гражданского общества, местных органов власти, развития представительной демократии во всех регионах Алжира были организованы обсуждения и консультации, проводившиеся Национальным советом по экономическому и социальному развитию. Причем наиболее известные деятели оппозиции, как например Мокран Аит Ларби, бывший член Сената (верхней палаты парламента), требовали, чтобы власть не организовывала дебаты по реформам, а лишь разрешала их. Обсуждения проекта реформ, которые транслировались по национальному телевидению, сыграли свою позитивную роль, подробно ознакомив алжирское общество с их концепциями. После консультаций с представителями парламентских фракций Абд аль-Кадер Бен Салах, президент Сената передал отчет, включавший в себя все предложения по изменению конституции, президенту Бутефлике, который, в свою очередь, направил его комиссии юристов, обязанных дать по нему свои рекомендации.

В то же время проводились меры, направленные на расширение системы местного самоуправления и улучшение социально-экономической ситуации. В частности, существенным образом повышалась роль местных органов власти и совершенствовался процесс их демократизации. Так, например, в целях развития местного самоуправления на основании финансового бюджета и разработанных Министерством внутренних дел попра-

вок к статусу балядий и вилай (районных и областных органов власти) их бюджет увеличивался почти в десять раз³⁸⁹. В ходе реализации Программы социально-экономического развития Алжира (2009–2014 гг.), было построено к середине этого периода около 500 тыс. единиц жилья (из запланированных 1 млн 100 тыс.), улучшено снабжение населения природным газом, электроэнергией, питьевой водой, повышено качество здравоохранения, всех уровней образования, профессиональной подготовки и обустройства территорий городов и деревень. В рамках дальнейшего решения жилищной проблемы в области Митиджа (40 км. к западу от столицы) продолжалось строительство нового города Сиди Абдалла, рассчитанного на 200 тысяч жителей, завершение которого планировалось к 2020 г. В этом же районе будут построены еще три новых города, проекты которых находятся в стадии разработки. Финансовое обеспечение данных проектов намечалось осуществить, в том числе, за счет увеличения добычи углеводородных энергоносителей на 50 %. В этой связи руководство страны инвестировало в соответствующие проекты в предыдущие пять лет примерно 100 млрд амер. долл. Наиболее грандиозным из них являлась прокладка транс сахарского газопровода протяженностью около 4300 км., который соединит крупные газовые месторождения в дельте реки Нигер, пройдет через территорию Нигерии и Алжира и далее двумя ветками через Тунис на Мальту в Италию и Швейцарию и параллельно через Марокко в Испанию, Францию и Германию. Завершение проекта планировалось к 2015 г. К этому же сроку завершалась прокладка автомагистрали Лагос-Алжир и проложена оптико-волоконная телефонная связь между Алжиром и Европой. Стоимость данного проекта оценивалась примерно в 10 млрд амер. долл. По завершению этих планов, как заявил алжирский министр энергетики, Алжир смог покрывать до 40 % потребностей стран ЕС в природном газе. С целью дальнейшего развития системы мусульманского образования и повышения роли мечетей в достижении гражданского согласия было проведено реформирование и усовершенствование подготовки имамов с тем, чтобы не допустить превращения мечетей в инструмент пропаганды радикального фундаментализма (как это произошло в 1990-е гг.) и продолжить интеграцию умеренного исламистского движения в действующую политическую систему.

Все вышеперечисленные мероприятия властей, как конкретные, направленные на снижение накала, спровоцированных, в том числе, «арабской весной», протестных выступлений в 2011 г., так и долгосрочные,

³⁸⁹ Le Ministère des affaires intérieurs. URL: <http://www.liberte-algerie.com> (Дата обращения — 29.01.2009)

имеющие целью дальнейшее развитие Алжира, способствовали уменьшению социального напряжения в алжирском обществе. Оппозиционным силам, пытавшимся использовать социально-экономические проблемы и фактор «арабской весны» для реализации ее алжирского варианта, сделать этого не удалось. Это касается, как партий из системной оппозиции, так и диссидентам, либеральным демократам из внесистемной оппозиции, а также радикальным исламистским группировкам, продолжавшим действовать в Алжире.

С наиболее жесткой критикой правительственного курса в парламенте выступала партия «Объединение за культуру и демократию» (ОКД), ратовавшая за демократическое и светское развитие Алжира и соблюдение прав берберского населения. Необходимо отметить, что ОКД, также как «Фронт социалистических сил» (ФСС), старейшая алжирская социал-демократическая партия, отражавшая также интересы берберов, ранее бойкотировали парламентские выборы. В 2002 г. это было в знак протеста против репрессивных мер властей против выступлений берберского населения Кабилии (район компактного проживания берберов-кабилы). Соответственно, ОКД и ФСС не были представлены в алжирском парламенте созыва 2002 г. Однако в парламентских выборах 2007 г. ОКД, в отличие от ФСС, приняла участие и завоевала 19 депутатских мест. После избрания Бутефлики президентом Алжира в 1999 г. ОКД и ФСС вошли в президентскую коалицию и поддерживали правительственный курс. Тем не менее, после продолжения жесткого подавления властями вышеупомянутых протестных выступлений в Кабилии, ОКД и ФСС встали в ряды оппозиции правящему режиму. В то же время необходимо подчеркнуть, что руководство Бутефлики выполнило большую часть требований берберской оппозиции и приняло ряд мер по признанию на законодательном уровне берберской самоидентификации, в том числе признания берберского языка *амазиг* вторым государственным после арабского. Наряду с этим правительством была выработана специальная программа по улучшению социально-экономической обстановки в Кабилии, что во многом способствовало снижению накала протестных выступлений. Однако ОКД и ФСС продолжали критиковать правящий режим, требуя, в частности, большей демократизации общественно-политической жизни в Алжире. Так, в сентябре 2007 г. руководитель ФСС, известнейший и старейший общественный и политический деятель Алжира, ветеран национально-освободительной войны 1954–1962 гг., Хосин Аит Ахмед, наряду с двумя другими видными политическими деятелями оппозиции — Абд Аль-Хамидом Мехри, бывшим Генеральным секретарем партии «Фронт национального освобождения» (ФНО) и Мулудом Хамрушем, бывшим премьер-министром (1989–1990 гг.), опубликовали совместную декларацию с требованием «подлинной демократизации власти в Алжире». Тем не менее этот политический

демарш «старой гвардии» оппозиции не вызвал значительного отклика в общественно-политических кругах, так же, как и во властных структурах. В то же время ОКД бойкотировало президентские выборы 2009 г.

В парламенте Алжира были представлены три партии, исповедовавшие умеренный исламизм. Две из них — «Движение общества за мир» (ДОМ), руководимая Бугеррой Солтани³⁹⁰, и «ан-Нахда» (Возрождение), во главе которой стоит Ляхбиб Адами³⁹¹, критиковали правительство и, тем не менее, поддерживали президентский курс. Третья партия, «Движение за национальную реформу» (ДНР), выступала против правительственной программы широкомасштабной приватизации и ратовала за «исламскую социальную справедливость». ДНР³⁹², ранее являвшаяся наиболее многочисленной и влиятельной умеренной исламистской партией, в последнее время утрачивала доверие у избирателей. Тем не менее, Джахид Юнси, генеральный секретарь ДНР, участвовал в президентских выборах 2009 г., набрав 1,37 % голосов и заняв четвертое место. В настоящее время наибольшим влиянием и политическим весом обладает партия ДОМ³⁹³. В преддверии парламентских выборов 2012 г., эти три партии сформировали единый блок «Альянс Зеленый Алжир» (АЗА) и выработали общую предвыборную программу. Лидеры нового умеренного исламистского блока позиционировали себя как системную оппозицию и, в то же время,

³⁹⁰ Бугерра Солтани заменил на посту руководителя «Движения общества за мир» (ДОМ) скончавшегося 19 июня 2003 г. шейха Махфуза Нахнаха, основателя партии ДОМ, видного исламистского деятеля и представителя движения Братья-мусульмане в Алжире. Партия ДОМ была основана под названием Хамас (аббревиатура арабского названия Харакат аль-мукавама аль-исламия — Движение исламского сопротивления) и исповедывала идеологию Братьев-мусульман. После законодательного запрета в Алжире использовать религию в политических целях название партии было изменено на ДОМ.

³⁹¹ Ляхбиб Адами стал руководителем партии «Нахда» после раскола в ее рядах, произошедшего в 1998 г. На съезде партии Ляхбиб Адами и поддержавшие его члены парламентской фракции «Нахды» выступили против тогдашнего лидера «Нахды» Абдаллы Джабаллы (некоторые обозреватели считали, что действия Ляхбиба Адами, брата министра юстиции, были инспирированы властями с целью отстранения от руководства «Нахды» Абдаллы Джабаллы, известного и влиятельного исламистского деятеля, который выставлял свою кандидатуру на президентских выборах 1999 г.). В результате разногласий в руководстве «Нахды» Абдалла Джабалла вынужден был уйти с поста председателя «Нахды». Ляхбиб Адами остался руководителем парламентской фракции и в то же время стал главой партии «Нахда», которая в настоящее время является малочисленной и не играет заметной роли в политической жизни Алжира.

³⁹² Партию «Движение за национальную реформу» (Харакат аль-ислах аль-ватаний — араб. яз.) в Алжире называют «Ислах» (Реформа — араб. яз.)

³⁹³ В 2009 г. партия ДОМ переживала внутренний кризис. В его результате часть влиятельных членов ДОМ, включая 10 депутатов парламента во главе с Абд аль-Маджидом Менасра, одним из членов руководства ДОМ, вышли из ее состава. Они создали свою собственную партию — «Движение за изменение».

поддерживали программу социально-экономических и политических реформ, выдвинутую президентом Бутефликой в апреле 2011 г. Наряду с этим Бугерра Солтани, руководитель ДОМ, заявлял о необходимости сокращения президентских полномочий и превращения Алжира в парламентскую республику.

Что касается вне парламентской оппозиции, то она представляла собой достаточно многоплановый спектр от диссидентов левых и либерально-демократических взглядов (проживающих как в Алжире, так и за рубежом) до исламистов, как умеренных, так и в прошлом радикальных, отказавшихся от вооруженных методов борьбы. Один из достаточно известных алжирских диссидентов Саад Джаббар (юрист по образованию), критиковавший алжирский правящий режим за «отсутствие подлинной демократии», проживал в Катаре. Он являлся одним из личных адвокатов эмира Катара и регулярно выступал на канале Аль-Джазира, комментируя события в арабском мире, в том числе, в Алжире. В Катаре также проживал Аббаси Мадани, бывший председатель Исламского фронта спасения (ИФС) и ряд бывших членов его руководства. Они достаточно часто приглашались на аудиенции к эмиру, а также имели контакты с членами нового пост каддафийского руководства Ливии, которые посещали Катар. Часть бывших членов руководства ИФС, в том числе Али Бенхадж, бывший заместитель председателя ИФС, добивался в Алжире отмены судебного решения о роспуске ИФС, принятого в 1992 г., чтобы таким образом возродить его и войти в общественно-политическую жизнь. Бывшие лидеры радикальных исламистских группировок, получившие право на амнистию, такие как Мадани Мезраг, экс-эмир «Исламской армии спасения» (ИАС), военного крыла ИФС, Хасан Хаттаб, основатель «Салафитской группы проповеди и борьбы» (СГПБ), Абу Омар Абд аль-Баер, Абу Закариа, Мусаб Абу Дауд, известные деятели ИФС, а также Абд аль-Хакк Лайяда, возглавлявший «Вооруженные исламские группы» (ВИГ) в 1992–1993 гг. заявляли о своем полном отказе от радикализма, лояльности властям и уважении демократических норм. В то же время они пытались создать свою политическую партию. Однако алжирский парламент в 2011 г. принял закон о запрете создавать партии и ассоциации лицам, причастным к террористической деятельности, нанесшей урон государству. Таким образом, исламистские лидеры «черного десятилетия» (так в Алжире называют период вооруженного противостояния радикальной исламистской оппозиции с властями 1992–2000 гг.) лишились возможности выйти на алжирскую политическую сцену. В то же время в отношении будущего движений политического ислама, различные течения которого все еще пользуются определенной поддержкой среди части населения Алжира, известный алжирский общественно-политический деятель Мохаммед

Шафик Месбах заявил, что «влияние „политического ислама“ сократится до минимума, как только в стране будет налажено эффективное управление и будут решаться социально-экономические проблемы»³⁹⁴. Необходимо отметить, что в период протестных выступлений 2011 г. в основном только партия ОКД и отчасти ФСС, левые и либерально настроенные диссиденты и некоторые молодежные и профсоюзные организации пытались возглавить протесты и придать им политический характер с лозунгами «демократизации» и смены режима. Что касается парламентских партий левого и либерально-демократического направления, а также умеренных исламистов, то они практически не принимали участия в протестном движении. Немаловажную роль в такой их позиции сыграл негативный опыт «алжирской весны» 1990-х годов и, также в достаточной степени негативные последствия начавшейся в 2011 г. «арабской весны». Современная внутренняя ситуация в Алжире значительно стабилизировалась по сравнению с периодом начала 2000-х гг. Тогда страна только начинала выходить из системного кризиса «черного десятилетия» и часть областей была еще охвачена исламистским террором.

Вооруженные исламистские группировки продолжали действовать в Алжире, хотя и в гораздо меньшей степени, чем это было в 1992–2000 гг. Тем не менее, они совершали террористические акции, которые официальные алжирские власти называли «остаточным терроризмом». Радикальные исламисты представлены в Алжире несколькими вооруженными группировками, насчитывавшими в своих рядах по разным данным несколько тысяч боевиков. Наиболее известная из них Салафитская группа проповеди и борьбы (СГПБ), созданная в 1998 г. Хасаном Хаттабом и переименованная в Организацию Аль-Каида исламского государства Магриб (АКИМ)³⁹⁵ после того, как ее «национальный эмир» Абд аль-Ваххаб Друкдель в 2006 г. объявил о присоединении СГПБ к Аль-Каиде. Вторая группировка — Вооруженные исламские группы (ВИГ), созданная в начале 1990-х гг. и осуществлявшая в тот период контакты с марокканской и ливийской Вооруженными исламскими группами³⁹⁶. Однако в 2000-х гг. ВИГ распалась на несколько, зачастую, враждовавших между собой группировок, и ее активность заметно снизилась. Тем не менее, АКИМ после интервенции США в Ираке в 2003 г. и, особенно, в 2007–2009 гг. активизировала свою деятельность и совершила ряд террористических актов, в том числе, в столице г. Алжире. Причем в столице было совер-

³⁹⁴ Mesbah Mohammed Chafik. *Problematiche Algerie*. Alger., 2009. P. 285.

³⁹⁵ Террористическая организация, запрещена в РФ.

³⁹⁶ Долгов Б. В. Феномен «арабской весны» 2011–2016 гг.: Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. Российская Академия наук. Институт востоковедения. М.: Ленанд/URSS, 2017. С. 151.

шено три подрыва начиненных взрывчаткой автомашин, одна из которых взорвалась перед резиденцией премьер-министра. В результате погибли десятки алжирцев, как военнотружущих, так и мирных граждан, а также иностранцев, среди которых 11 сотрудников миссии ООН. АКИМ замет-но усилила свою активность также после начала «арабской весны», осо-бенно после начала действий оппозиционных сил в Ливии против режима Каддафи, которым оказывалась значительная поддержка ведущими стра-нами НАТО. Наиболее боеспособной частью оппозиционных Каддафи сил были исламистские группировки, в которых, по неподтвержденным данным воевали также боевики АКИМ. В Алжире одним из наиболее громких террористических актов, совершенных АКИМ и повлекшим за собой многочисленные жертвы, стал взрыв вблизи одного из военных училищ весной 2011 г. АКИМ пыталась также «экспортировать» джихад за пределы Алжира в государства африканского Сахеля и Западной Аф-рики. Так, вышедшая из структуры АКИМ, «Группа таухида»³⁹⁷ и джиха-да в Западной Африке» провозгласила своей целью «не ограничивать джихад Магрибом и Сахелем, и распространять его в Западную Афри-ку»³⁹⁸. Данная группировка взяла на себя ответственность за захват в ок-тябре 2011 г. в г. Тиндуф (на западе Алжира) в заложники нескольких ев-ропейцев. Затем ее боевики вместе с другой исламистской группировкой «Ансар ад-дин» (Защитники религии — араб. яз.) приняли участие в во-енных действиях против правительственных войск в Мали летом 2012 г. На захваченной территории на севере Мали исламисты совместно с ча-стью племенных структур туарегов, объединенных в «Народное движе-ние за освобождение Азавад (страна туарегов)» провозгласили создание «независимого государства Азавад». Его законодательной базой стал ис-ламский шариат. Что касается малийских исламистских вооруженных группировок, то в их руководстве действовало значительное число исла-мистов-алжирцев. Они являлись членами алжирских исламистских орга-низаций Исламский фронт спасения (ИФС), Вооруженные исламские группы (ВИГ), Аль-Каида исламского Магриба (АКИМ) и перебазирова-лись из Алжира в Мали после их частичного подавления в Алжире. Затем после краха режима Каддафи в 2011 г., в свержении которого исламист-ские группировки играли главную роль, они смогли значительно попол-нить свое вооружение, как из арсеналов распавшейся армии Каддафи, так и за счет того оружия, которое поставлялось странами НАТО всем силам, воевавшим против Каддафи. Исламисты сумели также расширить свои

³⁹⁷ Таухид (араб. яз.) — догмат о единственности и единстве Аллаха. В исламе ат-таухид означал прежде всего отрицание политеизма (ширк), выражающееся в формуле «нет никако-го божества, кроме Аллаха». См. Ислам. Энциклопедический словарь. Указ. соч. С. 232.

³⁹⁸ Groupe tauhid et djihad à l'Afrique de l'Ouest. URL: <http://www.jeuneafrique.com> (Дата обращения — 10.12.2011).

ряды, привлекая новых членов из стран региона. В ливийских тюрьмах при режиме Каддафи, который боролся против радикального исламизма, отбывали наказание свыше 600 исламистов. После краха режима все они вышли на свободу и часть из них присоединилась к исламистским боевикам. Продвижение вооруженных отрядов исламистов к столице Мали г. Бамако в январе 2013 г. и возможное свержение ими законного правительства Мали, было остановлено вмешательством Франции и стран Африканского союза (АС), а также Алжиром, предоставившим свое воздушное пространство для пролета самолетов ВВС Франции. Распространение радикального исламизма, наряду с Мали, имело место в Республике Чад, Центрально-африканской республике (ЦАР), Нигере, Буркино Фасо, что несло с собой опасность проникновения исламистских боевиков из этих стран на территорию Алжира. Подтверждением этого стал захват боевиками из «Группы таухид и джихад» в январе 2013 г. в качестве заложников десятков специалистов из ряда европейских стран, США и Японии, работавших на нефте-газовом комплексе Ин Аменас на востоке Алжира. Террористы проникли в район комплекса с территории Ливии, как подтвердил во время теле-интервью РИА Новости 23.01.2013 г. Луи Каприоли, бывший глава группы по борьбе с терроризмом Службы внутренней безопасности (DST) Франции. Алжирский комплекс Ин Аменас расположен в 50 км. от ливийской границы. Руководил группой террористов алжирец-исламист, получивший гражданство Канады, трое боевиков были гражданами Египта, наибольшее число террористов 11 — являлись гражданами Туниса. Активизация радикальных исламистских группировок в регионе, в том числе, в Алжире, связана в значительной степени с событиями «арабской весны», особенно в Ливии. Крах режима Каддафи и фактический распад ливийской государственности повлек за собой неконтрольное распространение оружия среди населения, а также подъем радикального исламизма. Видный отечественный востоковед В. В. Наумкин в этой связи справедливо отмечал, что «бурные события „арабской весны“ 2011 г. на севере Африканского континента осложнили задачи борьбы с терроризмом, все теснее срачивавшимся здесь с организованной преступностью»³⁹⁹.

В то же время необходимо констатировать, что радикальным исламистским группировкам в Алжире не удалось воспользоваться протестными выступлениями в 2011 г. и дестабилизировать ситуацию в стране. Большинство алжирских граждан отвергало исламистскую идеологию и лозунг создания «исламского государства» в отличие от периода 1990-х гг., когда «исламский проект» пользовался известной популярностью. Социально-

³⁹⁹ Наумкин В. В. «Алжирский транзит» в зоне Магриба-Сахеля // Партнерство цивилизаций — нет разумной инициативы. Сборник статей. М., 2011. С. 133.

политический курс руководства Алжира, направленный на восстановление национального согласия, решение социально-экономических проблем и развитие демократических процессов поддерживался значительной частью населения.

В Алжире, не смотря на трудности и противоречия социально-политического развития, продолжалось закрепление демократических преобразований, начало которым положило принятие конституции 1989 г. и закона, провозглашавшего многопартийность. Так, в Национальной народной Ассамблеи (ННА), нижней палате алжирского парламента на протяжении ряда созывов были представлены различные направления алжирского политического спектра от лево-социалистического до умеренного исламизма. Такого идеологического многообразия политической жизни, пожалуй, не знает ни один парламент арабского мира. Наиболее влиятельными парламентскими фракциями, составлявшими основу президентской коалиции, являлись представители существующей еще со времен национально-освободительной войны (1954–1962) партии «Фронт национально-го освобождения» (ФНО) и партия «Национально-демократическое объединение» (НДО).

10 мая 2012 г. в Алжире состоялись парламентские выборы, проходившие в соответствии с новым законом о выборах, предполагавшим контроль за голосованием местными органами власти и представителями политических партий, а также наличие прозрачных урн и присутствие иностранных наблюдателей. В выборах приняли участие 44 политических партий. Из них 17, созданных на основе новых законов и провозглашенной президентом Абд Аль-Азизом Бутефликой в апреле 2011 г. программы дальнейшей демократизации общественно-политической жизни. За ходом выборов наблюдали около 500 иностранных наблюдателей от ООН, ЕС и ЛАГ. Итогом выборов стал явный успех светской президентской коалиции и, соответственно, политического курса президента Бутефлики. Две партии этой коалиции «Фронт национального освобождения» (ФНО) и «Национально-демократическое объединение» (НДО) завоевали соответственно 220 и 68 депутатских мест (из общего числа — 462), что превышало число мест, полученных ими на прошлых выборах в 2007 г. «Альянс Зеленый Алжир» (АЗА), объединявший три партии умеренных исламистов «Движение общества за мир» (ДОМ), «Возрождение» (Нахда) и «Движение за национальную реформу» (ДНР) получил 48 мандатов. Партии левого политического спектра, такие, как провозглашавшая социалистическую (троцкистскую) доктрину «Партия трудящихся» (ПТ) и социал-демократический «Фронт социалистических сил» (ФСС), завоевали, соответственно, 20 и 21 место. Стоявший на националистических позициях «Алжирский национальный фронт» (АНФ) имел 9 мест. Все эти партии, включая исламистов, получили меньшее число ман-

датов по сравнению с выборами 2007 г. Явка избирателей составила 42,90 %⁴⁰⁰, что также выше, чем показатель выборов 2007 г., когда она составила 35 %. Наиболее радикальная оппозиционная партия «Объединение за культуру и демократию» (ОКД) бойкотировала выборы. Парламентские выборы в Алжире показали, что значительная часть алжирского общества поддерживала правительственный курс на дальнейшую поэтапную демократизацию и, в то же время, недопущения радикальных проявлений «арабской весны». Об этом свидетельствовало также ослабление влияния в парламенте исламистских партий, произошедшее вопреки ожиданиям их лидеров, которые рассчитывали, что «арабская весна» и протесты 2011 г. в Алжире прибавят число их сторонников. Однако этого не произошло. Тем не менее, для усиления своих позиций умеренные исламисты намеревались, как заявил руководитель ДОМ Бутерра Солтани, вступить в возможную коалицию с демократической оппозицией.

Президентская кампания 2014 г. явилась важным этапом в общественно-политическом развитии Алжира и своеобразным испытанием для алжирского истеблишмента. В связи с преклонным возрастом действовавшего президента Абд аль-Азиза Бутефлики (род. в 1937 г.) и состоянием его здоровья (он перенес инсульт в 2013 г.) для правящей группировки и для него самого возникла дилемма — выдвигаться на четвертый президентский мандат или выдвинуть нового лидера. Решение реализовать первый вариант принял сам президент, продолжавший оставаться, пожалуй, единственной харизматической фигурой на алжирской политической авансцене. В этом его поддержало все его ближайшее окружение. В преддверии президентских выборов Бутефлика произвел ряд изменений в правительстве и руководстве президентской партии Фронт национального освобождения (ФНО), а также реформирование силовых структур. Новым премьер-министром был назначен Абдель Малек Селлаль, один из наиболее доверенных лиц Бутефлики, ранее возглавлявший его президентскую кампанию в 2004 и в 2009 гг. На ключевые министерские посты были поставлены также люди из близкого окружения президента. Новым генеральным секретарем партии ФНО, в которой Бутефлика являлся председателем, стал Амар Сайдани, неоднократно возглавлявший алжирский парламент, активный участник президентских кампаний Бутефлики и доверенное лицо президентской семьи. В связи с усилением борьбы с радикальным исламизмом, а также для обеспечения безопасности президентской кампании была реформирована структура службы безопасности, во главе которой был поставлен один из старейших соратников Бутефлики

⁴⁰⁰ Les elections parlementaires. URL: <http://www.elmoudjahid.com> (Дата обращения — 12.05.2012)

генерал Ахмед Гаид Салах, начальник генерального штаба алжирской армии, получивший также пост вице-министра обороны (пост министра обороны занимал сам президент Бутефлика).

В результате прошедших 17 апреля 2014 г. в Алжире президентских выборов действовавший президент и руководитель правящей партии ФНО Абд аль-Азиз Бутефлика был избран на четвертый президентский мандат (2014–2019 гг.), получив 81,53 % голосов избирателей⁴⁰¹. Он намного опередил остальных пятерых претендентов на президентский пост, из которых Али Бенфлис, бывший премьер-министр и бывший генеральный секретарь ФНО получил 12,18 %, Абдель Азиз Белаид, председатель партии «Фронт Мустакбаль (Будущего)» (ФМ) завоевал 3,36 %, Луиза Ханун, генеральный секретарь «Партии трудящихся» (ПТ) — 1,37 %, Али Фавзи Ребаян, президент партии «Ахд 54» (Клятва 54) — 0,99 %, Муса Туати, президент партии «Национальный алжирский фронт» — 0,56 %. Президентские выборы, признанные наблюдателями Европейского союза (ЕС), Лиги арабских государств (ЛАГ), Организации исламского сотрудничества (ОИС) соответствующими международным демократическим нормам, укрепили государственность Алжира и, в то же время, выдвинули на политическую авансцену новые фигуры. Таковыми являлись бывший премьер-министр и бывший генеральный секретарь ФНО Али Бенфлис, занявший второе место на президентских выборах и Абдель Азиз Белаид, руководитель партии Фронт Мустакбаль (ФМ), завоевавший третье место. Причем, если Али Бенфлис (род. 1945 г.) уже участвовал в президентских выборах 2004 г. и получил примерно такое же число голосовавших за него избирателей, то Абдель Азиз Белаид (род. 1963 г.) являлся настоящим феноменом выборов 2014 г. Он создал свою партию ФМ всего два года назад в 2012 г. Тем не менее, его партия сумела получить 890 мест в местных выборных органах власти, два депутатских места в нижней палате алжирского парламента (Национальной народной ассамблеи) и одно место в верхней палате (Сенате) на муниципальных и парламентских выборах в 2012 г. Абдель Азиз Белаид еще в юношеские годы начал свою политическую карьеру, вступив в Национальный союз алжирской молодежи и вскоре стал его генеральным секретарем. Затем он руководил Национальным союзом алжирских студентов. Причем, по воспоминаниям его коллег, амбициозные планы «стать президентом», обладавший достаточной харизмой Белаид, высказывал еще в студенческие годы. В 1986 г. в возрасте 23 лет он, по рекомендации Али Бенфлиса, был избран в Центральный комитет правящей партии ФНО, став самым молодым его членом. Белаид избирался депу-

⁴⁰¹ Elections Presidentielles 2014. URL: <http://www.elmoudjahid-dz.com> (Дата обращения — 20.04.2014)

татом парламента от партии ФНО в течении двух созывов (1997–2002) и (2002–2007). Он является доктором юридических наук, женат, имеет пятерых детей. В 2011 г. Белаид вышел из ФНО и сформировал свою партию «Фронт Мустакаль» (ФМ), программа которой во многом схожа с программой ФНО. Она провозглашала развитие Алжира, как демократического суверенного государства, верного принципам национально-освободительной революции 1954 г. Значительную часть сторонников Белаида представляла молодежь, проблемам которой ФМ уделял особое внимание, тем более, что молодые люди моложе 30 лет составляли более половины населения Алжира. Али Бенфлис и Абдель Азиз Белаид, не смотря на то, что они выступали оппонентами Бутефлики на президентских выборах, тем не менее, по их идеологической платформе являлись преемниками политического курса руководства ФНО.

Что касается политической оппозиции, то после завоевания на парламентских выборах 2012 г. блоком партий президентской коалиции (ФНО и НДО) подавляющего большинства (291 депутатское место из 462), наиболее радикальная ее сила «Объединение за культуру и демократию» (ОКД) теряла влияние, в том числе, по причине смены руководства. На пост председателя ОКД вместо ушедшего Саида Саади пришел более молодой, но менее харизматичный Мохсин Беллабес. Вторую оппозиционную партию «Фронт социалистических сил» (ФСС) также покинул старейший ее лидер и основатель, известнейший ветеран национально-освободительной войны 1954–1962 гг. Хосин Аит Ахмед, что спровоцировало внутренний кризис в руководстве ФСС. Ранее находившаяся в оппозиции, провозглашавшая социалистическую доктрину троцкистского толка, «Партия трудящихся» (ПТ), устами своего лидера Луизы Ханун выразила поддержку избранному президенту Бутефлике, заявив, что «результат президентских выборов означал победу алжирской нации»⁴⁰². Три партии умеренных исламистов «Движение общества за мир» (ДОМ), ан-Нахда (Возрождение) и Ислах (Движение общества за реформу), объединившихся накануне парламентских выборов 2012 г. в оппозиционный блок «Альянс Зеленый Алжир» достаточно дестабилизировала внутренняя борьба за лидерство. Из наиболее крупной из них партии ДОМ вышли часть низовых организаций и два видных члена ее руководства Амар Гуль, занимавший пост министра транспорта в алжирском правительстве и Абдель Маджид Менасра, бывший министр промышленности. Амар Гуль создал свою партию Тадж (Объединение надежда Алжира) и вошел в президентскую коалицию в блоке с ФНО. Менасра также сформировал свою партию «Фронт за изменения». Легально действовавшие исламистские политические силы, не

⁴⁰² Mme Louisa Hanoun au lendemain du scrutin. URL: <http://www.elmoudjahid-dz.com> (Дата обращения — 20.04.2014).

прошедшие в парламент, представляли собой конгломерат из более двух десятков немногочисленных партий и группировок, зачастую враждовавших между собой и не имевших общей программы. Попытка лидера партии ДОМ Абд ар-Разака Мокри, сменившего на этом посту Бутерру Солтани, объединить политические силы умеренных исламистов и выдвинуть единого кандидата на президентские выборы не увенчалась успехом в виду личных амбиций многих кандидатов.

В 2010–2017 годах Алжир восстановил свою роль важного субъекта мировой политики. Он являлся непостоянным членом СБ ООН и ассоциированным членом Европейского союза (ЕС). Алжир занимал лидирующие экономические и военно-политические позиции в Магрибе и являлся региональным центром силы, одной из ведущих стран арабского мира и одним из наиболее влиятельных членов Лиги арабских государств (ЛАГ), Организации исламского сотрудничества (ОИС), Африканского союза (АС), стран ОПЕК. Однако отношения Алжира с ЕС и, особенно с Францией, несколько ухудшились после начала «арабской весны», к которой Алжир относился достаточно настороженно, а также осудил военную акцию НАТО в Ливии и высказывался против иностранного военного вмешательства в Сирии. Тем не менее, после визита президента Франции в мае 2012 г. в Алжир, завершившегося подписанием Декларации о стратегическом сотрудничестве между Алжиром и Францией, а также поддержке, оказанной Алжиром военной операции, предпринятой Францией против экстремистских исламистских группировок в Мали в январе 2013 г., франко-алжирские отношения заметно улучшились. Алжир поддерживал на достаточно позитивном уровне экономические и политические отношения с другими странами ЕС, а также с США, со спецслужбами которых Алжир взаимодействовал также в плане борьбы с «международным терроризмом». В свою очередь, страны Запада заинтересованы в поставках углеводородных и иных ресурсов из Алжира и не проявляли, как это имело место в Ливии и Сирии, заинтересованности в поддержке каких-либо оппозиционных движений, считая алжирский правящий режим лояльным. Этот фактор также являлся достаточно важным для устойчивости алжирской власти к негативному влиянию «арабской весны». Что касается отношений Алжира с Россией, то они традиционно носили дружественный и партнерский характер. В рамках подписанной в 2001 г. между Алжиром и РФ Декларации о стратегическом партнерстве, наряду с экономическим и политическим сотрудничеством, осуществлялась работа совместной алжирско-российской группы по борьбе с терроризмом и по вопросам безопасности. Наряду с совместными проектами в нефтегазовой сфере, продолжалось сотрудничество в космической области, металлургии, электроэнергетике, информационных технологиях и военно-технической сфере. Для России про-

должение и углубление курса на сотрудничество с Алжиром в данных областях, а также в совместной борьбе с исламистским терроризмом представлялось стратегически важным направлением внешней политики.

«Арабская весна» оказала значительное влияние на общественно-политическую ситуацию в Алжире. В то же время внутреннее социально-политическое положение Алжира существенным образом отличалось от такового в других странах, затронутых «арабской весной», как, например, в Тунисе и Египте. Во-первых, Алжир пережил уже в недавнем прошлом «алжирскую весну» 1990-х гг., негативным результатом которой стало многолетнее противостояние с радикальными исламистскими группировками, которые продолжали свою террористическую деятельность. Поэтому алжирское общество в своем большинстве настороженно относилось к «революционным» политическим изменениям, могущим привести к повторению «черного десятилетия» исламистского террора 1990-х гг. Во-вторых, если в Тунисе и Египте значительная часть общества поддерживала движения социального протеста «арабской весны», которые затем использовали исламистские силы для прихода во власть, то в Алжире этого не произошло. Как по вышеназванной причине опасений повторения исламистского террора, так и в виду слабости и разобщенности исламистской оппозиции. В то же время провозглашавшие светские лозунги и требовавшие демократизации и смены правящего режима, партия Объединение за культуру и демократию (ОКД) и ее сторонники не пользовались широкой поддержкой населения. Наряду с этим в Алжире большая часть умеренных исламистов представлена в парламенте и поддерживала президентский курс. При этом все легально действующие умеренные исламистские партии провозгласили свою приверженность демократическим принципам и исключили из своих политических программ пункт о создании «исламского государства». В-третьих, если в Тунисе, Египте, а также в Йемене и на Бахрейне протестные движения выступали против коррупции правящей верхушки, nepотизма, произвола властей и отсутствия реальных демократических свобод, то в Алжире эти проблемы хотя и существовали, но в меньшей степени. По инициативе президента Бутефлики проводились кампании по борьбе с коррупцией, имевшие определенные результаты, и, давшие положительный резонанс в обществе. В Алжире с конца 1980-х гг. существовала система многопартийности, альтернативных выборов на всех уровнях и достаточно свободные, по сравнению с другими арабскими странами, СМИ.

Что касается радикального исламизма в Алжире, то к началу 2010-х годов его силы были представлены достаточно немногочисленными группировками, способными совершать лишь отдельные террористические акты и не пользовавшимися сколько-нибудь значительной поддержкой населения.

Однако в результате событий «арабской весны» 2011–2013 гг., вмешательства в ее процессы внешних сил, приведших к краху режима Каддафи в Ливии и распространение на соседние с Алжиром государства африканского Сахеля радикального исламизма, произошло его усиление в регионе, в том числе в Алжире. В связи с этим вооруженные исламистские группировки представляли собой один из главных вызовов для алжирских властей. В то же время нельзя отрицать наличия социальной напряженности в алжирском обществе и существования диссидентски настроенной ее части, особенно среди молодежи, которая составляла половину населения Алжира, и в большей степени страдала от нерешенности социально-экономических проблем. Политическая оппозиция попыталась объединить свои силы на конференции, прошедшей в столице Алжира в апреле 2016 г. Почетным президентом конференции стал ветеран алжирского национально-освободительного движения, экс-министр в правительстве президента Хуари Бумедьена Али Яхья Абденнур (род. в 1921 г.). Наиболее значительными политическими силами, представленными на конференции являлись партия «Талаи аль-хурриет» (Авангарды свобод — араб. яз.), руководимая выше упоминавшимся Али Бенфлисом, который подвергал критике президентский политический курс, и умеренно-исламистская партия «Движение общество за мир» (ДОМ) во главе с Абд ар-Разаком Мокри, которая покинула президентскую коалицию и перешла в политическую оппозицию. В результате прошедших в мае 2017 г. парламентских выборов правящие партии президентской коалиции «Фронт национально-освобождения» (ФНО) и «Национально-демократическое объединение» (НДО), хотя и получили большинство в парламенте, завоевав, соответственно 164 и 100 депутатских мест (общее их число — 462), тем не менее, потеряли по сравнению с выборами 2012 г. 24 места. Партия ДОМ, покинув президентскую коалицию и выступая в оппозиции, сумела сохранить примерно такой же уровень поддержки избирателей, получив 33 места. Определенную потерю понесли «Партия трудящихся», получив 11 мест вместо 20 на выборах 2012 г. и «Фронт социалистических сил», завоевав соответственно 14 мест вместо 21. Наряду со снижением показателя явки избирателей с 42,90 % в 2012 г. до 35,37 % в 2017 г.⁴⁰³ результаты парламентских выборов продемонстрировали определенную потерю доверия избирателей к политическим силам, представленным в парламенте.

Такая ситуация в достаточной степени вызвана выше указанными социально-экономическими проблемами, существующими в обществе. Тем не менее, решение или хотя бы снижение остроты этих проблем, при наличии значительных природных ресурсов и накопленных на их основе

⁴⁰³ Algeria. Al-Majlis Al-Chaabi Al Watan (National People's Assembly). URL: <http://www.archive.ipu.org/praline-e/reports/2003.htm> (Дата обращения 15.11.2017)

финансовых средств, не является абсолютно невыполнимым. Поэтому задача не допустить усиления влияния исламистского движения и негативных последствий «арабской весны» в Алжире представляется в достаточной степени реализуемой. В то же время серьезной проверкой зрелости алжирского политического истеблишмента, как и общества в целом могут стать президентские выборы 2019 г., в которых достаточно проблематично участие действующего президента Абд аль-Азиза Бутефлики, перенесшего серьезное заболевание (инсульт в 2013 г.), и находящегося в достаточно преклонном возрасте (род. в 1937 г.).

Глава 3

Общественно-политическое развитие Туниса и исламистское движение в 1970–2017 годах

1. Политика секуляризма и исламистское движение в 1970–1980-х годах

Тунисское общество после завоевания страной независимости в 1956 г. испытало радикальную секуляризацию, каковой не знала ни одна другая арабская страна. Первый президент Туниса Хабиб Бургиба (1903–2000 гг.), воспринимавший исламские традиции как «тяжелый груз, затруднявший развитие страны»¹, проводил решительную политику, направленную на секуляризацию и реформирование во многом остававшегося традиционным, тунисского общества². Хабиб Бургиба являлся признан-

¹ Cit. on: Jeune Afrique, P., 1999. P. 35.

² Тунис — мусульманская страна, где ислам получил распространение в результате арабских завоеваний в VII – начале VIII вв. Около 90 % населения исповедует ислам, в основном маликитского и ханафитского мазхабов. С VIII в. в Тунисе получил известное распространение хариджизм, исповедуемый, главным образом, берберами. В стране сохраняет определенное влияние суфизм — мистическое течение в исламе, которое распространялось различными тарикатами (религиозными братствами, имевшими свои заветы — религиозно-образовательные и культовые центры). Наиболее влиятельными тарикатами в Тунисе являлись Кадирийя, Тиджанийя, Йасавийя и Рахманийя, располагавшими достаточно широкой сетью завий по всей стране. В Тунисе, как и во всем Магрибе, достаточно распространен культ местных святых — марабутов. До завоевания независимости в 1956 г. мусульманские деятели страны — маликитские и ханафитские улемы, шейхи тарикатов составляли одну из наиболее привилегированных групп населения. После провозглашения независимости руководство Туниса проводило политику секуляризма, рассматривая ислам, как часть национального наследия. В стране проживали также приверженцы трех основных направлений христианства — католицизма, протестантизма и православия, а также иудаизма. Однако после 1956 г. большая часть христиан европейского происхождения и лиц, исповедовавших иудаизм, выехали из Туниса. Тем не менее, в Тунисе действует несколько римско-католических соборов (в основном в столице г. Тунисе и в г. Бизерте), две православных церкви, принадлежащих немногочисленной Русской православной общине, основанной в начале 1920-х гг., а также храмы Армяно-григорианской церкви.

ным лидером туниССкого национально-освободительного движения и руководителем, обладавшим безусловной харизмой. Наряду с Гамалем Абдель Насером, Ахмедом Бен Беллой, Хуари Бумедьеном, Хафезом Асадом, Ясиром Арафатом, он входил в плеяду наиболее ярких и талантливых государственных деятелей арабского мира XX века.

Среди реформ, доставивших ему подлинную, в том числе международную известность, на первом месте стоит принятие «Кодекса гражданского состояния» (*Маджалля аль-ахваль аш-шахсийа* — араб. яз.). По оценке туниССкого историка Мухаммеда Хеди Шерифа этот «революционный закон, круто изменивший традиционный уклад и положивший начало женской эмансипации, оказался социально-правовой реформой с долговременными и необратимыми последствиями»³. Новый Кодекс коренным образом реформировал систему брачно-Семейных отношений, запрещал многоженство, учреждал гражданскую регистрацию брака, вводил равенство обеих сторон при разводе. В дальнейшем туниССкой женщине были предоставлены политические права и, в частности права избирать и быть избранной в выборные органы власти. В рамках реформы были упразднены шариатские суды и установлена единая система светского судопроизводства. Одновременно осуществлялась программа мер, направленных на уменьшение влияния мусульманского духовенства. Старейший, известный во всем исламском мире, мусульманский университет аз-Зитунa в Тунисе, вместе с сетью коранических школ был передан в ведение Министерства образования.

Однако туниССкое общество не было едино в оценке Кодекса гражданского состояния и, в частности, женской эмансипации. Так, преподавательница философии и религиозной мысли в женском колледже Хенд Шалби в своей речи на празднике завершения мусульманского поста (*ид аль-фитр* — араб. яз.) горячо ратовала за возвращение к основам ислама, чем вызвала недовольствие Бургибы, приказавшего изъять из публикаций текст ее выступления. Противники нового Кодекса задавали риторический вопрос по поводу того, что лучше, иметь четыре законные жены или только одну и сто сомнительных связей. Следует отметить, что аналогичную аргументацию в оправдание полигамии в исламе достаточно успешно приводил на многочисленных дискуссиях на эту тему, развернувшихся в алжирских СМИ в 1980-х годах, выше упоминавшийся Аббаси Мадани, лидер алжирского «Исламского фронта спасения» (ИФС). Он, в частности, заявлял, что «светские партии, отвращая женщину от семейного очага и благородной миссии по воспитанию детей, разрушали таким образом мусульманское общество»⁴.

³ Cherif M.-H. Reformes et Islam chez Bourguiba//Annuaire de l'Afrique du Nord. Tome XXXIII, 1994, Ex-en-Provence: CNRS Editions. P. 63, 67.

⁴ Журнал Аль-Мункыз, Алжир, 1989. № 3. С. 8.

Что касается экономической политики, то в первые годы после независимости в Тунисе делался акцент на экономический либерализм, провозглашавший полную свободу частного предпринимательства. Затем в большей степени стало использоваться государственное регулирование экономики. Этот этап социально-экономического развития получил название «дустуровский социализм». Он представлял собой, по заявлениям тунисских руководителей, «нечто среднее между, так называемым, научным социализмом и либеральным социализмом шведского типа»⁵. В последствие экономическое развитие стало строиться на основе рыночных отношений и всемерного поощрения частного сектора. Частные инвестиции (национальные и иностранные) в экспортно ориентированные отрасли промышленности, в том числе в электротехническую, а также в аграрный сектор и туристическую индустрию, дали свои плоды. Среднегодовой прирост ВВП составил 7,1 %, ежегодные темпы прироста в аграрном секторе возросли в 1980-е годы до 4,1 %⁶.

Однако успехи в экономике не означали адекватного повышения уровня жизни большинства населения. Основная часть получаемой в условиях экономического подъема прибыли распределялась внутри правящей группировки, а также присваивалась привилегированной прослойкой общества, состоявшей из представителей крупного и среднего бизнеса, связанных с правящей элитой. В 1980-е годы в тунисском обществе нарастало социальное напряжение, чему способствовало также то, что Хабиб Бургиба (провозглашенный в 1975 г. пожизненным президентом) уже не мог контролировать ситуацию в стране, чем пользовались в целях личного обогащения члены его семьи и приближенные к ним кланы. Сложную социально-экономическую обстановку использовали исламисты для усиления своего влияния. Они выдвигали лозунги создания «исламского государства» на основе шариата, в котором, по их утверждениям, должна была восторжествовать «исламская социальная справедливость». В 1980-е годы исламистское движение в Тунисе быстро набирало силу. Необходимо отметить, что становлению исламизма в Тунисе в какой-то степени способствовала политика властей. С одной стороны широкая секуляризация общественно-политической жизни, не подкреплённая повышением уровня жизни основных социальных групп, вызывала сопротивление части населения, склонявшегося к поддержке исламистов. С другой стороны, власти, стремясь ослабить левое движение, особенно усилившееся в студенческой среде в условиях роста социальной напряженности, пытались противопоставить ему исламистов. С этой целью была разрешена постройка мечети на терри-

⁵ Цит по: Видясова М. Ф. Рабочий класс в социальной системе Туниса. М., 1975. С. 39.

⁶ Orient. Hamburg, 1984. № 1. С. 124.

тории столичного университетского комплекса, которая в последствие стала одним из опорных пунктов исламистов. Наряду с этим с разрешения властей преподавателями и студентами факультета теологии и религиозных наук Тунисского университета была создана «Ассоциация в защиту Корана», которая стала вести подготовку имамов, получила доступ на радио и телевидение и право издавать свои печатные публикации. В это же время сформировалась исламистская организация «Исламская группа» (*Джамаа исламийя* — араб. яз.), идеологи которой также с разрешения властей начали издавать две газеты «Общество» (*аль-Муджтамаа*) и «Друг» (*Хабиб*), а также журнал «Знание» (*Маарифа*). Наряду с этим один из руководителей «Исламской группы» Хабиб Мокни создал издательство «Знамя» (*ар-Рая*), которое во многом способствовало распространению фундаменталистской идеологии в Тунисе. К концу 1970-х годов тунисское исламистское движение имело достаточно разветвленную, отлаженную и законспирированную структуру, состоявшую из руководителя (эмира), которому подчинялось исполнительное бюро, в которое входили председатели комиссий (экономической, политической, социальной, культурной, по работе с молодежью). Почти в каждой области (вилайте) были созданы региональные отделения во главе со своим руководителем (эмиром). Коллегиальным органом «Исламской группы» являлся Совецательный совет (*Меджлис аш-шура*), в который входили эмиры областей. Необходимо отметить, что по аналогичной схеме была построена структура алжирского «Исламского фронта спасения» (ИФС), созданного в Алжире на десятилетие позднее.

В начале 1980-х гг. «Исламская группа» трансформировалась в политическую партию под названием «Движение исламской направленности» (ДИН), которая в последствии была переименована в «Возрождение» (*ан-Нахда* — араб. яз.). Руководителем партии стал видный идеолог исламизма Рашид Ганнуши, закончивший философский факультет Тунисского университета и имевший звание профессора философии. В руководство ДИН входили также известные исламистские деятели Абд аль-Фаттах Муру, Хасан Годбани, юристы по образованию, а также филолог Хмид (Ахмед) Нейфер и Салах Каркар, выпускник экономического факультета Тунисского университета. В программном Манифесте ДИН, опубликованном в 1981 г., указывалось, что исламизацию тунисского общества следует осуществлять, как путем внедрения правовых и морально-этических норм шариата, так и укреплением панисламской солидарности и возрождением просветительской роли и политической сущности ислама. Декларировалось также, что ДИН будет добиваться своих целей политическим путем. В то же время в ДИН существовали умеренное и радикальное течения, провозглашавшие, тем не менее, единую стратегическую цель — создание в Тунисе «исламского государства». Представители умеренного, или более реально оценивавшего ситуацию и свои возможности, направ-

ления, возглавлявшегося Абд аль-Фаттахом Муру, полагали, что для изменения существующего общества и достижения цели необходимо использовать легальные методы. А именно, пропаганду и распространение исламистской идеологии, коранических знаний, исламской культуры, скрупулезное соблюдение мусульманских законов, моральных и этических норм. Муру заявлял, что ДИН является «движением социальным, просветительским и культурным. Чтобы изменить общество необходимо обратиться к глубинным корням исламской культуры. Распространяя ислам, мы изменяем социальную базу общества. А создав исламское общество, мы сможем заняться экономикой и политикой»⁷. Последователи более радикального направления во главе с Рашидом аль-Ганнуши считали, что достичь поставленной цели возможно только в ходе борьбы с существующим режимом. Ганнуши, который, как отмечалось выше, высоко оценивал исламскую революцию в Иране, в своих выступлениях провозглашал, что «пример Ирана убеждает нас, что ислам — это борьба»⁸. Необходимо отметить, что тунисские противники исламизма не делали различий между умеренными и радикальными исламистами. Так, профессор права, видный общественный деятель Туниса Садок Шаабан, ставший министром юстиции при президенте Зин аль-Абидин Бен Али, отмечал, что «насилие становится неотъемлемой частью религиозных движений, как только они политизируются и стремятся управлять обществом»⁹. Он обвинял лидеров ДИН также в том, что они присягнули на верность руководителю (верховному наставнику) египетских «Братьев-мусульман» и восприняли их идеи. А именно, доктринальные концепции Сейида Кутба о неприятии демократии, в которых он утверждал, что «правление суть прерогатива Всевышнего и не может считаться мандатом от народа. Следовательно, демократия относится к язычеству, а светское государство — изобретение атеистов»¹⁰. В этом отношении оценка Садоком Шаабаном исламистского движения в определенной степени перекликалась с мнением американского исследователя Грехема Фуллера, который заявлял, что «не существует религии, которая по своей сущности совместима с демократией»¹¹.

Идеологи ДИН вели широкую пропаганду исламистских концепций. Они читали проповеди и выступали в учебных заведениях, на импровизированных митингах на улицах. В журнале «Знание» регулярно публиковались статьи о необходимости возврата к первоначальному исламу времен

⁷ Jeune Afrique. P., 1979. № 951. С. 90.

⁸ Op. cit. С. 90.

⁹ Садок Шаабан. Тунис: путь к политическому плюрализму. Курс президента Зина аль-Абидина бен Али. Перевод с арабского выполнен на кафедре Политологии ИСАА при МГУ. Москва 1996. С. 52.

¹⁰ Там же. С. 53.

¹¹ Graham E. Fuller. The Future of Political Islam. New York, 2003. P. 115.

Пророка Мухаммеда и «четырех праведных халифов». Рашид Ганнуши в одной из своих статей в «Знании», касаясь вопросов демократии, писал, что «в подлинном мусульманском обществе нет места избирательным кампаниям. Только *умма* имеет право назначать или выдвигать кандидатуры тех, кого она считает достойными для занятия ответственных государственных постов»¹². С целью распространения своего влияния исламисты призывали к созданию мечетей или выделения помещений для молитв в государственных и частных компаниях, на промышленных предприятиях, в учебных заведениях и казармах. В то же время широкое распространение религиозного образования стало одним из приоритетных требований исламистских лидеров. В тот период министр образования и, в последствии премьер-министр Мухаммед Мзали, проводивший политику, которую Садок Шаабан называет «тунисизацией» системы образования, что предполагало ее арабизацию, фактически поддержал требования исламистов. Благодаря такой образовательной политике исламисты получили возможность внедрять свои методы обучения и через разделявших их идеологию преподавателей, как тунисских, так и приезжавших из других арабских стран, распространять исламистские концепции «Братьев-мусульман». Поддержку Мухаммедом Мзали исламистов выше упоминавшийся Садок Шаабан объяснял тем, что Мзали, с одной стороны, надеялся использовать их для подавления левого и профсоюзного движения. С другой стороны, имея амбициозные планы самому стать главой государства, Мзали рассчитывал в этом на помощь ДИН¹³. Арабизация системы образования, предполагавшая переход преподавания ряда дисциплин, прежде всего, гуманитарных, на арабский язык и уделение большего внимания арабо-мусульманским ценностям проводилась также в Алжире с середины 1980-х годов. Причем в Алжире процесс арабизации касался также перехода с французского на арабский язык дело производства в государственных учреждениях, большей части теле и радио передач, замены названия улиц с французского на арабский язык. Благодаря арабизации образования в Тунисе и Алжире смогли приезжать преподаватели, носители исламистской идеологии из арабских стран, где они преследовались за свои взгляды и, соответственно распространять среди студенческой молодежи исламистские доктрины. Такими, например, являлись видные египетские исламистские деятели Юсеф аль-Кардауи и Мухаммед аль-Газали. В результате в Тунисе, так же как и в Алжире, в 1980-х годах сформировался определенный слой общества, особенно в молодежной среде, воспринявший исламистскую идеологию и готовый к активным действиям. В тоже время тунисские исламисты провели учредительный съезд, сформированного под

¹² Цит. по: Садок Шаабан. Указ. соч. С. 54.

¹³ Садок Шаабан. Указ. соч. С. 55.

их эгидой Всеобщего союза тунисских студентов, который стал опорой ДИН не только в студенческой среде, но и среди тунисской молодежи, как таковой. Активисты ДИН, в основном студенты, как в последствии признавал Р. Ганнуши, участвовали в протестных выступлениях в декабре 1983 — январе 1984 против повышения цен на продукты питания, в частности, на хлеб, во время, так называемого, «хлебного бунта»¹⁴. Таким образом, лидеры исламистов сумели привлечь в свое движение достаточно большое число не довольных правящим режимом, среди которых, наряду с представителями неимущих слоев, было немало студентов, безработных выпускников вузов, а также военнослужащих и работников правоохранительных органов.

Подъему исламистского движения в Тунисе, и в арабо-мусульманском мире в целом в 1980-х годах, наряду с внутренними социально-экономическими факторами, способствовали такие выше упоминавшиеся внешние, как победа исламской революции в Иране в 1979 г. и гражданская война в Афганистане (1979–1992), где с правящим режимом, поддерживаемым СССР, воевали как афганские, так называемые, *муджахиды* (воины джихада — араб. яз.), так и наемники-исламисты из ряда мусульманских стран, в том числе из Туниса. Многие из них по возвращении примкнули к радикальным исламистским группировкам. Наряду с этим, в соседнем с Тунисом Алжире в этот период формировалось самое массовое и влиятельное в арабском мире исламистское движение, возглавленное «Исламским фронтом спасения» (ИФС), с которым лидеры ДИН имели постоянные контакты¹⁵, получали от него помощь и поддержку. В свою очередь, ДИН посылала своих активистов для участия в антиправительственных манифестациях, организуемых ИФС в Алжире.

В то же время успех исламской революции в Иране, не смотря на ее шиитский «исламский проект», явился своеобразным импульсом, воодушевившим исламистские движения в арабо-мусульманском мире, в том числе, в Тунисе. Опыт иранской революции, подтвердившей, что придти к власти возможно, применяя, как легальные политические формы борьбы, социальный протест, так и действия нелегальных военизированных групп, стал широко использоваться тунисскими исламистами. Так, в ходе прове-

¹⁴ Современная Африка: метаморфозы политической власти. Институт Африки РАН. М., 2009. С. 30.

¹⁵ Лидер ДИН Рашид Ганнуши неоднократно посещал Алжир, где проводил встречи с руководителями «Исламского фронта спасения» (ИФС) Аббаси Мадани и Али Бен-хаджем. В конце 1980-х гг. в период репрессий в Тунисе против ДИН Рашид Ганнуши находился в Алжире в добровольном изгнании. В свою очередь во время массовых антиправительственных демонстраций сторонников ИФС в Алжире в 1990 г. Рашид Ганнуши направил им в поддержку несколько десятков тунисских активистов ДИН. См. Долгов Б. В. Исламистский вызов и алжирское общество (1970–2004). М., 2004. С. 83.

денного в 1981 г. съезда ДИН было принято решение о создании легального аппарата и параллельного ему законспирированного военизированного крыла партии. На следующем съезде, прошедшем в 1984 г. в рамках ДИН был создан «центр шариата» и принят документ под названием «Идейные взгляды и принципиальная позиция движения». Документ квалифицировал всех политических противников ДИН, как занимающих позицию «неверного по отношению к исламу»¹⁶ и фактически предоставлял ДИН право определять, кто есть верующий мусульманин, а кто неверный.

Во второй половине 1980-х годов ДИН проводило многочисленные антиправительственные манифестации и, согласно опубликованной в последствие тунисскими властями официальной информации, готовилось к вооруженному захвату власти¹⁷. Так, в 1986 г. недалеко от столицы Туниса был обнаружен склад с оружием, принадлежавший, по заявлениям властей, вооруженному крылу ДИН. Затем в августе 1987 г. были совершены террористические акты в четырех туристических гостиницах в курортных городах Тир и Монастир, в результате которых пострадали около 20 иностранных туристов. Эти действия, согласно официальной версии так же совершили боевики из радикального крыла ДИН¹⁸, хотя его руководители отрицали это¹⁹. Тем не менее, десятки исламистов, в том числе руководители ДИН были арестованы²⁰ и предстали перед судом, часть членов руководства ДИН, находившихся за границей, были осуждены заочно.

К осени 1987 г. социально-политическая ситуация в стране обострялась. Как свидетельствовал Садок Шаабан, «на улицах тунисских городов проходили демонстрации, нападения на государственные учреждения, помещения правящей дустуровской партии и на сторонников режима, в том числе религиозных деятелей. Так, был убит имам мечети в столичном пригороде Крам»²¹. Руководство ДИН, представленное избежавшими ареста Салахом Керкаром и Мухаммедом Шаммамом, готовилось к захвату власти, осуществление которого намечалось на 8 ноября 1987 г. План исламистов предполагал, что легальные структуры ДИН предпримут широ-

¹⁶ Цит. по: Садок Шаабан. Указ. соч. С. 60.

¹⁷ После свержения режима Бен Али документы о готовившемся исламистами государственном перевороте были интерпретированы, как преувеличение и искажение реальной ситуации с целью способствовать приходу к власти Бен Али.

¹⁸ *Jeune Afrique*, no. 2000–2001, 1999. P. 38.

¹⁹ Ответственность за данные теракты взяла на себя малоизвестная исламистская партия «Исламский джихад» (террористическая организация, запрещена в РФ), с которой ДИН имело контакты, но, по заявлениям руководителей ДИН, к 1987 г. они были полностью прекращены. В свою очередь следствие так и не выявило подлинных организаторов терактов. См. М. Ф. Видясова, В. В. Орлов. Указ. соч. С. 74.

²⁰ Рашид аль-Ганнуши был арестован ранее в марте 1987 г. Суд приговорил его к пожизненному заключению. См. М. Ф. Видясова, В. В. Орлов. Указ. соч. С. 73.

²¹ Садок Шаабан. Указ. соч. С. 61.

кую пропагандистскую кампанию по дискредитации правящего режима. В то же время подпольные военизированные группы ДИН будут готовиться к вооруженному захвату власти. Решение о реализации плана государственного переворота, получившего кодовое название «Плод созрел», было принято 6 ноября 1987 г. Накануне, как утверждал Садок Шаабан, «заговорщики огласили *фетвы* (религиозные послания), оправдывавшие возможные расправы, в которых заявлялось, что „каждый, кто будет защищать правительство, становится ‘безбожником’“»²².

Сложная социально-политическая обстановка в стране усугублялась интригами внутри семейного клана и окружения президента Бургибы, которое французские исследователи М. Камо (M. Camau) и В. Жейсер (V. Geisser) определяли, как «придворную камарилью и сераль»²³. Летом 1986 г. президент Бургиба отправил в отставку премьер-министра Мухаммеда Мзали. В то же время Зин аль-Абидин Бен Али в апреле 1986 г. стал министром внутренних дел и затем в октябре 1987 г., сохранив пост министра МВД, был назначен премьер-министром и генеральным секретарем правящей Социалистической дустуровской партии (СДП), переименованной затем в Демократическое конституционное объединение (ДКО)²⁴. Тем не менее вскоре в результате интриг своего окружения престарелый президент Х. Бургиба (род. в 1903 г.) решил сместить Бен Али с поста премьер-министра. Однако 7 ноября 1987 г. Бен Али при поддержке своих сторонников из числа военных отстранил Бургибу от власти, мотивируя свои действия ст. 57 конституции Туниса²⁵ и объявил о временном взятии на себя обязанностей президента. К президентскому дворцу были направлены верные Бен Али части Национальной гвардии, а к Бургипе были посланы врачи, которые в своем заключении засвидетельствовали его неспособность исполнять обязанности президента страны.

²² Садок Шаабан. Указ. соч. С. 61.

²³ Camau M., Geisser V. Le syndrome autoritaire. Politique en Tunisie de Bourguiba à Ben Ali. Presses de Science Po, 2003. Cit.: L'Express, 23.10.2003. P. 24. Le Nouvel Afrique-Asie, P., 2000. № 128. P. 30.

²⁴ Демократическое конституционное объединение (ДКО) являлось правопреемницей Социалистической дустуровской партии (СДП), выдвинувшей концепцию «дустуровского (конституционного) социализма», которая стала официальной идеологией в период правления президента Туниса и председателя СДП Хабиба Бургибы (1956–1987). СДП, как партия сформировалась в результате раскола партии Дустур в 1934 г. С момента создания (1934 г.) до 1964 г. партия именовалась Новый Дустур, затем с 1964 по 1988 называлась Социалистической дустуровской партией. С 1988 г. до ее роспуска после краха режима Бен Али в 2011 г. имела название Демократическое конституционное объединение.

²⁵ Согласно ст. 57 тунисской конституции «в случае неспособности Президентом Республики выполнять свои обязанности его полномочия делегируются премьер-министру». См. Конституция Тунисской Республики в кн. Сапроновой М. А. «Государственный строй и конституции арабских республик». М., 2003. С. 323.

В своем обращении к соотечественникам, позже названным «Манифестом 7 ноября», Бен Али высоко оценил роль Бургибы в завоевании Тунисом независимости и становлении государственности, а также заявил о начале широких демократических преобразований. В частности, провозглашалось создание «институтов, основанных на многопартийности и принципе множественности общественных организаций, включения средств массовой информации в общественный процесс, а также упразднение пожизненного президентства»²⁶. В то же время, как утверждали сторонники Бен Али, он на один день опередил исламистских заговорщиков из ДИН, предотвратив тем самым готовившийся государственный переворот²⁷. В результате, Бен Али позиционировался его соратниками и окружением, а также официальными СМИ в качестве национального лидера, открывшего эру демократических преобразований и спасшего Тунис от заговора фанатиков-исламистов, который, по мнению одного из наиболее видных поборников политики Бен Али, Садока Шаабана, мог привести к установлению в Тунисе «чудовищного тоталитарного режима»²⁸.

В то же время трудно однозначно судить насколько в действительности была серьезной угроза прихода к власти исламистов ДИН и их возможностей создать в Тунисе «исламское государство» в 1987 г. Тем не менее в новейшей истории, как государств арабо-мусульманского мира, так и других стран существуют примеры, когда, казалось бы, относительно стабильные режимы, обладавшие внушительным аппаратом подавления, рушились под ударами не воспринимавшихся достаточно влиятельными, оппозиционных сил. Таковой стала победа исламской революции в Иране в 1979 г. и крах правящих режимов в Тунисе и Египте в период «арабской весны» 2011 г. История Российского государства в XX веке также дважды показала такой пример. Первый раз, когда Российская империя рухнула в течении нескольких дней в феврале 1917 г. и второй раз, когда также в течении нескольких дней потерпел крах Советский союз в августе 1991 г. Пример иного рода показал Алжир, когда армия прервала в 1992 г. выборный процесс, не допустив тем самым легитимного прихода к власти исламистов ИФС. Алжирские военные аргументировали тогда свои действия тем, что таким образом удалось спасти Алжир от межконфессионального противо-

²⁶ Цит. по: Садок Шаабан. Указ. соч. С. 45.

²⁷ Согласно публикациям Мухаммеда аль-Хашми Хамди, бывшего руководителя студенческого крыла ДИН (Hamdi Elhachmi M. The Politicisation of Islam. A Case Study of Tunisia. Boulder (Colorado) and Oxford (United Kingdom): Westview Press, 1998. P. 62–63), руководство Бен Али в результате ареста и допроса военнослужащего, завербованного ДИН за несколько дней до планируемого переворота и затем также ареста ряда членов военного крыла ДИН, раскрыло планы ДИН. Цит. по: М. Ф. Видясова, В. В. Орлов. Указ. соч. С. 77.

²⁸ Садок Шаабан. Указ. соч. С. 61.

стояния, полномасштабной гражданской войны и сохранить территориальную целостность страны. Это во многом может быть признано правомерным, хотя и стоившим Алжиру длительного вооруженного противостояния с радикальным исламизмом и десятков тысяч жизней алжирских граждан.

В свою очередь в отношении намерений тунисского ДИН захватить власть в 1987 г. известный тунисский государственный и общественный деятель, получивший степень доктора политических наук в Сорбонне, Мезри Хаддад имел свое мнение. Он предполагал, что тунисские исламисты «способствовали краху Бургибы и надеялись разделить власть с Бен Али по примеру египетских Братьев-мусульман, сотрудничавших с Насером в первые месяцы его прихода к власти»²⁹. Однако вряд ли можно согласиться с этим мнением. Во-первых, если режим короля Фарука в Египте действительно был противником, как для Гамалия Абделя Насера, так и для Братьев-мусульман и на определенном этапе они были союзниками, то Бен Али, являясь премьер-министром, фактически возглавлял режим Бургибы. Отстранение же от власти престарелого президента Бургибы было продиктовано стремлением Бен Али не допустить своего смещения с поста премьер-министра и взятия в свои руки всей полноты власти. Во-вторых, Бен Али, жестко преследовавший тунисских исламистов и враждебно относившийся к идеологии политического ислама, вряд ли был способен пойти на какое-либо соглашение с ДИН.

В отношении исламистского заговора в Тунисе скорее всего, необходимо согласиться с отечественными исследователями М. Ф. Видясовой и В. В. Орловым, которые считают, что Садок Шаабан и другие апологеты Бен Али преувеличили масштабы исламистской опасности, которую он предотвратил и создали Бен Али «образ „спасителя отечества“»³⁰. Исламисты ДИН в 1987 г. все-таки не представляли столь серьезную угрозу для Туниса, каковой, например, являлся возможный приход к власти «Исламского фронта спасения» в начале 1990-х годов для алжирского общества. Еще один фактор, способствовавший быстрому и безболезненному переходу власти от Бургибы к Бен Али и успешному предотвращению им исламистского заговора приводил Тауфик аль-Мадини, тунисский исследователь, специализирующийся на проблематике политического ислама в арабском мире. Так, он отмечал поддержку Бен Али в его намерении отстранить от власти Бургибу со стороны спецслужб Италии, действовавших в контакте с ЦРУ США, а также с израильским Моссадом³¹. Основы-

²⁹ Mezri Haddad. La face cachee de la revolution tunisienne. Edition Apopsix. P., 2011. P. 392.

³⁰ М. Ф. Видясова, В. В. Орлов. Указ. соч. С. 77.

³¹ Тауфик аль-Мадини. Сукут ад-дауля аль-булисий фи тунис. Ад-дар аль арабийя ли ль-улум наширун (Тауфик аль-Мадини. Крах полицейского государства в Тунисе. Издательство Арабский дом знаний — араб. яз.). Бейрут, 2011. С. 50.

ваясь на своих исследованиях, Тауфик аль-Мадини утверждает, что руководители спецслужб стран НАТО, а именно, США и Италии, также, как их политическое руководство, были обеспокоены негативным развитием ситуации в Тунисе. А именно, тем, что престарелый президент Бургиба был не в состоянии адекватно руководить страной и противостоять радикальным исламистам. Поэтому его замена на генерала Бен Али, с которым спецслужбы Запада имели давние контакты³², вполне соответствовала их интересам в отношении Туниса³³. Аналогичные данные приводились во французских исследованиях, обнародовавших отчет делегации Конгресса США после посещения Туниса в мае 1987 г., в котором Бен Али характеризовался, как «действительный претендент на замещение Бургибы»³⁴.

³² После получения независимости Тунисом в 1956 г. Зин аль-Абидин Бен Али (род. 1936 г.) был включен в состав молодых офицеров, направленных на обучение во Францию, в престижное военное училище Сен-Сир. Затем по протекции отца своей первой жены, полковника, служившего в командных структурах тунисской армии, Бен Али был направлен для продолжения обучения в США в Высшую школу разведки, находившуюся в г. Балтимор, в которой, как правило, проходили обучение офицеры из развивающихся стран. Высшая школа разведки работала под эгидой ЦРУ США, которое налаживала контакты с наиболее перспективными офицерами, обучающимися здесь, с тем, чтобы затем использовать их для продвижения военно-политических интересов США в странах, откуда они прибыли. В числе таких офицеров, как утверждает Тауфик аль-Мадини, был Бен Али. После возвращения в Тунис в 1958 г. Бен Али был назначен на пост руководителя военной контрразведки тунисской армии, на котором находился 16 лет, до 1974 г. Затем он работал в качестве военного атташе при посольстве Туниса в Марокко с 1974 по 1977 г. По возвращению в Тунис Бен Али, которому было присвоено звание генерала, возглавлял национальную службу безопасности. С 1981 по 1983 гг. Бен Али снова выполняет дипломатическую миссию в качестве посла Туниса в Польше. С 1984 г., назначенный на пост статс-секретаря по делам национальной безопасности, Бен Али становится одним из наиболее доверенных лиц президента Бургибы. Он присутствует на всех заседаниях правительства, ежедневно предоставляет Бургибе отчет о положении в стране и свои предложения по наиболее острым проблемам внутренней стабильности — исламистскому движению, оппозиции в политических партиях, студенческой среде и профсоюзах, См. Тауфик аль-Мадини. Указ. соч. С. 45–48.

³³ Тауфик аль-Мадини ссылается на опубликованный в итальянской газете Ла Република (La Repubblica) от 11 октября 1999 г. отчет адмирала Вульфio Маритини, возглавлявшего итальянскую военную разведку с 1984 по 1991 годы перед итальянским парламентом, а также на публикации Ахмада Банура, бывшего статс-секретаря по обороне и безопасности правительства Туниса и бывшего посла Туниса в Италии, проживавшего с 1986 г. во Франции. Тауфик аль-Мадини приводит также высказывания адмирала Маритини о том, что спецслужбы Алжира, обеспокоенные ситуацией в Тунисе, планировали в 1985 г. с санкции руководства Алжира предпринять вмешательство в Тунис с целью стабилизация его режима. В связи с этим адмирал Маритини по просьбе итальянского правительства встречался с руководством алжирских спецслужб и предостерегал их от вмешательства в тунисские дела. См. Тауфик аль-Мадини. Указ. соч. С. 49–51.

³⁴ Nicolas Beau et Jean-Pierre Tuquoi. Notre ami Ben Ali — l'envers du «miracle tunisien». Edition La Decouverte. P., 1999. P. 240.

Заявления Бен Али о необходимости демократизации политической жизни, сделанные после его прихода к власти, были позитивно восприняты большинством общественно-политических сил. Тем более, что в последующие месяцы был предпринят ряд мер в этом направлении. Такие партии легальной оппозиции, как Тунисская коммунистическая партия (ТКП) и Движение демократов-социалистов (ДДС) получили возможность издавать свои газеты и журналы. В 1987–1988 гг. в результате объявленной всеобщей амнистии были освобождены из тюрем более 4,5 тыс. политических заключенных, в том числе руководитель ДДС Ахмед Местири, бывший генеральный секретарь Всеобщего тунисского союза труда (ВТСТ)³⁵ Хабиб Ашур и лидер ДИН Рашид Ганнуши. Что касается профсоюзного движения, то была разрешена деятельность, как Всеобщего тунисского союза студентов (ВТСТ), лидеры которого стояли на исламистских позициях, так и Всеобщего союза тунисских студентов (ВСТС), имевшего лево-демократическую направленность (оба студенческих профсоюза были запрещены в период правления Бургибы). В последствии Палата депутатов (парламент) упразднила Суд государственной безопасности и чрезвычайные трибуналы, ликвидировала наказание в виде каторжных работ. В декабре 1987 г. был создан Конституционный совет, задачей которого являлась оценка наиболее важных законопроектов с точки зрения их соответствия Конституции в от-

³⁵ Довольно значительную роль в Тунисе играло и продолжает играть профсоюзное движение и общественные организации. Первое было представлено целым рядом профсоюзных и корпоративных организаций. Наиболее значительными из них являлись Всеобщий тунисский союз труда (ВТСТ), входивший в Международную конфедерацию свободных профсоюзов и Международную федерацию арабских профсоюзов, Тунисский союз промышленности, торговли и ремесла, объединявший ремесленников, коммерсантов и мелких хозяев в сфере производства и торговли, Национальный союз аграриев и рыбаков — массовая организация тунисских крестьян и работников рыбных промыслов. В Тунисе функционировало также ряд мусульманских общественно-просветительских и благотворительных организаций. Наиболее известным являлось Движение исламистов-прогрессистов, издававшее свой печатный орган — журнал «15–21». Достаточно влиятельными еще со времен правления президента Бургибы являлись женские организации, объединенные в Национальный союз тунисских женщин (НСТЖ), который насчитывал более 45 тыс. членов. НСТЖ активно выступал за эмансипацию и участие женщин в общественно-политической жизни, организовывал курсы по ликвидации неграмотности, оказывал юридическо-правовую и материальную помощь одиноким женщинам, содействовал их трудоустройству (автору этих строк во время пребывания в Тунисе не раз приходилось слышать полу-шутливые жалобы тунисцев на то, что тунисские женщины имели больше прав, в частности при разводе и разделе имущества, чем мужчины). Кроме того в Тунисе существовали союзы и объединения журналистов, литераторов, кинематографистов и других представителей творческой интеллигенции, а также легально действовали две правозащитные организации — оппозиционная властям Тунисская лига защиты прав человека и находившаяся под эгидой правительства Тунисская ассоциация защиты прав человека и общественных свобод.

ношении гражданских прав и свобод. Одним из первых законов, принятых после прихода Бен Али к власти стал Закон о политических партиях (Закон № 32 от 3 мая 1988 г.), закрепивший переход от однопартийной к многопартийной системе. Тем не менее в реальности правящей партией оставалось ДКО³⁶. Важной особенностью нового закона стала обязанность министра внутренних дел обращаться в судебную инстанцию в случае принятия решения о роспуске политической партии, в то время как в предыдущем Законе об ассоциациях (1959 г.) такая процедура была не обязательной³⁷. Среди главных положений нового закона фигурировал запрет политическими партиями использовать в своей деятельности и программах «религию, язык, расово-этническую, половую или региональную принадлежность»³⁸, что не давало возможности создавать политические партии на конфессиональной основе. Кроме того партии должны были оставаться независимыми от какого бы то ни было иностранного влияния, им также запрещено получать любую форму помощи от зарубежных организаций и физических лиц. В преддверии первой годовщины прихода к власти Бен Али его руководство инициировало выработку «Национального пакта», который провозглашал основные принципы политической системы Тунисской Республики и должен был способствовать национальному консенсусу. «Национальный пакт» подписали руководители наиболее значимых общественных и политических организаций страны, в том числе лидер умеренных исламистов Нур эд-Дин Бхири³⁹. «Национальный пакт» подтверждал основные реформаторские законы, принятые в период правления Бургибы, в том числе «Кодекс гражданского состояния». Наряду с этим подчеркивалась принадлежность Туниса к арабо-исламской цивилизации. В то же время провозглашалось, что мечети должны контролироваться государством с тем, чтобы они не превращались в трибуны политической пропаганды, и закреплялось положение о недопустимости использования религии в политических целях. Движение исламской направленности (ДИН) на своем очередном съезде в 1989 г., прошедшем накануне парламентских и президентских выборов, выработало манифест, в котором, видимо сообразуясь с новой ситуацией в стране, делался упор на приверженности республикан-

³⁶ Политическая платформа ДКО была близка программам социал-демократических партий Западной Европы, с которыми она поддерживала активные связи, являясь также членом Социалистического Интернационала и Африканского социалистического демократического интернационала (АСДИ), штаб-квартира которого находилась в г. Тунисе.

³⁷ Цит. по: Долгов Б. В. Радикальный исламизм в странах Магриба // Ближний Восток: вызовы XXI века (сборник статей). Учреждение Российской Академии наук. Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока. Москва. 2009. 248 стр. С. 88.

³⁸ Цит. по: Видясова М. Ф., Орлов В. В. Указ. соч. С. 80.

³⁹ Долгов Б. В. Исламизм в контексте меж цивилизационного противодействия. Указ. соч. С. 95.

ским ценностям и развитию гражданского общества. Наряду с этим ДИН, в соответствии с требованиями закона о партиях в феврале 1989 г. изменило название и стало называться «ан-Нахда» (Возрождение). Однако ей было отказано в регистрации под предлогом использования ислама в политических целях и, тем не менее, разрешен выпуск своей газеты «Фаджр» (Заря). На парламентских выборах в апреле 1989 г. подавляющее большинство получила президентская партия ДКО, за кандидатов которой проголосовало более 80 % избирателей и завоевавшая все 141 место в Палате депутатов (парламенте). За единственную кандидатуру Бен Али на президентских выборах отдали свои голоса свыше 99 % тунисских граждан, имевших право голоса. Что касается исламистской ан-Нахды, также выставившей своих кандидатов на парламентских выборах в качестве независимых, то данные об их результатах существенно различаются в разных источниках от 14,53 % до 17 %⁴⁰, так как в списках независимых баллотировались наряду с исламистами представители других, в частности, левых партий. В свою очередь, выше упоминавшийся Садок Шаабан, указывая цифру 8 % избирателей, проголосовавших за кандидатов ан-Нахды, заявлял, что «действовавшие положения избирательного кодекса помогли не допустить на парламентскую скамью фанатиков»⁴¹.

2. Тунисское общество и исламистское движение в 1980–2010-х годах

Движение ан-Нахда в конце 1980-х – начале 1990-х годов пыталось восстановить свое влияние и привлечь в свои ряды новых членов, особенно из среды государственных служащих, военных и сотрудников правоохранительных структур. В тоже время внутривнутриполитическую ситуацию в Тунисе в феврале 1990 г. обострил террористический акт в столице Туниса, направленный против районного бюро партии ДКО, в результате которого погиб один из его охранников и второй получил ранение. Признательные показания задержанных участников теракта подтвердили причастность к нему радикального крыла ан-Нахды. Причем Абд аль-Фаттах Муру, занимавший пост генерального секретаря ан-Нахды и Фадель аль-Бальди, председатель ее *меджлис аш-шуры* (консультативного совета) опубликовали коммюнике, в котором осудили теракт и приостановили свое членство в ан-Нахде, подтвердив, тем не менее, что преступные действия были совершены «с одобрения некоторых лидеров нашего движения»⁴². В ходе проведенного рас-

⁴⁰ Видясова М. Ф., Орлов В. В. Указ. соч. С. 84.

⁴¹ Садок Шаабан. Указ. соч. С. 142.

⁴² Цит. по: Видясова М. Ф., Орлов В. В. Указ. соч. С. 90.

следования власти заявили о раскрытии «заговора исламского движения», организаторы которого, якобы, планировали покушение на президента Бен Али, и приступили к массовым арестам сторонников ан-Нахды.

В начале 1990-х годов в Тунисе военными трибуналами были осуждены к различным срокам заключения около 300 руководителей среднего звена и активистов ан-Нахды, а непосредственные исполнители террористических актов (28 человек) приговорены к смертной казни. В результате организационная структура ан-Нахды была практически разгромлена и исламистское движение выведено из общественно-политической жизни Туниса. Что касается руководителей «ан-Нахды», то Салах Каркар с конца 1980-х годов проживал во Франции и находился под надзором полиции. Рашид Ганнуши с начала 1990-х годов находился на полулегальном положении в Лондоне, продолжая, тем не менее, поддерживать контакты с лидерами алжирского «Исламского фронта спасения» и суданского «Национального исламского фронта», во главе которого стоял известный исламистский идеолог Хасан ат-Тураби. В конце 1990-х годов многие осужденные заочно тунисские исламисты, покинувшие страну, обратились к президенту Бен Али с просьбой об амнистии и предоставлении возможности вернуться в Тунис. От имени желавших возвратиться выступал один из исламистских лидеров, главный редактор издававшейся в Лондоне исламистской газеты «аль-Мустакылля» (Независимая) Хашеми аль-Хамди. Бен Али пошел им навстречу, обусловив возвращение запрещением политической деятельности амнистированных.

Необходимо отметить, что большинство политического истеблишмента Туниса, так же, как многие рядовые граждане поддерживали действия властей против ан-Нахды. Этому в немалой степени способствовали официальные СМИ, показывавшие подлинные и мнимые доказательства актов насилия со стороны исламистов, а также ситуация в соседнем Алжире, где с начала 1990-х годов началось вооруженное противостояние властей с радикальной частью Исламского фронта спасения (ИФС). Одним из решений руководства Бен Али, направленных на уменьшение влияния исламистской идеологии стала реформа системы образования в Тунисе. Первыми мерами в этом направлении, предпринятыми вновь назначенным министром по делам национального образования, высшей школы и научных исследований Мухаммедом Шарфи, явилось изъятие из школ учебников, в которых проповедовались идеи исламизма, а также запрещение ношения в учебных заведениях хиджаба и восстановление в лицеях совместного обучения юношей и девушек⁴³. Руководство Бен Али являлось

⁴³ Мухаммед Шарфи — юрист по образованию, являлся основателем и президентом Тунисской лиги по правам человека. Он известен также как непримиримый противник исламистской идеологии и сторонник развития Туниса по светскому пути. См. Долгов Б. В. Исламизм и демократия в арабских странах (на примере Туниса). С. 41.

убежденным противником исламистского движения, в следствии чего исламисты в Тунисе, в отличие от умеренных исламистов в Алжире, с начала 1990-х годов были исключены из политической жизни. Они не имели официально зарегистрированных политических партий и поэтому не могли сколько-нибудь значительно влиять на общественно-политическую жизнь. Сторонники политики Бен Али объявляли, что «Тунис стремится перейти к демократии без участия фундаментализма, — аргументируя это тем, что исламистские движения, — в принципе не признают демократию и считают верующими только тех, кто подчиняется их воле»⁴⁴. В то же время Бен Али, сохраняя достаточную преемственность с бургибовским наследием, тем не менее отказался от открытой и иногда даже демонстративно провозглашавшейся его предшественником светскости. Бен Али подтверждал принадлежность Туниса к арабо-мусульманскому миру, он регулярно посещал мечеть, все его речи начинались с мусульманской формулы «Во имя Аллаха милостивого, милосердного», чего не было во времена его предшественника Х. Бургибы. Наряду с этим в Тунисе постоянно проводились конкурсы на лучшего чтеца Корана, действовали мусульманские общественно-просветительские и благотворительные организации, которые, не ставя перед собой политических целей, считали своей задачей улучшение общественной морали путем пропаганды и распространения коранических знаний, мусульманских морально-этических норм и благотворительной деятельности⁴⁵.

Если рассматривать общественно-политические процессы, происходившие в Алжире и в Тунисе в конце 1980-х — начале 1990-х годов, то можно отметить, что в обеих странах они имели в достаточной степени схожие черты. Они характеризовались, с одной стороны, попыткой властей провести некую демократизацию государственно-политической системы и, с другой стороны, подъемом исламистского движения. Необходимо отметить также, что обе страны, являясь в прошлом колониями Франции, испытали определенное цивилизационное влияние французской культуры. Оно проявлялось в формировании в обществе групп, ориентированных на экономические и политические контакты с бывшей метрополией, участием Алжира и Туниса в международных и региональных структурах под эгидой Франции, каковым был, например, Средиземноморский проект, а также повсеместное использование французского языка. Наряду с этим и в Алжире и в Тунисе высоко чтилась и героизировалась память о национально-освободительной борьбе за независимость. В то же время историческое наследие антиколониальной борьбы наряду с

⁴⁴ Садок Шаабан. Указ. соч. С. 64.

⁴⁵ Долгов Б. В. Арабский мир в начале XXI века // Восток. Российская Академия наук. Институт востоковедения, Институт Африки. Москва. «Наука», 2009. № 5. С. 93.

усилением ислама и исламистского движения в обществе оказали влияние на принятие, как в Алжире, так и в Тунисе программ арабизации. Они санкционировали переход с французского на арабский язык образовательной системы, делопроизводства в государственных учреждениях, а также во многом сферы культуры и искусства. Как отмечалось выше, реализация политики арабизации способствовала прибытию в Алжир и Тунис преподавателей и специалистов арабского языка из других арабских стран. Многие из них преследовались у себя на родине, являясь носителями исламистской идеологии, которую они распространяли в Алжире и Тунисе. Тем не менее процесс демократизации, его методы и цели в обеих странах отличались. В Алжире на рубеже 1980–1990-х годов была попытка проведения широких демократических преобразований, затронувших, как было отмечено выше, все стороны общественно-политической жизни. В результате на основе новой конституции была введена многопартийная система, бывшая правящая партия ФНО потеряла свою монополию на власть, был создан целый ряд независимых СМИ. В алжирском парламенте был представлен такой спектр политических течений, от троцкистской Партии трудящихся (ПТ) до умеренно-исламистской Хамас, какого не знал на тот период ни один парламент арабского мира. Однако на волне демократизации в алжирском обществе широкое распространение получила исламистская идеология и сформировалось самое массовое в арабском мире исламистское движение Исламский фронт спасения (ИФС). Его попытка придти к власти легитимным путем в результате победы на парламентских выборах в 1992 г. была прервана военными, что спровоцировало радикализацию ИФС и длительное вооруженное противостояние исламистов с властями.

В то же время внутреннюю политику руководства Бен Али можно охарактеризовать, в отличие от Алжира, как фасадную демократию или имитацию демократизации. В Тунисе создавались формально демократические институты власти, за фасадом которых действовал авторитарный режим. Тем не менее, в 1997 г. Палата депутатов (парламент) Туниса утвердила ряд поправок к конституции, которые, в частности, гарантировали оппозиции 20 % мест в Палате депутатов, количество мест в которой увеличивалось до 189. Затем в 2002 г. на всенародном референдуме был одобрен проект новой конституции, предусматривавший создание двухпалатного парламента (наряду с Палатой депутатов создавался Консультативный совет⁴⁶), проведение президентских выборов в два тура, участие в

⁴⁶ Согласно принятым поправкам к тунисской конституции Консультативный совет состоял из 126 членов. Часть из них избиралась депутатами Палаты депутатов (85), часть назначалась главой государства (41). URL: <http://www.tunisiaonline.com/news> (Дата обращения — 7.07.2015).

них кандидатов от различных партий⁴⁷. Однако реальная власть и практически тотальный контроль над общественно-политической жизнью в стране принадлежали правящей группировке Бен Али. Так, например, численность ДКО по официальным данным на 1997 г. достигала 2,2 млн членов⁴⁸, в то время как население Туниса на тот же период составляло около 10 млн чел. Председателем ДКО являлся президент Бен Али. ДКО располагало разветвленной партийной структурой, как в столице, так и на местах, а также сильным пропагандистским аппаратом. Это давало ей по-

⁴⁷ В парламенте Туниса в 2000-е годы были представлены шесть партий: Демократическое конституционное объединение (ДКО), Партия народного единства, Социально-либеральная партия, Партия Обновления, Движение демократов-социалистов и Демократическо-юнионистский союз. Они имели официальное право участвовать в президентских, парламентских и муниципальных выборах. Наиболее известными и относительно влиятельными являлись: партия лево-демократической направленности «ат-Тадждид» (Партия Обновления), возглавляемая Мухаммедом Али Халуани и примыкавшее к ней объединение «Демократическая инициатива»; поддерживавшая правительственную политику «Партия народного единства», генеральным секретарем которой являлся Мухаммед Бушиха и стоявшая на обще демократической платформе «Социально-либеральная партия» во главе с Муниром Бежи. В апреле 2004 г. сформировалась тунисская «Партия зеленых», примыкавшая по своей политической направленности к лево-демократическому спектру. Долгое время считавшаяся основной партией демократической оппозиции «Движение демократов-социалистов» (имевшая наибольшее по сравнению с другими партиями, кроме правящей ДКО, количество депутатов в парламенте — 19) в 2000-х годах переживала внутренний кризис и раскол в своем руководстве. Другие легально действовавшие политические партии обще демократической направленности, такие как «Демократическо-юнионистский союз», «Демократическая партия прогресса», «Демократический форум за труд и свободу» не обладали значительным электоратом и влиянием. Особо следует выделить организации официально не имевшие статус политической партии, но в то же время пытавшиеся активно влиять на общественно-политическую жизнь, представляя на выборах своих кандидатов в качестве независимых. Из исламистских, это, прежде всего находившаяся на полулегальном положении партия «ан-Нахда», утратившая во многом свое влияние в обществе и, тем не менее остававшаяся наиболее значительной исламистской группировкой в Тунисе. Кроме «ан-Нахды» в стране действовали еще несколько немногочисленных нелегальных исламистских организаций, наиболее значительной из которых являлась «Партия исламского освобождения», руководство которой находилось за пределами Туниса. Еще одной официально непризнанной политической партией, которая критиковала правящий режим с лево-социалистических позиций, являлась «Тунисская коммунистическая рабочая партия», стоявшая на позициях троцкизма. В то же время в Тунисе действовали на полулегальной и нелегальной основе небольшие объединения различной политической направленности от арабских националистов, баасистов и насеристов до ультра-левых социалистов и радикальных исламистов. См. Долгов Б. В. Исламизм и демократия в мусульманских странах (на примере Туниса) // Ближний Восток и современность. Сборник статей. Институт Ближнего Востока, Институт востоковедения РАН. Москва, 2006. С. 48–50.

⁴⁸ История Востока: В 6 т. / Т. 6: Восток в новейший период (1945–2000 гг.). Институт востоковедения РАН, 2008. С. 120.

давящее преимущество в ходе выборных кампаний над другими политическими партиями, которые не представляли собой серьезных конкурентов для ДКО ввиду их малочисленности, а также организационной и политико-идеологической слабости. Наряду с этим, в отличие от Алжира, где партии умеренных исламистов были интегрированы в общественно-политическую жизнь, Бен Али жестко преследовал любую активность «политического ислама». В связи с этим исламизм, как явление мусульманской общественной мысли, в наименьшей степени по сравнению с Алжиром и другими арабскими странами влиял на политическую динамику Туниса. Сторонники политического курса Бен Али, аргументируя данную ситуацию, заявляли, что «исламские фундаменталисты надеялись превратить Тунис в полигон для своей деятельности во всем регионе, но потерпели поражение. Поэтому Тунис переходил к демократии без участия фундаментализма»⁴⁹.

Проводя политику дальнейшей адаптации к рыночной модели, тунисское руководство с помощью специалистов Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка (ВБ) разработало программу структурного реформирования экономики. Ее реализация, как это происходило практически во всех странах, следовавших рекомендациям МВФ-ВБ, приводила к некоторому улучшению макроэкономических показателей и, в то же время к ослаблению социальной сферы. В тунисской экономике важную роль играли иностранные инвестиции, привлечению которых способствовало вхождение Туниса в 1995 г. в Европейский союз (ЕС) на правах ассоциированного члена и последующее присоединение Туниса в 2008 г. к зоне свободного обмена капиталами и рабочей силой ЕС. На тунисском рынке работало более 2 тыс. 500 иностранных компаний, а тунисскими инвесторами являлись такие известные международные корпорации как Бритиш газ, Алкател, Бенеттон, Сименс. Широкое развитие получила банковская система, насчитывавшая к 2005 г. более 20 банков. Тунисское руководство проводило политику широкой приватизации и акционирования, в том числе в банковской сфере. Крупнейшими на тунисском финансовом рынке (так же как и в других областях экономики) являлись французские акционеры, в частности банк «БНП Пари» и «Сосьете женераль». Реформирование экономики на основе свободного рынка и широкая приватизация в Тунисе, наряду с известным положительным эффектом сопровождались, как это имело место в Алжире, Египте, а также в России и, отчасти в Восточной Европе, такими негативными явлениями, как развитие коррупции, усиление расслоения общества и рост уровня безработицы (14,3 % в 2003 г.), в том числе среди дипломированных выпускников вузов. Серьез-

⁴⁹ Садок Шаабан. Указ. соч. С. 65.

ным испытанием для тунисской экономики (в частности для текстильной промышленности) стала нарастающая конкуренция со стороны новых членов ЕС из Восточной Европы, которые увеличивали свой экспорт в страны ЕС, а также большая открытость тунисского рынка после присоединения страны к свободной зоне ЕС. Тем не менее, ретроспективный обзор развития тунисской экономики показывал, что страна добилась определенных результатов. Среднегодовой прирост ВВП стабильно составлял свыше 5 % (в 2003 г. 5,6 %), объем ВВП с 1988 по 2003 гг. вырос более, чем в два раза с \$9 млрд до \$25 млрд, инфляция, составлявшая в период с 1980 по 1988 гг. в среднем 7,7 % в год, к 2003 г. сократилась до 2,7 %, валютные резервы выросли с \$976 млн в 1988 г. до \$2,95 млрд в 2003 г.⁵⁰

Начальным образованием были охвачены практически все дети старше шести лет. В Тунисе были расширены старые и созданы новые университетские центры. Наряду с этим процент молодежи в возрасте от 19 до 24 лет, обучавшийся в вузах, вырос с 6 % в 1987 г. до 31 % в 2004 г. В процентном отношении к населению по числу студентов Тунис занимал одно из первых мест в арабских странах. Определенный прогресс был достигнут в борьбе с неграмотностью. Так, число неграмотных среди взрослых старше 15 лет в 2003 г. в Тунисе составило 17 % (мужчины) и 37 % (женщины). Среди стран-соседей Тунис уступал в этом показателе только Ливии — 8 % (мужчины) и 29 % (женщины). В Алжире — соответственно 22 % и 40 %, в Марокко — 37 % и 62 %, в Египте — 33 % и 56 %⁵¹. Среднегодовой доход на одного тунисца вырос с 950 тунисских динаров в 1987 г. до 3 тыс. 550 тунисских динаров (примерно \$2000) в 2004 г. Для сравнения среднегодовой доход на одного жителя в 2004 г. в Алжире составлял \$1 тыс. 720, в Египте — \$1 тыс. 470, в Марокко — \$1 тыс. 190. Процент населения живущего за чертой бедности (доход которых составлял менее \$2 в день) в Тунисе сократился с 7 % в 1987 г. до 4 % в 2004 г. Этот же показатель в 2004 г. в Марокко составлял 14,3 %, в Алжире — 15,1 %, в Египте — 43,9 %. Средняя продолжительность жизни в Тунисе выросла с 66 лет в 1987 г. до 70,8 лет (мужчины) и 74,9 лет (женщины) в 2004 г. Соответственно в 2004 г. продолжительность жизни в Алжире составила 68,1 год (мужчины) и 71,3 года (женщины), в Марокко — 66,8 лет (мужчины) и 70,5 лет (женщины), в Египте — 66,7 лет (мужчины) и 71 год (женщины). Показатель детской смертности (детей младше 5 лет) на 1 тыс. жителей в 2004 г. в Тунисе составил 29 (мальчики) и 24 (девочки). Для сравнения в Алжире этот же показатель составляет 52 (мальчики) и 45 (девочки), в Марокко — 58 (мальчики) и 46 (девочки), в Египте —

⁵⁰ Статистические данные Всемирного банка и Международного валютного фонда // *Jeune Afrique/L'Intelligent*, no. 2284, 2004. P. 57.

⁵¹ *Jeune Afrique/L'Intelligent*, no. 2285, 2004. P. 39.

52 (мальчики) и 44 (девочки)⁵². Все эти факторы позволили в 2004 г. президенту Франции отозваться о Тунисе как об оазисе спокойствия в арабском мире и тунисском экономическом чуде.

В последующие годы положительная динамика в экономике сохранялась. Так, ВВП по паритету покупательной способности (ППС) в расчете на душу населения в 2009 г. в Тунисе составил \$8.000 (122-е место в мире). Для сравнения — на тот же период в Алжире этот показатель равен \$7.100 (124-е место), в Марокко — \$4.600 (147-е место). Рост ВВП в Тунисе, по данным МВФ, в 2010 г. составил 3,7 %, средняя продолжительность жизни составила 74 года. По официальным тунисским данным, которые, тем не менее, подвергали сомнению ряд экспертов, две трети тунисских семей проживали в собственном доме, каждый пятый тунисец владел личной автомашиной, численность среднего класса в Тунисе составляла 84,8 % населения⁵³.

Наряду с данной позитивной динамикой в экономике, в социально-политической сфере доминировала тенденция усиления авторитарной власти и формирование государственно-политической системы, которую представители тунисской диссидентской оппозиции определяли, как «полицейское государство». Так, в конституцию дважды вносились соответствующие поправки, чтобы преодолеть возрастные ограничения и предоставить Бен Али возможность баллотироваться в президенты. Это позволило действовавшему президенту Бен Али (род. 1936 г.) выставлять свою кандидатуру и быть избранным на пост президента на четвертый (2004–2009 гг.) и затем — на пятый мандат (2009–2014 гг.). Правящая элита, возглавлявшаяся Бен Али состояла из руководства ДКО, высшего слоя государственной бюрократии и полицейского аппарата подавления, прежде всего службы безопасности (DST). Число членов тунисской правящей партии ДКО, являвшейся одним из инструментов властной структуры руководства Бен Али, как указывалось выше, достигало 2,2 млн чел. Если учесть, что членом ДКО мог стать гражданин Туниса, достигший возраста 20 лет, то можно заключить, что почти треть взрослого населения Туниса являлась членами ДКО и, подчиняясь партийной дисциплине, выполняла волю его руководства, то есть Бен Али и его окружения. Таким образом, о какой-то политической борьбе на парламентских и президентских выборах и существовании реальной демократии в Тунисе, говорить не приходилось. Наряду с этим в Тунисе функционировали также подконтрольные власти такие общественные профессиональные организации, как Союз

⁵² Данные Международного валютного фонда и Всемирного банка // *Jeune Afrique/L'Intelligent*, no. 2285, 2004. P. 39; *Etat de la population mondial*, 2004. URL: <http://www.unfpa.org> (Дата обращения — 3.11.2005)

⁵³ История Востока. Указ. соч. С. 123.

промышленников и предпринимателей, Национальный союз сельскохозяйственных производителей, состоявший из крупных землевладельцев и торговцев, а также Всеобщий тунисский союз труда, превратившийся в инструмент реализации политики Бен Али, после того, как он перестал выполнять свою функцию, как независимый профсоюз.

Президент Бен Али и его правящая группировка, находившиеся у власти с 1987 г. проводили свой политический курс, во многом опираясь на репрессивный аппарат. Сам Бен Али, занимавший ранее пост министра внутренних дел, имел звание генерала, и многие годы возглавлял спецслужбы Туниса. Численность полицейского аппарата, включавшего спецслужбы и политическую полицию увеличилась с 20 тыс. сотрудников во времена президента Бургибы до 150 тыс. в 2008 г. при Бен Али⁵⁴. Для сравнения, таким же по численности полицейским аппаратом на данный период обладала Франция, население которой (60 млн чел.) в шесть раз превышало население Туниса (около 10 млн чел.). Причем полицейский аппарат и службы безопасности в Тунисе пользовались безграничными властными полномочиями. Обладая возможностью контролировать практически все государственные и общественные институты, они были способны заблокировать любые формы реальной политической оппозиции режиму. Сотрудники полиции и служб безопасности, по заявлениям тунисских диссидентов и зарубежных правозащитных организаций, могли проводить обыски, не предъявляя документа, подтверждающего его законность, в жилищах граждан, офисах политических партий, общественных и профсоюзных организациях, производить аресты без соблюдения предписанных законом прав задержанных, применять избиения и пытки при допросах. Причем даже если данные нарушения законности становились достоянием гласности, виновные в них, как правило, не несли никакой ответственности, так как судебные органы под давлением службы безопасности закрывали такие дела. Полицейские органы производили аресты не только по малейшему подозрению в анти правительственной деятельности, но и творили произвол и беззаконие, заключая под стражу или, используя свое влияние, добиваясь увольнения с работы лиц, которые «негативно высказывались о сотрудниках полицейского аппарата или их родственниках и знакомых»⁵⁵.

В странах ЕС, в частности во Франции, неоднократно появлялись публикации об отсутствии подлинной демократии и нарушениях прав человека в Тунисе. Факты применения пыток, избиений и других нарушений законности сотрудниками полицейского аппарата в отношении тунисских

⁵⁴ Тауфик аль-Мадини. Указ. соч. С. 139.

⁵⁵ Там же.

граждан были зафиксированы в ряде отчетов не правительственных и право защитных организаций⁵⁶. В соответствии с докладами международной право защитной организации Amnesty International в тюрьмах Туниса в период правления Бен Али (1987–2011) находились от 2 до трех тысяч политических заключенных, большая часть которых были членами исламистской партии Нахда, и более 20 тысяч тунисских граждан получили политическое убежище за рубежом⁵⁷. Тунисские противники Бен Али, так же как и оппозиционеры многих других арабских режимов, как правило, получали политическое убежище в Западной Европе. Так, в Великобритании проживал Рашид Ганнуши, лидер тунисской исламистской партии Нахда и во Франции — руководитель оппозиционной тунисской партии Конгресс за республику Монсеф Марзуки.

Одними из главных характерных черт, присущих «тунисскому полицейскому государству» Бен Али, которые отмечали и осуждали его тунисские и зарубежные критики являлись коррупция и клиентелизм. В соответствии с данными французских исследователей, шесть тунисских семейных кланов распоряжались всеми ресурсами и финансово-экономической деятельностью Туниса. Их членами являлись родственники Бен Али, а также его друзья и коллеги, которые помогли ему придти к власти в ноябре 1987 г. Они занимали ключевые посты в ДКО, государственном аппарате, а также в финансово-экономических структурах Туниса, как государственных, так и частных⁵⁸.

⁵⁶ FIDH, hors serie de la lettre bimensuelle, Novembre 1998; Human Rights Watch, rapport mondial 1999; Conclusions et recommandations du comite contre la torture des Nations unies, Cat. C-Tun, 19 Novembre 1998.

⁵⁷ Цит. по: Тауфик аль-Мадини. Указ. соч. С. 140.

⁵⁸ Глава первого семейного клана Камаль Латыф, давний друг Бен Али, стал министром сельского хозяйства, его братья распоряжались распределением наиболее выгодных контрактов и предоставлением кредитов частному бизнесу. Второй семейный клан возглавлял Хабиб Омар, один из организаторов прихода к власти Бен Али в ноябре 1987 г. и получивший пост министра внутренних дел. Однако сын Омара был уличен в контрабанде из-за границы спиртных напитков и дорогих автомобилей, в связи, с чем Хабиб Омар был смещен со своего поста и направлен в Австрию в качестве посла Туниса. Главой третьего клана был Салим Шибуб, муж второй дочери Бен Али, являвшийся владельцем элитного и самого фешенебельного клуба E.S.T. в столице Туниса. Наряду с этим Салим Шибуб владел компанией, осуществлявшей посреднические операции между тунисскими и крупными иностранными бизнес-структурами, такими, как Northern Telecom, STEG, Ansaldo, STIL. Компания Салима Шибуба участвовала также в контрактах по заказам тунисского министерства обороны. Наряду с этим, по сведениям французских исследователей, Салим Шибуб был замешан в наркотрафике и отмывании полученных данным путем денег, которые хранились в банках стран Западной Европы и Латинской Америки. Через компанию Салима Шибуба осуществлялись приобретения недвижимости для семьи Шибуба, а также для Бен Али, в частности во Франции, в США и в Аргентине. Его брат Афиф Шибуб, был председателем одного из

Наиболее важные решения, касавшиеся внутренней и внешней политики, крупных финансово-экономических проектов и назначения на высшие государственные посты принимались узким кругом приближенных к Бен Али лиц, в котором важную роль играла его вторая жена Лейла Трабелси. Особенно влияние Л. Трабелси и ее клана на Бен Али усилилось в последние годы его правления, в том числе по причине ухудшения состояния его здоровья (по сообщениям французских СМИ Бен Али страдал раком простаты). Так, например, в ходе президентских выборов 2009 г., на которых Бен Али был избран на пятый президентский срок, Лейла Трабелси определяла состав СМИ, проводивших агитационные программы и сама участвовала в телевизионных передачах⁵⁹.

комитетов в тунисском парламенте и владельцем всей сети страховых компаний в Тунисе. Четвертый клан представлен семьей Салима Зарука, мужа старшей дочери Бен Али, ставшего владельцем всех предприятий по производству пластиковых изделий и крупнейшей компании по производству керамических изделий в Тунисе, а также наиболее влиятельным членом руководства Союза промышленников и предпринимателей. Пятый семейный клан возглавил Али Мабрук, муж третьей дочери Бен Али. Его члены являлись представителями международной компании Alcatel и управляющими структурой Интернета в Тунисе («Planet»), а также владельцами значительной доли акций в тунисской авиакомпании «Тунисские авиалинии». Шестой, наиболее могущественный клан возглавлял сам Бен Али и его вторая жена Лейла Трабелси, которую тунисцы называли «парикмахершой», поскольку она в молодости работала в салоне красоты. В данный клан входили наиболее приближенные к Бен Али персоны. А именно, Абдель-Ваххаб Абдалла, официальный пресс-секретарь Бен Али и глава цензурной службы, Абдалла аль-Кааби, министр внутренних дел, отвечавший также за охрану президента, Мухаммед Али Канзуи, государственный секретарь по национальной безопасности, Мухаммед Шукри, организатор всех политических интриг, своеобразный «серый кардинал» правящего клана, а также Абд ар-Рахим аз-Завари, министр иностранных дел, Мустафа Бу Азизи, министр землепользования и высшие чины Министерства внутренних дел. См. *Les familles qui pillent La Tunisie/L'Audace*. № 37, P., Fevrier 1998 et *L'Audace*. № 42–43, P., Juillet-Aout 1998.

⁵⁹ Лейла Трабелси (род. 1957) несколько лет была гражданской женой Бен Али, официальное оформление их брака состоялось после прихода Бен Али к власти. Л. Трабелси непосредственно принимала участие в принятии решений по различным государственным вопросам, особенно касавшихся внутренней политики и экономических проектов. Клан Лейлы Трабелси состоял из одиннадцати братьев и сестер, которые занимали ключевые посты в наиболее прибыльных отраслях экономики, в частности в операциях с недвижимостью, гостиничном и туристическом бизнесе. Причем пользуясь своим влиянием и связями члены клана Трабелси совершали финансовые операции, приносящие им многомиллионные прибыли. Так, например, братья Лейлы Трабелси Бель Хасан и Мурад скупали по символической цене 30 амер. долл. за 1 кв. м. земельные участки в престижных туристических зонах, в которых реальная цена земли равнялась 300 амер. долл. за 1 кв. метр. В последние годы правления Бен Али наибольшее влияние в семейном клане Трабелси приобрел Мухаммед Шакер аль-Матри (род. 1981 г.), зять Лейлы Трабелси, женатый на ее дочери Насрин. Он являлся самым состоятельным бизнесменом, владельцем ряда СМИ и входил в круг наиболее прибли-

Что касается определения политического режима Бен Али, то французские исследователи М. Камо и В. Жейсер характеризовали его, как «авторитарный синдром»⁶⁰. В свою очередь выше упоминавшийся тунисский эксперт Тауфик аль-Мадини справедливо называл режим Бен Али «полицейским государством». Исходя из реальной социально-политической ситуации в Тунисе в период правления Бен Али такие определения необходимо признать правомерными. При наличии всех формальных демократических институтов — всеобщих альтернативных выборов, двухпалатного парламента, многопартийной системы, разделения властей, профсоюзов, различных общественных, женских, молодежных организаций, Тунис представлял собой типичный пример квазидемократии, за фасадом которой действовал авторитарный полицейский режим.

Относительно таких выше приводившихся эпитетов, как «оазис спокойствия в арабском мире» и «тунисское экономическое чудо», дававшихся французским президентом Жаком Шираком в середине 2000-х годов, то их, вероятно можно считать во многом конъюнктурными и продиктованными конкретными интересами внешней политики Франции данного периода. На международной арене Тунис при Бен Али активно участвовал в Средиземноморском союзе, основным инициатором которого являлась Франция и лично президент Николя Саркози. Он, в свою очередь определял Тунис в качестве «стратегического партнера Франции», в том числе в плане борьбы с «международным терроризмом».

В то же время, если рассматривать итоги правления президента Бен Али с точки зрения экономического развития, то надо признать, что, как отмечалось выше, по официальным экономическим показателям Тунис занимал отнюдь не последнее место среди арабских стран. Однако в последние годы правления Бен Али социально-экономическая ситуация стала ухудшаться. Острой проблемой оставалась безработица, составившая в 2005 г. свыше 14 %. В последующие годы процент безработных несколько снизился. Однако в результате мирового финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2008 г. и достаточно сильно ударившего по тунисской экономике, число безработных вновь стало возрастать и достигло в 2010 г. по официальным данным 13,3 %, по неофициальным — 17 %⁶¹. Причем среди молодежи этот процент был существенно выше. Вокруг стареющего президента Зин аль-Абидин Бен Али (род. в 1936 г.), бессменно руково-

женных Бен Али лиц. По данным французских исследователей, Лейла Трабелси даже прочла аль-Матри на пост президента Туниса в случае кончины Бен Али. См. Nicolas Beau, Catherine Graciet. *La Regente de Carthage: main basse sur la Tunisie. La decouverte*. P., 2009; Тауфик аль-Мадини. Указ. соч. С. 217–223.

⁶⁰ Camau M., Geisser V. *Le syndrome autoritaire. Politique en Tunisie de Bourguiba a Ben Ali*. Presse de Science Po, 2003. Cit.: *L'Express*, 23.10.2003. P. 24.

⁶¹ Рашид Хашана. Указ. соч. С. 258.

дившего страной с 1987 г., процветала коррупция и протекционизм. Ключевые позиции в экономике и в распределении доходов, как указывалось выше, принадлежали членам семьи президента и приближенным к ним кланам в то время, как уровень жизни значительной части населения снижался. Это усиливало расслоение общества. Происходил значительный рост цен, в том числе на продукты питания, что явилось в значительной степени следствием мирового экономического кризиса 2008 г.⁶², который стал катализатором назревавшего социального протеста в Тунисе, так же, как и в других странах, затронутых «арабской весной». В Тунисе, в том числе в результате мирового кризиса произошло свертывание фосфатного производства, являвшегося одним из основных в экономике страны. Это привело к массовым увольнениям, что вызвало в 2008 г. широкое протестное движение в провинции Гафса, где расположены основные производственные мощности по добыче и переработке фосфатов. В протестных демонстрациях участвовали наряду с рабочими, члены их семей и безработные, выступавшие против снижения уровня жизни, роста цен, а также против коррупции и nepотизма правящего режима. Мировой кризис привел к резкому сокращению тунисского экспорта, ориентированного на страны ЕС, которые, в свою очередь, испытывали экономическую рецессию. В них происходило свертывание производства и сокращение покупательной способности населения. Значительно снизился объем инвестиций из стран ЕС в тунисскую экономику. Так, за первые три месяца 2010 г. он снизился по сравнению с аналогичным периодом 2009 г. на 20 % по данным ЕС, и на 61 % по тунисским данным⁶³. Ситуация ухудшалась в тунисской финансово-банковской сфере, также ориентированной на ЕС и испытывавшей все негативные последствия финансовых проблем банковской системы ЕС, в частности французского банка «Сосьете женераль». В результате мирового финансового кризиса сократилось число иностранных туристов, посещавших Тунис. До кризиса Тунис принимал ежегодно до 6 млн иностранных туристов, большую часть которых составляли граждане стран ЕС. Доходы от иностранного туризма являлись третьим по значимости источником валютных поступлений в бюджет, в туристической сфере работала значительная часть трудоспособного населения Туниса. В результате сокращения объема туризма, соответственно, многие работники этой отрасли пополнили ряды безработных. Наряду с этим страны ЕС

⁶² Banque Mondiale, "Perspectives pour l'économie mondiale 2009-Marche des produits de base", Washington, mars 2009. URL: <http://www.mondiploar.com/article25,2009> (Дата обращения — 29.01.2011).

⁶³ Цит. по: Рашид Хашана. Аль-интифада ат-туниссия: ад-давафи ва ат-тадаийат. Марказ аль-джазира ли-д-дирасат (Рашид Хашана. Тунисское восстание: причины и факторы. Исследовательский центр аль-Джазира). Бейрут, 2011 г.

также в связи с мировым кризисом стали сокращать количество принявших ими иммигрантов и иностранных рабочих, в том числе из Туниса. Это касалось как работников физического труда, так и тунисских дипломированных специалистов. Не имея возможности получить работу на родине, они пытались найти ее в Западной Европе. Экономический миграционный поток из Туниса был традиционно ориентирован на ЕС, куда направлялись 80 % тунисских мигрантов. В результате мирового кризиса эта возможность нахождения своей ниши на рынке труда также резко сократилась. В этой связи необходимо отметить, что наличие большого числа безработных выпускников вузов в Тунисе было обусловлено также тем, что предоставление получения высшего образования, позитивное само по себе, тем не менее, не учитывало реальные потребности страны в конкретных специалистах. В результате получилось некое «перепроизводство» дипломированных специалистов, особенно в гуманитарных областях. Так, если с 2000 по 2005 гг. число выпускников вузов, ежегодно получавших диплом о высшем образовании составляло около 40 тыс. в год, то к 2010 г. их число возросло до 80 тыс. в год⁶⁴. В результате процент дипломированных безработных по отношению к общему их числу вырос с 2 % в 2000 г. до 55 % к концу 2009 г.⁶⁵ Причем, если общее число безработных, среди которых также преобладали лица моложе 35 лет, в самостоятельном населении Туниса к 2010 г. достигало 17 %, то среди дипломированных выпускников вузов безработные составляли до 30 %, а по не официальным данным до 50 %⁶⁶. Необходимо отметить, что в большинстве арабских стран молодые люди в возрасте до 30 лет составляют до 50 % населения и выше. В Тунисе эта категория составляла 60 % населения⁶⁷. Именно молодежь в большей степени страдала от нерешенности социально-экономических проблем. Тунисские безработные выпускники вузов не могли применить свои знания, занять достойную нишу на рынке труда и место в обществе. Чтобы иметь средства к существованию, молодые люди вынуждены были заниматься розничной торговлей и всевозможным мелким бизнесом, что не давало им необходимой зарплаты. По этой причине они зачастую не имели возможности создать семью, что являлось немаловажной проблемой, так как семейные ценности в арабо-мусульманском обществе занимают достаточно важное место. В то же время именно дан-

⁶⁴ Аль-Хасан Аши. Хабир иктисады фи марказ карниги ли-ш-шарк аль-авсат фи бейрут. ат-Тахлил аль-иктисады ли-ль-битала фи тунис. Сахифат аль-хаят, Бейрут, 27 дисимбер 2010 (Аль-Хасан Аши. Эксперт по экономике Центра Карнеги для Ближнего Востока в Бейруте. Экономический анализ безработицы в Тунисе). Газета Аль-Хаят, Бейрут, 27 декабря 2010 г.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Цит. по: Тауфик аль-Мадини. Указ. соч. С. 266.

ная категория молодежи, обладавшая большими знаниями и чувством гражданского самосознания, стала главной движущей силой социального протеста, что по своей сути представлял начальный этап «арабской весны» в Тунисе. На обострение социальной напряженности сказывалась также неравномерность экономического развития более развитых регионов Средиземноморского побережья, в которые вкладывали инвестиции приближенные к Бен Али кланы, и которые получали большее бюджетное финансирование по сравнению с депрессивными внутренними районами. Так, например, объем инвестиций в прибрежные регионы в первые три месяца 2010 г. составлял 587 млн тунисских динаров (402 млн амер. долл.), в то время как их объем во внутренние районы не превышал 172 млн тунисских динаров (118 млн амер. долларов)⁶⁸. В этой связи симптоматично, что первые манифестации социального протеста начались именно в данных районах, где неимущие слои представляли значительную часть населения.

3. Социально-политическое развитие тунисского общества в 2010–2017 годах: «арабская весна» и исламистское движение

Если ретроспективно сравнить ситуацию в Тунисе перед началом «арабской весны», то есть, протестных движений 2010–2011 годов с ситуацией начала «алжирской весны» — антиправительственных протестов в Алжире конца 1980-х годов, приведших к подъему исламистского движения, то можно отметить, что в обеих странах главной составляющей движущих сил в протестных движениях являлась диссидентская, в основном безработная молодежь. Однако в Алжире, это были, так называемые хиттисты⁶⁹, безработные и частично безработные, выступавшие против обострения социально-экономических проблем и коррупционного характера правящего режима. Они, в своей основной массе, поддерживали ставшее главной оппозиционной силой исламистское движение во главе с ИФС, выражавшее социальный протест, облаченный в религиозную форму с лозунгом создания «исламского государства». В нем, как заявляли лидеры ИФС, созданном на основе справедливых исламских законов будут решены все социально-экономические проблемы. Радикализация

⁶⁸ Рашид Хашана. Указ. соч. С. 270.

⁶⁹ Термин «hittiste», означавший на алжирском диалекте «подпирающий стену» произошел от слияния арабского термина «хит» (стена) и французского суффикса «iste». Хиттистами в Алжире называли безработных и частично безработных молодых людей, стоявших вдоль стен, в ожидании работы — прим. автора.

ИФС, как указывалось выше, привела к длительному вооруженному противостоянию исламистов с властями. В Тунисе диссидентская молодежь на первом этапе тунисской революции протестовала также против нерешенности социально-экономических проблем и коррумпированного «полицейского государства», но, в отличие от алжирской ситуации выступала за создание демократической государственно-политической системы и решения, таким образом, социально-экономических проблем. Что касается исламистского движения, то в протестных манифестациях в Тунисе в 2010–2011 гг. оно не являлось главной движущей силой. Тем не менее, в этот период в Тунисе, как и в других арабских странах, усиливалось влияние исламистской идеологии. Причем это проявлялось в самых разных формах. Так, например, в появившихся на улицах Туниса девушках в *хиджабе* (мусульманский платок) часть тунисских исследователей видела «облачка, предвещающие грозу»⁷⁰. Это явление само по себе не означало подъема исламизма и, тем не менее, профессор-политолог Калифа Шатер, вице-президент тунисской «Ассоциации международных исследований» назвал его в беседе с автором этих строк «спящим исламизмом, который может в какой-то момент проснуться»⁷¹.

Социальный протест, вылившийся в массовые демонстрации и столкновения с полицией в ряде городов Туниса, в которых, в основном, участвовала безработная молодежь и неимущие слои населения, начался в середине декабря 2010 г. с требованиями решения острых социально-экономических проблем. Как отмечалось выше, движущей силой протестного движения стала диссидентски настроенная безработная молодежь, в наибольшей степени страдавшая от обострения социально-экономических проблем, выступавшая против коррупции правящего режима и репрессивного характера «полицейского государства».

Своеобразным импульсом, послужившим началом протестных выступлений стал трагический инцидент в г. Сиди-Бу-Зид, произошедший 17 декабря 2010 г. Здесь 26-летний розничный торговец Мухаммед Буазизи покончил жизнь самоубийством, протестуя, таким образом, против безысходности жизни и противоправных, с его точки зрения, действий полиции, конфисковавшей его товар⁷². Начавшиеся протестные манифестации жите-

⁷⁰ Долгов Б. В. Динамика исламского фактора в социально-политических процессах арабских стран // Ближний восток и современность. Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока. Москва, 2010. Выпуск 41. С. 20.

⁷¹ Беседа с профессором Калифой Шатером. Тунис. 20 октября 2009 г. Архив автора.

⁷² По наиболее распространенной версии, переданной информационным агентством Аль-Джазира, Мухаммеда Буазизи, являвшегося безработным выпускником вуза и вынужденного зарабатывать на жизнь мелкооптовой торговлей фруктами, оскорбила и ударила по лицу на виду у находившихся на рынке людей женщина-полицейский, не правомерно конфисковавшая его товар. По другой официальной версии, подтвержден-

лей Сиди-Бу-Зида стали распространяться на другие города и перерастать в столкновения с правоохранительными органами. Пытаясь их жестко подавить, полиция применяла огнестрельное оружие, в результате чего имелись жертвы среди манифестантов. Несмотря на то, что президент Бен Али отправил в отставку мэра г. Сиди-Бу-Зид и министра внутренних дел, протесты усиливались и вскоре начались в столице г. Тунисе. Необходимо признать, что в ряды протестующих, по сообщениям иностранных СМИ, зачастую проникали хулиганствующие элементы, которые начинали грабить магазины, поджигать автомашины и пытаться громить административные здания. Так, в г. Сус толпа разгромила здание банка и пыталась штурмом взять здание местной администрации. Имели место случаи гибели граждан, не участвовавших в манифестациях. Так, в г. Дуз на востоке Туниса погиб молодой человек, сын владельца бара, пытавшийся воспрепятствовать толпе ворваться в бар. В результате продолжавшихся столкновений по официальным данным к середине января 2011 г. погибло более 30 манифестантов, многие были ранены. По данным алжирских профсоюзов число погибших превышало 60. Ранения получили и несколько десятков полицейских. Выступления протеста распространились на тунисскую диаспору в странах ЕС. Наиболее массовые из них имели место во Франции, где проживает более 600 тыс. выходцев из Туниса, а также в Бельгии. Здесь устраивались митинги перед дипломатическими представительствами Туниса и, наряду с социально-экономическими лозунгами, звучали требования проведения подлинной демократизации и отставки президента Бен Али. Представители оппозиционных политических сил в Тунисе и за его пределами выступили с заявлениями по поводу происходивших событий. Одним из первых выступил находившийся в эмиграции лидер исламистской партии «ан-Нахда» Рашид Ганнуши. Он выразил полную солидарность с протестными манифестациями и призвал «все политические силы к национальному диалогу в связи с обострением социально-политического кризиса в стране для прекращения насилия»⁷³. В свою очередь генеральный секретарь Демократической прогрессивной партии (ДПП) Наджиб аш-Шабби указывал на то, что причины кризиса глубже, чем проблемы безработицы и роста цен. По его

ной показаниями выше упомянутой женщины-полицейского, Буазизи не имевший лицензии на право торговли, вступил в пререкания с ней и сам оскорбил ее. В последствии мать и сестра Мухаммеда Буазизи уточнили, что он не был выпускником вуза, а имел лишь не законченное среднее образование. См. Slah Weslati. *Chronologie de la revolution tunisienne: democratie ou guerre civile?* Nirvana. Etablissement Boujmil d'Editions et de Publicite. Tunis., 2011. P. 74.

⁷³ Цит. по: Азми Бишара. Ас-саура ат-тунисий аль-маджид. Биньят саура ва сайруратиха мин хилляля яумийетиха Аль-марказ аль-арабий ли-ль-абхас ва дирасат ас-сиясат (Азми Бишара. Славная тунисская революция. Зарождение революции и этапы ее развития. Арабский центр политических исследований). Бейрут, 2012. С. 391.

мнению, необходимы были коренные реформы государственного устройства и подлинная демократизация. Одна из наиболее видных членов руководства ДППИ Майя аль-Джерйби подтвердила, что репрессии властей только усугубляют ситуацию и потребовала создания правительства народного доверия, с участием всех политических сил, включая оппозицию, с тем, чтобы разрешить нынешний кризис. Она также выступила с требованием прекращения применения полицией огнестрельного оружия и освобождения арестованных манифестантов. В свою очередь председатель Союза тунисских журналистов Найджи аль-Бегури призвал власти прекратить репрессии против манифестантов и приступить к проведению социально-экономических и политических реформ с участием всех политических сил. Свою озабоченность в связи с «непропорциональным применением силы» против демонстрантов выразили представители ЕС и США.

Действия тунисских властей с самого начала протестных манифестаций отличались жесткостью, если не сказать жестокостью, по отношению к манифестантам. Силы правопорядка открывали огонь на поражение по группам молодых людей, мотивируя свои действия тем, что демонстранты совершали «хулиганские действия», нападали на полицейские участки, а некоторые из них были вооружены. В то же время по распоряжению президента Бен Али были закрыты на неопределенное время все вузы, президент обещал также создать 300 тыс. новых рабочих мест в течение ближайших двух лет. Для противодействия коррупции и злоупотреблениям власти по решению президента был создан Национальный комитет по борьбе с коррупцией. Бен Али трижды выступил с обращением к нации — 28 декабря 2010 г. 10 января и 13 января 2011 г. Он заявил, что обеспокоен сложившейся ситуацией и, что «правительство приложит все силы, чтобы в кратчайшие сроки решить острые социальные проблемы, прежде всего, что касается безработицы среди молодежи, — Бен Али осудил акты насилия, — совершаемые преступными элементами, против которых будут применены строгие меры в соответствии с законом, — и призвал все политические силы, — к проявлению ответственности»⁷⁴. Бен Али заявил, что хотел бы «вести диалог со всеми — с безработными, неимущими, политиками, теми, кто хочет большей свободы, — и объявил, что, — будут снижены цены на основные продукты питания»⁷⁵. В третьем своем выступлении Бен Али объявил, что он «не намерен выдвигать свою кандидатуру на шестой мандат на следующих президентских выборах. Силам правопо-

⁷⁴ Цит. по: Азми Бишара. Указ. соч. Насс аль-хитаб аль-авваль ли-р-раис ат-тунисий зин аль-абидин бен али. 27 канун аль-авваль 2010. (Текст первого выступления тунисского президента Зин аль-Абидин Бен Али 27 декабря 2010 г.). С. 361.

⁷⁵ Цит. по: Азми Бишара. Указ. соч. Насс аль-хитаб ас-сени ли-бен али. 10 каннун ас-сени 2011 (Текст второго выступления Бен Али. 10 января 2011 г.). С. 364.

рядка отдан приказ, запрещающий применять огнестрельное оружие против демонстрантов»⁷⁶.

В то же время в Тунисе было введено чрезвычайное положение, объявлен комендантский час с 20.00 вечера до 06.00 утра, в столицу были направлены армейские части. Однако эти меры не привели к стабилизации ситуации. Несмотря на то, что утром 14 января на улицы столицы вышли несколько десятков демонстрантов с лозунгами в поддержку Бен Али, тысячи противников президента продолжали протестные манифестации. Причем, если ранее демонстрантами выдвигались социально-экономические требования, то на этот раз превалировали политические, с требованием немедленной отставки президента Бен Али. Начальник генерального штаба тунисской армии Рашид Аммар отказался выполнить приказ Бен Али применить оружие против манифестантов. Позиция командования армии, которое не поддержало Бен Али, оказалась наиболее важным фактором в крахе второго президента Туниса. Потеряв поддержку армии, режим Бен Али был обречен.

Во второй половине дня 14 января 2011 г. Бен Али досрочно снял с себя обязанности президента и покинул страну (экс-президента принял Саудовская Аравия)⁷⁷. После начала протестного движения в Тунисе Рашид Ганнуши, в качестве лидера партии ан-Нахда, находясь в эмиграции в Лондоне, в январе 2011 г. опубликовал воззвание с призывом расформирования всех подразделений службы безопасности, политической полиции и президентской охраны режима Бен Али и обращение к международному сообществу и соседним странам «поддержать тунисский народ и уважать его желание построить демократическое и справедливое государственное устройство»⁷⁸. Приветствуя победу тунисского народа над диктаторским режимом Рашид Ганнуши призывал «прекратить действие старой конституции и как можно скорее создать коалиционное правительство, исключив из него всех назначенных свергнутым диктатором лиц»⁷⁹.

⁷⁶ Цит. по: Азми Бишара. Указ. соч. Насс аль-хитаб ас-селис ли-бен али. 13 канун ас-сени 2011 (Текст третьего выступления Бен Али. 13 января 2011 г.) С. 369.

⁷⁷ По свидетельствам очевидцев, шеф политической полиции генерал Али Сериати, руководивший президентской охраной, и супруга президента Лейла Трабелси принудили Бен Али вылететь в Саудовскую Аравию. Президент был ослаблен болезнью — раком простаты, поэтому влияние супруги и Али Сериати на него было достаточно значительным. Причем Бен Али заявлял, что он вернется в Тунис.

⁷⁸ Аль-баян мин харакат ан-нахда хауля истикаля Мухаммед аль-Ганнуши (Заявление Движения Нахда по обращению Мухаммеда аль-Ганнуши 27/2/2011). URL: <http://www.alhiwar.net/ShowNews.php?Tnd=15327> (Дата обращения — 20.04.2011).

⁷⁹ Харакат ан-Нахда тухаддид маукифаха мим-ма яхдас фи Тунис 15/1/2011 (Движение Нахда определяет свою позицию в отношении того, что происходит в Тунисе). URL: <http://www.tunisnews.net/15Janvier11a.htm> (Дата обращения — 20.06.2011)

Перед своей отставкой Бен Али специальным распоряжением назначил согласно конституции временно исполняющим обязанности президента спикера тунисского парламента Фуада Небазаа. Однако в этот же день премьер-министр Мухаммед Ганнуши объявил о том, что принимает на себя обязанности президента, что вызвало протест ряда известных тунисских юристов, так как данное решение противоречило конституции Туниса. В то же время в столице вновь начались манифестации, теперь уже с требованием ухода Ганнуши. Причем наряду с манифестантами на улицах появились банды грабителей, воспользовавшиеся нестабильной ситуацией, что заставило часть жителей столицы обратиться к командованию тунисской армии с просьбой обеспечить их защиту и безопасность. Создавшуюся нестабильность и двоевластие разрешил Конституционный суд, объявивший 15 января 2011 г. спикера парламента Фуада Небазаа исполняющим обязанности президента Туниса. 16 января Фуад Небазаа принес президентскую присягу и поручил премьер-министру Мухаммеду Ганнуши начать консультации с лидерами оппозиции с тем, чтобы сформировать коалиционное правительство национального единства. Было объявлено также, что новые президентские выборы пройдут согласно конституции через 60 дней. В то же время сотни военнослужащих продолжали патрулировать улицы столицы Туниса, стратегически важные пункты охранялись бронетехникой. В странах ЕС тунисская диаспора организовала манифестации в поддержку смены власти в Тунисе, они прошли в Париже, Брюсселе, Берлине.

Зин аль-Абидин Бен Али руководил Тунисом в течение двадцати трех лет (пять президентских мандатов). Завершение его президентской карьеры несколько напоминало конец президентства предшественника Бен Али — первого президента Туниса Хабибы Бургибы. Тогда в 1987 г. ситуация в Тунисе имела некоторую аналогию с таковой в 2011 г. Сложная социально-политическая обстановка в то время в стране усугублялась интригами внутри семейного клана и окружения Бургибы. Во время протестных выступлений в 2011 г. против режима Бен Али его противники отводили роль «семейного серала» вокруг Бен Али его супруге Лейле Трабелси и его зятю Мухаммеду Шакеру аль-Матри, а также их родственникам. Эти приближенные к власти кланы использовали свое привилегированное положение в целях личного обогащения. Коррупция и клановый протекционизм, наряду с репрессивным характером созданного Бен Али «полицейского государства», стали основными обвинениями в отношении Бен Али со стороны протестующих манифестантов, которых поддерживала значительная часть общества.

Тем не менее, не смотря на осуждение со стороны различных СМИ и официальных лиц стран ЕС жестких мер, использовавшихся режимом Бен Али против манифестантов (в результате столкновений с полицией в Ту-

нине погибло около 200 манифестантов), прямого давления со стороны ЕС и США с целью заставить уйти Бен Али в отставку не было. Быстрое крушение (в течение трех недель) представлявшегося достаточно стабильным тунисского режима оказалось во многом неожиданным для руководителей стран Запада. Быстротой и неожиданностью происходивших событий можно, вероятно, объяснить продолжавшиеся тесные контакты официальных лиц ЕС с тунисским режимом уже в период протестных манифестаций. Так, министр иностранных дел Франции в тот период Мишель Аллиот-Мари и министр внутренних дел Брис Ортефе совершали частные поездки в Тунис. Глава французского МИДа пользовалась личным самолетом одного из близких к Бен Али бизнесменов, Азиза Миледа, с которым родители М. Аллиот-Мари вели совместный бизнес. Когда начались манифестации против режима Бен Али, М. Аллиот-Мари выступила даже с предложением послать в Тунис «французские полицейские силы для восстановления порядка»⁸⁰. Последствием такой «инициативы» М. Аллиот-Мари стало заявление Социалистической партии Франции с требованием ее немедленной отставки. Н. Саркози, пытавшийся сгладить оплошность главы своего МИДа, в конце концов, принял отставку М. Аллиот-Мари.

В результате крушения режима Бен Али в Тунисе и в последствие режима Мубарака в Египте, французскому руководству пришлось отказаться от дальнейшей реализации проекта Средиземноморского союза, в котором эти страны играли ключевую роль. Президент Саркози в своем телевизионном выступлении 27 февраля 2011 г. заявил, что «исторические изменения, происходящие в арабских странах, которые серьезно влияют на глобальную международную политику, требуют изменений во внешней политике Франции, в частности, в отношении Средиземноморского союза»⁸¹. В выступлении Саркози подчеркивалась также необходимость оказания поддержки тем арабским народам, которые борются за свободу и демократию, то есть, за те ценности, которые являются приоритетными и для Франции. Что касается руководства ЕС, то в лице главы общеевропейской дипломатии Катрин Эштон оно приветствовало победу демократических сил в Тунисе и обещало всяческую, в том числе финансовую, поддержку новому правительству. В свою очередь, французские министр экономики Кристиан

⁸⁰ В соответствии с предложением М. Аллиот-Мари, из Франции в Тунис направлялись также контейнеры со слезоточивым газом для использования его против манифестантов. Слезоточивый газ прибыл в парижский аэропорт 14 января 2011 г. за несколько часов до бегства Бен Али из Туниса. После того, как об этом стало известно во французском МИДе его отправка была отменена. См. Boltanski C. Les aventures de MAM La Tunisienne/Le Nouvel observateur. — P., 2011. — 10–16 fevrier. № 2414. — P. 64–67; Slah Weslati. Указ. соч. P. 354.

⁸¹ Le Monde, P., 2011. № 20560, 01.03.2011.

Лагард и министр по европейским делам Лорен Вокье посетили 22 февраля 2011 г. Тунис с первым после краха режима Бен Али официальным визитом и провели переговоры с его руководством⁸².

Глубинные причины кризисных явлений в Тунисе и в целом в арабском мире, приведшими к возникновению протестных движений «арабской весны», были связаны, прежде всего, с наличием таких острых социально-экономических проблем, как безработица, отсутствие социальных лифтов и жизненных перспектив для значительной части молодежи, снижение уровня жизни, обусловленное в том числе мировым финансово-экономическим кризисом, начавшимся в 2008 г. Важными факторами недовольства и социальной напряженности были также «огромные социальные контрасты, тотальная коррупция правящего режима»⁸³, многолетнее авторитарное правление одного лидера, использование его кланом и окружением всех финансово-экономических преимуществ, связанных с обладанием политической властью, злоупотребления и всевластие полицейского аппарата, отсутствие реальных демократических свобод при формальном их провозглашении. В отличие от революционных и национально-освободительных движений XX века, во главе которых выступали политические партии и их лидеры, движущей силой протестных выступлений «арабской весны» в Тунисе явилась диссидентски настроенная, зачастую безработная, молодежь. Их инициировали молодые пассионарные кибер-активисты, блогеры и пользователи Интернета, призывавшие на манифестации тысячи своих сверстников-сторонников. В Тунисе, например, таковым был Слим Амаму (род. 1978 г.), ставший министром по делам молодежи и спорта в пост-революционном тунисском правительстве. Он работал с веб-системами в компании Alixys и имел возможность обращаться ко многим пользователям Интернета, которых насчитывалось в Тунисе около 3,5 млн. Именно это новое поколение молодежи, большая часть которого страдала от нерешенности социально-экономических проблем и выступала против «полицейского государства», стала тем горючим материалом и движущей силой протестного движения, свергнувшего режим Бен Али. В то же время необходимо признать, что группы активистов из оппозиционных режиму Бен Али исламистских, левых и националистических партий и движений, таких, как ан-Нахда, Коммунистическая партия тунисских рабочих, Организация националистов-демократов принимали участие в протестных манифестациях. Тем не менее, они не сумели возглавить на начальном этапе протестное движение в Тунисе. Партии и движе-

⁸² Le Monde, P., 24.02.11.

⁸³ Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты) / Отв. ред. И. О. Абрамова, Д. М. Бондаренко. М.: Институт Африки РАН, 2013. С. 132.

ния и, прежде всего исламистская ан-Нахда, вышли на политическую авансцену Туниса уже после краха режима Бен Али.

В этой связи ряд известных тунисских исследователей, в частности Тауфик аль-Мадини, специалист по социально-политическому развитию и движениям «политического ислама» в арабском мире, определял свержение режима Бен Али, как «народную молодежную революцию, поскольку это не был ни военный переворот, ни исламистская, ни левая или социалистическая революция»⁸⁴. Видный тунисский исследователь, философ, участник правозащитного движения Абд аль-Хусейн Шаабан отмечал, что, в отличие от Египта и многих других арабских стран, «в Тунисе не было проявлений крайней бедности и нищеты. Поэтому свержение режима Бен Али не было „бунтом голодных“. Его можно определить, как „революцию развития“, так как тунисское общество при режиме Бен Али, использовавшим политическое насилие и подавление свобод, находилось в стагнации и не могло развиваться дальше»⁸⁵. В данных определениях объективно показаны основные участники и движущие силы протестных движений, а также делается попытка выявления их причин. Однако термин «революция», который используют также многие отечественные и зарубежные политологи, представляется не совсем правомерным. В Тунисе в результате свержения режима Бен Али не произошло изменения общественно-экономического строя, что предполагает понятие «революция» и подтверждают исторические примеры анти монархической буржуазной революции во Франции (1789 г.), социалистической — в России (октябрь 1917 г.), анти монархической исламской — в Иране (1979 г.). В то же время общественные силы, выступавшие против режима Бен Али и требовавшие его отставки, не выдвигали каких-либо конкретных лозунгов по созданию альтернативного режиму Бен Али, государственно-политического устройства, поскольку политические партии, имевшие свои программные цели, не смогли возглавить данный общественный протест. Не претендуя на всеобъемлемость и безукоризненность, более точно, на наш взгляд, феномен свержения режима Бен Али можно определить, как массовое общественное движение социального протеста⁸⁶.

⁸⁴ Тауфик аль-Мадини. Указ. соч. С. 266.

⁸⁵ Абд аль-Хусейн Шаабан. Аш-шааб юрид...! Таамулат фикрийя фи ар-раби аль-арабий. Атлас. Бейрут. 2012. С. 39. (Абд аль-Хусейн Шаабан. Народ хочет...! Размышления по поводу «арабской весны». Атлас. Бейрут. 2012. С. 39).

⁸⁶ После краха режима Бен Али, а также Мубарака в Египте, Муаммара Каддафи в Ливии и продолжавшегося вооруженного противостояния властей с радикальной исламистской оппозицией в Сирии появилось несколько версий о том, что привело к событиям «арабской весны» и свержению режимов, десятилетиями стоявших у власти. По одной из них, довольно распространенной, в том числе в российских публикациях, «арабская весна» была «срежиссирована» в Вашингтоне. Однако, если в отношении

Легальная оппозиция в Тунисе, действовавшая при режиме Бен Али, была организационно достаточно слабой, разобщенной и малочисленной. Наибольшую активность в период протестных манифестаций декабря 2010 — января 2011 гг. проявила одна из наиболее влиятельных оппозиционных партий «Демократическая прогрессивная партия» (ДПП) во главе с ее лидерами Майей аль-Джериби и Наджибом аш-Шабби. В то же время в Тунис после краха режима Бен Али начали возвращаться из-за рубежа его противники, вынужденные в свое время эмигрировать из страны. Оппозиционные силы, преследовавшиеся свергнутым режимом, прежде всего исламисты, стремились усилить свое влияние в обществе. Так, вернувшийся из вынужденной эмиграции в Англии Рашид Ганнуши возродил исламистскую партию, получившую название «Движение ан-Нахда» (*Харакат ан-Нахда* — араб. яз.), которая начала активно распространять свою идеологию⁸⁷.

В Тунисе после многочисленных манифестаций с требованием проведения социально-политических реформ, отставки премьер-министра Мухаммеда Ганнуши (назначенного еще Бен Али) и его министров, исполняющий обязанности президента Фуад Мебазаа выполнил требования протестующих. Новым премьер-министром стал Беджи Каид ас-Себси (род. 1926 г.), являвшийся соратником первого президента Туниса Х. Бургибы. Была распущена бывшая правящая партия «Демократическое конституционное объединение» (ДКО), упразднены органы власти свергнутого

Ливии и Сирии эту версию необходимо признать соответствующей действительности, то крах правящего режима в Тунисе, так же, как и в Египте имели причиной совершенно другие, выше описанные внутренние факторы. Внешним силам — США и ведущим странам ЕС свержение режимов Бен Али и Мубарака, являвшимися, как указывалось выше, их ближайшими союзниками в регионе, было совершенно не нужно и противоречило их интересам. То же относится к Израилю, для которого Бен Али был союзником в борьбе с радикальным исламом, а Мубарак — гарантом безопасности Израиля после заключения между двумя странами в 1979 г. Кемп-Дэвидского мирного договора. Это подтверждается, например, тем фактом, что Израиль оставался единственной страной, практически до последнего дня поддерживавшей режим Мубарака. США и их союзники вынуждены были на фоне массовых протестных движений признать поражение режимов Бен Али и Мубарака, оставив их без поддержки и налаживать отношения с новыми политическими силами, пришедшими к власти.

⁸⁷ В аэропорту Туниса возвратившегося 30 января 2011 г. из вынужденной ссылки Рашида Ганнуши встречали тысячи его сторонников, скандировавшие в его честь мусульманское приветствие, которым в 622 г. жители г. Медины встречали совершившего хиджру (исход — араб. яз.) из Мекки в Медину Пророка Мухаммеда. В истории ислама хиджра считается одним из наиболее важных событий, означавшее возникновение исламской религии и начало мусульманского лето исчисления. Таким символическим жестом сподвижники Рашида Ганнуши стремились подчеркнуть усиление роли руководства Нахды и его влияния в общественно-политической жизни Туниса. По воспоминаниям очевидцев, многие тунисцы были шокированы, впервые увидев столь большое число сторонников исламистского движения и его реальную политическую силу. См. Lotfi Maktouf. *Sauver la Tunisie*. Fayard. P., 2013. P. 74.

режима — парламент, Экономический, Социальный и Конституционный советы и создана комиссия по расследованию актов коррупции и злоупотреблений, имевших место при Бен Али. На основе созданных ранее Совета по защите революции и Высшей комиссии по политической реформе была сформирована «Высшая инстанция по реализации целей революции, политической реформе и демократическому переходу» (Высшая инстанция), которую возглавил состоявший в оппозиции свергнутому режиму Йаз Бен Ашур, видный юрист, известный и уважаемый за свою компетенцию и неподкупность. В Высшую инстанцию вошли представители оппозиционных режиму Бен Али политических партий, профсоюзов, общественных объединений и правозащитных организаций. Данный орган, функционировавший с марта по октябрь 2011 г., разработал основные аспекты новой политической системы. А именно, правила выборов в новый парламент — Национальное учредительное собрание (НУС), создания общественных ассоциаций, работы СМИ. В частности, 10 мая 2011 г. был принят закон № 2011–35 о НУС, в преамбуле которого декларировалось: «В соответствии с волеизъявлением тунисского народа избрать Национальное учредительное собрание, миссией которой является выработка новой Конституции для страны»⁸⁸. Статья 15 данного закона запрещала бывшим членам распущенной ДКО выставлять свои кандидатуры в состав нового парламента. Новый закон вводил равенство кандидатов в депутаты для мужчин и женщин, устанавливал пропорции выдвижения кандидатур от более крупных партий с тем, чтобы дать возможность быть представленными в парламенте и малым партиям и предоставлял возможность участвовать в парламентских выборах членам тунисской диаспоры за рубежом. Высшая инстанция сформулировала Декларацию переходного периода (некий моральный кодекс), определявшую принципы и методы политической борьбы на предстоящих парламентских выборах, назначенных на 23 октября 2011 г., которую подписали представители наиболее крупных партий, в том числе «Движение ан-Нахда».

В результате первых после свержения режима Бен Али свободных парламентских выборов 23 октября 2011 г., согласно заявлению главы тунисского Избирательного комитета, наибольшее число депутатских мест — 90 (из общего числа 217), завоевало «Движение ан-Нахда», за которое проголосовало 40,1 % избирателей, на втором месте (30 мест) партия «Конгресс за республику — *Муатамар мин аджли ль-джумхурия* — араб. яз.» (КЗР). За нее отдали голоса 13,82 %. Ее председателем являлся Монсеф Марзуки⁸⁹, давний

⁸⁸ La Revolution tunisienne dans ses manifestations constitutionnelles. URL: <http://yadhba.blogspot.fr> (Дата обращения — 15.03.2016).

⁸⁹ Монсеф Марзуки родился в 1945 г. в небольшом городе Громбалия на юге Туниса в семье, состоявшей из десяти детей. Его отец, участник национально-освободительного движения против французского колониального режима протектората, был

противник режима Бен Али, прошедший многие годы в эмиграции во Франции. Он позиционировал себя, как сторонника социал-демократических концепций. На третьем месте (21 депутатское место) партия «Демократический форум за труд и свободы» (*Такадтуль* — араб. яз), также провозглашавшая светские и демократические принципы. Эту партию поддержали 9,68 % избирателей⁹⁰. Данные три партии сформировала коалицию, так называемую «Тройку», где «Движение ан-Нахда» являлась правящей партией. Коалицией были сформированы временные органы исполнительной и законодательной власти. Премьер-министром, который обладал реальной властью и являлся руководителем правительства, стал представитель «Движения Нахда» Хамади Джебали, президентом (исполняющим, в основном, представительские функции) — Монсеф Марзуки, председатель партии КЗР, и спикером парламента Мустафа Бен Джафар, председатель партии «Такадтуль». После за-

близким сподвижником Салаха Бен Юсефа, одного из лидеров антиколониальной борьбы, который после завоевания независимости Тунисом в 1956 г. организовал оппозицию президенту Хабибу Бургибе внутри правящей партии Новый Дустур. Однако потерпев поражение, Салах Бен Юсеф был вынужден покинуть Тунис и погиб при невыясненных обстоятельствах в 1961 г. Отец Монсефа Марзуки также был вынужден эмигрировать в Марокко, куда вскоре выехала его семья, третировавшаяся властями Туниса, как «семья предателя». В Марокко Монсеф Марзуки закончил французский колледж и, став победителем конкурса на лучшего учащегося, получил возможность продолжать образование во Франции, где он, закончив медицинский вуз, получил диплом врача-невролога. По возвращении в Тунис в 1979 г. Марзуки стал практикующим врачом и в тоже время включился в борьбу за права человека и демократизацию Туниса. По словам Марзуки, на его мировоззрение оказали влияние идеи Махатмы Ганди и социал-демократические концепции, реализованные в скандинавских странах. В 1980 г. Марзуки вступил в Тунисскую лигу за права человека, а в 2001 г. вместе с несколькими десятками своих сторонников создал партию «Конгресс за республику». Наиболее активно Марзуки выступал против пришедшего к власти в 1987 г. Бен Али и его «полицейского государства», за что подвергался преследованиям, находился под домашним арестом и отбывал тюремное заключение. В 2006 г. Марзуки удалось эмигрировать во Францию, где он продолжал оппозиционную политическую деятельность, публикуя материалы, разоблачавшие практику нарушения прав человека, полицейского произвола и коррупции режима Бен Али. Во время эмиграции Монсеф Марзуки имел контакты со многими представителями тунисской оппозиции, в том числе с Рашидом Ганнуши, лидером «Нахды», членом которой являлся старший брат Марзуки. После краха режима Бен Али в январе 2011 г. Монсеф Марзуки вернулся в Тунис и активно включился в политическую борьбу, возглавляя партию «Конгресс за республику» (КРЗ). В октябре 2011 г. КРЗ стала второй партией по количеству депутатских мест в Национальном учредительном собрании (парламенте) Туниса, а сам Монсеф Марзуки занял пост президента Туниса. На президентских выборах в 2014 г. президентом Туниса был избран Беджи Каид ас-Сибси, руководитель партии «Призыв Туниса» (*Нидаа Тунис* — араб. яз). См. Moncef Marzouki. *L'invention d'une démocratie*. Editions La Decouverte. P., 2013. P. 13–32.

⁹⁰ Tunisia elections results. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2011/10/111027_tunisia_elections_results.shtml (Дата обращения — 28.10.2011).

вершения выработки новой конституции в Тунисе должны были пройти всеобщие выборы новых органов власти.

В протестных выступлениях против режима Бен Али наряду с диссидентской молодежью принимали участие либерально-демократические, левые, националистические силы. Что касается исламского фактора, то он в них, как подчеркивалось выше, не играл главной роли. Движения политического ислама присоединились к протестующим на последующем этапе. Тем не менее, после свержения диктаторского режима именно партия «Движение ан-Нахда» вышла на политическую авансцену Туниса в результате демократических выборов и свободного волеизъявления народа. Поддержка исламистов значительной частью населения была обусловлена, во-первых, тем, что в них видели силу, реально боровшуюся с диктаторским режимом и своеобразных мучеников, пострадавших от его репрессий. Так, тунисский писатель и общественно-политический деятель, член политического блока «Народный фронт» Абдалла Ахмед подтверждал в беседе с автором, что многие тунисцы голосовали за кандидатов «Движения ан-Нахда» «не потому, что разделяли их идеологию „политического ислама“, а потому, что видели в них подлинных борцов с коррумпированным диктаторским режимом Бен Али»⁹¹.

Во-вторых, поддержка «Движения ан-Нахда» объяснялась тем, что оно предлагало путь развития, основанный на исповедуемых большинством населения традиционных исламских ценностях, и, как считали голосовавшие за него, альтернативный тому, что реализовывал обанкротившийся коррумпированный режим Бен Али. В то же время руководители «Движения ан-Нахда» провозглашали себя общенациональными лидерами и выразителями интересов всех граждан вне зависимости от конфессиональной и национальной принадлежности. Этот тезис привлекал многих, в том числе тех, кто не разделял концепций политического ислама, но, тем не менее, выступал против прежнего диктаторского режима. Многие тунисцы голосовали за лидеров исламистской партии «Движение ан-Нахда», полагая, что они способны вывести страну из социально-экономического кризиса.

Немаловажным фактором победы «Движения ан-Нахда» на парламентских выборах 2011 г. стала развернутая им широкая пропагандистская кампания, направленная на все слои населения Туниса, умелое использование современных технологий и методов политической борьбы, а также значительные финансовые возможности исламистов. В ходе подготовки к парламентским выборам «Движение ан-Нахда» во главе с Рашидом Ганнуши аккумулировала свою предвыборную программу в лаконичных формулировках. Пропагандистские лозунги «Движения ан-Нахда»

⁹¹ Беседа с г-ном Абдаллой Ахмедом 30.10.2015 г. Тунис. Архив автора.

отличались простотой также для того, чтобы их понимало как можно большее число потенциального электората. Они основывались на некоем альянсе религии и политики, декларируя «послушание Аллаху, сохранение арабо-мусульманской идентичности и борьбу с коррупцией»⁹². В социальном плане ставилось целью увеличение рабочих мест, повышение уровня жизни и материального благосостояния народа. Очевидно, что тунисцам, только что освободившимся от авторитарного коррумпированного режима, импонировало такое четко и кратко выраженное послание. К тому же значительной части электората, состоявшей из неимущих слоев и сельского населения не искушенной в технологиях политической борьбы такие лозунги, выраженные доступным языком, были более понятны, не смотря на отсутствие в них какой-либо конкретной программы и путей ее реализации. Данные лозунги привлекали также тех, кто еще не определился со своими политическими предпочтениями. В то же время лидеры и идеологи «Движения Нахда» большое внимание в своей пропагандистской кампании уделяли дискурсу по «арабо-мусульманской идентичности», провозглашавшему безусловную принадлежность Туниса единой мусульманской умме и ислама, как основы тунисской самоидентификации. Причем данный дискурс стал базовым пунктом во всех дебатах и выступлениях нахдистов во время предвыборной кампании.

Успеху пропагандистской кампании «Движения ан-Нахда», как внутри Туниса, так и в значительной мере в общественном мнении Запада способствовал «двойной язык» исламистских лидеров и их пропагандистских органов. Рашид Ганнуши, долгое время находившийся в Западной Европе, понимал насколько глубоко демократические ценности укоренились в европейском общественном сознании, а также важность общественного мнения при принятии решений европейскими правительствами. Поэтому в формулировках основных направлений исламистских доктринальных принципов в версии, предназначенной для Запада и светски ориентированной тунисской общественности, были полностью исключены все аспекты, используемые в обращениях к мусульманам — единомышленникам, которые могли быть интерпретированы, как анти демократичные. Напротив, в версии для Запада фигурировали такие концепции, как «совместимость ислама и демократии» и заявления, что «Движение ан-Нахда — это умеренные исламисты, которые не имеют ничего общего с экстремистскими группами». В свою очередь ряд исследователей и, в частности, имеющих дипломы университетов Туниса, Сорбонны и Гарварда Лотфи Мактуф полагают, что «сам термин умеренный исламизм являлся гениальным изобретением исламистского медийного маркетинга для того, чтобы нейтрализовать все опасения либерально-демократических кругов

⁹² Цит. по: Lotfi Mactouf. Указ. соч. Р. 116.

Запада и не разделявших исламистскую идеологию мусульман»⁹³. Однако с такой позицией вряд ли можно полностью согласиться. Действительно, тактика использования «двойного языка» — одного для своих единомышленников и другого для аудитории, не разделяющей исламистскую идеологию, является одним из пропагандистских методов исламистов. Он применялся, как «Движением ан-Нахда», так и «Исламским фронтом спасения» (ИФС) в Алжире, «Братьями-мусульманами» в Египте и, в достаточной степени, в риторике лидеров мусульманских организаций во Франции. Тем не менее, в исламистском, так же, как в любом идеологически ориентированном движении, существуют, как радикальные, так и умеренные течения и их лидеры. Вопрос заключается лишь в том, насколько умеренные члены руководства могут влиять на общую политическую линию движения. Так, например, Али Бенхадж, заместитель председателя алжирского ИФС, представляя радикальное его крыло, заявлял, что «демократия является изобретением Запада, чуждым исламу и парламентские выборы в Алжире в 1992 г. (на которых побеждал ИФС — прим. автора) будут последними»⁹⁴. Однако Аббаси Мадани, председатель ИФС и его сторонник Абдель Кадер Хашани, возглавивший ИФС после ареста Мадани, считали демократические выборы совместимыми с исламом, что способствовало принятию решения руководством ИФС участвовать в выборах 1992 г. В свою очередь во Франции, если имам салафитской мечети в г. Рубе рассуждал о гипотетической возможности введения шариата во Франции, когда большая часть ее населения станет мусульманами, то большинство французских мусульманских деятелей, таких, как идеологи евроислама Тарик Рамадан и Тарик Убру и лидер Союза мусульманских ассоциаций (СМА) Мухаммед Энниш подтверждали соответствие ислама демократическим европейским ценностям. Что касается «Движения ан-Нахда», то такие его лидеры, как Рашид Ганнуши, Хамади Джебали, Садок Шуру, возглавлявший Нахду с 1988 по 1991 гг., и их сподвижники представляли радикальное его крыло, то Хамид ан-Нейфер⁹⁵, Абдель Фаттах Муру и разделявшие их взгляды члены партии выражали более умеренные взгляды. Тем не менее, необходимо признать, что после ослабления в партии позиций умеренных лидеров, признанным руководителем «Движения ан-Нахда» оставался Рашид Ганнуши.

⁹³ Lotfi Mactouf. Op. cit. P. 129.

⁹⁴ Cit. on: Mohamed Charfi. Islam et liberte: le malentendu historique. P., 1999. P. 67.

⁹⁵ Хамид ан-Нейфер вышел из Нахды и вместе с также вышедшим из партии Салах ад-Дином Джурши основал реформистски ориентированное «Движение исламистов-прогрессистов», издававшее известный в Тунисе журнал «15/21». Данные цифры символизировали корреляцию между мусульманским и григорианским календарем (XV/XXI век) и, соответственно, возможность сотрудничества между исламом и Западом. См. Видясова М. Ф. Указ соч. С. 53.

Фактором, способствовавшим успеху исламистов на выборах, являлась также хорошо налаженная и разветвленная организационная структура «Движения ан-Нахда», создавшего свои ячейки в 5 тысячах мечетей, где шла пропаганда исламистских доктрин и осуществлялось рекрутирование в ряды партии новых членов. Наряду с этим «Движение ан-Нахда» располагало по всей территории Туниса более 260 своих бюро и десятками аффилированных с ним ассоциаций, а также, так называемых, «Лиг защиты революции» (исламистских милицейских формирований)⁹⁶. «Движение ан-Нахда» пользовалось значительными финансовыми ресурсами, складывавшимися из многочисленных пожертвований и поддержки различных исламских фондов из мусульманских стран, в основном, из Саудовской Аравии, Катара и даже шиитского Ирана, а также от тунисской диаспоры, преимущественно из Франции, где ее численность составляла около 600 тысяч человек. Причем «Движение ан-Нахда» систематически отказывалось предать гласности суммы и источники своих финансовых средств, которые, по оценке ряда экспертов⁹⁷, превосходили финансовые возможности всех других партий, участвовавших в парламентских выборах в октябре 2011 г. Представители монархий Персидского Залива непосредственно участвовали в предвыборной кампании нахдистов, выступая на митингах, где, по свидетельствам очевидцев, могли читать наизусть суры Корана и хадисы, связанные с деятельностью первых «праведных халифов», а также раздавали деньги (50 тунисских динаров) для участников исламистских манифестаций. В свою очередь турецкие умеренные исламисты из турецкой правящей Партии справедливости и развития (ПСР) обучали нахдистов новейшим технологиям по проведению предвыборных кампаний с использованием самых современных технических средств. В результате такая кампания, проводившаяся «Движением ан-Нахда», выгодно отличалась от действий других партий и имела большой успех по привлечению избирателей⁹⁸. В то же время лагерь политических оппонентов «Движения ан-

⁹⁶ Lotfi Maktouf. Op. cit. P. 120–121.

⁹⁷ Dominique Avon, Youssef Aschi. Op. cit. P. 6.

⁹⁸ По свидетельствам иностранных журналистов, посетивших Тунис перед выборами в октябре 2011 г., места агитации нахдистов были многочисленны и технически хорошо оборудованы, расцвечены флагами и лозунгами, звучало музыкальное сопровождение, создавая праздничную атмосферу. Волонтеры, юноши и девушки, раздавали подписные листы, пропагандистскую литературу, а также прохладительные напитки и пакетики с орехами и сладостями. Главная штаб-квартира «Движения Нахда» располагалась в центре делового квартала Туниса-столицы Montplaisir, в фешенебельном здании. Технический персонал нахдистов отличался деловитостью и квалифицированностью, журналистам были предоставлены необходимые справочные материалы партии, переведенные на английский и французский языки. В отличие от нахдистов агитационные пункты партий демократического лагеря были гораздо хуже оборудованы. Как, например, таковой Демократической прогрессивной партии (ДПП), в котором работало

Нахда» в идеологическом плане представлял смешение множества различных дискурсов от национализма до всех оттенков левых доктрин. Причем большая часть политических партий и движений⁹⁹ не ставила своей целью объединения для того, чтобы противостоять исламистам.

После крушения авторитарного режима в Тунисе возникла реальная возможность построения более справедливого и демократичного государственно-политического устройства, которое отражало бы интересы большинства граждан и было бы основано на общности исторических традиций и исламской религии, толерантной к другим конфессиям и политическим воззрениям, о чем заявляли в своей предвыборной программе лидеры политического ислама. Ее реализация во многом зависела от общих усилий и нахождения консенсуса между исламистскими силами, пришедшими во власть, и другими политическими движениями, также боровшимися с диктаторским режимом. Однако у исламистских лидеров возобладала тенденция к монополизации власти и реализации своих партикуляристских целей по воплощению суннитского «исламского проекта». Так, после победы «Движения Нахды» на парламентских выборах Рашид Ганнуши на встрече с представителями салафитских групп указывал, что не нужно открыто требовать внесения положений шариата в подготавливаемый проект новой конституции. Он заявлял, что даже при отсутствии ссылок на шариат «Движение Нахда» будет действовать так, чтобы в реальности законы шариата применялись. Ганнуши требовал также, чтобы исламистские активисты «использовали свое положение нахождения во власти для создания коранических школ, открытия радио и теле каналов с тем, чтобы распространять свое влияние и консолидировать свои ряды»¹⁰⁰. В свою очередь Хамади Джебали, один из лидеров «Движения ан-Нахды», ставший в октябре 2011 г. премьер-министром Туниса, провозглашал на митинге своих сторонников, что Тунис переживает «исторический божественный момент ци-

несколько волонтеров, висел всего один лозунг с довольно невнятной программой, украшенный портретом председателя ДПП Шебби, пожимающего руку Мануэля Баррозо, председателя комиссии Европейского союза (ЕС). Как отмечали журналисты, проходившие мимо тунисцы постоянно спрашивали: «Кто этот иностранец рядом с Шебби?». Штаб-квартира одной из левых партий, по описанию посетившего ее журналиста, находилась в небольшой квартире, в которой работал один волонтер. Руководитель партии, университетский профессор, в беседе с журналистом сетовал на то, что банк отказал ему в получении кредита для его избирательной кампании, так как его зарплата оказалась слишком мала. См. Lotfi Maktouf. Op. cit. P. 122–123.

⁹⁹ После краха режима Бен Али в Тунисе было зарегистрировано 82 политических партии различной политической направленности. См. Каимат би-абраз аль-ахзаб аль-мусаджилля фи Тунис баада саура (Список наиболее влиятельных партий, зарегистрированных в Тунисе после революции)//Азами Бишара. Указ. сочин. С. 459.

¹⁰⁰ Ghannouchi declared. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=Qu2TXVzQXQ4>. (Дата обращения — 15.06.2016).

визационного поворота к новому государству — шестому¹⁰¹ халифату»¹⁰². Однако после целого ряда критических публикаций в тунисских СМИ со стороны светски ориентированных политиков, Хамади Джебали заявил, что он имел в виду только ценностные ориентиры цивилизационного наследия тунисского народа, который стремится построить «гражданское, демократическое и плюралистическое общество»¹⁰³. Таким образом, политическая стратегия исламистов строилась на двух уровнях. Первый — обращение к демократии, как пропагандистское прикрытие, и второй — обращение к насилию, как к средству реализации своей программы. При этом Рашид Ганнуши заявлял, что его партии необходимо «поставить под контроль все государственные механизмы, в том числе, армию и службу безопасности»¹⁰⁴. На практике «Движения ан-Нахда», став правящей партией в «Тройке», активно продвигало своих сторонников на ключевые посты на всех уровнях администрации в центральных органах власти, в губерноратах и муниципалитетах. Такое же продвижение исламистов происходило в государственных структурах. А именно, в министерстве иностранных дел (министром иностранных дел стал зять Рашида Ганнуши), в большинстве посольств и консульств, министерстве внутренних дел и других силовых ведомствах, в СМИ, включая национальное телевидение и официальный государственный печатный орган *Journal officiel*, а также в ключевых структурах экономики и бизнеса, как, например, в Тунисской электрической и газовой компании. Таким образом, за восемь месяцев после победы на выборах в октябре 2011 г. «Движение ан-Нахда» реализовало около 1 тысячи 200 назначений своих сторонников¹⁰⁵.

Такая позиция и действия исламистов вызвали разочарование и недовольство политических сил, которые принимали участие в свержении диктаторского режима. Они чувствовали себя отесненными от реальной власти и принятия решений по дальнейшему развитию страны и видели, что плодами победы над режимом Бен Али воспользовались движения политического ислама. Наряду с обострением социально-экономических про-

¹⁰¹ Согласно суннитской исторической традиции существовали четыре халифата, следовавших за первым, которым считалась мусульманская община Пророка Мухаммеда, — Омейядский, Аббасидский, Фатимидский и Османский, упраздненный Мустафой Кемалем Ататюрком 3 марта 1924 г. — Прим. автора.

¹⁰² Martine Gozlan. Le future Premier-ministre appelle. URL: <http://www.marianne.net/martinegozlan/Tunisie-Le-futur-Premier-ministre-appelle-au-sixieme-califat-Inch-Allah-a24.html> (Дата обращения — 23.08.2016).

¹⁰³ Cit. on: Lotfi Maktouf. Op. cit. P. 103.

¹⁰⁴ Ghannouchi declared. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=Qu2TXVzQXQ4>. (Дата обращения — 20.06.2016).

¹⁰⁵ Tunisie: nomination au ministere de l'interieur. Echourouk, 23 juillet 2012. P. 8. URL: <http://www.tunisiefocus.com/politique/rafale-de-nomination-au-ministere-de-l-interieur-38246/>. (Дата обращения — 30.01.2016)

блем и осложнением ситуации с общественной безопасностью, политика исламистских лидеров по усилению роли ислама в общественно-политической жизни провоцировала обеспокоенность и протест части населения, которая стремилась сохранить светские ценности. Такая ситуация вела к размежеванию в обществе и усилению социальной напряженности.

В то же время одним из последствий прихода во власть суннитского исламистского «Движения Нахда» стала возможность выхода на политическую сцену сил, исповедовавших более радикальные концепции политического ислама, такие как салафизм¹⁰⁶ и тафризм¹⁰⁷. Аналогичные процессы имели место и в других странах, затронутых «арабской весной». С одной стороны это можно рассматривать как положительный момент, так как данные группировки, выходя из подполья и отказываясь от радикализма, легально участвовали в общественно-политической жизни. Наряду с этим данная экстремистская часть исламистских движений зачастую подвергала критике политику умеренных исламистских лидеров за нежелание, с их точки зрения, воплощать «подлинный ислам», разжигая тем самым внутри конфессиональные противоречия. Радикальные суннитские группировки провоцировали столкновения между различными конфессиями и политическими оппонентами как внутри страны, так и, равным образом, пытались экспортировать свою джихадистскую практику. Примером этому являлось участие сотен радикальных исламистов, в том числе из Туниса и Алжира, в зонах конфликтов в Йемене, Ливии, Сирии, Ираке и в странах африканского Сахеля. Усиление социальной напряженности и политической нестабильности вело к подъему политического и религиозного экстремизма. Участились случаи столкновений радикальных исламистов, как с политическими оппонентами, так и с этническими и конфессиональными меньшинствами.

В то же время во властной коалиции Туниса нарастали внутренние противоречия. Их проявлением стала критика курса премьер-министра Хамади Джебали на съезде президентской партии КЗР. Основные претензии относились к экономическому курсу, проводимому «Движением Нахда». Участники коалиции расходились также в определении внешнеполитического курса, который мог бы стимулировать будущее экономическое развитие страны. Президент Марзуки являлся сторонником ориентации на традиционных партнеров Туниса, прежде всего, страны ЕС. Премьер-

¹⁰⁶ Салафиты (*салаф* — праведный предок) — течение в исламе, идеологи которого выступают за создание мусульманского общества по образцу ранней мусульманской общины периода Пророка Мухаммеда и первых четырех «праведных халифов» (*аль-хулафа ар-рашидун* — ар. яз.).

¹⁰⁷ Тафризм (тафир (ар. яз.) — обвинение в неверии) — радикальное течение в исламе, приверженцы которого считают «неверными» (*кафара* — ар. яз.) всех, в том числе мусульман, не разделяющих их взгляды.

министр, в свою очередь, предлагал диверсифицировать внешнюю политику и сделать упор на суннитские монархии Персидского залива, а именно, на Катар. Одним из важных пунктов разногласий являлось отношение к салафитам, которые после свержения режима Бен Али усилили свое влияние в стране. Ими создавались свои военизированные отряды, так называемая «исламская милиция». Зафиксированы были случаи нападений салафитских групп на государственные учреждения, а также бары и отели в курортных городах и столкновения с представителями светских и левых организаций. В столице Туниса летом 2012 г. проходили манифестации сторонников салафитов с требованиями введения законов шариата. Причем эти демонстрации приветствовал на сайтах Аль-Каиды ее лидер Айман Аз-Завахири, и призывал создать в Тунисе «подлинно исламское государство». Происходящая в Тунисе «ползучая» исламизация вызывала раскол в обществе. Его проявлением стали протестные демонстрации тех тунисских граждан, которые видели в усилении роли ислама наступление на демократические права, завоеванные во времена первого президента независимого Туниса Хабиба Бургибы. В частности, в демонстрациях участвовали сторонники оппозиционного лево-демократического движения «Народный фронт», объединявшего 12 организаций, в основном, левой и социалистической направленности, а также оппозиционной партии «Призыв Туниса» (*Нидаа Тунис* — араб. яз.). Ее руководителем стал бывший премьер-министр Беджи Каид Ас-Себси, начавший свою политическую карьеру еще будучи соратником Хабиба Бургибы. Участники демонстраций, в числе которых было немало женщин, протестовали, в частности, против проекта новой конституции, который, по их мнению, ущемлял права женщин. В разработке данного проекта, во многом отражавшего исламистскую доктрину, значительную роль играли депутаты и, в частности, член руководства «Движения ан-Нахда» Хабиб Хедер (племянник Рашида Ганнуши). Большинство тунисских экспертов по конституционному праву, рассматривавшие проект, считали, что он направлен на демонтаж светского характера государства и отказались его одобрить. Так, один из наиболее известных правоведов, декан факультета права Тунисского университета, профессор Садок Белаид заявил, что этот проект Конституции «адаптированный нахдистскими депутатами к исламистской идеологии, ведет к дезинституализации тунисского государства и прокладывает дорогу исламистской диктатуре»¹⁰⁸. В свою очередь Абдель Ваххаб Меддеб, известный французский журналист и литератор тунисского происхождения, постоянный колонист наиболее влиятельной французской газеты *Le Monde*, от-

¹⁰⁸ Tunisie-politique. Sadok Belaid declare. URL: <http://www.kapitalis.com/politique-15834-tunisie-politique-selon-sadok-belaid-le-projet-de-constitution-le-lit-d-une-dictature-islamique.html> (Дата обращения — 15.06.2014).

мечал, что статьи проекта, провозглашающие «поддержку палестинского народа и осуждение сионизма представляют собой смешение юрисдикции и идеологии и абсолютно не допустимы в основном законе государства, каким является Конституция»¹⁰⁹.

По поводу политики в отношении салафитов руководитель партии Конгресс за республику (КЗР) Марзуки и представитель «Движения ан-Нахда» Джебали занимали различные позиции. Марзуки являлся сторонником принятия мер по противодействию экстремистской деятельности салафитов, в то время, как Джебали выступал за интеграцию салафитов в органы управления и выполнение ряда их требований. Подтверждением возрастания роли салафитского движения в Тунисе стали массовые антиамериканские демонстрации в сентябре 2012 г. в связи с появлением в Интернете и демонстрацией в США фильма «Невиновность мусульман», в негативном свете показывающим Пророка Мухаммеда. Демонстрации, вылившиеся в попытку нападения на посольство США и ожесточенные столкновения с полицией, привели к гибели нескольких их участников. Манифестации возглавили шейхи салафитских движений. Причем один из них, при попытке его задержания полицией, укрылся в одной из мечетей столицы Туниса, из которой ему удалось скрыться, так как толпа его сторонников, окружившая мечеть, не позволила полиции войти в нее. К более тесному сближению с салафитами призывали также представители молодого поколения активистов «Движения Нахда», которые в определенной степени укрепили свои ряды. В свою очередь светски ориентированные партии «Конгресс за республику» (КЗР) и «Демократический форум за труд и свободы» (Такаттуль) видели в намечавшемся альянсе «Движения ан-Нахда» с салафитами определенную угрозу, полагая, что это приведет к дальнейшей исламизации общественно-политической жизни, а также, что при определенных обстоятельствах салафиты попытаются занять их место в коалиции. В главном вопросе о будущем государственном устройстве Туниса, Джебали являлся сторонником парламентской республики, что обеспечивало «Движению ан-Нахда» всю полноту власти в стране. Марзуки и Бен Джафар стремились найти такую форму политического устройства, которая оставляла бы ряд серьезных полномочий у президента и давала им возможность остаться во власти.

В то же время значительная часть общества выражала несогласие с возрастающей ролью ислама в общественно-политической жизни и намечавшемся отказе от результатов секуляристских реформ, достигнутых, прежде всего, в период правления президента Хабиба Бургибы. Возмож-

¹⁰⁹ Le Monde. Abdelwahab Meddeb. Le projet de constitution tunisienne. URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2013/04/30/pourquoi-le-projet-de-constitution-tunisienne-est-inacceptable_3168798_3232.html (Дата обращения — 8.08.2014).

ность такого отказа подтвердил в своем выступлении Рашид Ганнуши. Так, он заявил, что массовая народная поддержка «Движения ан-Нахда» на парламентских выборах проложила дорогу успешному осуществлению исламского проекта, ставшему, по его мнению, возможным после победы тунисской революции в январе 2011 г. Ганнуши также достаточно жестко отозвался о своих политических оппонентах, назвав их «противниками ислама, стремящимися разрушить страну, которые потерпят поражение, как только вся нация станет привержена своей религии и избранному „праведному пути“ развития, — сравнивая всех, кто не разделяет идеологию исламистов, — с больным, которому необходимо лекарство в виде ислама»¹¹⁰.

Однако главной проблемой для Туниса продолжала оставаться нерешенность социально-экономических проблем, а именно, высокий уровень безработицы, несбалансированность регионального развития, общее ухудшение экономической ситуации и обострение криминогенной обстановки. Массовые демонстрации с требованиями решения насущных социально-экономических проблем имели место в 2012–2013 гг. в ряде городов Туниса. Серьезно дестабилизировали внутреннюю ситуацию в Тунисе акты политического террора и активизация радикальных исламистов. Так, в феврале 2013 г., было совершено убийство Шукри Белаида (1964–2013), одного из лидеров светского лево-демократического политического блока «Народный фронт», Генерального секретаря партии «Движение патриотов-демократов». Затем в июле 2013 г. был застрелен на пороге своего дома Мухаммед Аль-Брахими, член парламента, координатор также лево-демократического парламентского блока. Ш. Белаид и М. Брахими резко выступали против исламизации Туниса и действий правящего исламистского руководства, что, в свою очередь, вызывало критические выпады в его адрес и даже угрозы со стороны исламистов. В конце июля 2013 г. от рук исламистских террористов погибли 9 военнослужащих тунисской армии. Они попали в засаду, организованную тунисской радикальной исламистской группировкой «Ансар аш-шариа» (Воины шариата — араб. яз.), в районе тунисско-алжирской границы. В ответ на акты террора многие партии лево-демократической оппозиции и профсоюзы организовали массовые демонстрации протеста и осуждения политического террора, в котором они обвиняли радикальных исламистов и правящую партию «Движение ан-Нахда». По заявлениям лидеров светской оппозиции, «Движение ан-Нахда» «потворствовала исламистскому террору, а также поощряла действия исламской милиции, инициировавшей столкновения и нападения на штаб-квартиры оппозиционных партий»¹¹¹.

¹¹⁰ Ghannouchi declared. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=Dn52yA7cxtg> (Дата обращения — 20.07.2014).

¹¹¹ La Tunisie en ebullition. URL: <http://mejliss.com/2013/02/06/> (Дата обращения — 10.04.2013)

Новым премьер-министром, сменившим ушедшего в отставку в феврале 2013 г. Хамади Джебали, стал также представитель руководства «Движения ан-Нахда» Али Лаарейед, который ранее занимал пост министра внутренних дел. Сторонники «Движения ан-Нахда» организовывали, в свою очередь, демонстрации в поддержку исламистского руководства. Монсеф Марзуки, президент Туниса и руководитель партии КЗР в своих выступлениях в ходе визита во Францию в феврале 2013 г., резко осудил политическое убийство Ш. Белаида. Тем не менее, он заявил, что не корректно называть «исламистами», как боевиков в Мали, так и движение Нахда, которое является частью тунисского общества. В свою очередь, президент Франции Франсуа Олланд во время визита в Тунис в начале июля 2013 г. заявил, что «ислам не противоречит демократии, что подтвердила современная история Франции»¹¹².

В социально-политических процессах в Тунисе, развивавшихся после свержения режима Бен Али в 2011 г., наблюдалось, с одной стороны, усиление радикальных исламистских течений, сопровождавшееся актами политического террора, и, с другой стороны, раскол в тунисском обществе на тех, кто поддерживал «исламский проект» и тех, кто предпочитал светский путь развития¹¹³. Президент Монсеф Марзуки, не смотря на свои социал-демократические взгляды, выступал за союз с исламистами, прежде всего, с «Движением ан-Нахда»¹¹⁴. В то же время значительная часть либерально-демократических и левых политических сил была настроена резко оппозиционно к исламизации страны. Такая ситуация, усугубленная внутренним кризисом в руководящих органах «Тройки», провоцировала нестабильность и социально-политическую напряженность. Ранее не типичные для Туниса проявления терроризма, вызвали массовые анти исламистские манифестации¹¹⁵. Многие тунисцы обвиняли в организации

¹¹² Frances' Holland praises Tunisia as «model» for region//BBC news. 2013. 5 July. URL: <http://www.bloc.co.uk/news/world-africa-23204230> (Дата обращения — 29.01.2014).

¹¹³ Долгов Б. В. Исламистский вызов «арабской весны»: предварительные итоги и перспективы. LAP LAMBERT Academic Publishing. Saarbrücken 2015. С. 26.

¹¹⁴ Moncef Marzouki. L'Invention d'une democratie. Editions La Decouverte. P., 2013. P. 78.

¹¹⁵ Очевидец данных манифестаций, отечественный исследователь В. А. Кузнецов, находившийся в феврале 2013 г. в Тунисе, подтверждал, что «состоявшиеся 8 февраля похороны Шукри Белаида стали одновременно и демонстрацией солидарности гражданского общества, и его недовольства правящим режимом. По первоначально оглашенным официальным данным в них приняло участие полтора миллиона человек. Затем в официальных источниках МВД цифра снизилась до сорока тысяч. Могу только засвидетельствовать, что реальная численность пришедших, если и была далека от 1,5 млн, то от 40 тысяч она была еще дальше — не только само кладбище, но и окружающие кварталы, и весь путь похоронной процессии были заполнены плотной толпой. Не смотря на то, что все руководство республики осудило убийство политика и

убийств лидеров лево-демократических движений исламистскую партию «Движение ан-Нахда» и ее военизированные организации «Национальные лиги в защиту революции», а также выше упоминавшуюся такфиристскую нелегальную группировку «Ансар аш-шариа»¹¹⁶. Для отпора радикальным исламистам в Тунисе сформировался альянс светских и лево-демократических сил. Его представляла возглавлявшаяся старейшим общественно-политическим деятелем Беджи Каидом ас-Себси¹¹⁷ партия «Призыв Туниса» (*Нидаа Тунис* — араб. яз.)¹¹⁸. В начале 2013 г. был создан политиче-

выразило сочувствие его близким («Убийством революции» назвал это преступление Хамад Джебали), а сами похороны были объявлены «национальными» и сопровождались всеобщей забастовкой, ни президент, ни премьер-министр, ни спикер НУС в церемониях участия не приняли. Вероятно, это было связано с тем, что буквально в день гибели Белаида его сподвижники и близкие обвинили в убийстве правящий режим и конкретно исламистов. Если для одной части общества погребение стало демонстрацией солидарности, другая его часть превратила их в антиправительственную акцию. Наравне с национальным гимном звучали лозунги: «Тунис свободен, Ганнуши — убирайся», «Народ требует новой революции!». См. В. А. Кузнецов. Немного крови в мутной воде. URL: <http://globalaffairs.ru/global-processes/Nemnogo-krovi-v-mutnoi-vode-15979> (Дата обращения — 29.08.2016).

¹¹⁶ Who killed Al-Brahimi and Belaid? Weekly Ahram. URL: <http://weekly.ahram.org.eg> (Дата обращения — 31.07.2013)

¹¹⁷ Беджи Каид ас-Себси родился в 1926 г. в г. Сиди-Бу-Саид на севере Туниса в семье крупного государственного чиновника в администрации бея (правителя Туниса, находившегося в тот период под протекторатом Франции), обладавшего значительными земельными владениями. Бежи Каид ас-Себси получил высшее юридическое образование во Франции и по возвращении в Тунис был включен в 1952 г. в Тунисскую коллегию адвокатов. Будучи адвокатом Беджи Каид ас-Себси участвовал в целом ряде судебных процессов, где он защищал активистов партии «Новый Дустур», руководимой Хабибом Бургибой. После завоевания Тунисом независимости в 1956 г. Беджи Каид ас-Себси занимал ряд ответственных постов в правительстве Хабиба Бургибы. С 1957 по 1965 гг. он являлся генеральным директором Департамента сыска полиции. Затем с 1965 по 1969 гг. — министром внутренних дел, с 1969 по 1970 гг. — министром обороны, с 1981 по 1986 гг. — министром иностранных дел, с 1987 по 1990 гг. — послом Туниса в ФРГ, с 1990 по 1991 гг. — спикером Палаты представителей (однопалатного парламента Туниса). С 1991 по 1994 гг. он являлся депутатом парламента, и с 1994 г. возобновил свою адвокатскую деятельность. После свержения режима Бен Али, Беджи Каид ас-Себси после отставки премьер-министра Мухаммеда Ганнуши был назначен на пост премьер-министра, который занимал до новых парламентских и президентских выборов в октябре 2011 г. В 2012 г. Беджи Каид ас-Себси стал инициатором создания партии «Призыв Туниса» (*Нидаа Тунис* — араб. яз.).

¹¹⁸ Беджи Каид ас-Себси, объединив вокруг себя своих сторонников, в том числе бывших министров его правительства в июне 2012 г. объявил о создании партии «Призыв Туниса», которую он возглавил, став ее председателем. В руководящие органы партии были избраны ближайшие соратники Беджи Каида ас-Себси, такие, как Тайеб Бакуш, Лазар Карауи, Рида Бельхадж. В своей программе партия провозглашала следующие цели: проведение в жизнь плана по спасению национальной экономики, основанном на развитии и расширении производства, привлечении инвестиций, создания

ский блок «Союз за Тунис», объединивший наряду с «Призывом Туниса», «Республиканскую партию»¹¹⁹, «Демократический и социальный путь» и «Социалистическую партию». Их лидеры обвиняли «Движение ан-Нахда» в «стремлении завоевать политическую власть и установить в стране свое доминирование»¹²⁰.

Политический кризис в Тунисе, разразившийся в конце 2013 г., привел к отставке правительства во главе с премьер-министром, представителем «Движения ан-Нахда», и назначением нового беспартийного премьер-министра Махди Джамаа, который сформировал «техническое» правительство, состоявшее из технократов. В январе 2014 г. Национальный учредительный совет (парламент) Туниса 200 голосов из 222 принял новую конституцию, определяемую многими экспертами, как наиболее демократичную в арабском мире. Принятая конституция в своей статье 2 определяла Тунис, как «гражданское государство»¹²¹. Причем делалось уточнение, что эта статья не подлежит изменению. В ст. 21 провозглашалось, что «граждане и гражданки Туниса равны в своих правах и обязанностях перед законом. Государство гарантирует их личные и общественные свободы»¹²², ст. 34 гарантировала «представительство женщин в выборных органах»¹²³, в ст. 46 гарантировалось «равенство возможностей для женщин и мужчин во всех областях»¹²⁴, ст. 37 гарантировала «свободу слова, выражения своего мнения, собраний и демонстраций мирного характера»¹²⁵, в ст. 35 провозглашалась «свобода создания партий, профсоюзов и организаций, обязанных проводить свою деятельность в соответствии с конституцией и законом при прозрачности финансовой деятельности и отверже-

новых рабочих мест. Обеспечение общественной безопасности и стабильности в обществе. Принятие необходимых мер по обеспечению интересов молодежи и развития депрессивных регионов. Сохранение политической нейтральности мечетей, недопущение практики создания «исламских милиций», а также возврата любой формы диктатуры. Обеспечение коллективных и индивидуальных свобод, в том числе свободы слова, собраний и равноправия женщин. Применение всей силы закона для предотвращения проявлений терроризма, который угрожает общественной безопасности, а также национальным и внешнеполитическим интересам Туниса. См. Таасис аль-хизб Нидаа Тунис (Создание партии Призыв Туниса). URL: nidaa-tounes.org/elections/wp-content/uploads/2014/10/pdf (Дата обращения — 19.08.2016).

¹¹⁹ Республиканская партия (*Хизб аль-джумхурий* — араб. яз.) — так стала называться бывшая Демократическая прогрессивная партия (ДПП) после объединения с рядом близких по идеологии политических структур.

¹²⁰ Lotfi Makhtouf. *Sauver la Tunisie*. Librairie Artheme Fayard. P., 2013. P. 11.

¹²¹ Дустур аль-джумхурия ат-тунисия. Конституция тунисской республики. Электронная версия, предоставленная посольством Туниса в Москве.

¹²² Ibid.

¹²³ Ibid.

¹²⁴ Ibid.

¹²⁵ Ibid.

ния насилия»¹²⁶. В то же время ст.1 определяла ислам, как «государственную религию и арабский язык, как государственный»¹²⁷. Эта статья также не подлежала изменению. В ст.6 подтверждалось, что «государство покровительствует религии, гарантирует свободу вероисповедания и проведения религиозных обрядов, а также свободу совести и нейтралитет мечетей и религиозных культов по отношению к деятельности политических партий»¹²⁸. Таким образом можно констатировать, что политическим силам, стоявшим на светских позициях, удалось отстоять гражданский характер тунисского общества, достигнутый при первом президенте Хабибе Бургибе, продвинуть демократические преобразования и не допустить законодательного оформления исламизации общественно-политической жизни Туниса, к чему стремилось «Движение ан-Нахда» и его союзники.

В результате парламентских выборов, прошедших в октябре 2014 г. наибольшее число депутатских мест (86) завоевала светская партия «Призыв Туниса», возглавляемая Беджи Каидом ас-Себси. Второе место по числу полученных мест заняло «Движение ан-Нахда» во главе с Рашидом Ганнуши, получившее 66 мест. Блок лево-демократических сил «Народный фронт», в котором значительным влиянием пользуется Коммунистическая партия тунисских рабочих (КПТР), возглавляемая ее основателем и видным деятелем левого движения Хаммой Хаммами, получил 15 мест¹²⁹. В свою очередь в первом туре президентских выборов, прошедших в ноябре 2014 г. также лидировал Беджи Каид ас-Себси, за которого проголосовали 39,46 % избирателей, на втором месте — Монсеф Марзуки, действующий президент и лидер партии Конгресс за республику (КЗР), получивший 33,43 % голосов. В результате второго тура президентских выборов, состоявшемся 21 декабря 2014 г. Беджи Каид ас-Себси, за которого проголосовали 56 % избирателей, был избран президентом Туниса. Монсеф Марзуки сумел завоевать 44 % голосов¹³⁰. Таким образом, избрав президентом лидера демократически ориентированной партии «Призыв Туниса» Беджи Каида ас-Себси, значительная часть граждан Туниса подтвердила свой выбор светского пути для дальнейшего развития страны.

¹²⁶ Дустур аль-джумхурия ат-тунисия. Конституция тунисской республики. Электронная версия, предоставленная посольством Туниса в Москве.

¹²⁷ Ibid.

¹²⁸ Ibid.

¹²⁹ Les resultats des legislatifs. URL: <http://www.gnet.tn/temps-fort/tunisie-resultats-definitifs-des-legislatifs-et-liste-des-deputes-isie/id-menu-325.html> (Дата обращения — 7.10.2016).

¹³⁰ M. Caid a obtenu. URL: http://www.lemonde.fr/tunisie/article/2014/12/12/les-deux-camps-revendiquent-le-victoire-tn-tunisie_4544506_1466522.html (Дата обращения — 7.10.2016).

Однако нарастание социально-экономических проблем, разбалансированность государственных структур, в том числе, правоохранительных, в результате революционной смены режима и сложного переходного периода, наряду с усилением радикального исламизма, вело к новому обострению ситуации. Так, летом 2015 г. в Тунисе были совершены два масштабных террористических акта. Первый в столице Туниса, в одном из самых посещаемых иностранными туристами музее Бардо, второй в курортном городе Сус, также популярном среди иностранцев. Среди нескольких десятков погибших большинство были иностранными туристами из Англии, Франции, Бельгии, Германии. Исполнителями терактов являлись тунисские граждане, связанные с радикальными исламистскими группировками. Президент Туниса Беджи Каид ас-Себси был вынужден признать, что страна оказалась не готовой к проявлениям терроризма. Тем не менее, руководство ас-Себси приняло необходимые меры по подавлению радикальных исламистов, действовавших в Тунисе. Были арестованы несколько десятков подозреваемых в принадлежности к экстремистским группировкам, закрыты многие мечети, где имамы проповедовали радикальные исламистские взгляды, проведена переаттестация имамов, запрещена деятельность, так называемых, «Национальных лиг в защиту революции», контролировавшихся салафитскими группами. Были усилены также меры безопасности в туристических зонах, к охране которых была привлечена армия. В июле 2015 г. тунисский парламент «одобрил Закон по противодействию терроризму, разработанный Министерством обороны и предоставлявший больше прав тунисской армии и правоохранительным органам во время проведения операций по борьбе с терроризмом»¹³¹. Наряду с этим был усилен пограничный контроль, в частности на границах с Ливией и Алжиром. Это было связано с тем, что Ливия после краха режима Каддафи представляла собой распавшееся государство, где усилились радикальные исламистские группировки, часть которых присягнула на верность ИГ и распространяла свою экспансию в соседние страны. Так, группировки «Исламская тунисская боевая группа», «Исламский тунисский фронт», «Ансар аш-шариа», в которых участвовали многие десятки граждан Туниса, а также действовавшая с конца 1990-х годов на территории Алжира «Аль-Каида исламского Магриба» (АКИМ) «пытались воспользоваться политической нестабильностью, сложившейся после краха режима Бен Али и перенести свою террористическую активность в Тунис»¹³².

Руководство Беджи Каида ас-Себси восстановило дипломатические отношения Туниса с Сирией, прерванные предыдущим тунисским прави-

¹³¹ Газета «Аль-Баян», 22.07.2015 г. С. 1.

¹³² Mezri Haddad. La face cachée de la révolution tunisienne. Islamisme et Occident, une alliance à haut risque. Editions APOPSIX. P., 2011. P. 396.

тельством, в котором доминировало «Движение ан-Нахда»¹³³. Эта мера предоставляла возможность координировать действия тунисских и сирийских правоохранительных органов по предотвращению проникновения в Тунис тунисских граждан, участвовавших в действиях радикальных исламистских группировок в Сирии. Комплекс данных мер, предпринятых летом 2015 г. способствовал до определенной степени стабилизации ситуации в Тунисе. В тоже время светски-ориентированные партии продолжали обвинять «Движение ан-Нахда» в причастности к убийству лидеров левodemократических движений Шукри Белаида и Мухаммеда Брахими, совершенного в 2013 г.¹³⁴ Отражением этого стали демонстрации сторонников «Народного фронта» в июне 2016 г., протестовавших против затягивания, по их мнению, следствия, и нежелания властей привлечь к ответственности виновных.

В этой связи представляется достаточно важным вопрос о возможности эволюции «Движения ан-Нахда», позиционирующего себя как умеренное течение «политического ислама». В этом отношении имелось ряд концепций. Известный французский исследователь Жак Юнтзинжер (Jacque Huntzinger)¹³⁵ считал, что «в ответ на террористические акты в феврале и июле 2013 г. против светских политических деятелей (убийства Шукри Белаида и Мухаммеда Брахими — прим. автора) демократические силы ответили очень сильной мобилизацией, которая заставила правящую исламистскую партию „Движение ан-Нахда“ пойти на национальный диалог и уйти от власти, уступив место коалиционному правительству. В то же время эта исламистская партия проголосовала за новую конституцию, в которую были включены „революционные“ для арабского мира статьи, такие, как свобода совести и использование гражданского права вместо шариатского. Таким образом, тунисские исламисты проголосовали за то, за что не осмеливалась голосовать ни одна политическая сила в арабском мире. Это означает, что „Движение ан-Нахда“, исторически сформировавшееся на идеологии „Братьев-мусульман“, сегодня необратимо отходит от модели „политического исламизма“, чтобы войти в „пост-исламизм“»¹³⁶. Тунисское «Движение ан-Нахда», как полагает Жак Юнтзинжер, «воспри-

¹³³ Газета «Ас-Сафир», 25.07.2015 г. С. 10.

¹³⁴ По обвинению в совершении данного убийства были задержаны 24 члена радикальной исламистской группировки «Ансар аш-шариа» (Воины шариата).

¹³⁵ Жак Юнтзинжер, профессор, специалист по гражданскому праву, член Социально-экономического совета при ООН, являвшийся послом Франции в Израиле, написавший ряд работ по проблемам мусульманских обществ в Магрибе. В 2014 г. он являлся научным руководителем семинара «Средиземноморский диалог: модернизация и религия» во французском Колледже Бернарден.

¹³⁶ Jacque Huntzinger. Les printemps arabes et le religieux. La secularisation de l'islam. Collège des Bernardins. Editions Parole et Silence. P., 2014. P. 74.

няло, в отличие от египетских „Братьев-мусльман“, необходимость глубокой идеологической ревизии политического исламизма, так как только в этом случае возможна совместимость ислама с демократией»¹³⁷. В свою очередь исследователь из США Моника Маркс (Monica Marks)¹³⁸ полагала, что «Движение ан-Нахда» «стремилось переплавить свой исламизм. Компромиссная позиция „Движения ан-Нахда“ способствовавшая его мирному переходу в начале 2015 г. в новую правительственную коалицию, возглавлявшуюся „Призывом Туниса“, означала, что нахдисты смягчили свой исламистский дискурс. Они не стали безрассудно продвигать экспансионистский набор идеологических и политических целей, предпочитая играть в оборонительную политику, осторожно зондируя обстановку перед тем, как двинуться вперед»¹³⁹. При этом возможному, по мнению Моника Маркс, переосмыслению нахдистами своих доктринальных концепций способствовал учет ими их собственного позитивного и негативного опыта пребывания у власти в 2011–2014 годах. В равной степени «Движение ан-Нахда» сделало выводы из уроков его взаимоотношений с режимом Бен Али. Наряду с этим особенно значительное влияние на такое переосмысление оказали внешние факторы. А именно, усиление радикального исламизма в лице группировки «исламского государства» (ИГ) на части территорий Сирии и Ирака в 2014 г. и отстранение армией от власти в Египте в 2013 г. ставленника Братьев-мусульман Мухаммеда Мурси, а также аналогичный опыт подавления алжирской армией исламистского движения «Исламский фронт спасения» (ИФС) в Алжире в начале 1990-х годов¹⁴⁰. В отношении алжирского опыта необходимо отметить, что Рашид Ганнуши, находясь в 1990–1991 гг. в Алжире, предостерегал лидера ИФС Аббаси Мадани от действий, провоцировавших обострение противостояния с властями. Однако Аббаси Мадани не внял этим предостережениям и призвал своих последователей к акциям гражданского непови-

¹³⁷ Jacques Huntzinger. Les printemps arabes et le religieux. La secularisation de l'islam. Collège des Bernardins. Editions Parole et Silence. P., 2014. P. 75.

¹³⁸ Работа Моника Маркс, опубликованная в 2015 г., посвященная возможной эволюции «Движения ан-Нахда» является одной из целой серии работ, осуществляемых Институтом Брукинга в США в рамках его проекта «Переосмысление политического ислама» (Rethinking Political Islam). Данный проект предполагает сравнительный анализ развития движений политического ислама в 12 ключевых странах арабо-мусульманского мира — Египте, Тунисе, Марокко, Кувейте, Саудовской Аравии, Йемене, Сирии, Иордании, Ливии, Пакистане, Малайзии и Индонезии.

¹³⁹ Project on U. S. Relations with the Islamic World at BROOKINGS. Rethinking Political Islam Series. August 2015. Tunisia's Ennahda: Rethinking Islamism in the context of ISIS and the Egyptian coup. Working Paper. Monica Marks. URL: http://www.brookings.edu/~media/Research/Files/Reports/2015/07/rethinking-political-islam/Tunisia_Marks-FINALE.pdf?la=en (Дата обращения — 30.09.2016).

¹⁴⁰ Ibid.

новения, приведшим к столкновениям с полицией и жертвам с обеих сторон. В результате войсками были разогнаны демонстрации сторонников ИФС, многие из которых были арестованы, в том числе сам Аббаси Мадани.

В отношении выводов Моники Маркс об эволюции «Движения ан-Нахда» можно согласиться с отечественным исследователем В. А. Кузнецовым, который справедливо отмечал, что «пока речь может идти лишь об изменении политической тактики партии и об использовании богатого потенциала политической маневренности, изначально присущего тунисским исламистам»¹⁴¹. В свою очередь видный отечественный исследователь Туниса М. Ф. Видясова определяла умеренный исламизм и, в частности «Движение ан-Нахда», как «двуликого Януса», имея в виду двойной язык исламистов, скрывающий их подлинные цели, и приводя высказывания тунисских интеллектуалов, называвших исламистов «многоголовой гидрой, — и видевших в них, — угрозу республиканским и светским ценностям тунисского общества»¹⁴².

Выше упоминавшийся известный тунисский исследователь Лотфи Мактуф (Lotfi Maktouf) считал, что «исламисты не являются приверженцами демократии, о чем они заявляют. Они также не эволюционируют и не изменяют свои концепции в сторону сближения с демократическими принципами. До тех пор пока они чувствуют свою силу и власть они будут использовать агрессию и насилие для достижения своих целей»¹⁴³. Тунисский эксперт в области политических и информационных технологий, профессор французского университета Париж-2 Слах Веслати (Slah Weslati) высказывает свои опасения, задаваясь главным вопросом, на который, по его мнению, тунисское общество не дало ответа — «куда идет тунисская революция? К демократизации общества или к жесткому противостоянию последователей различных сил и идеологических доктрин, грозящему гражданской войной?»¹⁴⁴. Мезри Хаддад, известный тунисский журналист, доктор политических и философских наук, преподаватель Сорбонны, посол Туниса при ЮНЕСКО предостерегал тунисцев и особенно тунисскую молодежь от того, чтобы, свергнув диктатора Бен Али, не оказаться под властью режима «исламской демократии». По его мнению «существует некий альянс между Западом и исламистскими движениями, которые с оружием в руках поднимают „революции“, финансируемые Джорджем Соросом и направляемые политическим руководством

¹⁴¹ Кузнецов В. А. Переосмысливая переосмысление//Российский совет по международным делам. Ближний восток. Аналитика. 9.10.2015 г. URL: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=6677#top-content (Дата обращения — 20.09.2016).

¹⁴² Видясова М. Ф., Гасанбекова Т. И. Указ. соч. С. 13–14.

¹⁴³ Lotfi Maktouf. Cit. on. P. 164.

¹⁴⁴ Slah Weslati. Chronologie de la revolution tunisienne. Democratie ou guerre civile? Edition Nirvana 2011. Tunisie. P. 248.

Мак-Кейна (сенатор США — прим. автора), которые используются Западом для достижения его неоколониалистских целей в отношении мусульманского мира, в том числе в Тунисе»¹⁴⁵.

Наряду с такой негативной и критической оценкой действий и возможности эволюции исламистов и, в частности, «Движения ан-Нахда» Монсеф Марзуки¹⁴⁶, руководитель партии «Конгресс за республику» (КЗР), участвовавший в коалиции с нахдистами в руководстве «Тройки», утверждал, что «исламизм не является монолитным блоком, существуют его различные направления, которые находятся в постоянной эволюции»¹⁴⁷. Монсеф Марзуки заявлял также, что под руководством Рашида Ганнуши, с которым он неоднократно встречался во время пребывания в эмиграции в Европе, «многие члены „ан-Нахды“ начали воспринимать идеи демократии и Всеобщей декларации прав человека. При этом сам Рашид Ганнуши во многих своих работах показывал, что ислам не враждебен демократии, напротив они могут идти в ногу. Современность и Коран, ислам и демократия не являются антагонистами»¹⁴⁸. Тем не менее, М. Марзуки считал, что «религия должна оставаться частной сферой жизни верующего. Недопустимо выходить в публичные места и заявлять, что Аллах сказал, что нужно делать именно так, а не иначе»¹⁴⁹. В свою очередь посол Туниса в РФ на своих пресс-конференциях в Москве в МИА «Россия сегодня» в 2014–2016 гг. неоднократно подчеркивал, что «Движение Нахда» есть часть тунисского общества и не является радикально исламистским. По его мнению, «Движение ан-Нахда» можно сравнить, с такими европейскими партиями, как «Христианско-демократический союз» и «Христианско-социальный союз» (ХДС-ХСС) в Германии и «Христианско-демократическая партия» (ХДП) в Италии.

Возможность эволюции доктринальных концепций исламистских движений и, в частности, «Движения ан-Нахда» в плане их совместимости с обще демократическими принципами представляется достаточно сложным и неоднозначным. С одной стороны, имеются официальные заявления его руководителей Рашида Ганнуши и Хамади Джебали, в которых

¹⁴⁵ Mezri Haddad. Op. cit. P. 407–408.

¹⁴⁶ Монсеф Марзуки воспитывался в семье глубоко верующих мусульман. В возрасте 5 лет он поступил в кораническую школу, где, по его воспоминаниям, он по Корану учился читать и писать. Его брат был членом партии «ан-Нахда», а сам М. Марзуки увлекался чтением суфийских поэтов и философов, в частности, Ибн Араби и Аль-Халладжа, и считал себя в большей степени мусульманином суфием. См. Moncef Marzouki. Op. cit. P. 82.

¹⁴⁷ Moncef Marzouki. *L'invention d'une démocratie*. Editions la decouverte, Paris, 2013. P. 78.

¹⁴⁸ Ibid.

¹⁴⁹ Ibid. P. 82.

они подтверждали приверженность «демократической республиканской системе государственно-политического устройства, осуществляемой посредством свободных и транспарентных выборов при уважении свобод и прав, гарантирующих мирную альтернативность во власти»¹⁵⁰. С другой стороны, известны их совершенно противоположные высказывания, в которых приход «Движения ан-Нахда» к власти в результате парламентских выборов в октябре 2011 г. определялся, как «божественный момент освобождения Туниса, цивилизационный поворот, открывающий путь к созданию нового государства — шестого халифата, которое приведет к освобождению аль-Кудса (Иерусалима)»¹⁵¹. Практическая деятельность находистов после того, как «Движение ан-Нахда» стала правящей в «Тройке», также была направлена на получение ключевых постов во всех государственных структурах и закрепления монополии на власть. Такое противоречие вполне объяснимо, учитывая все выше сказанное о «двойном языке» исламистов, который остается используемой ими политической практикой. В то же время имеются примеры достаточно длительной деятельности партий исламистской направленности в парламентах, созданных на демократической многопартийной основе. Так, например, в Алжире таковыми являлись партии «Движение общества за мир» (ДОМ) и «Национальное движение за реформу» (НДР), которые представлены в парламенте с момента принятия в Алжире новой конституции и многопартийной системы в 1989 г. Однако эти партии изначально позиционировали себя, как умеренных исламистов, отвергавших насильственные методы борьбы. Они исключили из своих программ пункт о поэтапном создании «исламского государства» в качестве цели партии, заменив его на продвижение мусульманских ценностей и морально-этических норм. Необходимо отметить, что эти партии не представляли единого блока в алжирском парламенте. ДОМ поддерживала правительственный курс, его представители получали министерские портфели в правительстве Алжира, а НДР состояла в оппозиции и, тем не менее, ее лидер Абдалла Джабалла баллотировался, наряду с другими претендентами, на пост президента Алжира. Особый случай представляет эволюция доктрины «исламского государства» в Исламской республике Иран, которая на данный момент является единственным примером достаточно успешной ее реализации. Однако исламский шиитский проект в Иране нуждается в специальном глубоком изучении, которое не является задачей данного исследования.

Что касается сравнения «Движения ан-Нахда» с европейскими партиями ХДС-ХСС и ХДП, то здесь необходимо отметить, что некая религиозная составляющая имеется только в названиях данных партий. В их про-

¹⁵⁰ Cit. on: Lotfi Maktouf. Op. cit. P. 102

¹⁵¹ Ibid.

граммах и практической деятельности отсутствуют какие-либо религиозные цели, тем более упоминание о создании «христианского государства». В тоже время в доктринальных концепциях и практической деятельности «Движения ан-Нахда», так же, как в других умеренных исламистских партиях, не говоря уже о радикальных группировках, религиозная — исламская составляющая и ее использование для прихода к власти играет главную роль. В связи с этим при анализе деятельности исламистских партий, в том числе «Движение ан-Нахда», так же, как алжирского «Исламского фронта спасения» (ИФС) необходимо учитывать такой немаловажный фактор, как убежденность, по крайней мере, части их руководства, идеологов и рядовых членов в том, что их партия не является всего лишь одной из многих политических партий, но выполняет высшую волю Аллаха. Так, например, лидеры ИФС заявляли, что их высшими духовными предводителями являются Аллах и Пророк Мухаммед и они «выполняют священную миссию по построению исламского государства»¹⁵². Аналогичный тезис звучал также в вышеприведенных выступлениях руководителей «Движения ан-Нахда» по поводу «божественного момента освобождения Туниса» и создания «шестого халифата». В этой связи представляется действенным метод анализа исламистских движений, предлагаемый отечественными исследователями А. М. Васильевым и А. Д. Саватеевым, заключающийся в «выделении степеней интенсивности исламизма от строгого соблюдения самим правоверным требований ислама до исполнения требования вести вооруженный джихад»¹⁵³.

Еще одним аспектом, отличающим исламистские партии и объясняющим до определенной степени их «двойной язык», является возможное использование такого догмата в исламе, как *такия* (предосторожность — араб. яз.), допускающего «маскировку религиозных или политических убеждений» в «интересах братьев по вере (*хукук аль-ихван*)»¹⁵⁴. Хотя этот догмат исторически использовался, в основном, шиитскими общинами, суннизм также допускал такую практику. Однако каких-то документальных подтверждений использования догмата «такия» исламистскими движениями, в частности нахдистами, не имеется, тем не менее, учитывать такую возможность необходимо. Тем не менее, в исламистском движении, как уже отмечалось выше, имеются как радикальные, так и умеренные, более прагматичные течения, которые способны на изменение в достаточной степени своих доктринальных установок в плане их сближения с об-

¹⁵² Журнал «Аль-Мункыз». № 22. Алжир, 1989. С. 6.

¹⁵³ Ланда Р. Г., Саватеев А. Д. Политический ислам в странах Северной Африки // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Африки. — М.: Ленанд/URSS, 2015. С. 131.

¹⁵⁴ Ислам. Энциклопедический словарь. Москва «Наука». Главная редакция восточной литературы. 1991. С. 221.

ще демократическими принципами. Вопрос заключается в том, насколько способны эти течения и их лидеры занять главенствующие позиции в исламистской партии и противостоять давлению радикалов. В этой связи можно привести пример алжирского ИФС, когда его лидеры, отражавшие позицию умеренного его крыла, Аббаси Мадани и Абдель Кадер Хашани¹⁵⁵, сумели настоять на участии ИФС в парламентских выборах в Алжире в 1991 г., в то время как радикальная часть его руководства выступала за их бойкот. Аналогичная ситуация наблюдалась в «Движении ан-Нахда», когда член его руководства Абдель Фаттах Муру, возглавлявший умеренное его крыло, осудив террористический акт радикальных исламистов, совершенный против бюро правящей партии ДКО в 1991 г., и приостановив свое членство в «ан-Нахде», был готов идти на диалог с властями и создать свою более умеренную партию¹⁵⁶.

В этой связи достаточно симптоматичными представлялись дебаты внутри «Движения ан-Нахда», которые проходили в ходе работы его X-го съезда, состоявшегося 20–22 мая 2016 г. в Радесе, пригороде г. Туниса и продолжавшегося в г. Хаммамете. Наряду с вопросами, касавшимися социально-экономической политики, которым уделялось большое внимание в социально-экономической программе¹⁵⁷, представленной на съезде, на

¹⁵⁵ Абдель Кадер Хашани погиб в результате покушения, совершенного на него боевиком алжирской радикальной исламистской группировки Вооруженные исламские группы в ноябре 1999 г. См. Долгов Б. В. Исламистский вызов и алжирское общество. С. 181.

¹⁵⁶ Hamdi Elhachmi M. The Politicisation of Islam. A Case Study of Tunisia. Boulder (Col.)-Oxford (UK): Westview Press, 1998. P. 72.

¹⁵⁷ Социально-экономическая программа «Движения ан-Нахда» представляла собой достаточно объемный документ на 32 страницах, предлагавший социально-экономическую стратегию партии по развитию Туниса на период до 2030 г. Программа состояла из введения и пяти глав: 1) особенности современной социально-экономической ситуации, 2) стратегический выбор и его направления, 3) приоритеты развития, 4) направления социально-экономической политики, 5) план экономического строительства на переходный период. В программе подтверждалось, что тунисское общество находится в сложной социально-экономической ситуации. Одними из главных вызовов определялись продолжающийся рост безработицы, особенно среди дипломированных специалистов, ограниченность конкурентоспособности экономики, отсутствие сбалансированности социально-экономического развития между различными регионами, распространение коррупции и отсутствие дееспособного правительства. В качестве основного направления экономического развития на ближайшую перспективу определялась экономика социального рынка, основанная на принципах, с одной стороны, экономической свободы, предпринимательской деятельности, права собственности и, с другой стороны, социальной справедливости и равных возможностей для всех граждан. Провозглашалось, что человек является высшей целью развития и его главным двигателем. Роль государства определялась, как создание условий для взаимодействия и сотрудничества между частным сектором и кооперативным, в том числе посредством фондов вакфа и закята. Причем развитие и поддержка кооперативного сектора определялись, как при-

нем обсуждалась дальнейшая стратегия партии. Ставился вопрос возможного кардинального изменения доктринальных концепций и внутренней структуры партии. Руководитель «Движения Нахда» Рашид Ганнуши определил эти изменения, как необходимость для партии «выйти из политического ислама для того, чтобы войти в эру мусульманской демократии»¹⁵⁸, которая, по его мнению, сравнима с христианской демократией в Европе. Ганнуши заявил также, что «политическому исламу нет больше оправдания в Тунисе. Мы подтверждаем, что „Движение ан-Нахда“ является политической, демократической и гражданской партией, которая отвержена мусульманским цивилизационным и современным ценностям»¹⁵⁹. В плане структурных изменений в партии предполагалось разделить политическую и религиозную составляющие. С этой целью религиозные подразделения должны были выводиться из партийной структуры и объединяться в сеть ассоциаций, связанных с партией только идеологически. Такая мера, по мнению ее инициаторов, давала возможность определять «Движение ан-Нахда», как «гражданское, демократическое и тунисифицированное»¹⁶⁰. Однако необходимо подчеркнуть, что эти вопросы поднимались в партии еще на ее съезде в 2012 г. Тогда в виду различных позиций было решено отложить дебаты на следующий съезд в 2014 г., на котором также не было достигнуто консенсуса. Различные мнения звучали и накануне X-го съезда в 2016 г. Причем большая часть первичных организаций партии была настроена достаточно настороженно по отношению к данным изменениям и высказывала в связи с этим свои опасения. Так, Валид Беннани, депутат-нахдист, представлявший район Кассерин (на западе Туниса) утверждал, что выделенные из партии религиозные ассоциации,

оритеты социально-экономической политики, наряду с открытием социального диалога. Предполагалось реформирование налоговой сферы и финансово-банковского сектора, а также открытие новых перспектив для национальной экономики, таких, как источники исламского финансирования. В качестве одного из приоритетов развития ставилась борьба с коррупцией и формирование дееспособного и ответственного правительства. См. Харакат ан-Нахда. Мактаб ад-дирасат ва т-тахтыт. Аль-муатамар аль-ашир ли-харакат ан-Нахда. Аль-лаиха аль-иктисадийя аль-иджтимаийя (Движение ан-Нахда. Бюро исследований и планирования. X-й съезд Движения ан-Нахда. Социально-экономическая программа). URL: <http://www.ennahda-economie 2016pdf.pdf> (Дата обращения — 30.09.2016)

¹⁵⁸ Cit. on: Frederic Bobin. La Tunisie s'interroge sur la mue du parti islamiste Ennahda. Le Monde. Le 22.05.2016. URL: http://www.lemonde.fr/afrrique/article/2016/05/21/la-tunisie-sceptique-sur-la-mue-du-parti-islamiste-ennahda_4923831_3212.html#4ibv9yC3zUQp9BfJ. 99 (Дата обращения — 30.09.2016).

¹⁵⁹ Cit. on: Laurent Ribadeau. Congres d'Ennahda en Tunisie: la fin de l'islam politique? URL: <http://www.geopolis.francetvinfo.fr/congres-d-ennahda-en-tunisie-la-fin-de-lislam-politique-106825> (Дата обращения — 15.09.2016).

¹⁶⁰ Ibid.

лишенные партийной поддержки, «могут стать жертвами кампании по их дискредитации, проводимой противниками ан-Нахды, поэтому вопрос разделения политической и религиозной деятельности партии должен стать объектом глубокой проработки и общего согласия»¹⁶¹.

Тем не менее, сам факт постановки вопроса о возможной эволюции «Движения ан-Нахда» и ее превращения из исламистской в политическую партию, воспринявшую демократические принципы, наряду с поддержкой нахдистами новой демократической конституции, их вхождения в коалиционное правительство, возглавляемое лидером партии «Призыв Туниса» Беджи Кайдом ас-Себси, которой присутствовал на открытии X-го съезда нахдистов, а также их примирительные заявления о необходимости «национального согласия» в адрес своих оппонентов из лево-демократических партий, явилось важным событием в политической практике «Движения ан-Нахда». В то же время реакция тунисского общества и политического истеблишмента на возможность демократической эволюции «Движения ан-Нахда» была достаточно сдержанной. Так, Алаяа Алани (Alaya Alani), известный тунисский историк, эксперт по исламистским движениям, профессор университета в г. Мануба считал, что действия нахдистов и их заявления, скорее всего, являлись «подготовкой к новой попытке придти к власти и получить для этого максимум поддержки в обществе и политическом истеблишменте, а разделение между политическими и религиозными функциями „Движения ан-Нахда“ представляло собой чисто техническую меру, а не изменение идеологии»¹⁶². В свою очередь Азиз Кришен (Aziz Krichen), политический советник экс-президента Туниса Монсефа Марзуки, анализируя данные действия нахдистов, считал, что «ислам оставался идентификационной матрицей тех, кто его исповедовал. Поэтому если „Движение ан-Нахда“ пойдет до конца по пути эволюции оно совершит самоубийство. В случае если оно не будет ничего предпринимать, оно также обречено на крах, так как оно органически не способно решить свои фундаментальные проблемы. Поэтому нахдисты маневрировали и их новый дискурс являлся не действительным обновлением, а лакировкой фасада их партии, вызванный изменившейся конъюнктурой»¹⁶³.

Что касается возможности восприятия лидерами исламистского движения демократических принципов, переосмысления их идеологических концепций и доктрины «исламского государства», то такую эволюцию теоретически нельзя игнорировать. Тем более, что Рашид аль-Ганнуши в своих предыдущих выступлениях и публикациях подчеркивал возможность движения обновления в исламе (*харакат ат-тадждид фи ль-ислам*)

¹⁶¹ Cit on: Frederic Bobin. Op. cit.

¹⁶² Ibid.

¹⁶³ Ibid.

на основе принципов самого ислама и подтверждал, что «Всевышний посылает каждые сто лет обновление для мусульманской уммы и ее религии»¹⁶⁴. Ганнуши утверждал также, что «вечность ислама и мусульманской уммы определялись двумя факторами. Первый состоял в том, что в природе мусульманской религии заложена возможность к изменениям и гармония с человеческой природой, а также способность удовлетворять потребности человеческого общества, какого бы уровня развития оно не достигло. Второе — то, что Всевышний наградил мусульманскую умму, послав ей мудрых сострадательных мужей, которые взяли на себя задачу очистить религию от шелухи привнесенного и порочного и преподать решения проблем современности в свете принципов ислама»¹⁶⁵.

Однако, исходя из выше приведенных факторов, в практическом плане радикальная эволюция идеологии «Движения ан-Нахда», так же, как других исламистских движений, предполагающая изменение ее основных принципов, базировавшихся на исламской догматике, на данном этапе маловероятна, хотя и возможна в перспективе. Скорее всего, в изучаемый период речь может идти о тактических уступках и компромиссах, продиктованных конкретной внутренней и внешней политической конъюнктурой, что демонстрировала политическая линия «Движения Нахда» и смягчение его исламистской риторики после потери им позиции правящей партии в результате прихода в руководство страны партии «Призыв Туниса», возглавляемой Беджи Каидом ас-Себси. Тем не менее, «Движение ан-Нахда» имело немало сторонников, что показали результаты парламентских выборов 2014 г., на которых нахдисты заняли второе место по числу полученных ими депутатских мест. Это подтверждало, что значительная часть тунисских граждан считало сохранение исламских ценностей и исламской идентичности необходимым условием дальнейшего развития тунисского общества.

В то же время наиболее важной проблемой для Туниса оставался продолжавшийся социально-экономический кризис, обусловленный рецессией экономики и, соответственно, высоким уровнем безработицы. Особенно в связи с резким сокращением иностранного туризма и закрытием в связи со сложным финансовым положением ряда предприятий фосфатной индустрии. Между тем эти две отрасли являлись одними из основных для пополнения тунисского бюджета. Неспособность решить острые социально-экономические проблемы привели к отставке в июле 2016 г. правительства, которому выразило недоверие большинство тунис-

¹⁶⁴ Рашид аль-Ганнуши. Аль-харакат аль-исламия ва т-тахдис. Дар аль-фикр ли т-тыбаа ва н-нашар. Аль-Хартум (Рашид аль-Ганнуши. Исламское движение и обновление. Издательство Дар аль-фикр. Хартум, 1984. С. 12).

¹⁶⁵ Там же. С. 13.

ского парламента. Назначенный указом президента премьер-министром Юсеф Шахид, представитель правящей партии «Призыв Туниса», занимавший ранее министерские посты, сформировал в августе 2016 г. новое правительство. Тем не менее, руководители таких ключевых министерств, как МВД, МИД и МО сохранили свои посты, два дополнительных министерских портфеля получили представители «Движения Нахда».

Разрешение или, по крайней мере, снижение остроты социально-экономического кризиса являлось главной задачей для руководства Туниса и поддерживавших его светски и демократически ориентированных политических сил. От этого во многом зависела поддержка большинством населения, в особенности молодежью, правительственного курса. В противном случае электоральные симпатии тунисских граждан вновь могло привлечь «Движение ан-Нахда», предлагавшее реформированный вариант своей идеологии и продолжавшего обладать хорошо организованной партийной структурой, пропагандистским аппаратом и финансовой базой. В этой связи необходимо подчеркнуть, что демократические преобразования, совершенные в Тунисе, сами по себе не могли решить проблемы, связанные с рецессией экономики, безработицей и коррупцией, против которых в первую очередь был направлен социальный протест 2010–2011 годов. Для их решения необходимы профессиональные действия властей. Важным их аспектом оставалась активизация борьбы по подавлению террористических действий радикального исламизма. Причем фактор поддержки значительной частью тунисских граждан «Движения ан-Нахда», являвшимся второй по влиянию политической силой в стране, и его союзников из числа исламских организаций, предполагал в этой борьбе четкое отделение радикальных и террористических элементов от легально действовавших организаций исламской направленности. Тем более, что «Движение ан-Нахда» продолжало активно действовать, стремясь восстановить лидирующее положение на политическом поле Туниса. Так, в преддверии муниципальных выборов, запланированных на март 2018 г. и последующих за ними в 2019 г. парламентских и президентских, «Движение ан-Нахда» инициировало создание альянса с правящей партией «Нидаа Тунис» и партией «Свободный патриотический союз» (*L'Union patriotique libre*), официально оформившийся в ноябре 2017 г. В связи с этим 12 партий, входящих в лево-демократическое движение, выразили свои опасения, заявив в опубликованном совместном коммюнике, что данный стратегический альянс трех партий, в котором ведущую роль играет «Движение ан-Нахда» может вернуть Тунис «во времена монополии одной партии и исламистскому доминированию»¹⁶⁶. Они также выразили сомнение в объективности Высшей независимой инстанции по выборам (*L'Instance*

¹⁶⁶ Elections en Tunisie. URL: <http://www.jeuneafrique.com/493055/politique/elections-municipal-en-tunisie-instance-electoral-a-enfin-son-president> (Дата обращения — 14.11.2017)

superieure independante pour les elections — ISIE), государственного органа, призванного проводить выборную кампанию, после того, как президентом ISIE в ноябре 2017 г. был избран близкий к нахдистам руководитель Союза адвокатов Мухаммед Тлили. Тем не менее, необходимо отметить, что «Движение ан-Нахда» на своем X-ом съезде, как указывалось выше, официально отмежевалось от концепции «политического ислама» и провозгласило переход к «исламской демократии». Насколько такой переход будет реализовываться должна показать дальнейшая политическая практика «Движения ан-Нахда».

Тунисское движение социального протеста, свергнувшее режим Бен Али, стало своеобразным импульсом, из которого разгорелось пламя «арабской весны», охватившее многие арабские страны. Феномен «арабской весны», одним из результатов которого стало значительное усиление исламистского движения, в том числе «Движения ан-Нахда» в Тунисе, ознаменовал собой начало нового этапа в социально-политическом развитии арабо-мусульманского мира и оказал существенное влияние наряду с другими факторами на процессы, получившие развитие в Европе, в том числе в европейских мусульманских диаспорах.

Заключение

Глубинные причины возникновения и развития исламистского движения в мусульманском обществе обусловлены сложным комплексом проблем, существовавших в мусульманских странах. Они связаны с социально-экономическими, политическими, демографическими, культурно-историческими и цивилизационными аспектами развития мусульманского социума. Вместе с тем феномен исламистского движения имманентно связан со спецификой исламской религии, во многом ставшей для исповедовавших ее образом жизни, и выработавшей на протяжении веков морально-этические ценностные ориентиры и нормы поведения в повседневной жизни и общественно-политической практике. В то же время в силу гетерогенного характера ислама как идеологической системы, в рамках которой не было выработано единое ортодоксальное вероучение, различные направления ислама, движения, секты, отдельные *муджтахиды*¹ и *факихи*², а также исламистские идеологи могли претендовать на то, чтобы называться «единственными последователями подлинного ислама» и «людьми истины» (*ахль аль-хакк* — араб. яз.).

Исламистские идеологи провозглашали концепцию «исламского возрождения» и «исламского пути» развития мусульманского общества, как альтернативу, согласно их риторике, обанкротившимся и не совместимым с исламскими ценностями, доктринам социалистической ориентации и либеральной демократии. На основании этого делался вывод о неизбежности и необходимости выработки «исламского решения» (*халль ислямий* — араб. яз.), как закономерной ответной реакции мусульман на кризис, по их мнению, либерализма и западного общества в целом. «Исламский путь», как заявляли его проповедники, представлял собой такое общественное развитие, в котором идеологической основой будут являться исламские ценности, а форма жизнеустройства станет базироваться на законах Корана и шариата. При этом утверждалось, что именно при таком развитии мусульманского общества основными правами всех его членов, утверждаемыми шариатом, станут право на собственность, на выражение своего мнения,

¹ Муджтахид — ученый-богослов, имеющий право выносить самостоятельные решения по важным вопросам *фикха* (мусульманское право). См. Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1991. С. 168.

² Факих — богослов-законовед, знаток богословско-правового комплекса (*фикх*). См. Ислам. Указ. произв. С. 250.

на равенство возможностей, на образование, на проповедь добра и недопущение зла. Таким образом, согласно заявлениям исламистских идеологов, в созданном «исламском государстве» будут решены все социально-экономические проблемы и восторжествует «исламская социальная справедливость». В этой связи важно отметить, что идеи справедливости и равенства, которые провозглашают всех мусульман «братьями» (*ихван* — араб. яз.) являются важными компонентами в мусульманской религии. При этом идея справедливого миропорядка, отраженная в Коране, а также провозглашенная во Всеобщей исламской декларации прав человека, принятой Организацией Исламская конференция, в значительной степени присуща мусульманской традиции.

В условиях обострения социально-экономических проблем, коррупции правящих режимов и нарастания системного кризиса в Алжире и Тунисе, рост недовольства и протестов значительной части их населения, которые использовались исламистскими лидерами для усиления своего влияния, стали основными внутренними факторами подъема и широкого распространения фундаменталистской идеологии и формирования исламистского движения в обществах данных стран. Что касается арабо-мусульманской диаспоры во Франции, то возрастание роли ислама, распространение исламистской идеологии среди части мусульманского сообщества в рассматриваемый период было во многом обусловлено такими внутренними факторами, как усиление борьбы французских мусульман за равноправие в экономической сфере, связанное с нарастанием социально-экономических проблем во Франции, которые, прежде всего, затрагивали мусульманское сообщество. В результате на фоне имевших место проявлений расизма, в том числе, в социально-экономических аспектах, французские мусульмане выдвигали требования на право сохранения исламской идентификации, отправления мусульманских обрядов, строительства мечетей, что вызывало негативную реакцию и рост исламофобии у части французского общества, что, в свою очередь, провоцировало радикализацию отдельных групп мусульманской диаспоры.

Что касается внешних факторов, способствовавших распространению идеологии исламского возрождения и исламистских концепций в общественном сознании арабских стран и мусульманских сообществ в Европе, то в 1980-х годах таковыми в значительной степени явились победа антишахской исламской революции в Иране (1979) и вооруженное противостояние в Афганистане (1979–1992). Свержение монархического режима в Иране движением, возглавлявшимся религиозными лидерами, провозглашавшими исламистские лозунги, и успешное создание в Иране исламской республики явилось значительным стимулом и своеобразным примером для исламистских движений в арабо-мусульманском мире и мусульманских сообществах в Европе. Так, в Алжире и Тунисе, руководители

«Исламского фронта спасения» (ИФС) и «ан-Нахды» использовали в своих доктринальных концепциях идеи Хомейни, а французские мусульмане, исповедовавшие шиизм, создавали организации для распространения идей иранской исламской революции в мусульманском сообществе Франции. Тем не менее, надо признать, что шиитский характер иранской исламской революции в определенной степени ограничивал ее влияние на суннитский в своем большинстве мусульманский мир.

В свою очередь, гражданская война в Афганистане привлекла тысячи мусульман из арабо-мусульманского мира, в том числе из Алжира и Туниса и мусульманских сообществ Европы, включая Францию, в ряды афганских исламистских боевиков, которые выступали против проводившего политику социалистической ориентации правительства Афганистана и поддерживавшего его ограниченного контингента советских войск. Поскольку это военное противостояние происходило в период продолжавшейся холодной войны, США и их союзники, в первую очередь Саудовская Аравия, стремились использовать радикальный исламизм для ослабления СССР, их главного идеологического противника. Они оказывали широкую финансовую и военную помощь исламистским организациям, готовившим боевиков для борьбы с афганским режимом и поддерживавшими его советскими войсками. Вывод советских войск из Афганистана в 1989 г. и последующий крах просоветского афганского режима Наджибуллы трактовался идеологами исламизма как победа «джихада» в Афганистане. В последствие значительная часть боевиков, ветеранов афганской войны (афганцев и граждан других стран) составили основу радикальных исламистских группировок во многих конфликтах в арабо-мусульманском мире. В частности, в Алжире во время вооруженного противостояния властей с исламистами в 1992–2000-х годах алжирские «афганцы» являлись ядром «Вооруженных исламских групп» (ВИГ) и входили в «Салафитскую группу проповеди и борьбы» (СГПБ), сменившую затем название на «Аль-Каиду исламского Магриба» (АКИМ), а также в «Исламскую армию спасения» (ИАС), вооруженное крыло «Исламского фронта спасения» (ИФС). Причем большая часть руководителей ВИГ, а также многие полевые командиры ИАС и АКИМ прошли подготовку в афганских тренировочных лагерях «Аль-Каиды». Наряду с этим с лидерами ИФС имели активные контакты руководители тунисской исламистской партии «ан-Нахда», а именно Рашид аль-Ганнуши. Внешним фактором, также в достаточной степени способствовавшим подъему исламистской идеологии можно считать самоликвидацию социалистического лагеря, распад СССР и деградацию социалистической идеи. В образовавшийся своеобразный идеологический вакуум в арабских странах и в мусульманских европейских сообществах, в которых ранее были достаточно популярны доктрины «национального» или «исламского социализма», а также левой идеологии,

как таковой, на рубеже 1980–1990-х годов приходили исламистские доктрины, становившиеся некими идеологиями протеста и борьбы за социальную справедливость, облаченными в религиозную форму.

К внешнему фактору, способствовавшему подъему исламистских движений, необходимо отнести также негативное воздействие начавшегося в 2008 г. мирового финансово-экономического кризиса на социально-экономическую ситуацию в странах ЕС, а также на таковую в Алжире и, особенно в Тунисе, экономика которого в большей степени была связана с финансово-экономическими структурами стран ЕС, в частности, Франции, которые испытывали экономический спад и рецессию. В результате, имело место обострение социально-экономических проблем, прежде всего, рост безработицы и снижение уровня жизни, как в Алжире и Тунисе, так и во Франции, где данные проблемы в большей степени затрагивали мусульманскую диаспору. Причем в арабо-мусульманском сообществе Франции наряду с развитием движения за «ислам, соответствующий демократическим ценностям» создавались организации, которые ратовали за верховенство законов шариата в районах компактного проживания мусульман. Ситуацию социально-экономического кризиса использовали лидеры исламистских движений для привлечения в свои ряды новых сторонников и распространения своего влияния. Они предлагали в качестве разрешения существующих проблем простое и понятное для массы мусульман решение — возврат к подлинному, согласно их риторике, исламу и создание «исламского государства, основанного на справедливых и вечных законах Корана и шариате, ниспосланных Аллахом». Такие лозунги и доктринальные концепции позитивно воспринимались частью мусульманской среды и во многом способствовали приходу к власти на волне массовых социальных протестов «арабской весны» исламистских движений, в частности «ан-Нахды» в Тунисе. В свою очередь победа «арабской весны» в Тунисе в 2011 г., способствовавшая росту протестных выступлений в Алжире, стала своеобразным факелом, пламя которого перекинулось на целый ряд арабских стран и оказало значительное влияние на мусульманское сообщество Франции.

Рассматривая развитие исламистского движения в исторической динамике **Алжира** необходимо отметить, что в 1970–2017 годах алжирское общество прошло ряд важных исторических этапов от попыток построения алжирской модели социализма до создания основ демократического государственно-политического устройства. В общественно-политических процессах, происходивших в Алжире в рассматриваемый период, значительную роль играло исламистское движение. На первом этапе (середина 1970 – конец 1980-х гг.) в Алжире претворялась в жизнь концепция «социалистической ориентации». В этот период значение ислама, как «неотъемлемой части самоидентификации алжирцев», было официально закреплено в принятой в 1976 г. Национальной хартии АНДР. Призыв к защите

арабо-исламских ценностей, провозглашавшийся во время национально-освободительной войны 1954–1962 годов, объединял алжирцев-мусульман и определял их принадлежность к создававшемуся национальному государству. Лозунг приверженности этим ценностям оставался важным составным элементом официальной идеологии. В 1980-х годах «исламский фактор» использовался алжирским руководством для построения «национального социализма». Такая связь ислама с доктриной «социалистической ориентации» (некоторые ее сторонники называли эту концепцию также «исламский социализм») явление не случайное. Синтез ислама с национализмом происходил по той причине, что он обеспечивал связь современного с традиционным в концепции национального социализма. Национализм, являвшийся по своей сути светской идеологией, должен был воспринять новые, прогрессивные, с точки зрения идеологов национального социализма, тенденции общественного развития. Ислам же, будучи веками устоявшейся системой морально-этических норм и частью национальной культуры, должен был выступать в качестве объединяющего элемента в этом синтезе. Необходимо признать, что значительная часть алжирского общества воспринимала социалистическую ориентацию с ее лозунгами о равенстве и социальной справедливости, как созвучную ценностям ориентирам ислама. Кроме того, в общественном сознании доктрина алжирского социализма ассоциировалась с впечатляющими успехами, достигнутыми независимым Алжиром в экономической и социальной областях. Во многом этим достижениям способствовали высокие доходы от национализированных нефтегазовых месторождений, которые давали возможность алжирскому руководству одновременно проводить индустриализацию страны и улучшать социальную сферу, в том числе, обеспечивать бесплатное здравоохранение, образование и финансировать строительство муниципального жилья.

Однако с середины 1980-х гг. в алжирской экономике стали ощущаться последствия снижения мировых цен на энергоносители. Уменьшение доходов от их экспорта вело к сокращению бюджета и, соответственно, к свертыванию многих социальных программ, росту цен, в том числе, на продукты питания, значительная часть которых импортировалась. Экономические трудности усугублялись негативными проявлениями административно-командной системы управления, когда значительная часть бюджетных средств расходовалась на субсидии убыточным государственным предприятиям. Вместе с тем, начавшаяся в конце 1980-х гг. реструктуризация государственных предприятий с целью повышения их экономической рентабельности вела в ряде случаев к сокращению рабочих мест и росту безработицы. Проблему занятости, особенно среди молодежи, усугублял также демографический рост, происходивший в Алжире в 1980-е гг. Результатом такого негативного развития ситуации стало существенное

снижение жизненного уровня значительной части населения и нарастание социально-экономического кризиса. Его обострение в конце 1980-х гг. сопровождалось политическим кризисом, кульминацией которого стали массовые антиправительственные выступления в октябре 1988 г., охватившие многие города Алжира. Пытаясь разрешить кризис и удержать власть, алжирское руководство пошло на демократизацию государственно-политической системы. В новой алжирской конституции 1989 г. провозглашался принцип многопартийности и отказ от руководящей роли ФНО (до этого единственной и правящей партии). Кроме того, в новой конституции уже не было упоминания о «строительстве социализма». В то же время в ней подтверждалось стремление построить демократическое государство и сохранить араб-исламские ценности. Такой своеобразный идеологический поворот означал отказ от прежней доктрины «социалистической ориентации», в достаточной степени утратившей поддержку в алжирском обществе. Это было обусловлено, с одной стороны, неспособностью руководства страны решить насущные социально-экономические проблемы и, с другой стороны, начавшимся глобальным распадом социалистического лагеря.

В результате процесса демократизации в Алжире в конце 1980-х гг. была создана государственно-политическая система, включавшая в себя практически все классические элементы демократической формы правления: разделение властей на исполнительную, законодательную и судебную, многопартийную систему, право алжирских граждан избирать представительные органы власти на плюралистической основе. Сформировалась достаточно независимая и свободная пресса. Вместе с тем, демократизация была во многом вынужденной и являлась со стороны властей попыткой ослабить нараставший социальный протест в обществе, вызванный снижением жизненного уровня. В то же время демократические преобразования практически не изменили положение различных социальных групп в алжирском обществе, доминирующую роль в котором как в экономике, так и в политике продолжала играть прежняя государственно-политическая элита (в основном, военная). Более того, начавшаяся либерализация экономики предоставила ей еще большие возможности для обогащения. Тем не менее, несмотря на всю противоречивость и не однозначность демократических реформ, в целом их можно оценить как позитивный шаг в социально-политическом развитии алжирского общества, одним из результатов которого было создание в Алжире целого ряда партий различной идеологической направленности.

Важнейшим явлением алжирской общественно-политической жизни конца 1980-х – начала 1990-х гг. стало возникновение и организационное становление массового исламистского движения. Его возглавил «Исламский фронт спасения» (ИФС), который превратился в основную и наиболее влиятельную политическую силу страны. Причины подъема исламиз-

ма в Алжире имели как эндогенный, так и экзогенный характер. Во многом исламистское движение представляло собой форму социального протеста неимущих слоев общества. Эта часть населения возлагала ответственность за снижение уровня жизни и нерешенность социально-экономических проблем на прежний режим, возглавлявшийся ФНО и военной верхушкой.

Социальную базу исламистского движения составили безработная или полубезработная молодежь (так называемые хиттисты), часть исламистски настроенного студенчества, мелкой буржуазии и интеллигенции, не приемлевшие вестернизацию Алжира и видевшие в исламистской доктрине способ сохранить «исламские ценности». Лидеры ИФС сумели возглавить и использовать этот стихийный протест, выдвигая фундаменталистские лозунги, провозглашавшие построение «исламского государства», в котором по убеждению идеологов исламизма, могли быть решены все социально-экономические проблемы и восторжествовала «исламская социальная справедливость».

Причем руководители ИФС провозглашали себя, как наследников салафитских концепций Бен Бадиса и в то же время, как «подлинных продолжателей» идей национально-освободительной войны 1954–1962 гг., искаженных в последствии, по их утверждениям, «франкофонами-коммунистами», захватившими власть в ФНО.

Накануне первых в истории Алжира альтернативных выборов ИФС разработал программу, предлагавшую проект дальнейшего развития алжирского общества с точки зрения исламистской доктрины. В этом документе рассматривались все аспекты жизни общества — идеологический, политический, экономический и культурологический. В результате, как на муниципальных, так и на парламентских выборах за ИФС проголосовали соответственно 57,4 % и 47,3 % избирателей. Успеху ИФС в достаточной степени способствовало то, что многие алжирцы голосовали не за собственно его исламистскую программу, а против дискредитировавшего себя режима ФНО, надеясь, что исламисты решат их конкретные социально-экономические проблемы. Завоевание большинства в парламенте предоставляло ИФС реальную возможность прихода к власти и претворения в жизнь своей доктрины. Успешному для исламистов исходу политической борьбы помешало выступление армии, продолжавшей играть значительную роль в государственной политике и обладавшей реальной властью в Алжире. Силовое прерывание демократического по своей форме выборного процесса, роспуск парламента и создание Высшего государственного совета (ВГС), как верховного органа власти, формально противоречило конституционным нормам. Однако приход к власти исламистов и провозглашение Алжира исламской республикой могли вызвать катастрофические последствия, в том числе, полномасштабную гражданскую войну и

распад страны. Поэтому вмешательство армии в политический процесс, учитывая реалии алжирского общества, представляется в достаточной степени оправданным. Вместе с тем силовое прерывание демократических выборов и последующий запрет ИФС привели к радикализации исламистского движения и приход в его руководство лидеров, провозгласивших вооруженный «джихад» властям. Наиболее многочисленной и организованной силой радикальной исламистской оппозиции стали сформировавшиеся к концу 1992 г. «Вооруженные исламские группы» (ВИГ), в которые входили ветераны афганской войны, бывшие участники «Вооруженного алжирского исламского движения» (ВАИД) и часть активистов ИФС. Их идеологической основой стала такфиристская доктрина, объявлявшая врагами всех, не согласных с созданием исламского государства путем джихада. Согласно такфиристскому доктринальному положению «неверности общества» (*куфр аль-муджтамаа*) боевики ВИГ развернули тотальный террор, жертвами которого становились наряду с представителями власти, мирные жители, заподозренные в помощи органам правопорядка, представители интеллигенции, выступавшие против исламистского террора, иностранцы, а также известные мусульманские деятели и руководители исламистских группировок, не согласные с доктриной ВИГ. Вместе с тем часть исламистских боевиков, не разделявших такфиристскую концепцию и провозглашавших возврат к «истинному салафизму», вышли из ВИГ и создали «Салафитскую группу проповеди и борьбы» (СГПБ). В свою очередь, ИФС после его перехода на нелегальное положение сформировал свое вооруженное крыло — «Исламскую армию спасения» (ИАС). Созданная в противовес ВИГ «Исламская армия спасения» действовала в основном против алжирских силовых структур. Командование ИАС, так же как и многие лидеры ИФС, осуждали террор, развязанный ВИГ против мирных жителей и иностранцев. В отличие от ВИГ, отвергавших любой компромисс с режимом, ИАС заявляло о своем желании прекратить кровопролитие и найти политическое решение кризиса. В 1997 г. ИАС, поддержанная частью руководителей ИФС, заключила с командованием алжирской армии перемирие, в соответствии с которым ее отряды начали проводить совместно с армейскими подразделениями операции против ВИГ. Тем не менее, очевидно, что несмотря на заключенное перемирие, ИАС, так же как и лидеры ИФС, несут ответственность за вооруженное противостояние и вызванные им жертвы. В то же время необходимо подчеркнуть, что основная вина за них лежит на наиболее экстремистских силах, в первую очередь, на ВИГ. Развязанное радикальной исламистской оппозицией длительное вооруженное противостояние с властями (1992–2000) стало одним из самых сложных этапов алжирской новейшей истории, когда страна была поставлена на грань гражданской войны.

Комплекс политических, административных и военных мер, предпринятых избранным в 1999 г. президентом Абд аль-Азизом Бутефликой, глав-

ным из которых был закон «О восстановлении гражданского согласия», предоставлявшего амнистию всем участникам исламистского движения, привел к существенному снижению уровня вооруженного противостояния и завершение его активной фазы. Успешное начало процесса восстановления гражданского согласия было обусловлено также доверием и поддержкой, оказанным президенту большинством алжирского общества, что показали результаты общенационального референдума. Курс президента одобрила большая часть алжирских политических сил, включая умеренных исламистов, части руководства ИФС, а также демократической оппозиции.

В 2000-е годы в результате политики, направленной на восстановление гражданского согласия, радикальный исламизм в основном был подавлен, происходила интеграция умеренных исламистов в общественно-политическую жизнь, а также определенная стабилизация социально-экономической и политической ситуации (принятие Хартии за мир и национальное согласие, реализация плана социально-экономического развития, предусматривавшего создание более 400 тысяч рабочих мест). Тем не менее, остававшиеся нерешенными многие социально-экономические проблемы, усугубленные начавшимся в 2008 г. мировым финансово-экономическим кризисом, а также социальные протесты «арабской весны» в соседнем Тунисе способствовали подъему протестного движения в Алжире в 2010–2011 годах. Часть оппозиционных сил, в частности, партия «Объединение за культуру и демократию» (ОКД) и ряд профсоюзных групп, а также радикальные исламисты АКИМ пытались использовать протесты для дестабилизации политической ситуации. Однако большинство политического истеблишмента, в том числе умеренные исламисты, а также алжирское общество в целом, испытывавшее на себе исламистский террор 1990-х годов, не поддержало лозунги радикальной смены власти. В то же время руководство Алжира предприняло активные меры, направленные на уменьшение социальной напряженности и дальнейшее развитие демократических процессов. А именно, повышение зарплат и пособий, реализация проектов экономического развития, в том числе развитие инфраструктуры и строительство новых городов, принятие новой редакции законов о выборах, статусе политических партий, расширение местного самоуправления, совершенствование подготовки имамов и недопущения пропаганды радикального исламизма. Таким образом, Алжир избежал негативных последствий «арабской весны» и показал пример устойчивости к социальным потрясениям.

Важным этапом социально-политического развития алжирского общества стали парламентские 2012 г. и президентские 2014 г. выборы, на которых абсолютное большинство в парламенте завоевал президентский блок светских партий ФНО и НДО, которые получили 291 депутатское место из общего числа 462. Президент Бутефлика был переизбран на чет-

вертый мандат. В то же время на политическую авансцену вышло новое поколение партийных лидеров. А именно, Абдель Азиз Белаид (род. 1963), руководитель партии «Фронт Мустакбаль (Будущего)» (ФМ), созданной им в 2012 г. Значительную часть сторонников Белаида представляла молодежь, проблемам которой ФМ уделял особое внимание, тем более, что граждане моложе 30 лет составляли более половины населения Алжира. Абдель Азиз Белаид, не смотря на то, что он выступал оппонентом Бутефлики на президентских выборах, тем не менее, по его идеологической платформе являлся преемником политического курса руководства ФНО.

Что касается политической оппозиции, то наиболее радикальная светская ее сила ОКД теряла влияние, в том числе, по причине смены руководства. На пост председателя ОКД вместо ушедшего Саида Саади пришел более молодой, но менее харизматичный Мохсин Беллабес. Вторую светскую оппозиционную партию «Фронт социалистических сил» (ФСС) также покинул старейший ее лидер и основатель, известнейший ветеран национально-освободительной войны 1954–1962 гг. Хосин Аит Ахмед, что спровоцировало внутренний кризис в руководстве ФСС. Ранее находившаяся в оппозиции, провозглашавшая социалистическую доктрину троцкистского толка, «Партия трудящихся» (ПТ), устами своего лидера Луизы Ханун выразила поддержку избранному президенту Бутефлике. В трех партиях умеренных исламистов «Движение общества за мир» (ДОМ), ан-Нахда (Возрождение) и Ислах (Движение общества за реформу), объединившихся накануне парламентских выборов 2012 г. в оппозиционный блок «Альянс Зеленый Алжир» продолжалась внутренняя борьба за лидерство. Из наиболее крупной из них партии ДОМ вышла часть низовых организаций и два видных члена ее руководства Амар Гуль, создавший свою партию Тадж (Объединение надежда Алжира), вошедшую в президентскую коалицию и Абдель Маджид Менасра, также сформировавший свою партию «Фронт за изменения». Легально действовавшие исламистские политические силы, не прошедшие в парламент, представляли собой конгломерат из более двух десятков немногочисленных партий и группировок, зачастую враждовавших между собой и не имевших общей программы. Попытка лидера партии ДОМ Абд ар-Разака Мокри, сменившего на этом посту Бутерру Солтани, объединить политические силы умеренных исламистов и выдвинуть единого кандидата на президентские выборы не увенчалась успехом в виду личных амбиций многих кандидатов. При этом необходимо отметить, что все легально действующие умеренные исламистские партии провозгласили свою приверженность демократическим принципам и исключили из своих политических программ пункт о создании «исламского государства».

Силы радикального исламизма в Алжире были представлены к началу 2010-х годов достаточно немногочисленными группировками, способ-

ными совершать лишь отдельные террористические акты и не пользовавшимися сколько-нибудь значительной поддержкой населения. Однако в результате событий «арабской весны» 2011–2013 гг., вмешательства в ее процессы внешних сил, приведших к краху режима Каддафи в Ливии и распространение на соседние с Алжиром государства африканского Сахеля радикального исламизма, произошло его усиление в регионе, в том числе в Алжире. В связи с этим вооруженные исламистские группировки представляли собой один из главных вызовов для алжирских властей. В то же время нельзя отрицать наличия социальной напряженности в алжирском обществе и существования диссидентски настроенной ее части, особенно среди молодежи, в наибольшей степени страдавшей от нерешенности социально-экономических проблем. Отражением данной ситуации стало определенное снижение доверия алжирских граждан к правящим партиям президентской коалиции «Фронт национального освобождения» (ФНО) и «Национально-демократическое объединение» (НДО), которые хотя и получили большинство в парламенте в результате парламентских выборов в мае 2017 г., тем не менее, потеряли по сравнению с выборами 2012 г. 24 места. Вместе с тем проверкой на политическую зрелость алжирской правящей элиты и общества в целом могут стать президентские выборы, которые должны пройти в 2019 г. Тем не менее, решение или хотя бы снижение остроты социально-экономических проблем при наличии значительных природных ресурсов и накопленных на их основе финансовых средств не является абсолютно невыполнимым. Поэтому задача не допустить усиления влияния исламистского движения и негативных последствий «арабской весны» в Алжире представляется в достаточной степени реализуемой.

Тунисское общество в своем развитии в рассматриваемый период прошло ряд этапов. С момента завоевания независимости руководство первого президента Туниса Хабиба Бургибы проводило политику секуляризации и использовало различные модели экономического развития от «дустуровского социализма» до свободного рынка по западноевропейскому образцу. В то же время происходило нарастание кризисных явлений в социально-экономической сфере, обусловленных тем, что определенные успехи в экономике не приводили к повышению уровня жизни большинства населения. Основная часть получаемой в условиях экономического подъема прибыли распределялась внутри привилегированной прослойки общества, состоявшей из представителей крупного и среднего бизнеса, связанных с правящей элитой. В 1980-е годы в тунисском обществе нарастало социальное напряжение, чему способствовало также то, что Хабиб Бургиба (род. 1903) уже не мог контролировать ситуацию в стране, чем пользовались в целях личного обогащения члены его семьи и приближенные к ним кланы. Сложную социально-экономическую обстановку ис-

пользовало для распространения своего влияния быстро набиравшее силу исламистское движение. Необходимо отметить, что становлению исламизма в Тунисе в какой-то степени способствовала политика властей. С одной стороны широкая секуляризация общественно-политической сферы, не подкреплённая повышением уровня жизни основных социальных групп, вызывала недовольство части населения, склонявшегося к поддержке исламистов. С другой стороны, власти, стремясь ослабить левое движение, особенно усилившееся в студенческой среде в условиях роста социальной напряжённости, пытались противопоставить ему исламистов. С этой целью была разрешена постройка мечети на территории столичного университетского комплекса, которая в последствие стала одним из опорных пунктов исламистов. Наряду с этим с разрешения властей преподавателями и студентами факультета теологии и религиозных наук Тунисского университета была создана «Ассоциация в защиту Корана», которая стала вести подготовку имамов, получила доступ на радио и телевидение и право издавать свои печатные публикации. В это же время сформировалась исламистская организация «Исламская группа» (*Джамаа исламийя* — араб. яз.), идеологи которой также с разрешения властей начали издавать две газеты «Общество» (*аль-Муджтамаа*) и «Друг» (*Хабиб*), а также журнал «Знание» (*Маарифа*). Наряду с этим один из руководителей «Исламской группы» Хабиб Мокни создал издательство «Знамя» (*ар-Рая*), которое во многом способствовало распространению фундаменталистской идеологии в Тунисе. В 1980-х годах тунисское исламистское движение имело достаточно разветвленную, отлаженную и законспирированную структуру, состоявшую из руководителя (эмира), которому подчинялось исполнительное бюро, в которое входили председатели комиссий (экономической, политической, социальной, культурной, по работе с молодежью). Почти в каждой области были созданы региональные отделения во главе со своим руководителем. Коллегиальным органом «Исламской группы» являлся Совецательный совет (*Меджлис аш-шура*), в который входили эмиры областей. Необходимо отметить, что по аналогичной схеме была построена структура алжирского «Исламского фронта спасения» (ИФС), созданного в Алжире на десятилетие позднее.

В начале 1980-х гг. «Исламская группа» трансформировалась в политическую партию под названием «Движение исламской направленности» (ДИН), которая в последствии была переименована в «Возрождение» (*ан-Нахда* — араб. яз.). Руководителем партии стал Рашид аль-Ганнуши, видный и признанный идеолог исламистского движения не только в Тунисе, но и за его пределами. В руководство ДИН входили также известные исламистские деятели Абд аль-Фаттах Муру, Хасан Годбани, Ахмед Нейфер и Салах Каркар. В своем программном Манифесте ДИН призывало «восстановить исламский дух Туниса, чтобы он мог вновь обрести свою роль

великой родины исламской цивилизации в Африке». В Манифесте указывалось, что ДИН будет добиваться своих целей политическим путем. В то же время в ДИН существовали умеренное и радикальное течения, провозглашавшие, тем не менее, единую стратегическую цель — создание в Тунисе «исламского государства». Представители умеренного, или более реально оценивавшего ситуацию и свои возможности, направления, возглавлявшегося Абд аль-Фаттахом Муру, полагали, что для изменения существующего общества и достижения цели необходимо использовать легальные методы. Муру заявлял, что для того, чтобы изменить общество «необходимо обратиться к глубинным корням исламской культуры. Распространяя ислам, мы изменяем социальную базу общества. А создав исламское общество, мы сможем заняться экономикой и политикой». Последователи более радикального направления во главе с Рашидом аль-Ганнуши считали, что достичь поставленной цели возможно только в ходе борьбы с существующим режимом. Ганнуши, который высоко оценивал исламскую революцию в Иране, в своих выступлениях провозглашал, что «пример Ирана убеждает нас, что ислам — это борьба».

В конце 1980-х — начале 1990-х годов ДИН, обвиненное в попытке государственного переворота, было жестко подавлено пришедшим к власти президентом Зин Аль-Абидин Бен Али.

Организации «политического ислама» и, прежде всего ДИН, изменившее название на «Движение ан-Нахда» возродились в Тунисе после свержения режима Бен Али в январе 2011 г. в результате массового движения социального протеста, знаменовавшего собой начало «арабской весны». На первых свободных парламентских выборах в октябре 2011 г. «ан-Нахда» завоевала наибольшее число депутатских мест — 90 (из общего числа 217) и сформировала правящую коалицию, так называемую «Тройку». В нее, наряду с занявшей лидирующее положение ан-Нахдой, вошли провозглашавшие общедемократические принципы партия «Конгресс за республику» и партия «Демократический форум за труд и свободы». В развитии социально-политических процессов в Тунисе, вызванных крахом режима Бен Али, происходило, с одной стороны, усиление радикальных исламистских течений, сопровождавшееся актами политического террора, и, с другой стороны, раскол в тунисском обществе на тех, кто поддерживал «исламский проект» и тех, кто предпочитал светский путь развития. Значительная часть либерально-демократических и левых политических сил обвиняла исламистов в «конфискации» тунисской революции и стремлении исламизировать страну. Такая ситуация, усугубленная продолжавшимся социально-экономическим кризисом и осложнением положения в сфере общественной безопасности привела к консолидации политических сил, выступавших за сохранение светских и общедемократи-

ческих ценностей. Они сумели добиться ухода ан-Нахды от власти, избрания президентом Туниса Беджи Каида ас-Севси, лидера светски ориентированной партии «Нидаа Тунис» (Призыв Туниса) и принятия наиболее демократичной в арабском мире Конституции, что во многом подтверждало светский путь развития Туниса. В то же время ан-Нахда претерпевала процесс реформирования своих доктринальных концепций и внутренней структуры партии. Руководитель ан-Нахды Рашид аль-Ганнуши определял эти изменения, как необходимость для партии «выйти из политического ислама для того, чтобы войти в эру мусульманской демократии»³, которая, по его мнению, сравнима с христианской демократией в Европе. В плане структурных изменений религиозные подразделения должны были выводиться из партийной структуры и объединяться в сеть ассоциаций, связанных с партией только идеологически. Такая мера, по мнению ее инициаторов, давала возможность определять ан-Нахду, как «гражданское, демократическое и тунисифицированное движение».

Что касается возможности восприятия лидерами исламистского движения демократических принципов, переосмысления их идеологических концепций и доктрины «исламского государства», то такую эволюцию теоретически нельзя игнорировать. Тем более, что Рашид аль-Ганнуши в своих предыдущих выступлениях и публикациях подчеркивал возможность движения обновления в исламе (*харакат ат-таджид фи ль-ислам*) на основе принципов самого ислама и подтверждал, что «в природе мусульманской религии заложена возможность к изменениям и гармония с человеческой природой, а также способность удовлетворять потребности человеческого общества, какого бы уровня развития оно не достигло». Однако, исходя из анализа практики исламистских движений радикальная эволюция идеологии ан-Нахды, так же, как других исламистских движений, предполагающая изменение ее основных принципов, базировавшихся на исламской догматике, на данном этапе мало вероятно, хотя и возможна в перспективе. Скорее всего, в изучаемый период речь может идти о тактических уступках и компромиссах, продиктованных конкретной внутренней и внешней политической конъюнктурой, что демонстрировала политическая линия ан-Нахды и смягчение ее исламистской риторики после потери ей позиции правящей партии в результате прихода в руководство Туниса партии «Призыв Туниса», возглавляемой Беджи Каидом ас-Севси. Тем не менее ан-Нахда имела немало сторонников, что показали результаты парламентских выборов 2014 г., на которых нахдисты заняли второе

³ Cit. on: Frederic Bobin. La Tunisie s'interroge sur la mue du parti islamiste Ennahda. Le Monde. Le 22.05.2016. URL: http://www.lemonde.fr/afrique/article/2016/05/21/la-tunisie-sceptique-sur-la-mue-du-parti-islamiste-ennahda_4923831_3212.html#4ibv9yC3zUQp9BFJ.99 (Дата обращения — 30.09.2016).

место по числу полученных ими депутатских мест. Это подтверждало, что значительная часть туниских граждан считало сохранение исламских ценностей и исламской идентичности необходимым условием дальнейшего развития туниского общества.

В то же время наиболее важной проблемой для Туниса оставался продолжавшийся социально-экономический кризис, обусловленный рецессией экономики и, соответственно, высоким уровнем безработицы. Разрешение или, по крайней мере, снижение остроты социально-экономического кризиса являлось главной задачей для руководства Туниса и поддерживавших его светски и демократически ориентированных политических сил. От этого во многом зависела поддержка большинством населения, в особенности молодежью, правительственного курса. В противном случае электоральные симпатии туниских граждан вновь могла привлечь ан-Нахда, предлагавшая реформированный вариант своей идеологии и обладавшая отлаженной партийной структурой, пропагандистским аппаратом и значительной финансовой базой. В этой связи необходимо подчеркнуть, что демократические преобразования, реализованные в Тунисе, сами по себе не могли решить проблемы, связанные с рецессией экономики, безработицей и коррупцией, против которых в первую очередь был направлен социальный протест 2010–2011 годов. Для их разрешения необходимы политическая воля и профессиональные действия властей. Важным вопросом оставалась активизация борьбы по подавлению террористических действий радикального исламизма. Вместе с тем поддержка значительной частью туниских граждан ан-Нахды, являвшейся второй по влиянию политической силой в стране и ее союзников из числа исламских организаций, требует в этой борьбе четкого отделения радикальных террористических элементов от легально действовавших организаций исламской направленности. Тем более, что «Движение ан-Нахда» в преддверии муниципальных выборов, запланированных на март 2018 г. и последующих за ними в 2019 г. парламентских и президентских, инициировало создание альянса с правящей партией «Нидаа Тунис» и партией «Свободный патриотический союз», официально оформившийся в ноябре 2017 г. Данный альянс, в котором ведущую роль играли нахдисты, вызвал опасения со стороны лево-демократических сил, которые заявляли, что он может привести к «монопольному положению одной партии и исламистскому доминированию». В то же время руководство «Движения ан-Нахда» официально заявило об отходе от доктринальных концепций «политического ислама» и переходу к «исламской демократии», предполагающий восприятие общедемократических ценностей. Насколько такой переход будет реализован должны подтвердить практические действия нахдистов.

Тунисское движение социального протеста, свергнувшее режим Бен Али, стало своеобразным импульсом, из которого разгорелось пламя

«арабской весны», охватившее многие арабские страны. Феномен «арабской весны», одним из результатов которого стало значительное усиление исламистского движения, в том числе ан-Нахды в Тунисе, ознаменовал собой начало нового этапа в социально-политическом развитии арабо-мусульманского мира и оказал существенное влияние наряду с другими факторами на процессы, получившие развитие в Европе, в том числе в европейских мусульманских диаспорах.

Исламистское движение в процессе своего развития на протяжении 1970–2017 гг. стало одним из наиболее важных факторов, влиявших на историческую динамику, социально-политические и социокультурные процессы арабских стран, в частности Алжира и Туниса. В условиях продолжавшегося социально-экономического кризиса во многих странах арабо-мусульманского мира и в регионах, где представлены мусульманские сообщества, исламистская идеология и исповедовавшие его движения являлись наиболее доступной и понятной для значительной части мусульман формой социального, политического и, отчасти, цивилизационного протеста. Что касается перспектив исламистского движения, то, на наш взгляд, оно и в будущем продолжит играть важную роль в общественно-исторической динамике мусульманских регионов, а также оказывать значительное влияние на глобальные процессы исторического развития в целом. В то же время развитие исламистских движений в Алжире и Тунисе показывает определенную возможность в перспективе эволюции их идеологии и доктринальных концепций в восприятии общедемократических ценностей.

Библиография

Источники

1. Нормативно-правовые и политические документы Алжира, Туниса и Франции, законодательные акты, выступления руководителей, официальные информационные материалы министерств и ведомств

- Алжирская Народная Демократическая Республика: Конституция и законодательные акты / пер. с фр. Энтина В. Л. — М.: «Прогресс», 1983. — 414 с.
- Бен Белла Ахмед. Речи и выступления / пер. с араб. — М.: «Прогресс», 1964. — 178 с.
- Национальная Хартия Алжирской Народной Демократической Республики, 1976: Пер. с франц. / Отв. ред. Кузьмин А. Н. — М.: Наука, 1979. — 213 с.
- Национальный диалог. Меморандум: официальный текст. — Алжир, 1996. — 35 с. (материалы, предоставленные посольством АНДР в Москве).
- Речь Его превосходительства г-на Абд аль-Азиза Бутефлики по случаю его вступления в должность президента Алжирской народной демократической республики. Алжир, 27.04.1999. — 22 с. (материалы, предоставленные посольством АНДР в Москве).
- Садок Шаабан. Тунис: путь к политическому плюрализму. Курс президента Зина аль-Абидина Бен Али (пер. с араб.). Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Институт стран Азии и Африки. Перевод с арабского выполнен на кафедре Политологии Востока ИСАА при МГУ. М., 1996. — 162 с.
- Discours du président Boumediène. Alger, 1975.
- Cubertafond, Bernard. La République Algérienne démocratique et populaire. P., 1979.
- Bouteflika Abdelaziz. Ce que j'ai voulu dire aux Français//Le Nouvel observateur. № 1859, P., 2000.
- Bouteflika, Abdelaziz. Le peuple algérien aspire à la paix, à la sécurité, à la stabilité // L'Express, P., 19.08.1999.
- Laïcité et liberté religieuse. Recueil de textes et de jurisprudences. Ministère de l'intérieur, de l'outre-mer, des collectivités territoriales et de l'immigration. Les Editions des Journaux officiels. P., 2011.
- Le discours du président Bouteflika au 35ème Sommet de l'Organisation de l'Unité Africaine (OUA)//Le Temps, Tunis, 15.07.1999.

- Charte de la wilaya // Journal officiel de la République Algérienne démocratique et populaire (JORA). № 44, Alger, 1969.
- Charte de l'organisation socialiste des entreprises // Journal officiel de la République Algérienne démocratique et populaire (JORA). № 101, Alger, 1971.
- Charte de la Révolution agraire // Journal officiel de la République Algérienne démocratique et populaire (JORA). № 97, Alger, 1971.
- Décret № 91–05 du 16 janvier 1991. Portant généralisation de l'utilisation de la langue arabe // Journal officiel de la République Algérienne démocratique et populaire (JORA), Alger, 16.01.1991.
- Décret exécutif № 91–81 du 23 mars 1991. Relatif à la construction de la mosquée, à son organisation et son fonctionnement et fixant sa mission // Journal officiel de la République Algérienne démocratique et populaire (JORA), Alger, 23.03.1991.
- Le rapport Stasi sur la laïcité. Le Monde, P., 12.12.2003.
- L'interview de Marine Le Pen a La Question d'info, LCP/Public Senat. 28.03.2012.
- Constitution française du 4 octobre 1958. Direction de l'information légale et administrative. La documentation française. P., 2011.
- Ministère de l'intérieur, de l'outre-mer, des collectivités territoriales et de l'immigration. Laïcité et liberté religieuse. Recueil de textes et de jurisprudence. Direction de l'information légale et administrative. La documentation française. P., 2011.
- La loi constitutionnelle № 2008–724 du 23 juillet 2008. Direction de l'information légale et administrative. La documentation française. P., 2011.
- La loi constitutionnelle № 2003–276 (Le défenseur des droits) du 28 mars 2003. Direction de l'information légale et administrative. La documentation française. P., 2011.
- La loi constitutionnelle № 92–554 du 25 juin 1992 modifie les articles 2, 54 et 74, et insère un nouveau titre («Des Communautés européennes et de l'Union européenne»). Direction de l'information légale et administrative. La documentation française. P., 2011.
- Projet de loi sur le rétablissement de la concorde civile. Alger, 2.08.1999. (материалы, предоставленные посольством АНДР в Москве).
- Le Statut du FLN // Révolution Africaine. № 855, Alger, 1980.
- Taleb-Ibrahimi A. De la décolonisation à la révolution culturelle. Alger, 1973.
- Tunisia Elections Results [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/international/2011/10/111027_tunisia_elections_results.shtml (Дата обращения — 28.10.2011).
- Tunisie: nomination au ministère de l'intérieur [Электронный ресурс] / Echourouk, 23 juillet 2012. P. 8. — Режим доступа: <http://www.tunisiefocus.com/politique/rafale-de-nomination-au-ministere-de-l-interieur-38246/>. (Дата обращения — 30.01.2016)
- Frances' Holland praises Tunisia as «model» for region // BBC news. — 2013. — 5 July. — URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-africa-23204230> (Дата обращения — 29.01.2014).
- La Revolution tunisienne dans ses manifestations constitutionnelles [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://yadhba.blogspot.fr> (Дата обращения — 15.03.2016).

- Les resultats des legislatifs. — URL: <http://www.gnet.tn/temps-fort/tunisie-resultats-definitifs-des-legislatifs-et-liste-des-deputes-isie/id-menu-325.html> (Дата обращения — 7.10.2016).
- Martine Gozlan. Le future Premier-ministre appelle. — URL: http://www.marianne.net/martinegozlan/Tunisie-Le-futur-Premier-ministre-appelle-au-sixieme-califat-Inch-Allah_a24.html (Дата обращения — 23.08.2016).
- M. Caid a obtenu [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.lemonde.fr/tunisie/article/2014/12/12/les-deux-camps-revendiquent-le-victoire-tn-tunisie_4544506_1466522.html (Дата обращения — 7.10.2016).
- Аль-джумхурийя аль-джазаирийя ад-димукратыйя аш-шаабийя. Визарат аль-адль. Ад-дустур. Истифтаа 28 нуфумбер 1996. Ад-диван аль ватаний ли-ль-ашхаль ат-тарбавийя. Ал-джазаир 1998 (Алжирская народная демократическая республика. Министерство юстиции. Конституция. Референдум 28 ноября 1996. Национальный департамент по делам образования). Алжир, 1998.
- Аль-джумхурийя аль-джазаирийя ад-димукратыйя аш-шаабийя. Аль-барнамадж ат-такмилиий ли-даам ан-нумувв. Фаграт 2005–2009. Аль-джазаир 2005 (Алжирская народная демократическая республика. Дополнительная программа поддержки развития. Период 2005–2009). Алжир, 2005.
- Аль-Мисак аль ватаний (Национальная Хартия). Алжир, 1986.
- Дустур аль-джумхурия ат-тунисия (Конституция туниССкой республики. Электронная версия, предоставленная посольством Туниса в Москве).
- Насс аль-хитаб аль-авваль ли-р-раис ат-туниССий зин аль-абиндин бен али. 27 канун аль-авваль 2010. (Текст первого выступления туниССкого президента Зин аль-Абиндин Бен Али 27 декабря 2010 г.) // Азами Бишара. Ас-саура ат-туниССийя аль-маджида. Бейрут, 2012. С. 361.
- Насс аль-хитаб ас-сени ли-бен али. 10 каннун ас-сени 2011 (Текст второго выступления Бен Али. 10 января 2011 г.) // Азами Бишара. Ас-саура ат-туниССийя аль-маджида. Бейрут, 2012. С. 364.
- Насс аль-хитаб ас-селис ли-бен али. 13 канун ас-сени 2011 (Текст третьего выступления Бен Али. 13 января 2011 г.) // Азами Бишара. Ас-саура ат-туниССийя аль-маджида. Бейрут, 2012. С. 369.
- Натаидж аль-мухадаса бейна раис аль-джумхурийя ат-туниССийя Бен Али ва раис аль-джумхурийя аль-джазаирийя аш-шаабийя ад-димукратыйя Бутефлика (Итоги переговоров президента ТуниССкой республики Бен Али и президента Алжирской народной демократической республики Бутефлики) // ас-Сабах, Тунис, 14.07.1999.
- Натиджат аль-мухадасат бейна ар-раис аль-фарансый Ширак ва р-раис аль-джазаирий Бутефлика (Итоги переговоров французского президента Жака Ширака и алжирского президента Бутефлики) // аль-Араб, Лондон, 3.12.2001.
- Таадиль фи ль-хукума аль-джазаирийя (Изменения в алжирском правительстве) // аш-Шарк аль-аусат, Лондон, 26.11.1997.
- Ан-нашра ад-дахилийя. Аль-муатамар ас-садис ли-хисб ал-джабхат ат-тахрир аль-ватанийя. Ал-адад 01. Аль-Джазаир, марис 1989 (Внутренний бюллетень. Шестой съезд партии Фронт национального освобождения. Номер 01). Алжир, март 1989.

2. Материалы международных организаций, международных и национальных правозащитных организаций и исследовательских центров

- Algeria and the Maghreb. Background Notes on the Rise of Violence and Causes of Instability. The Canadian Security Intelligence Service (CSIS). Middle East Studies Programme. Washington, DC, February, 1998.
- Algeria in Crisis. The Royal Institute of International Affairs. Middle East Programme. Briefing Papers. № 48, London, June 1998.
- Algeria: Report of Eminent Panel. July-August 1998. United Nations. N. Y., 1998.
- Algeria: The Real Exchange Rate Export. Diversification and Trade Protection. International Monetary Fund. Washington, 1999.
- Algeria: Stabilisation and Transition to the Market. International Monetary Fund. Washington, DC, 1998.
- Banque Mondiale. Perspectives pour l'économie mondiale 2009-Marché des produits de base. Washington, mars 2009. — URL: <http://www.mondiploar.com/article/25,2009> (Дата обращения — 29.01.2011).
- Commentaires on the Situation in Algeria 1991–1996. The Canadian Security Intelligence Service (CSIS). Ottawa, 1997.
- Commission nationale consultative des droits de l'homme. Avis sur la laïcité. Assemblée plénière du 26 septembre 2013. P., 2013.
- Conclusions et recommandations du Comité contre la torture des Nations Unies, Cat. C-Tun, 19 Novembre 1998.
- Human Rights Watch, rapport mondial 1999 // Тауфик аль-Мадини. Сукут ад-дауля аль-булисийя фи Тунис. Бейрут 2012. С. 140.
- FIDH, hors série de la lettre bimensuelle, Novembre 1998//Тауфик аль-Мадини. Сукут ад-дауля аль-булисийя фи Тунис. Бейрут 2012. С. 141.
- Conclusions et recommandations du comité contre la torture des Nations unies, Cat. C-Tun, 19 Novembre 1998 // Тауфик аль-Мадини. Сукут ад-дауля аль-булисийя фи Тунис. Бейрут 2012. С. 140.
- Le rapport sur la situation en Algérie de la commission française du Fonds d'aide et de coopération // Jeune Afrique-L'Intelligent. № 2106, P., 2001.
- Les données statistiques de la Banque Mondiale et du Fonds monétaire international // Jeune Afrique/L'Intelligent, no. 2284, 2285. 2004.
- Letter by Driss El Yazami, Chargé de mission à la Fédération Internationale des Ligues des Droits de l'Homme (FIDH) to the Chairman of the Panel, President Soares, enclosing FIDH reports as well as a memorandum by the Vice-President of the Ligue algérienne de défense des droits de l'homme. P., 16.07.1998.
- Letter, addressed to the Chairman of the Panel, President Soares, by Mr. Rezzag-Bara, President of the Observatoire National des Droits de l'Homme, in Algiers, providing information on a list «of 240 disappeared persons or persons illegally detained after arrest or abduction». Algiers, 3.08.1998.
- Report of the Panel Appointed by the Secretary-General of the United Nations to Gather Information on the Situation in Algeria in Order to Provide the International Community With Greater Clarity on that Situation. N. Y., 1998.
- Selected Issues and Statistical Appendix. International Monetary Fund. Washington, 1998.

3. Программные и пропагандистские документы исламистского движения, выступления, заявления и высказывания его лидеров

- Ali Benhadj parle//L'Horizons, Alger. 23.02.1989. P. 3.
- Al-Ahnaf Mustafa; Botiveau Bernard; Fregosi Franck. L'Algérie par ses islamistes. Editions Karthala, P., 1991.
- Al-Qaida dans le texte. Ecrits d'Oussama ben Laden, Abdallah Azzam, Ayman al-Zawahiri et Abou Moussab al-Zarqawi. Sous la direction de Gilles Kepel et Jean-Pierre Milelli. Presses Universitaires de France (PUF), P., 2005.
- L'Association «Al-Irchad wa-l-islam» appelle à la constitution d'une alliance islamique national. Algérie Press-Service (APS). Alger, 29.08.1990. P. 5.
- Dedication to the Victims of Massacres in Berouaghia, Serkadji and other Algerian dungeons [Электронный ресурс]/FIS Information Bureau. — 5.06.1997. — Режим доступа: <http://www.fisalgeria.org/dedication.html> (Дата обращения 15.08.2003).
- Denaud Paul. Algeria. FIS. Sa direction parle. Editions Karthala, P., 1997.
- Un émir de l'Armée islamique du Salut (AIS) Ahmed Benaicha parle//Jeune Afrique-L'Intelligent. № 2040, P., 2000. P. 8–10.
- FIS Appeal for a New World Order Based on the Cohabitation Between Civilizations and Fruitfull Economic Relations [Электронный ресурс]/FIS Information Bureau. — 10.10.2001. — Режим доступа: <http://www.fisalgeria.org/program.html> (Дата обращения 16.08.2003).
- Ghannouchi declared. — URL: <http://www.youtube.com/watch?v=Qu2TXVzQXQ4>. (Дата обращения — 15.06.2016).
- Ghannouchi declared. — URL: <http://www.youtube.com/watch?v=Qu2TXVzQXQ4>. (Дата обращения — 20.06.2016).
- Ghannouchi declared. — URL: <http://www.youtube.com/watch?v=Dn52yA7cxtg> (Дата обращения — 20.07.2014).
- Halte aux massacres en Algérie [Электронный ресурс]/ FIS Information Bureau. Octobre, 1997. — Режим доступа: <http://www.fisalgeria.org/pressreview.html> (Дата обращения — 7.07.2003)
- Hachani Abdelkader. Le vide laisse par le FIS comme opposition réelle reste total // *Le Temps*, Tunis, 19.10.1999.
- Haddam Anvar. The Perspectives of the Political Islam in Algeria [Электронный ресурс]/FIS Parliamentary Delegation Abroad. — 5.06.1997. — Режим доступа: <http://www.fisalgeria.org/perspectives.html> (Дата обращения — 10.05.2008).
- Islamic Front for Salvation (FIS). Introduction [Электронный ресурс]/ FIS Parliamentary Delegation Abroad. — 5.06.1997. — Режим доступа: <http://www.fisalgeria.org/intro.html> (Дата обращения 10.07.2003).
- Islamic Front for Salvation Stand on the Military Regime Perpetuation of the Algerian Crisis [Электронный ресурс]/ FIS Parliamentary Delegation Abroad. — 20.05.1997. — Режим доступа: <http://www.fisalgeria.org/communiques/20may97.html> (Дата обращения 12.07.2003).
- The King is Naked, the Enigma Has Been Deciphered [Электронный ресурс]/ Algeria Salvation. — September, 1997. — Режим доступа: <http://www.fisalgeria.org/newsletters/editosept.html> (Дата обращения 10.06.2003).

- Lettre de Madani Mezrag, Emir national de l'armée islamique de salut (AIS), au président de la république. 4.06.1999. — URL: <http://www.fisalgeria.org/communiques/1Mezrag.html> (Дата обращения 12.06.2003).
- Lettre de M. Abbasi Madani au président de la république. 12.06.1999. — URL: www.fisalgeria.org/communiques/1Madani.html (Дата обращения 10.08.2003).
- Lettre cheikh Ali Benhadj au president Bouteflika, 31.07.1999. — URL: <http://www.fisalgeria.org/communiques/Benhadj.html> (Дата обращения 11.08.2003).
- Lettre ouverte de FIS aux participants au seminaire: «Le Monde arabe et islamique et les droits de l'homme» à Genève [Электронный ресурс] / FIS Information Bureau. — 29.09.2000. — Режим доступа: <http://www.fisalgeria.org/communiques/letter.html> (Дата обращения 2.08.2003).
- Lettre ouverte de FIS au Front des forces socialistes [Электронный ресурс] / FIS Information Bureau. — 23.05.2000. — Режим доступа: <http://www.fisalgeria.org/communiques/letter.html> (Дата обращения 10.05.2003).
- Le programme du Parti des musulmans de France. — URL: <http://www.p-m-f/crbst33.html> (Дата обращения — 08.01.2010)
- Manifeste pour un islam europeen. Le Monde. P., 15.02.2005
- Mohammed Ennacer Latreche «Un „non“ au „oui“ des fossoyeurs de la V-eme republique» [Электронный ресурс] / Mohammed Ennacer Latreche. — Режим доступа: <http://www.p-m-f.org> (Дата обращения — 27.05.2009).
- Mohammed Ennacer Latreche «La laicite remise en question» [Электронный ресурс] / Mohammed Ennacer Latreche. — Режим доступа: <http://www.p-m-f.org> (Дата обращения — 10.12.2009).
- Madani, Abbasi; Sahnoun, Ahmed; Soltani, Abdellatif. L'Appel du 12 novembre 1982. Alger, 1982.
- Mekhloufi Said. Fondements et buts de la désobéissance civile. Alger, 12.05.1991.
- Manifeste du Front Islamique du Salut por la Justice et la Paix en Algerie [Электронный ресурс] / Conseil de Coordination du FIS. — 11.01.1999. — Режим доступа: <http://www.fisalgeria.org/newsletters/Manifeste.html> (Дата обращения — 10.05.2003).
- Outline of the FIS Programme [Электронный ресурс] / FIS Information Bureau. — 13.01.1995. — Режим доступа: <http://www.fisalgeria.org/overview.html> (Дата обращения — 14.05.2003).
- Projet de programme politique du Front islamique du Salut. Alger, 7.03.1989.
- Parliamentary Delegation Abroad of FIS Seeks to Provide Information on the Tragic Situation of the Algerian People [Электронный ресурс] / Algeria Salvation. — 5.06.1997. — Режим доступа: <http://www.fisalgeria.org/intro.html> (Дата обращения — 15.06.2003).
- Protest Against an Illegitimate Military Junta [Электронный ресурс] / FIS Parliamentary Delegation Abroad. — 6.07.1997. — Режим доступа: <http://www.fisalgeria.org/communiques/protest.html> (Дата обращения — 12.06.2003).
- Samai-Ouramdane Ghania. Le Front islamique du salut à travers son organe de presse al-Mounquid / Peuples méditerranéens. № 52–53, juillet-décembre 1990.
- Slah Weslati. Chronologie de la revolution tunisienne. Democratie ou guerre civile. Edition Nirvana. Tunis, 2011.
- Sur la Réconciliation nationale, Communiqué № 12 [Электронный ресурс] / Conseil de coordination de FIS. — 4.07.1999. — Режим доступа: <http://www.fisalgeria.org/communiques/ccfis12.html> (Дата обращения — 9.06.2003).

- Les objectifs de UAM. URL: <http://http://uam93.com/uam-93/> (дата обращения — 6.03.2015).
- Outline of the FIS Programme [Электронный ресурс]/FIS Information Bureau. — 13.01.1995. — Режим доступа: <http://www.fisalgeria.org/overview.html> (Дата обращения — 14.05.2003).
- Rome Platform. National Contract for a Peaceful and Political Settlement [Электронный ресурс]/ FIS Information Bureau. — 13.01.1995 — Режим доступа: <http://www.fisalgeria.org/rome platform.html> (Дата обращения — 9.06.2003).
- UAM-93: Qui sommes-nous? — URL: <http://www.uam93.com/uam-93/> (Дата обращения — 2.03.2015).
- UAM-93: Propositions de lois contre l'islamophobie et le racism. URL: <http://www.uam93.com> (дата обращения — 22.03.2009).
- UAM-93: Un mois après les attentats, le casse-tête de la reorganization de l'islam en France. URL: <http://www.uam93.com> (Дата обращения — 2.03.2015).
- UAM-93: Islam: la difficile recherche de nouveaux leaders. URL: <http://www.uam93.com> (Дата обращения — 12.03.2015).
- UAM-93: Alain Juppe souhaite que les musulmans montent au créneau. URL: <http://www.uam93.com> (Дата обращения — 6.03.2015).
- Аль-баян мин харакат ан-нахда хауля истикаля мухаммед аль-ганнуши (Заявление Движения Нахда по обращению Мухаммеда аль-Ганнуши) [Электронный ресурс] — 27/2/2011. — Режим доступа: <http://www.alhiwar.net/ShowNews.php?Tnd=15327> (Дата обращения — 20.04.2011).
- Байан аль-бааса аль-барляманийя ли-ль-джабха аль-ислямийя ли-ль-инказ фи ль-харидж (Заявление парламентской делегации ИФС за рубежом) [Электронный ресурс] — Аль-вилайят аль-муттахида, Фирджинийя, 10.06.1999. — Режим доступа: <http://www.fisalgeria.org/communiques/reconcile.html> (Дата обращения — 20.04.2003).
- Байан аль-джабха аль-ислямийя ли-ль-инказ (Заявление Исламского фронта спасения) [Электронный ресурс]/Аль-вилайят аль-муттахида, Фирджинийя, 15.04.1999. — Режим доступа: <http://www.fisalgeria.org/communiques/elect99.html> (Дата обращения — 22.04.2003).
- Баян Харакат ан-Нахда. Сиди Бузид: ирхасат ватан яхтарик Харакат ан-Нахда (Заявление Движения ан-Нахда. Сиди Бузид: предвестники возрождения родины воспламеняют Движение ан-Нахда). Лондон 18.12.2010/Азами Бишара. Ас-саура ат-тунисийя аль-маджида. Аль марказ аль-арабий ли-ль-абхас ва дирасат ас-сиясийя. Бейрут, 2012. С. 390–391.
- Баян ан хазва барис аль-мубарака аля фаранса ас-салибийя (Заявление ИГИЛ¹ «О благословенном нашествии в Париже на крестоносцев Франции. 2 сафар 1437»/15 ноября 2015)/Gilles Kepel. *Terror dans l'Hexagon*. Editions Gallimard. P., 2015. P. I.
- Иля ль-амин аль-ам ли-ль-умами ль-муттахида (Послание Аббаси Мадани Генеральному секретарю ООН). Аль-Джазаир, 30.08.1997. — URL: <http://www.fisalgeria.org/communiques/letter 97.html> (Дата обращения — 22.05.2003).

¹ Террористическая организация, запрещена в РФ.

- Раис Харакат ан-Нахда Рашид Ганнуши. Тунис фи хаджа иля ислахат фаурийя (Руководитель Движения ан-Нахда Рашид Ганнуши. Тунис нуждается в немедленных реформах). 27.02.2011. — URL: <http://www.alhiwar.et/ShowNews.php?Tnd=15327> (Дата обращения 13.05.2014).
- Харакат ан-Нахда. Мактаб ад-дирасат ва т-тахтыт. Аль-муатамар аль-ашир ли-харакат ан-Нахда. Аль-лаиха аль-иктисадийя аль-иджтимаийя (X-й съезд Движения ан-Нахда. Социально-экономическая программа) [Электронный ресурс] / Бюро исследований и планирования Движения ан-Нахда. — Режим доступа: <http://www.ennahda-economie2016pdf.pdf> (Дата обращения — 30.09.2016)
- Харакат ан-Нахда тухаддид маукифаха мим-ма яхдас фи Тунис 15/1/2011 (Движение ан-Нахда определяет свою позицию в отношении того, что происходит в Тунисе). — URL: <http://www.tunisnews.net/15Janvier11a.htm> (Дата обращения — 20.06.2011).

4. Мемуары, высказывания и публикации государственно-политических деятелей и руководителей исламистского движения

- Harbi Mouhammed. Analyse de MAIA // Jeune Afrique-Plus. P., Septembre-Octobre 1990. P. 5–8.
- Benomar Tarek. Le marketing sanglant des généraux d'Alger. Alger, 1997.
- Bernard Godard, Sylvie Taussig. Les musulmans en Erance. Editions Hachette Literatures. P., 2007.
- Biographie Abdelaziz Bouteflika. Direction de campagne du candidat. Alger, 1999 (материалы, предоставленные посольством АНДР в Москве).
- Chadli Bendjedid rompt le silence//Jeune Afrique-L'Intelligent. № 2089, P., 2001.
- Fadela Amara dit. Le Figaro. — URL: <http://www.lefigaro.fr/actualite-france/> 2009/08/15/0101–200908 (Дата обращения — 07.01.2010).
- Harbi Mouhammed. Les archives de la révolution algérienne. Editions Hachette Literatures, P., 1981.
- Imam Chalhouni dit. URL: <http://www.leparisien.fr/sein-saint-denis-93/hassen-chalhouni> (Дата обращения — 10.09.2010).
- Les musulmans mais laïques. — URL: <http://www.lexpress.fr/actualite/societe/> religion/musulmans-mais-laïques (Дата обращения — 17.12.2009).
- Les musulmans laïques. — URL: <http://www.uejf.org/tohubohu/archives/numero6/dossier/jeu.html> (Дата обращения — 17.12.2009).
- Marzouki Moncef. L'Invention d'une démocratie. Editons La decouverte, P., 2013.
- Mémoires du général Khaled Nezzar//Jeune Afrique-L'Intelligent. № 2040, P., 2000. P. 10–14.
- Nicolas Sarkozy. La République, les religions, l'esperance. Editions du Cerf. P., 2004.
- Jungen Muslime Europas befreien sich aus der Isolation [Электронный ресурс] / RamadanTariq. — Режим доступа: <http://www.hgdoe.de/pol/ramadan04–00.htm> (Дата обращения — 15.02.2014)
- Ramadan Tariq. Europe Must Become Our House. Participation in the Life of Society Instead of Particularization: The European Muslims Must Learn to Live in the West Without Rejecting Their Faith // International Politics. Moscow, 2005. № 2.

- Mohammed Moussaoui. La convention sur la laïcité et la place de l'islam en France // La Croix, 8 avril 2011. P. 17.
- Myriam Bouregba. Le dialog entre islam et christianisme//La Croix, 16 novembre 2009. P. 16.
- Dalil Boubakeur. L'intrusion des institutions religieuses musulmans dans le debat electoral // La Croix, 27 avril 2012. P. 9.
- Азами Бишара. Ас-саура ат-тунисийя аль-маджида. Бинья саура ва сайруратиха мин хиляля яумийатиха. Аль-марказ аль-арабий ли ль-абхас ва д-дирасат ас-сиясийя (Азами Бишара. Славная тунисская революция. Формирование революции и ее ежедневный процесс). Арабский центр политических исследований. Бейрут, 2012.
- Аль-Фитна. Шахадат Ахмед Марани (Смута. Свидетельства Ахмеда Марани) // Аль-Ахрам ад-дувалий, Аль-Хахира, 12.07.1999. С. 3–5.
- Саадаллах, Бель Касем. Аль-Харака ал-ватанийя аль-джазаирийя (Алжирское национальное движение). Бейрут, 1969.

5. Труды мусульманских религиозных деятелей и исламистских идеологов

- Абдо Мухаммед. Толкование Корана «аль-Манар» (*Тафсир аль-Манар*)// Хрестоматия по исламу. Пер. с арабского. Х91 введ. и примеч. — М.: Наука, 1994.
- Абу Хамид Ал-Газали. Воскрешение наук о вере (*Ихйа улум ад-дин*). Избранные главы. Пер. с араб., исследование и комментарий В. В. Наумкина М., 1980. — 376 с.
- Абу Хамид Ал-Газали. Правильные весы (*Ал-кустас ал-мустахим*). Исследование, перевод и комментарий В. В. Наумкина. — М.: Центр арабских и исламских исследований, 2008. — 136 с.
- Абу аль-Аля Аль-Маудуди. Права неверных в исламском государстве. Изд-во Иман. Казань, 1998 г. Перевод с арабского А. Адыгамова.
- Ибн Халдун. Введения (*Мукаддима*) // Степанянц М. Т. Восточная философия: Вводный курс. Ибранные тексты. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997.
- Коран/Перевод И. Ю. Крачковского. — М.: Издательство восточной литературы, 1963. — 446 с.
- Сейид Кутб. Под сенью Корана (перевод с арабского). Издательский дом «Умма». Москва, 2003. — 537 с.
- Arkoun Mohammed. La pensee arabe. Quadrige/PUF. P., 2012.
- Hami Faris A. Heritage and Ideologies in Contemporary Arab Thought: Contrasting views of Change and development // Journal of the Economic and Social History of the Orient, Leiden, 1986. T. 21. № 1–2. P. 91.
- Malek Bennabi. Les conditions de la Renaissance algérienne. Alger, 1949.
- Rouadjia, Ahmed. Doctrine et discours du cheikh Abbasi//Peuples méditerranéens. № 52–53, juillet-décembre 1990.
- Ramadan Tariq. Face a nos peurs. Le choix de la confiance. Editions Tawhid. Lyon, 2008.
- Ramadan Tariq. Islam. La reforme radicale. Ethique et liberation. Presses du Chatelet. P., 2008.

- Ramadan Tariq. Western Muslims and the Future of Islam. Oxford University Press, 2004.
- Ramadan Tariq. La foi, la Voie et la resistance. Editions Tawhid. Lyon, 2002.
- Аль-Банна Хасан. Музакират ад-дава ва ад-даийя. Аль-Кахира: дар ат-таузи ва н-нашар аль-ислами, 1986 (Меморандум призыва и проповеди). Исламский издательский дом. Каир, 1986.
- Аль-Банна Хасан. Маджмуат расаиль аль-имам аш-шахид. Аль-Кахира: Аль-муассаса аль-исламия ли т-тыбаа ва н-нашар, 1979 (Сборник посланий имама-мученика). Исламское издательство. Каир, 1979.
- Аль-Ганнуши Рашид. Мин таджриба аль-харака аль-исламия фи Тунис. Лондон: аль-марказ аль-магарибий ли ль-бухус ва т-тарждама, 2001 (Из опыта исламского движения в Тунисе). Магрибинский центр исследований и перевода. Лондон, 2001.
- Аль-Ганнуши Рашид. Аль-харака аль-ислямия ва т-тахдис. Мактабат дар аль-фикр. Хартум 1984 (Исламское движение и обновление). Издательство Дар аль-фикр. Хартум, 1984.
- Аль-Ганнуши Рашид. Мукарабат фи ль-алманийа ва ль-муджтамаа аль-маданий. Аль-муассаса аль-исламия ли т-тыбаа ва с-сахафа. Бейрут 1999 (Ближайшая будущность светскости и гражданского общества). Исламское издательство. Бейрут, 1999.
- Аль-Кардауи Юсеф. Аль-халаль ва аль-харам фи ль-ислам. Дар ахьяи аль-кутуб аль-арабийя. Аль-Кахира, 1959 (Халальное и запрещенное в исламе). Издательство Дом подлинных арабских книг. Каир, 1959.
- Аль-Кардауи Юсеф. Мин фикт ад-дауля фи ль-ислам. Дар аш-шурук. Аль-кахира, 1997 (Из фикха [мусульманское право] о государстве в исламе). Издательство Дом восхода. Каир, 1997.
- Аль-Кардауи Юсеф. Ад-дин ва ас-сияса. Дар аш-шурук. Аль-Кахира, 2007 (Религия и политика). Издательство Дом восхода. Каир, 2007.
- Аль-Маудуди Абу аль-Аля. Аль-джихад фи сабили Аллах. Муассаса ар-рисала. Бейрут, 1983 (Джихад на пути Аллаха). Издательство Рисала. Бейрут, 1983.
- Аль-Маудуди Абу аль-Аля. Нахну ва аль-хадара аль-гарбийя. Ад-дар ас-саудийа ли н-нашар ва ат-таузи. Эр-Рияд, 1989 (Мы и западная цивилизация). Издательство Саудовский дом. Эр-Рияд, 1989.
- Аль-Маудуди Абу аль-Аля. Мабadiу аль-ислам. Аль-мактаб аль-ислами. Бейрут, 1989 (Принципы ислама). Издательство Исламское бюро. Бейрут, 1989.
- Аль-Маудуди Абу аль-Аля. Манхадж аль-хайат аль-исламия. Дар ат-таузи ва ан-нашар аль-исламия. Аль-Кахира, 2006 (Путь исламской жизни). Издательство Исламский дом. Каир, 2006.
- Мадани Аббаси. Азमत аль-фикр аль-хадис ва мубаррират аль-халль аль-ислями (Кризис современной мысли и оправдание исламского решения). Аль-Джазаир, 1989.
- Мадани Аббаси. Мушкилат тарбавийя фи ль-билад аль-ислями (Проблемы воспитания в исламских странах). Аль-Джазаир, 1986.
- Мадани. Аббаси. Хаджат ан-низам ат-тарбавий иля ль-ислах (Система воспитания нуждается в реформе)//Аль-Инсан. № 2, Париж, 1990. Р. 2–8.

- Сейид Кутб. Нахва муджтамаи ислями. Дар аш-шурук. Аль-Кахира 2008 (К исламскому обществу). Издательство Дом восхода. Каир, 2008.
- Сейид Кутб. Мааракат аль-ислам ва-р-раасмалий (Битва ислама с капитализмом). Каир, 1951.
- Сейид Кутб. Маалим фи т-тарик. Дар аш-шурук. Бейрут, 1973 (Вехи на пути). Издательство Дом восхода. Бейрут, 1973.
- Сейид Кутб. Аль-адала аль-иджтимаийа фи ль-ислам. Ляджнат ан-нашар аль-джамиийа. Аль-Кахира, 1949 (Социальная справедливость в исламе). Университетский комитет по публикациям. Каир, 1949.
- Хатыб Мухаммед. Ухувва фи л-ллах (Братство в Аллахе). Каир, б. г.
- Хасан ат-Тураби. Аль-мусталахат ас-сиясийа фи ль-ислам (Политическая лексика в исламе). Издательство Дар ас-саки. Бейрут, 2000.
- Хасан ат-Тураби. Ас-сияса ва ль-хукм: ан-назам ас-султанийа бейна ль-усуль ва сунан аль-вакии. Дар ас-саки. Лондон, 2003 (Политика и власть: султанские системы между законами и реальной практикой). Издательство Дар ас-саки. Лондон, 2003.

Литература

- Абдуллахи Ахмед ан-Наим. На пути к исламской реформации. Пер. с англ. О. П. Фадиной. М., Фонд Андрея Сахарова, 1999. — 263 с.
- Арабский кризис: Угрозы большой войны / Под общ. ред. акад. РАН А. М. Васильева. — ФГБУН Институт Африки РАН; Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. — М.: Ленанд/URSS, 2016. — 344 с.
- Арабский кризис и его международные последствия / Под общ. ред. акад. РАН А. М. Васильева. — ФГБУН Институт Африки РАН — М.: Ленанд/ URSS, 2014. — 256 с.
- Аргентов В. А. Алжир на новом пути. М.: Знание, 1982. — 64 с.
- Бабкин С. Э. Движения политического ислама в Северной Африке/Институт изучения Израиля и Ближнего Востока; ИВ РАН. М., 2000. — 340 с.
- Бабкин С. Э. Религиозный экстремизм в Алжире (1992–2000)/ Институт изучения Израиля и Ближнего Востока; ИВ РАН. М., 2001. — 206 с.
- Бартольд В. В. Культура мусульманства. — Издательство «Леном», М., 1998. — 112 с.
- Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: член-корр. РАН В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов/ ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. — 593 с.
- Большаков О. Г. История Халифата. Т. I, II, III. — Институт востоковедения РАН. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. — 988 с.
- Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Под общ. редакцией Ал. А. Громыко, В. П. Федорова. — Весь мир. — М., 2014.
- Вебер М. Избранное. Образ общества.: Пер. с нем. — М.: Юрист, 1994. — 704 с.
- Видясова М. Ф. Экономика стран Магриба. М., Наука, 1982. — 192 с.

- Видясова М. Ф. Джихад без войны. Тома I–II. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. Институт стран Азии и Африки, 2007. — 1410 с.
- Видясова М. Ф., Орлов В. В. Политический ислам в странах Северной Африки. История и современное состояние. — Изд-во Моск. ун-та, 2008. — 512 с.
- Видясова М. Ф., Гасанбекова Т. И. Двуликий Янус умеренного исламизма. ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт Африки РАН. М., 2013. — 140 с.
- Видясова М. Ф., Гасанбекова Т. И. Катаклизмы в арабском мире, год четвертый. Новые конституции Туниса и Египта. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Институт стран Азии и Африки. М., 2014. — 82 с.
- Виравов А. Г. Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации/ Ин-т изучения Израйля и Ближнего Востока; ИВ РАН. — М., 2001. — 95 с.
- Виравов А. Г. Национализм и «национальный социализм» в арабских странах: теория и практика. — М., 1996. — 185 с.
- Ворончанина И. И. Ислам в общественно-политической жизни Туниса/АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1986. — 185 с.
- Ворончанина И. И. Ислам в политическом развитии Алжира и Туниса // Арабский мир в конце XX века: материалы I-ой конференции арабистов Института Востоковедения РАН. М., 1996.
- Деминцева Е. Б. Быть «арабом» во Франции. Москва: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН: Новое литературное обозрение, 2008. — 196 с.
- Джугашвили Г. Я. Алжирский франко-язычный роман. М., «Наука», 1976. — 141 с.
- Дорошенко Е. А. Шиитское духовенство в современном Иране. М.: Наука, 1975. — 229 с.
- Дьяков Н. Н. Младоалжирцы и антиколониальная борьба в Алжире на рубеже XIX–XX вв. /ЛГУ им. А. А. Жданова. — М., Наука, 1985. — 188 с.
- Жданов Н. В. Исламская концепция миропорядка. — М.: Междунар. отношения, 1991. — 216 с.
- Звягельская И. Д. Ближневосточный клинч: конфликты на Ближнем Востоке и политика России/Московский государственный институт международных отношений (Ун-т) МИД России; Институт востоковедения РАН. — М.: Аспект Пресс, 2014. — 207 с.
- Зудина Л. П. Аграрные преобразования и развитие сельского хозяйства в странах Магриба. М.: Наука, 1983. — 216 с.
- Зудина Л. П. Алжир: либерализация экономики и эволюция аграрных структур // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки/ Институт востоковедения РАН; Институт изучения Израйля и Ближнего Востока. М., 1997.
- Илюшечкин В. П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы). — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. — 406 с.
- Исаев В. А. Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития. Сб. статей/ Отв. ред. Исаев В. А., Филоник А. О.; ИВ РАН. — М., 1995. — 184 с.
- Ислам в Европе и в России. Сб. статей/ сост. и отв. ред. Деминцева Е. Б. М.: Изд. дом Марджани, 2009. — 240 с.

- Ислам в политике: идеология или прагматизм?// Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Авторы: Наумкин В. В.; Аксенов А. Г.; Долгов Б. В.; Звягельская И. Д.; Кузнецов В. А.; Попов В. В.; М.: Институт востоковедения РАН; РИА Новости; Совет по международной и оборонной политике РФ. М., 2013. — 147 с.
- Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Африки/ Отв. ред. Д. А. Саватеев. — Российская Академия наук. Институт Африки. — М.: Ленанд/URSS, 2015. — 424 с.
- Кириллина С. А. Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX — начало XX в.)/ МГУ им. М. В. Ломоносова. Ин-т стран Азии и Африки. — М.: Наука, 1989. — 203 с.
- Кириллина С. А. Родригес А. М. Ислам в судьбах египетско-аравийского субрегиона / Московский педагогический государственный университет. М., 1995. — 194 с.
- Ковтунов А. Г. Проблемы интеграции стран Магриба (80-е — середина 90-х годов) / Отв. ред. Егорин А. З. Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока. М., 1998. — 194 с.
- Комар В. И. Северная Африка: национальные модели политической культуры. М., 1997.
- Комар В. И. Власть, ислам и общество в Алжире/Ученые записки Института Африки РАН. Вып. 8. М., 1999. — 31 с.
- Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты)/Отв. ред. Абрамова И. О. — М.: Институт Африки РАН, 2013. — 459 с.
- Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка)/Отв. ред-ры Наумкин В. В., Мальшева Д. Б. — М.: Институт востоковедения РАН, 2015. — 504 с.
- Коровиков А. В. Исламский экстремизм в арабских странах/Отв. ред. Иванов Н. А. — М.: Наука, 1990. — 170 с.
- Коровиков А. В. Сейид Кутб — идеолог исламского экстремизма/Религии мира. Ежегодник 1986. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987.
- Куделев В. В. «Аль-Каида в странах исламского Магриба» в Северной Африке: (хроника событий)/Ин-т Ближнего Востока. — М., 2014. — 508 с.
- Ланда Р. Г. История алжирской революции 1954—1962/АН СССР. Институт востоковедения. — М.: Наука, 1983. — 286 с.
- Ланда Р. Г. История Алжира XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 1999. — 308 с.
- Ланда Р. Г., Малащенко А. В. Социалистическая ориентация и исламские традиции в Алжире // Вопросы научного атеизма. Вып. 31. М., 1983.
- Ланда Р. Г. Политический ислам: предварительные итоги / Ин-т Ближнего Востока. — М., 2005. — 286 с.
- Ланда Р. Г. Социология современного Востока. — М.: Восточный университет, 2006. — 416 с.
- Левин З. И. Общественная мысль на Востоке. Пост колониальный период. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — 198 с.

- Левин О. Н. Аббаси Мадани — политический портрет // Азия и Африка сегодня. М., 1991. № 12.
- Малашенко А. В. Официальная идеология современного Алжира/АН СССР Институт востоковедения. — М.: Наука, 1983. — 136 с.
- Малашенко А. В. В поисках альтернативы. Арабские концепции путей развития / АН СССР. Институт востоковедения. — М.: Наука, 1991. — 208 с.
- Мусульманские страны: религия и политика (70–80-е годы): сб. статей / Отв. ред. Малашенко А. В. / — М.: Наука, 1991. — 183 с.
- Мец Адам. Мусульманский Ренессанс. Изд. 2-е [Пер. с нем., отв. ред. В. И. Беляев]. М., Главная редакция восточной литературы изд. «Наука», 1973. — 473 с.
- Наумкин В. В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств // Восток (Oriens). Российская Академия наук. Институт востоковедения; Институт Африки. № 4. М., 2014.
- Наумкин В. В. Ислам и мусульмане: культура и политика. — М. — Н. Новгород. ИД. «Медина», 2008. — 768 с.
- Наумкин В. В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Восток (Oriens). Российская Академия наук. Институт востоковедения; Институт Африки. № 1. М., 2006.
- Наумкин В. В. Исламизм, этничность и конфликты: о роли символической политики // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. М., 2009. № 1.
- Наумкин В. В. О политике России на южном направлении / Оценки и идеи: бюллетень Института востоковедения РАН. Том 1. № 1, ноябрь 2011.
- Ражбадинов М. З. Умеренный исламизм в Египте. На примере деятельности организации «Братья-мусульмане»/Институт востоковедения РАН. — М.: Издательство «Русский язык», 2006. — 431 с.
- Ражбатдинов М. З. Анатомия египетской революции-2011: Египет накануне и после политического кризиса в январе-феврале 2011 г. / Предисловие: В. В. Наумкин. — ИВ РАН. — М.: ИВ РАН, 2013—412 с.
- Руденко Л. Н., Занбуа М., Филоник А. О. Арабский мир на перепутье (революция против экономики). М.: ИВ РАН, 2014. — 108 с.
- Саватеев А. Д. Исламская цивилизация в Тропической Африке. М.: Институт Африки РАН, 2006.
- Сапронова М. А. Генерал Лямин Зеруаль: в начале трудного пути // Ближний Восток и современность. № 6, М., 1999. С. 157–177.
- Сапронова М. А. Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999) / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока; Институт востоковедения РАН. — М., 1999—165 с.
- Сапронова М. А. Электоральный процесс после «арабской весны»: (Модификация государственных институтов арабских стран на примере Алжира, Египта, Ливии, Марокко, Сирии, Туниса) / Институт Ближнего Востока. — М., 2015. — 196 с.
- Сапронова М. А. Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)/Институт Ближнего Востока. — М., 2008. — 248 с.

- Северная Африка: Ислам и общество / Отв. ред. А. А. Ткаченко. — Институт Африки РАН. — М., 1999. — 125 с.
- Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / Российская Академия наук. Институт Африки. — М.: ЛЕНАНД/URSS, 2016. — 424 с.
- Смилянская И. М. Социально-политические представления в исламе. История и современность / Ред. кол.: Смилянская И. М. (отв. ред.) и др. — АН СССР. Институт востоковедения. — М.: Наука, 1987. — 119 с.
- Смирнов И. К. Алжир: индустриализация и социально-экономический прогресс. М.: Наука, 1981. — 160 с.
- Смирнов В. П. Франция в XX веке. — М.: Дрофа, 2002. — 352 с.
- Современная Африка. Метаморфозы политической власти / Отв. ред. А. М. Васильев; Институт Африки РАН. — М.: Вост. лит., 2009. — 494 с.
- Социальный облик Востока / Отв. ред. Р. Г. Ланда. Российская Академия наук. Институт востоковедения. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — 406 с.
- Степанянц М. Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока (XIX–XX вв.) / Академия наук СССР. Институт философии. — М.: Наука, 1974. — 190 с.
- Степанянц М. Т. Мир Востока: Философия: Прошлое, настоящее, будущее / Институт философии. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005. — 375 с.
- Средневековая арабская философия / Отв. ред. Степанянц М. Т. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. — 527 с.
- Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право (Структура и основные институты) / Ред. кол.: Сюкияйнен Л. Р. (отв. ред.) и др. — М.: Институт государства и права АН СССР, 1984. — 145 с.
- Тауфик Ибрагим. Коранические чтения. I, II, III. — Москва — Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2008. — 224 с.
- Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Пер. с англ. / «Прогресс» — «Культура», 1996; Сост. Рашковский Е. Б. — 480 с.
- Томас Карлейль // История Французской революции / Пер. с англ. — М.: Мысль, 1991. — 595 с.
- Траскунова А. М. Печать алжирской революции. М., Наука, 1979. — 191 с.
- Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе / Пер. с англ. Ставиской А. А. — М.: «София», ИД «Гелиос», 2002. — 480 с.
- Фильштинский И. М. История арабов и халифата (750–1517). — М.: ИД «Муравей-Гайд», 1999. — 384 с.
- Хмелева Н. Г. Государство Абд аль-Кадера Алжирского. М.: Наука, 1973. — 126 с.
- Шиитские секты / Пер. с арабского, исследование и комментарий Прозорова С. М. — М. Наука, 1973. — 223 с.
- Шimmel Анне Мари. Мир исламского мистицизма / Пер. с англ. Н. И. Пригариной, А. С. Раппопорт. — М.: Алетея, Энигма, 2000. — 416 с.
- Abdelwahab Meddeb. La maladie de l'islam. P., 2002. Aboul Kassem Saadallah. La montée du nationalisme en Algérie. Entreprise nationale du livre. Alger, 1983.
- Ageron Ch.-R. L'Algérie algérienne de Napoleon III à de Gaulle. P., 1980.
- Ageron Ch.-R. La décolonisation française. P., 1991.

- Addi Lahouari. De la permanence du populisme algérien//Peuples méditerranéens, P., 1990. № 52–53, juillet-décembre.
- Ahmed Koulakssis. Le Parti socialiste et l'Afrique du Nord de Jaures a Blum. Editions Armand Colin. P., 1991.
- Amirouche, Hamou. Algeria's Islamist Revolution: The People Versus Democracy? // Middle East Policy. V. 5. № 4, January 1998.
- Amrany S. and Korany B. Explosive Civil Society and Democratisation from Below: Algeria. London, 1998.
- Au coeur des revoltes arabes. P.: Armand Colin Editeur, 2013.
- The Arab awakening: America and the transformation of the Middle East / Kenneth M. Pollack [et al.]. Wash.: The brookings Institution, 2011.
- Beauge Florence. L'Algerie des annees 2000. P.: Editions du Cygne, 2008
- Basbous A. L'Islamisme. Une révolution avortée? P., Editions Hachette Litteratures, 2000.
- Berque J. Maghreb: histoire et société. Alger, 1974.
- Balta, Paul. L'Islam dans le monde. P., 1991.
- Balta, Paul et Rulleau Claudine. La stratégie de Boumédiène. P., 1978.
- Benkheira H. Un Désir d'absolu: Les émeutes d'octobre 1988 en Algérie//Peuples méditerranéens. P., 1990. № 52–53. Juillet-décembre.
- Bernard Rougier. Qu'est-ce que le salafisme? PUF. P., 2008. Bernard Godard, Sylvie Taussig. Les musulmans en France. Editions Hachette Litteratures. P., 2007.
- Boukhobza M. Octobre 1988: évolution ou rupture? Alger, 1989.
- Burgat F. L'Islamisme au Maghreb. P., 1988.
- Ben Ntfissa, Sarah. The Egyptian transition Arena: Between the Army Leadership, the Moslem Brotherhood and a Society in Full Transformation // IE Mediterranean Year Book 2013. Barcelona, 2013.
- Bayart Jean-Francois. L'Islam republicain. P., 2009.
- Bruno Etienne. Heureux comme Dieu en France? La Republique face aux religions. Editions Bayard. P., 2005.
- Haddad Mezri. La face cachée de la révolution tunisienne. P.: Editions Apopsix, 2011.
- Camau M., Geisser V. Le syndrome autoritaire. Politique en Tunisie de Bourguiba a Ben Ali. P.: Presse de Science Po, 2003.
- Carlier O. Scholars and Politicians: An Examination of the Algerian View of Algerian Nationalism // The Maghreb in Question. Texas, 1997.
- Charef A. Algérie. Le grand dérapage. P., 1994.
- Courrière Y. Le temps des Léopards. P., 1969.
- David Thomson. Les français jihadistes. P., 2014.
- Denaud P. Algérie. FIS. Sa direction parle. P., 1997.
- Djehoul Abdel Kader. Algérie: histoire, culture et société. P., 1986.
- Djehoul Abdel Kader. FIS de la haine//Maghreb-Machrek. № 1335, 1991.
- Des visages sur des clivages. Les élections européennes de mai 2014. № 104. Etudes et rapports. Notre Europe — Institut Jacques Delors. P., Avril 2014. Enzo Bianchi et Gilles Kepel. Au coeur du fondamentalisme. Editions Bayard. P., 2009.
- Eyal Zisser. Commanding Syria. Bashar al-Asad and the First Years in Power. London., 2007.

- François Burgat. L'islamisme a l'heure d'al-Kaida. La decouverte. P., 2005.
- Harbi, Mouhammed. Sur le processus de relégitimation du pouvoir en Algérie // Annuaire de l'Afrique du Nord, 28 (1989).
- Haddad, Yvonne. The Qur'anic Justification for an Islamic Revoluion: the View of Sayyid Qutb // The Middle East Journal. V. 37. № 1, winter 1983.
- Hassen Chalhouni. Pour l'islam de France. P., 2010.
- Haoues Seniguer. Petit précis d'islamisme: des hommes, des textes et des idees. Editions L'Harmattan. P., 2014.
- Hugh Roberts. From Radical Mission to Equivocal Ambition: the Expantion and Manipulation of Algerian Islamism. Chicago., 1994.
- Huntzinger Jacques. Les printemps arabes et le religieux. Collection: Humanités. Perspectives & propositions/Bernardins. P.: Editions Parole et Silence, 2014.
- Gideon Gera. An Islamic Republic of Algeria? Wash.,1995.
- James Phillips. The Rising Threat of Revolutionnary Islam in Algeria. Wash.,1995.
- Julien Charles-André. Histoire de l'Algérie contemporaine. P.,1979.
- Jansen G. Militant Islam. London,1979.
- Joffe G. Algeria: The Failure of Dialog//The Middle East and North Africa. London, 1995.
- John R. Bowen. L'Islam a la francaise. Editions Steinkis, P., 2011.
- Gilles Kepel. Jihad. Expansion et déclin de l'islamisme. Editions Gallimard. P., 2000.
- Gilles Kepel. Quatre-vingt-treize. Editions Gallimard. P., 2012
- Gilles Kepel. Passion francaise. Editions Gallimard. P., 2014
- Gilles Kepel/Enzo Bianchi. Au coeur du fondamentalisme. Editions Bayard. P., 2009.
- Gilles Kepel. Terreur dans l'Exagone. Editions Gallimard. P., 2015.
- Franck Fregosi. Penser l'islam dans la laicite. Editions Fayard. P., 2008.
- Institut musulman de la mosque de Paris. P., 2008.
- Islam et democratie. Pouvoirs № 104, Revue française d'etudes constitutionnelles et politiques. Editions Seuil. P., 2003.
- Franco A., Sereni J.-P. Un Algérien nommé Boumediène. P., 1976.
- Kaddache M. Histoire du nationalisme algérien. Alger, 1980.
- Lambotte R. Algérie: naissance d'une société nouvelle. P., 1976.
- Laoust H. La profession de foi d'Ibn Taymiyya. La Wasitiyya. P., 1986.
- La revolution arabe et apres? Tunisie, Lybie, Algerie, Egypte... Les dossiers d'actualite. P.: Lafont presse, 2011.
- Lebjaoui M. Vérité sur la révolution algérienne. P., 1970.
- Lamchichi A. L'Islamisme en Algérie. P., 1992.
- Lazar Mehdi. L'Algerie aujourd'hui. P.: Michalon Editeur, 2014.
- Lagarde Dominique, Benjamin Stora. 50 ans d'independance 1962–2012. Algerie. La desillusion. P.: Express Roularta Editions, 2011.
- Le Tourneau R. Evolution politique de l'Afrique du Nord musulmane. 1920–1961. P., 1962.
- Les societes civiles dans le monde musulman. Sous la direction Anna Bozzo et Pierre-Jean Luizard. Edition La Decouverte. P., 2011.
- Mesbah Mohammed Chafik. Problematique Algerie. Editions Le soir d'Algerie. Alger, 2009.

- Mathieu Guidere. Le choc des revolutions arabes de l'Algerie au Yemen. P.: Editions Autrement, 2012.
- Madani Blanca. Algeria: Historical Background of the Conflict//World Algeria Action Coalition. Wash., 1998.
- Maktouf Lotfi. Sauver la Tunisie. P.: Librairie Artheme Fayard, 2013.
- Martine Obry. Pour changer de civilisation. Editions Odile Jacob. P., 2011.
- Merad A. Le réformisme musulman en Algérie de 1925 à 1940. P., 1967.
- Michel Raimbaud. Tempete sur le Grand Moyen-Orient. Editions Ellipses. P., 2015.
- Mitchell R. The Society of the Muslim Brothers. London, 1969.
- Moussaoui A. La violence en Algérie. Des crimes et des châtements//Cahiers d'Etudes africaines, 150–152, XXXVIII-2–4, 1998.
- Mohamed Elhachmi Hamdi. The politisation of Islam. A case Study of Tunisia. USA Colorado West view Press, 1998.
- Mohamed-Ali Adraoui. Du Golfe aux banlieues. Le salafisme mondial. PUF. P., 2013.
- Nicolas Beau, Catherine Graciet. La Regente de Carthage: main basse sur la Tunisie. La decouverte. P., 2009.
- Naba Rene. Les revolutions arabes. P.: Editions Bachari, 2011.
- Nabil Ennasri. L'enigme du Qatar. Iris Edition. P., 2013
- Olivier Roy. La laicite face à l'Islam. Editions Hachette Litteratures. P., 2005.
- Olivier Roy. L'islam mondialise. Editions du Seuil. P., 2002.
- Rachid Benzine. Les nouveaux penseurs de l'islam. Editions Albin Michel. P., 2008.
- Rene Naba. Les revolutions arabes. Editions Bachari. P., 2011.
- Richard Labeviere. Les coulisses de la terreur. Editions Grasset. P., 2003.
- Roy J. La guerre d'Algérie. P., 1960.
- Quandt W. Between Ballots and Bullets. Algeria's Transition from Authoritarianism. Wash., 1998.
- Quandt W. Algérie: aux portes de la démocratie//Jeune Afrique. № 1996, 1999.
- Samir Amghar. L'islam militant en Europe. Editions Infolio. P., 2013.
- Saddek Rabah. L'islam dans l'imaginaire Occidental. Al Bouraq. Beirouth-Liban, 1998.
- Sliman Medhar. La violence sociale en Algerie. Thala Edition. Alger. 1997.
- Vatin J.-C. L'Algérie politique: histoire et société. P., 1983.
- Vincent Geisser et Aziz Zemmouri. Marianne et Allah. P., 2007.
- Willis, Michael. The Islamist Challenge in Algeria. A Political History. New York University Press. N. Y., 1997.
- Yves Charle Zarka, Sylvie Taussig — Cynthia Fleury. L'islam en France. PUF. P., 2004.
- Абд аль-Кадир Джаалуль. Тарих аль-Джазаир аль-хадис. Дираса сусьюлуджий (Абдель Кадер Джаалуль. История современного Алжира. Социологическое исследование). Издательство Дар аль-хадаса. Бейрут, 1981.
- Абд аль-Хусейн Шаабан. Аш-шааб юрид...! Тааммулат фикрийя фи р-раба ль-арабий (Фбдель Хусейн Шаабан. Народ хочет...! Аналитическое рассмотрение арабской весны). Бейрут, 2012.
- Абдалла аль-Ахмад. Индама ятаваххадж аль-хулм. Дар аль-хакика (Абдалла аль-Ахмад. Когда разгорается мечта. Издательство «Дар аль-хакика». Дамаск, 1978.
- Башир Муса Нафия. Аль-ислабийюн. Доха — Катар. 2010. Марказ аль-джазира ли д-дирасат (Башир Муса Нафия. Исламисты. Доха — Катар: Научный центр Информационного агентства Аль-Джазира. 2010).

- Джалаль Амин. Михна ад-дунья ва д-дин фи мыср. Дар аш-шурук. Аль-Кахира (Мировая беда и религия в Египте. Издательство Дар аш-шурук. Каир, 2013).
- Мухаммед аль-Бариди. Диван аль-маваджжи. Духа ли н-нашар. Тунис (Мухаммед аль-Бариди. Департамент горя. Издательство «Духа ли н-нашар». Тунис, 2014).
- Мустафа Абид. Маусим сукут ат-тухат аль-араб (Мустафа Абид. Сезон крушения арабских тиранов). Издательство Кунуз. Каир, 2012.
- Мустафа Багри. Аль-джейш ва ль-ихван. Ад-дар аль-мысрийа аль-любнанийя. Аль-Кахира (Мустафа Багри. Армия и «Братья»). Издательство «Египетско-ливанский Дом». Каир, 2013.
- Мутавалли, Абд аль-Хамид. Мабади низам аль-хукм фи ль-ислам ма-аль мукарана би-ль-мабади ад-дустурийя аль-хадиса (Принципы системы власти в исламе в сравнении с современными конституционными принципами). Александрия, 1977.
- Набиль ас-Саман. Сууд ва уфуль Мубарак. Дар аль хамраа (Набиль ас-Саман. Подъем и падение Мубарака. Издательство «Дар аль-Хамраа». Бейрут, 2011).
- Тауфик Ат-Таувиль. Аль-Фикр ад-диний аль-ислямий фи ль-алям аль-арабий иб-бана аль-миа аль-ам аль-ахира (Исламская религиозная мысль за последние сто лет). Издательство Дар аль-хадаса. Бейрут, 1966.
- Тауфик аль-Мадини. Сукут ад-дауля аль-булисийя фи тунис. Ад-дар аль-арабийя ли ль-улум. (Тауфик аль-Мадини. Крах полицейского государства в Тунисе). Издательство Дом арабских научных исследований. Бейрут, 2011.
- Турки Рабах. Шейх Абд аль-Хамид Бен Бадис ва фальсафатуху ва нашатуху фи маджаль ат-тарбийя ва т-таалим (Турки Рабах. Шейх Абд аль-Хамид Бен Бадис, его философия и деятельность в области воспитания и образования. Аль-Джазаир). Алжир, 1969.
- Усман аль-Усман. Аль-харб аля Сурия. Иттихад куттаб аль-араб. Димашк (Усман аль-Усман. Война против Сирии. Издательство Союза арабских писателей. Дамаск, 2013).

Справочная литература

- Алжир: Справочник. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. — 376 с.
- Атлас Корана: земли, народы, веки. /Сост. Шауки Абу Халил/Пер. с англ. — СПб.: Издательство «Диля», 2008. — 400 с.
- Ислам. Энциклопедический словарь/Академия наук СССР. Институт востоковедения. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 315 с.
- История Востока. Т. VI/Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, В. В. Наумкин — Институт востоковедения РАН. — М.: Восточная литература, 2008. — 1095 с.
- Страны мира. Справочник/Дом славянской книги. — М., 2010. — 639 с.
- Тунисская республика. Справочник/Российская Академия наук. Институт Африки. — М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993—447 с.
- Хрестоматия по исламу. Пер. с арабского. Введ. и примеч./Российская Академия наук. Институт востоковедения. — М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. — 238 с.

Периодические издания

- Азия и Африка сегодня. Российская Академия наук. Институт востоковедения; Институт Африки.
- Актуальные проблемы Европы. Институт научной информации по общественным наукам РАН.
- Ближний Восток и современность. Институт Ближнего Востока.
- Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение.
- Вестник РГТУ. Серия «Востоковедение. Африканистика».
- Вестник ИТАР-ТАСС.
- Восток-Oriens. Афро-азиатские общества: история и современность. Российская академия наук. Институт востоковедения; Институт Африки.
- Год планеты: ежегодник ИМЭМО РАН.
- Известия.
- Международная жизнь. Российский совет по международным делам; Союз журналистов России.
- Литературная Газета.
- Этнографическое обозрение.
- Afrique-Asie, Paris.
- Algérie-Actualité, Alger.
- Annuaire de l'Afrique du Nord, Paris.
- Annuaire statistique d'Algérie, Alger.
- Arabica, Leiden.
- Cahiers d'Etudes africaines, Paris.
- Information economique africaine, Tunis.
- L'Express, Paris.
394. El-Watan, Alger.
- Jeune Afrique, Paris.
- Journal of the Economic and Social History of the Orient, Leiden.
- Journal officiel de la République Algérienne Démocratique et Populaire (JORA), Alger.
- The Islamic Quarterly, London.
- The Herald Tribune, Washington.
- Le Figaro, Paris.
- Le Matin, Paris.
- The Middle East Journal, Washington.
- The Middle East Economic Digest, London.
- Maghreb-Machrek, Paris.
- Monde diplomatique, Paris.
- Le Monde, Paris.
- El-Moudjahid, Alger.
- Le Nouvel Observateur, Paris.
- La Liberté, Alger.
- L'Horizons, Alger.
- Le Point, Paris.
- Politique internationale, Paris.
- Pan Arabe Tribune, Nice-France.
- La Presse de Tunisie, Tunis.

Le Renouveau, Tunis.
Révolution Africaine, Alger.
Le Temps, Tunis.
The Times, London.
La Tribune, Alger.
Washington post, Washington.
Le Nouvel Afrique-Asie. Paris.
Algerie Press Service. Alger.
La Croix. Paris
Pouvoirs. Revue française d'études constitutionnelles et politiques. Paris.
Le Parisien. Paris
La Liberation. Paris
La Medina. Paris
Al-Istichara. Paris
Revue française de science politique. Paris
L'Enseignement publique. Editions du Juris-classeur. Paris
Аль-Араб, Лондон.
Аль-Ахбар, Каир.
Аль-Ахрам ад-дувалий, Каир.
Аль-Ахрам, Каир.
Аль-Ватан аль-арабий, Лондон.
Аль-Джейш, Алжир.
Аль-Мункыз, Алжир.
Ар-Рая, Доха-Катар.
Ас-Сабах, Тунис.
Ас-Сахафа, Тунис.
Аль-Хайят, Лондон.
Аль-Хабар, Алжир.
Аш-Шааб, Алжир.
Аш-Шарк аль-Авсат, Лондон.
Аш-Шурук, Тунис.
Касьюн. Дамаск.
Ас-Саура. Дамаск.
Баладуна. Дамаск.
Ас-Сафир. Бейрут.
Аль-Баян. Дубай.
Аль-миср аль-яум. Каир.

Электронные ресурсы

<http://www.itar.tass.com>
<http://www.web.worldbank.org><http://www.pdpinfo.org>
<http://www.weekly.ahram.org.eg>
<http://www.tradingeconomics.com/syria/gdp>
<http://www.cbssyr.org> Central Bureau of Statistics. Bulletin of labor force
<http://www.voltairenet.org>
<http://www.thawra.alwehda.gov.sy>

<http://www.liberte-algerie.com>
<http://www.algerianembassy.ru>
<http://www.jeuneafrique.com>
<http://www.elmoudjahid-dz.com>
<http://www.ivran.ru>
<http://www.uoif-online.com>
<http://www.p-m-f/crbst33.html>
<http://www.uejf.org/tohubohu/archives/numero6/dossier/jeu.html>
<http://www.lexpress.fr/actualite/societe/religion/musulmans-mais-laiques>
http://www.lefigaro.fr/actualite-france/2009/08/15/0101-200908_07/01/2010.
<http://www.portail-religion.com/FR/dossier/islam/pratique/institution>
<http://www.uam93.com/uam-93/>
<http://www.leparisien.fr/sein-saint-denis-93/hassen-chalghoumi-u>
<http://www.la-croix.com>

Философия сознания

ДЭНИЕЛ ДЕННЕТ

Сладкие грёзы ЧЕМ ФИЛОСОФИЯ МЕШАЕТ НАУКЕ О СОЗНАНИИ

Деннет продолжает донимать потрепанные философские штампы, модный постмодернизм и псевдонауку. И пусть он делает это как можно дольше.

Лесли Марш,
Центр исследований в области когнитивных наук,
Университет Сассекса,
Journal of Mind and Behavior

В характерной шутилой форме ортодоксальный дарвинист Дэниел Деннет обращает аргументы своих противников против них самих, демонстрируя мастерское владение философским дзюдо... Возможно, он станет Гербертом Спенсером нашего столетия, человеком, чьи идеи могут соединить традицию и науку, дав нам почувствовать, что робот в зеркале на самом деле — это мы.

*The 100 Most Influential Books of 2005,
The Globe and Mail*

И снова в пылу борьбы возникает фигура неутомимого Дэниела Деннета... чья новая книга «Сладкие грёзы: чем философия мешает науке о сознании» посвящена главным образом выявлению и уничтожению тех живучих интуиций, которые, по его мнению, до сих пор препятствуют развитию когнитивной нейронауки.

The New Scientist

- ✓ Чутье на Зомби: уничтожение интуиции?
- ✓ Подход к сознанию от третьего лица
- ✓ Объясняя «магию» сознания
- ✓ Квалиа — то, ради чего стоит жить?
- ✓ Что знает РобоМэри?
- ✓ Мы все еще объясняем сознание?
- ✓ Теория сознания как эха фантазии
- ✓ Сознание: сколько это в настоящих деньгах?

Издательская группа

URSS

представляет

ТОРСТЕЙН ВЕБЛЕН

ТЕОРИЯ ПРАЗДНОГО КЛАССА

Т. Веблен

Выдающийся американский
экономист и социолог
Основатель школы
институционального направления
в политической экономии

ТЕОРИЯ ПРАЗДНОГО КЛАССА

Thorstein Bunde VEBLEN
THE THEORY OF THE LEISURE CLASS
An Economic Study of Institutions

Вниманию читателей предлагается первая и самая знаменитая книга выдающегося американского экономиста и социолога Торстейна Веблена (1857–1929), цель которой — выяснить место и значение так называемого «праздного класса» в жизни современного автору буржуазного общества.

В книге изложена история возникновения праздных классов и усиления их господства, генезис их демонстративного расточительного потребления.

Автор не только приводит основные положения теории праздного класса, но и раскрывает их на примерах из экономики, религии, образа жизни, нравственных ценностей, системы высшего образования, спорта и т. д.

Книга, написанная более ста лет назад, и в наши дни сохраняет свою актуальность. Она будет полезна экономистам, социологам, политологам, философам, преподавателям общественных наук, а также всем заинтересованным читателям.

РЭНДАЛЛ КОЛЛИНЗ

МАКРОИСТОРИЯ

Очерки социологии БОЛЬШОЙ ДЛИТЕЛЬНОСТИ

Книга одного из наиболее выдающихся современных социальных исследователей Рэндалла Коллинза является блестящим образцом теоретического и динамического подхода в исторической макросоциологии («макроистории»).

Автор отчасти «собирает сливки» лучших достижений в этом бурно развивающемся направлении, представляя и умело соединяя концепции наиболее глубоких и основательных исторических социологов и историков, таких как Перри Андерсон, Джованни Арриги, Иммануил Валлерстайн и многие другие.

При этом основная часть книги Р. Коллинза посвящена изложению его собственных оригинальных теорий в области долговременной социальной и исторической динамики. Эти динамические теории посвящены центральным темам исторической макросоциологии.

Через особые сочетания условий объясняются РАСШИРЕНИЯ И УПАДКИ ИМПЕРИЙ, ПРОЦЕССЫ БЮРОКРАТИЗАЦИИ И СЕКУЛЯРИЗАЦИИ, РЕВОЛЮЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСПАДЫ; в том числе в книге дан детальный анализ известного, сделанного автором в 1980 г., ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСКАЗАНИЯ РАСПАДА ВАРШАВСКОГО БЛОКА И СССР.

Представлены оригинальные, также основанные на геополитике, теории демократизации, объединения и разделения этнических групп, концепция развития и кризисов рыночной экономики, причем не только на Западе, но также в средневековых Китае и Японии.

Автор, с одной стороны, опирается на могучую классическую традицию социально-исторической мысли (прежде всего, на идеи Макса Вебера, но также К. Маркса, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Р. Бендикса, Ф. Боркенау, Б. Мура, К. Боулдинга и др.), с другой стороны, выстраивает четкие конструкции динамического взаимодействия переменных, проверяет и уточняет их на обширном историческом материале. Это позволяет ему каждый раз развеивать ходовые мифы и мыслительные шаблоны, распространенные не только в быденном, но и в научном дискурсе. Р. Коллинз предлагает вместо них смелые, нетривиальные, иногда будоражащие, но солидно обоснованные идеи.

Книгу дополняет макросоциологическое послесловие переводчика — проф. Н. С. Розова, — где главные теоретические положения каждой главы обсуждаются в контексте динамики истории России, а также текущей ситуации и перспектив российской политики.

Издательская группа

URSS

представляет

Б. Ю. КАГАРЛИЦКИЙ

МАРКСИЗМ

Введение в социальную
и политическую теорию

Несмотря на попытки исключить марксизм из системы общественных наук и гуманитарного образования, его значение как теоретического метода остается непреходящим.

Однако российские студенты, заинтересованные в качественном социологическом образовании, до сих пор были вынуждены обращаться к публикациям американских и западноевропейских авторов, не стесняющихся своей марксистской методологии, поскольку старые советские учебники безнадежно устарели и представляют собой по большей части одностороннее, зауженное, а порой и искаженное изложение марксистской теории.

Настоящая книга призвана восполнить существующий пробел в современной отечественной социологической литературе. В ней представлен популярный очерк социологии марксизма, написанный с современных позиций; приводится описание основных марксистских течений и дебатов.

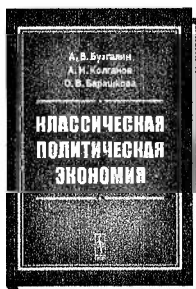
В основу книги положен курс лекций, прочитанный автором в Институте социологии в начале 2000-х годов.

А. В. БУЗГАЛИН, А. И. КОЛГАНОВ, О. В. БАРАШКОВА

КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

СОВРЕМЕННОЕ МАРКСИСТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
Базовый уровень • Продвинутый уровень

После мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. интерес в мире и в России к теоретическому наследию Карла Маркса и классической политической экономии резко возрос, но современной, отвечающей на вызовы экономики XXI века учебной литературы ничтожно мало.

Учебник впервые на русском языке дает целостную характеристику современных экономических отношений в исторической ретроспективе. В нем читатель найдет ответы на основные вопросы экономической жизни, узнает о том:

- что такое рынок, деньги и капитал и каковы их особенности в XXI веке;
- почему и как корпорации манипулируют потребителем и какую роль государство играет в современной экономике;
- что делает человека «экономическим эгоистом», что такое денежный фетишизм и рынок симулякров;
- что такое собственность и почему сегодня 1 % населения концентрирует в своих руках более половины мировых богатств;
- каковы экономические причины социального неравенства и бедности;
- какие экономические системы существовали тысячелетиями до рынка и какие идут ему на смену, и многое другое.

Отличительной чертой данного учебника является то, что он не только воспроизводит классическое политико-экономическое наследие, прежде всего — экономическую теорию К. Маркса, но и существенно дополняет ее достижениями современной мировой и отечественной экономической теории западноевропейских, американских и российских авторов.

Учебник ориентирован не только на бакалавров, которые могут получить базовые знания в области политической экономии, но и на магистров (Приложение 1), для которых авторы раскрывают противоречия современного глобального капитализма и его российские особенности.

Мы надеемся, что учебник окажется востребован читателями, стремящимися понять не только современные механизмы функционирования рынка развитых стран (а именно это является реальным основным предметом учебников экономикс), но и противоречия, закономерности, тенденции развития социально-экономических систем во всем их многообразии. Именно таким читателям авторы и адресуют свою работу.

А. А. КОКОШИН, А. Н. ПАНОВ

Макроструктурные ИЗМЕНЕНИЯ в системе МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ до 2030 года

**США, ЕС, Китай, Индия
и Япония сквозь призму
интересов России**

А. А. Кокошин, А. Н. Панов

МАКРОСТРУКТУРНЫЕ
ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ
**МИРОВОЙ
ПОЛИТИКИ**
до 2030 года

В своем комплексном труде академик РАН, 6-й секретарь Совета безопасности РФ А. А. Кокошин и профессор, доктор политических наук, бывший заместитель министра иностранных дел РФ А. Н. Панов исследуют ключевые тенденции в развитии структуры политической системы и эволюции роли ряда ведущих акторов которые, по их мнению, могут действовать в 2020–2030 гг.

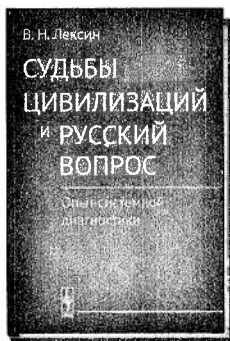
В центре внимания авторов находятся такие проблемы, как снижение значения США как единственной сверхдержавы, возвышение КНР, поиски Индией и Японией своего места в международных отношениях, внешняя политика европейских государств и Европейского союза в целом. Все эти вопросы рассматриваются сквозь призму интересов России.

Издание адресуется специалистам-международникам, политологам, а также студентам и аспирантам, обучающимся по направлениям «Международные отношения» и «Политология».

В. Н. ЛЕКСИН

СУДЬБЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И — РУССКИЙ ВОПРОС Опыт системной диагностики

В новой книге профессора В. Н. Лексина представлены результаты многолетних исследований сущности, рождения, жизни и умирания мировых цивилизаций — феноменальных общностей, несводимых к понятиям «государство» и «нация».

На этом фоне автором разворачивается картина современной жизни **русской цивилизации** — уникального системообразующего компонента цивилизационного конгломерата **России** — и даются смелые ответы на самые «неудобные вопросы» нашего времени.

Почему «русское» и «российское» не одно и то же?

Существует ли русская цивилизация сегодня и каковы ее ценностные и иные основания?

Почему столь различны представления о русской ментальности?

В чем причины русского «этномизолизма»?

Почему русских не любят?

Как соотносятся русская цивилизация и российская государственность и почему в Российской Федерации нет места русским республикам?

Кто они — современные русские либералы и консерваторы?

Как живет русскому языку среди сорока других государственных языков федеративной России?

Почему великая русская культура называется русской и насколько сегодня присутствует в ней православное начало?

Ответы на эти и многие другие не менее злободневные вопросы приводят автора к выводу о самом глубоком цивилизационном кризисе за всю историю русской цивилизации. Преодоление его, по мысли исследователя, по-прежнему возможно, однако только при условии осознания необходимости этого самим русским народом.

В. Д. ПИХОРОВИЧ

МАРКСИЗМ И МИРОСИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

В. Д. Пихорович

МАРКСИЗМ И МИРОСИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Заметки на полях книги

"Does Capitalism Have a Future?"

«ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У КАПИТАЛИЗМА?»

И. Валлерстайн, Р. Коллинз,
М. Манн, Г. Дерлугьян,
К. Калхун

АНАЛИЗ

Заметки на полях книги «ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У КАПИТАЛИЗМА?»

Оглушительное молчание, которым встретили как специалисты-социологи, так и средства массовой информации, всегда охочие до вся-

кого рода прогнозов и предсказаний, появление книги крупнейших западных социологов И. Валлерстайна, М. Манна, Р. Коллинза, К. Калхуна и Г. Дерлугьяна «Есть ли будущее у капитализма?», оказалось более чем красноречивым. Похоже, что поставленный именитыми западными авторами вопрос застал врасплох как ученых, так и журналистов. Им попросту нечего ответить на него. Но если игнорировать этот вопрос, он не исчезнет. Он только станет немного короче: «Есть ли будущее?».

Всем, для кого это небезразлично, предназначена предлагаемая попытка внимательного прочтения книги «Есть ли будущее у капитализма?» сквозь призму аккумулированного в марксизме исторического опыта теоретического и практического решения поставленного в ней вопроса.

РЕЦИКЛИНГ РЕСУРСОВ

ПЕРВЫЙ ШАГ

К ЭКОЛОГИЧЕСКОМУ СОЦИАЛИЗМУ

Под редакцией Г. И. Цуцкаревой

Настоящая книга освещает вопросы теории и практики рециклинга в России, Советском Союзе и за рубежом.

В ней отражены перспективы и проблемы деятельности

по обращению с отходами производства и потребления, а также представлены аналитические материалы по ряду имеющихся актуальных задач, решением которых нужно заниматься опережающими темпами.

В данный сборник включено **29 публикаций**, описывающих динамику развития теории и практики в области обращения с отходами производства и потребления преимущественно в России - СССР, а также в различных странах мира по отдельным видам отходов потребления.

Теоретические вопросы рециклинга освещаются ведущими российскими учеными, работающими в Институте прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН, Институте мировой экономики и международных отношений РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова, Московском автомобильно-дорожном государственном техническом университете, Самарском государственном техническом университете и ряде других научно-исследовательских институтов и организаций, а также высококвалифицированными экспертами, консультантами, руководителями и специалистами производственных предприятий.

Книга предназначена для представителей высшего управленческого аппарата исполнительных и законодательных органов власти разных уровней, руководителей и сотрудников государственных и частных организаций, преподавателей и научных сотрудников, экспертов, консультантов, аспирантов и студентов, общественных деятелей, для специалистов, интересующихся вопросами обращения с отходами производства и потребления, ресурсосбережением, рециклингом и утилизацией отходов, перспективами развития этого направления жизнедеятельности человека.

Издательская группа

URSS

представляет

— В. В. ИВАНОВ, Г. Г. МАЛИНЕЦКИЙ —

РОССИЯ XXI ВЕК

СТРАТЕГИЯ ПРОРЫВА

Технологии • Образование • Наука

**СВЕРХРАЗВИТОЕ ОБЩЕСТВО
СВЕРХЭФФЕКТИВНАЯ ЭКОНОМИКА
СВЕРХКАЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
СВЕРХПРОГРЕССИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
СВЕРХКАДРЫ, КОТОРЫЕ
МОГУТ РЕШАТЬ ВСЁ**

**ЭТО
БУДУЩАЯ
РОССИЯ!**

ПРОРЫВ НЕИЗБЕЖЕН!

**КОРЕННОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ
НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА
РОССИИ**

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ
существующей парадигмы развития страны

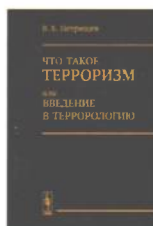
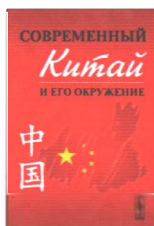
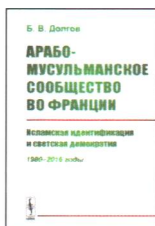
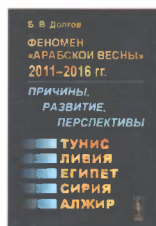
Борис Васильевич ДОЛГОВ

Востоковед-арабист, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, член Союза писателей России. Окончил Институт стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова. Специализируется по новой и новейшей истории арабо-мусульманского мира и мусульманских диаспор в Западной Европе. В ходе практической деятельности и научных командировок неоднократно бывал на Арабском Востоке и в странах Западной Европы. Работал в Египте, Тунисе, Алжире, Йемене, Бахрейне и Сирии, которую неоднократно посещал в 2011–2015 гг., а также во Франции. В круг его научных интересов входят вопросы, связанные с современной социально-политической эволюцией арабо-мусульманского мира и возникновением и практикой движений политического ислама.

Б. В. Долгов — автор более 100 научных работ, в том числе монографий «Исламистский вызов и алжирское общество 1970–2004 гг.», «Арабо-мусульманское сообщество во Франции: Исламская идентификация и светская демократия (1980–2016 годы)» (М.: URSS), «Феномен „Арабской весны“ 2011–2016 гг.: Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир» (М.: URSS), а также целого ряда статей по проблемам современной социально-политической эволюции арабо-мусульманского мира и арабо-мусульманской диаспоры в Западной Европе. Соавтор коллективных монографий «Арабский мир после Арабской весны», «Арабский кризис и его международные последствия» (М.: URSS), «Исламские радикальные движения на политической карте современного мира» (М.: URSS), «Арабский кризис: Угрозы большой войны» (М.: URSS). Среди последних работ автора — статьи «„Мягкая“ и „жесткая“ сила Европы на Ближнем и Среднем Востоке» (Актуальные проблемы Европы; 2014), «Ислам во Франции: мусульмане и светская республика» (Восток (Oriens); 2015), «Сирийский кризис и радикальный исламизм» (Азия и Африка сегодня; 2016).

Наше издательство предлагает следующие книги:

Издательская группа
URSS

Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>
E-mail: URSS@URSS.ru

117335, Москва, Телефон / факс
Нахимовский (многоканальный)
проспект, 56 +7 (499) 724 25 45

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru.
Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги на сайте <http://URSS.ru>

23270 ID 236665

